

Огни Кузбасса

№ 2 / 2022

С Великой Победой!

Художник Константин Цветков

Командир взвода разведчиков
П. Филатов. 1945

Старший лейтенант
Н. Кулинич. 1945

Автопортрет. 1945

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

А. И. Юдина,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огнь Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 2 / 2022

МАРТ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор

С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

Андрей КОРОЛЕВ

Вера ЛАВРИНА

Олег МАКСИМОВ

Дмитрий МУРЗИН

(ответственный
секретарь)

Агата РЫЖОВА

Елена ТРУХАН

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

Марина ЧЕРТОГОВА

Евгений ЧИРИКОВ

Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Анна Ревякина. Шахтерская дочь. Поэма	3
Дмитрий Клёстов. Своих хватает бед	49
Елена Трухан. Жизни березовый сок	52
Ирина Тюнина. Часовня тополя	114
Владимир Каганов. России непреклонный дух	116
Владимир Еременко. Не разменяю дальних гор	124

ПРОЗА

Виктор Коняев. За Родину умереть не страшно. Орывок из повести	11
Андрей Романов. Таежный взвод. Повесть	54

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр Ткаченко. «Ваши храбрые сердца в жестоком харалуге скованы...»	118
Нина Воронина. Забыть?	122

100 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Михаил Щукин. Все, что созвучно эпохе	127
---	-----

КНИГА ПАМЯТИ

«Не горюй, мама, не грусти». Письма с фронта павшего смертью храбрых. Подготовил Геннадий Кузнецов	130
Зинаида Щелокова. Сиротское детство	141

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА – 60 ЛЕТ

Борис Бурмистров. Поиски духовного родства	146
Екатерина Тюшина. Вечные вопросы в творчестве Тамары Ян	150

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Евгений Чириков. От Павки – к Павлу. Очерк	152
--	-----

ЭССЕ

Вера Тюмерова. Журавлинский рифмовник поэта Александра Ибрагимова	156
Любовь Арбачакова. Небесный полет. О поэте Тайане Тудегешевой	158

ИСКУССТВО

Ольга Цветкова. Портреты боевых товарищей. Слово об отце	160
--	-----

ЦИТАТА

Владимир Соловьев. Три разговора. Из «Разговора первого». Подготовил Дмитрий Мурзин	162
--	-----

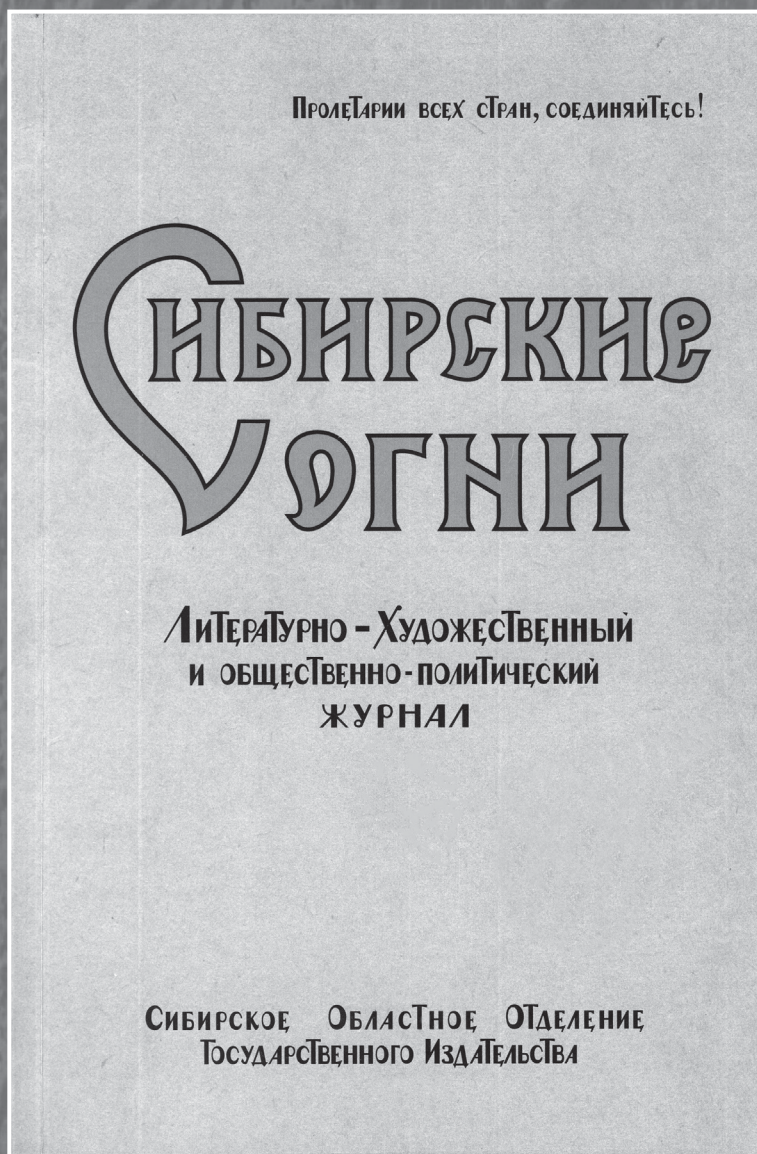
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Обсуждение журнала.	
Виктор Чурилов. Впечатления от знакомства с прозой «Огней Кузбасса» в 2021 году	164
Александр Балтин. По поэтическим страницам «Огней Кузбасса»	165
Мария Бушуева. Одиннадцать мужских лиц	166
Татьяна Арышева. Речная кинохроника в «Кийском дневнике» Максима Долгова	166
Вика Ткачева. Теплые деревенские истории	166
Тамара Черникова. Подольше побыть с любимыми	167
Михаил Калинин. Кузбасская драматургия	167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	169
---	-----

Старейшему русскому журналу «Сибирские огни» – 100 лет

27 декабря 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) по предложению Е. М. Ярославского одобрило докладную записку Сибгосиздата о создании литературного журнала. 13 марта 1922-го была утверждена редколлегия в составе Е. М. Ярославского (в то время заведующего агитпропом Сиббюро), Ф. А. Березовского (редактора газеты «Советская Сибирь»), работников Сибгосиздата Д. Г. Тумаркина, В. П. Правдухина, М. М. Басова. И уже 21 марта 1922 года вышел первый номер издания.

Историю «Сибирских огней» читайте на с. 127

Анна
РЕВЯКИНА

ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ

Поэма

1.

Червоточьями да кровотоцьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно черного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
что изрублена, видит Бог,
русокосая ясна девица,
в волосах голубой цветок.
Ее руки – не толще веточек,
ее стопы – балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Ее платьице – бедность мрачная,
ее крестик – металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
ее вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка – достоверная,
как война, что в моем окне.
На ладонях кресты да линии,
на глазах пелена дождя,
эту девочку звать Мариєю.
И она на две трети – я.

3

2.

У Марии был дом – занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: «Ложись!»
Был березовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке скотч,
за окошком ночь и в окошке ночь,
где бесшумные призраки – конвоиры снов –
не находят для этой девочки даже слов.
Все сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть
компресс,
а еще икона, на которой позолоченный
Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

3.

Тишина проникает в ухо,
и ты думаешь, что оглох,
вот Мария на старой кухне
сигаретный глотает смог.
Надо лечь, пока держат стены,
пока крыша еще цела.
У Марии дрожат колени,
над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром –
немигающий глаз отца.

РЕВЯКИНА Анна Николаевна родилась в 1983 году в Донецке. Кандидат экономических наук, доцент кафедры факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Юность», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР и Союза писателей Республики Крым. Стихи переведены на одиннадцать языков. Обладатель множества международных и национальных премий. Живет в Донецке и Москве.

Только глаз один, ни фигуры,
ни одежды, ни черт лица.
Этот глаз на реке – дорожка,
на стекле – серебристый блик.
Скоро-скоро опять бомбежка
и глазной неумный тик.

4.

Кто-то скажет: «Он был неплохим
отцом...»

Сочинял ежедневно завтрак и в ванной пел,
он ходил по субботам гулять со своим
птеном.

Говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом – шахтерская дочь,
хотя в их роду остальные все сплошь врачи.
Это было счастье – детское, на разрыв,
настоящее счастье, которому края нет.
Он всегда был первым и никогда вторым.
Они ели яблоки – золотой ренет,
они пили какао, ходили в театр и зоопарк,
он показывал ей созвездие Близнецов.
Он любил смешить ее – внезапно

и просто так,
а однажды из проволоки подарил кольцо.

5.

А потом приходила война, забирала
в строй
самых смелых и самых правильных
из людей.

Он забыл свое имя, но запомнил
свой позывной,
он видел скелеты обуглившихся церквей.
Он стал снова черен лицом, но душой бел,
научился молиться, словно в последний раз,
он свои ледяные руки дыханьем грел
и все ждал, когда отдадут приказ.

6.

У Марии есть тайна –
пачка девичьих писем.
Она пишет о главном,
девочка-летописец.
Она пишет на русском,
а иногда на птичьем.

Она пишет о грустном:
«Мы все теперь стали дичью...»
Она пишет отцу на рассвете
и поздно ночью.
Она пишет, как пишут дети –
неровным почерком,
словно письма из летнего лагеря
или с морей известия.
Она пишет, как пишут маленькие,
потерявшие равновесие.
Она пишет, как пишут взрослые
из подвала под артобстрелом.
Она пишет, и свет полоскою
оставляет в письме пробелы.
Она пишет, и ей не пишется,
ей скулится, ей страшно, тошно.
Вот деревья – сплошные виселицы,
вот свеча, что горит всею ночью.

7.

Дорогой отец,
не дари колец,
не дари цветов,
берегись полков,
воротись домой
под большой луной,
станем жить-тужить
до чужих женитьб,
до чужой любви,
не считая дни.
Воротись, отец,
воротись, боец,
станем сказки плесть,
вот добро, вот честь,
станем пить огонь,
вот моя ладонь,
вот наш старый дом,
словно в горле ком.
Вот наш спелый сад,
вот ползучий гад,
райских яблок сок.
Этот сад есть Бог.
Этот дом есть мы.
Или наши сны.
Или наши сны...

8.

Обрывается все: провода,
разговоры и струны.
Обрываются жизни, которым
не видел конца,

месяц май неожиданно станет
военным июнем,
в это жаркое лето прольется
так много свинца.
Загорелые травы донецких степей,
терриконы,
obeliski невозвращенцам
из дальних дорог.
Этот мир все еще подчиняется
Божьим законам,
этот мир состоит из патронов
и пары сапог.
Николай говорил, что победа,
добытая смертью, —
это просто победа над страхом,
победа побед.
Николай уходил в распростертые
древние степи,
где посеяна смерть, словно маковый цвет.

9.

Здесь густая трава и беспечные
песни сверчков,
здесь разверзшийся ад среди
райского лета.
И плывут облака по чернильному
небу зрачков,
и в кармане сломалась
последняя сигарета.
На войне не бывает ничьих,
только свой и чужой.
По чужому — стрелять, своего — прикрывать
что есть силы,
повторять: «Слава Богу! Живой!
Слава Богу! Живой!»
И звонить дочерям с почти
севшей мобилы.
И любить сыновей, тех, что рядом —
в окопе, в пыли —
делят тяготы дней, делят хлеб
и говяжью тушенку.
Эти воины — дети
кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь
даровал антрацит,
вместо вдоха степного —
горючесть метана.
Здесь густая трава, что так ярко,
чадаяще горит,
словно вечная слава победы
на груди ветерана.

10.

Что нас ждет впереди? Победа.
Ясный сокол мой Николай,
мы вкусим и вина, и хлеба,
на двоих мы разделим рай.
А пока ты лежишь в окопе,
пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи, рвется небо,
на дыбы горизонт встает.
Смерть идет по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход.

11.

Окопов траурные ленты во все концы,
со временем исчезнут раны, сойдут рубцы.
И будет буйное цветенье или зима.
И будет даже воскресенье или среда.
И бирюза небес над степью окрасит глаз,
и канет в Лету лихолетье, и Бог воздаст.

12.

Это был страшный август четырнадцатого
года, два народа шли в любовую. Николай с
лицом черным, как добываемая им порода, при-
крывал собою горящую передовую. На его руках
умирали и воскресали, на его глазах открыва-
лись ходы в преисподнюю. Город детства его,
город угля и стали, превращали в пустошь, в
пустыню неплодородную. Сеяли смерть, как
раньше сеяли хлеб, сеяли ужас, боль и жуткое
«зуб за зуб», а зеленые пацаны, утверждавшие,
что смерти нет, рыдали от страха, увидев
свой первый труп. А увидев второй, начинали,
кажется, привыкать, говорили: «Война не ме-
сто для бабьих слез!» И у каждого в городе
оставалась мать, в городе миллиона прекрас-
ных роз.

13.

Ходит дом ходуном без конца,
дочь Мария чертами в отца,
мать сидит за столом, жжет свечу.
— Мам, поспи!
— Не хочу, не хочу!
За чертой, за порогом, в ночи,
там, где струны грызут скрипачи,
где кровавая речка течет

и открыт уже гамбургский счет,
тихо красная всходит луна,
как вдова, в черном небе одна.
И Мария, шахтерская дочь,
словно маленький загнанный зверь,
все стоит и стоит у окна,
а в окне пустота, краснота.
И надломлены руки ее,
и не снять уже ими белье.
И предчувствие скорой беды
словно запах гниющей воды.

14.

Мы – подвальные, мы – опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы – идея национальная,
мы – форпост затяжной войны.
Черной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.
Мы священные, мы убогие,
мы у Боженки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревем.
Эх, война, война – девка та еще!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься – убьют.

15.

Приносили его на щите,
и Мария губами к щеке
припадала, и плакала мать:
«Положите его на кровать!»
Он был хладен, безмолвен и сер,
и был день – беспросветный четверг.
Ну, а дальше – на пятницу ночь,
и Мария, шахтерская дочь,
занавешенных мимо зеркал
проходила в траурный зал
и глядела на лоб мертвеца,
на холодные губы отца,
на его восковоющий лик,
на немой неподвижный кадык,
на пурпурный распахнутый гроб,

словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел,
где живой он вчера помертвел,
где последнее небо его
выедало из глаз воронье.

16.

Воронки, воронье, война...
Мария – дочь степи донецкой,
несчастный ангел бытия,
лишенный ангельского детства.
О, безотцовщины клеймо!
О, сиротливое удушье!
Война, воронки, воронье.
Смертельно раненные души.
Прощайте, храбрые сыны,
прощайте, дочери, до встречи.
И лица ваши – лик войны,
и в камне вас увековечат.
Мария, девочка моя,
коса – пшеница, руки – плети.
Воронки, воронье, война.
А мы войны священные дети,
а мы войны священный крест
несем и, в общем-то, не ропщем
и в ополчение из невест
уходим через эту площадь.

17.

Лицом сурова, черна глазами,
стоит Мария под образами,
в руке просвира, и голос сверху:
«Оставь печали при входе в церковь!»
Крестись истошно, молись о мертвых,
целебен воздух церковно-спертый.
Не плачь, Мария, молись, Мария,
молитва – та же анестезия.
И голос певчий, прекрасный, звонкий,
и эти свечи, что коногонки,
и путь в тумане, в пыли забоя,
подобен смерти на поле боя,
подобен жизни в твоём Донецке.
Держись, Мария, за бортик детства,
за бортик угольного бассейна
и за винтовку, что из трофейных.
Смотри сквозь оптику в эти звезды
с земли, изъеденной черной оспой,
с земли, где поле пропахло тленом,
где все вдруг стали военнопленными.
Где мать – вдовица, а дочь – сиротка,
где брат вгрызается брату в глотку.

18.

С нами Бог, с нами солнце, и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле – рожь, а за рощей ложь,
а за ложью ружья наизготовку.
Это поле – ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?
Террикон лежит, словно мертвый кит,
облака плывут, облака из ваты.
Золоченый гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всем случившемся виноват?
Кто спасет распятую землю эту?

19.

Горсть земли – трижды. Я стану грызть
эту землю – эту рыжую глину, эту свинцовую
гирю, эту черную плоскость. До самого гори-
зонта. Я – Мария, мне двадцать два от роду, я
принадлежу городу, плывущему в облаках. У
меня есть винтовка – СВ Драгунова, зоркость,
немного костей под кожей. Я убью всякого, кто
посмеет подойти ближе, чем эти низкорослые
горы. Я – Мария, и все, что у меня есть, это
горе. Горе!

20.

Поле Дикое, цель опознана,
от винтовки саднит плечо.
Помолитесь, религиозные,
будет страшно и горячо.
Снайпер знает, что надо с первого,
долго целится, не спеша.
В степь Мария врастает нервами,
в них одна на двоих душа.
Точным выстрелом – пулей глупую.
Смерть Марии теперь как мать.
Поле выстлано будет трупами,
ночью станут их собирать.
У Марии в блокноте крестики –
безымянные пацаны.
И они почти все ровесники
развязавшей войну страны.

21.

Имя горькое твое – Мария,
имя твое убийственное.
Как твоя мать, Мария,
пишет ли тебе письма?

«Как тебе там воюется,
доченька моя светлая?
А у нас на улице
бабье нелегкое лето.
Яблоки собрать некому
райские – падают сами.
Соль под моими веками,
видимо, что-то с глазами.
Горько на сердце бабьем,
воротись, доченька, с фронта.
Облака плывут, как кораблики,
до самого горизонта.
Пальцы мои бесколечные
крестят небо над городом.
А за кровавой речкою –
вороны, вороны...»

22.

Господи Иисусе, как же страшно,
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы – нежить.
Господи, я – отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной,
установи слежку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула,
накорми манною дурочку сумасбродную,
дай хоть глоточек чистой воды
из колодца.
Путь мой тернистый, путь,
что не продается.
Лежу, а в глазах осень, коростой
изъеденная.
Господи, вплети в косы мне
святое неведение,
забери память, забери имя, дай новое.
Степь моя обетованная,
время – средневековое,
время мое матерное, кровожадное,
страшное.
Стало поле минное, а была пашня.

23.

Приходила зима – снежная, белая –
и деревья стояли сказочные, звенящие.
Умирали воины – юные, смелые –
умирали стоя, умирали по-настоящему.
Эх, донецкие ветры – вольница, житница,
а теперь безлюдье, лишь псы да вороны.
И моя Мария – степей защитница,
а вокруг зима на четыре стороны.

*И в блокноте крестики в столбик синие,
на погостах новых крестов*

тьма-тьмушая.

*И моя Мария – ресницы в инее,
и тоска на сердце, тоска гнетущая.
По отцу тоска, кровью не смываемая,
и слезами тоже она не смывается.
И моя Мария – доченька Николаева –
полушепотом молится Богородице.*

24.

*Не зная ни имени, ни возраста,
видит главное по нашивкам – враг.
Воин с рыжей кудрявой порослью
на суровых мужских щеках.
Руки – ломти, краюхи белого,
как поджар он и как высок,
жалко даже в такого смелого,
жалко целить в его висок.
Зубы сахарные, жемчужные,
фальши нет ни в одном из них.
Кто принудил тебя к оружию,
кто послал убивать своих?*

25.

*Он стоит на коленях, крестится,
молод, весел, рыжебород.
Между нами – окно и лестница,
на окне – деревянный кот.
Чей-то кот, позабытый в спешке,
статуэтка, ненужный груз.
Кот-мурлыка ершит в усмешке
свой единственный правый ус.
Тень в углу залегла густая.
Как же зыбок январский свет.
В небе зимнем, что запятая,
черный ворон – в броню одет.
Воин тоже в бронежилете,
но висок так опасно наг.
Хрипло воет январский ветер,
назначая, кто друг, кто враг.*

26.

*Церковь белая на пригорке,
снег похож на лебяжий пух.
Глаз Марии предельно зоркий,
музыкален девичий слух.
За спиною две сотни жизней,
на груди православный крест.*

*Снег молочный безукоризнен,
снег из рая для адских мест.
И так хочется в детство снова –
в утро первого января,
старый год обернется новым,
свечка – каплями янтаря.
На льняную скатерку жизни
истечет прозорливый воск.
И на кухне, как тюль, повиснет
дым от папиных папирос,
но откроешь глаза и в небо
бросишь взгляд: небосвод свинцов.
Что нас ждет впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов.*

27.

*Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в деда.
Пусть вырастет сильным,
балованным сердцеедом.
Родить бы дочку,
тонкую, как березка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.*

28.

*Никого не родишь. Только черный камыш да
слепая луна над рекой, не пройдет человек, даже
серая мышь здесь боится бежать по прямой.
Степь – лоскутный пейзаж и горячий рубеж, по-
граничье двух разных миров. Я люблю этот
кряж, его дикий мятеж в кружевах кучевых об-
лаков. И винтовка в руках, и ни шагу назад, здесь
забытая Богом земля. И бесплодны поля, где
под небом лежат нерожденные сыновья.*

29.

*Здравствуй, мама! В моем блокноте
не осталось живого места,
на сердце пусто.
Как вы там живете, как вы все живете,
когда здесь в степи алой речки русло?*

Разливанны воды, небеса разверсты,
километры гиблого безвоздушья,
а луна – сухарик окопный, черствый,
да и тот был кем-то другим надкушен.
Я убила столько, что думать страшно,
мой последний был молодым и рыжим.
Он бы мог стать братом мне
бесшабашным,
он бы мог стать другом и даже ближе.
Я убила столько, что мне приснилось,
как отец спустился с небес к ставочку
белолицым ангелом – Божья милость –
и сказал мне: «Машенька, хватит, дочка!»
Я убила столько, ты не поверишь.
Помнишь нашу яблоньку во саду ли?
Я убила столько, что стала зверем,
на которого жалко потратить пулю.

30.

Птицы возвращаются на восток,
вместо речки тянется кровосток,
но весна звенит, и готов росток
пробиваться к звездам.
Как полны и влажны ее уста,
а она, дуреха, спешит в места,
где боец, считающий «до двухста»,
и прогорклый воздух.
Ощущенье пьяной шальной весны.
Мы устали видеть дурные сны,
мы устали жечь во дворах костры
и бояться ночи.
Скоро-скоро речка вскипит водой,
и в нее бы утром войти нагой,
вспоминая рыжего с бородой,
но февраль обочин,
где деревья все еще мертвецы,
где не будут вылуплены птенцы,
где стихи читают до хрипотцы,
до истертых связок,
где рука Марии в моей руке,
где вся жизнь, повисшая на курке,
и слеза соленая в уголке
маминоглаза.

31.

А с неба не снег, а серые лепестки пепла.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы – она ослепла,
врастая хребтом в донецкие черноземы.

Она захлебнулась огнем,
прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зеленке,
держала винтовку крепко,
так держат сына,
младенца, завернутого в пеленки.
Ей было почти не больно,
почти не страшно,
ее прикрывали громкие пулеметы,
на палец левее в одном километре башня,
а справа стоят огнедышащие расчеты.
– Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! –
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь ее растекалась, как сок граната.
Мария, моя Мария, шахтерская дочка.

32.

Спи, моя дорогая, спи,
девочка-одиночка.
Спит посреди степи
шахтерская дочка.
Травы над ней шумят –
дикие, колдовские,
а в небесах кружат
черные часовые.
Мы стережем твой сон,
дочь Николая.
Солнце за террикон
к вечеру уплывает,
стелется сизый дым,
воды несет речка,
страшно ходить живым
по этим святым местечкам.
Спи, моя дорогая, спи
в теле большой планеты.
Пусть твои мертвые сны
будут о вечном лете.
Старый седой ковыль
пусть тебя колыбелит.
Кто-то зажжет фитиль,
споеет тебе колыбельную.
Спи, моя милая, спи...
Еще одна темная ночка.
Спит посреди степи
шахтерская дочка.

33.

На самой вершине дальнего
рыжего террикона,
где колокольный звон –
музыка из привычных,

они встретятся – отец и дочь –
 натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море –
 поле пшеничное.
И у них не будет другого занятия,
 кроме счастья,
и только Донецк с его улицами,
 проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их
 лучшей частью,

навсегда останется с нами – погостами,
 розами и крестами.
Это память, с которой не стоит
 бороться, она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют «грады»,
 ложатся мины.
Но Донецк – это не просто город,
 это вселенная,
Донецк – это шахтерские девочки
 и песня их лебединая.

Уважаемый Виктор Федорович! Поздравляем тебя, неистового публициста, неравнодушного гражданина, постоянного автора журнала «Огни Кузбасса», со славным юбилеем! Так держать!

Виктор КОНЯЕВ

ЗА РОДИНУ УМЕРЕТЬ НЕ СТРАШНО*

*Добровольцам, вставшим на защиту
земли Русской под Донецком и Луганском,
павшим и живым, автор с любовью посвящает*

Шестнадцатого января Верховная Рада Украины ужесточила законы об ответственности за организацию массовых беспорядков, и до того мирный с виду палаточный городок в Киеве взбунтовался. Через три дня «народное вече» призвало к сопротивлению, начались столкновения с милицией. На Западной Украине произошли первые захваты общественных зданий. Украинское государственное образование, отколок Советского Союза, быстро и в нарастающем темпе двинулось к точке невозврата в состоянии даже подобия «самостийности».

Роман с тревогой смотрел новости с Украины. Было предчувствие, что на этот раз майдану не дадут успокоиться, свою роль сыграла и заметная двойственность политики Януковича, его желание сосать двух маток сразу, а также его беспримерная жадность.

Несколько раз Роман пытался обсудить с товарищами по работе ситуацию на Украине, но многие относились к этому равнодушно: «Да ну их, хохлов, своих проблем выше крыши, пусть сами расхлебывают».

* Отрывок из повести «Остаться в живых не обещаю».

Роман навел Сергея Петрова в больнице, и впечатление после этого осталось удручающее.

Сергей лежал в коридоре, жаловался на врачей, на плохое питание, на жену с дочерью. Просил похлопотать о выделении ему помощи на лечение, даже ворчал на Романа за не те фрукты принесенные: он хотел поесть груши, а ему притащили яблоки.

Завтра Глебушке предстояла операция. Роман сидит у него на койке. Глеб боится, лежит, укрытый до самых глаз одеялом.

– Дядь Ром, меня усыплять будут?

– Да, Глебушка, так лучше: боли не будешь чувствовать.

– А я потом проснусь?

Задал вопрос и искал глазенками ответ в лице Романа. Тот улыбнуться постарался повеселее:

– Да куда ты денешься, конечно, проснешься и начнешь быстро выздоравливать!

Они очень сблизились за последнее время, и поэтому следующий вопрос мальчика был естественным и очень важным для него, он искал поддержки, искал мужской, отцовской опоры в тяжелую для себя минуту:

КОНЯЕВ Виктор Федорович родился 18 февраля 1952 года в Новокузнецке. Учился в Томском университете. Работал на ЗСМК сварщиком. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирь» (Иркутск), в газете «День литературы» (Москва). Автор восьми книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Энергия творчества». Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

– А ты будешь за меня переживать, когда меня будут резать?

Роман хотел сказать, что резать его не будут, а только почистят кость, но Глеб определенно ждал не такого успокоения. Роман положил руку на угадывающееся под одеялом плечо:

– Я буду очень за тебя переживать.

В голове крутились начала стандартных фраз, приличествующих данному моменту, но все они казались зашарканными, как пол в присутственном месте. И неожиданно из сердца пришли слова самые нужные сейчас, самые необходимые:

– Ты же мой сынок, и я буду переживать за тебя больше, чем за себя.

Из глаз мальчонки брызнул искристый ливень счастья, искринки проникали в самое сердце Романа, поддубевшее в житейской суете, заставляли его больно-сладко торкаться.

А у Глеба золотые россыпи закачались в набежавших слезинках, когда он тихо прошептал:

– Папка, и я тебя люблю.

Он снова, как и в прошлый раз в доме, застыдился своих чувств, накрылся одеялом с головой.

Посиди, Рома, посиди тихо, не шелохнувшись и даже не дыша, не расплескай того драгоценного, что в тебе возникло от детского прошептанного.

* * *

Поля сходила в парикмахерскую, вернулась без своих замечательных волос, с короткой стрижкой. На вопрос Романа, зачем она это сделала, ответила, что волосы будут мешать, когда появится ребенок.

В консультации подтвердили беременность. Вечером они выбирали имя будущему ребенку, точнее два имени: мужское и женское.

Несколько раз Роману казалось, что от Поли пахнет табаком, он был уверен, что она покуривает. На этой почве случались ссоры, доходило даже до попытки Полины собраться и уйти, но разум у обоих всегда брал верх. А в последнее время она отказалась от дурной привычки вроде бы окончательно.

Глеб после операции и в самом деле быстро пошел на поправку, специальные тренажеры помогали ему восстановить подвижность и силу ноги. Мальчишка оказался с характером, упорно занимался, преодолевая боль. Бабушка привозила ему задания из школы, Роман встречался с ней в больнице, и с каждым разом женщина улыбалась ему все приветливее: лед отчуждения между тещей и зятем уверенно таял.

* * *

Недозадушенная Западом в 90-х годах Россия потихоньку восстанавливала кровообращение и дыхание, хотя удавку с шеи окончательно не сбросила. Вернувшийся президент исподволь, незаметно, но неуклонно укреплял власть в государстве, возвращал ему функции, без которых страна вполне могла развалиться от сильного внешнего толчка или окончательно стать протекторатом США. Пока точно, но строились новые заводы, после назначения нового министра обороны армия наконец-то ощутила заботу государства, были приняты программы перевооружения сухопутных сил, авиации и флота. Это пока было не развитие, а прелюдия к развитию, но она рождала надежды, несмотря на любовь власти к олигархату, на ее непоколебимую веру в либерально-рыночный механизм экономики.

Запад, как опытный хищник, унюхал зарождающийся ветер перемен в России и усилил на нее давление уже из самой глубины Русского мира, с Украины. За четверть века самостийности Америка вложила в Украину очень большие деньги, и сейчас они начали давать результат – не без помощи близорукой политики российской властной верхушки. Мы беззаботно смотрели, как наш, родной народ, прозванный украинцами, уводят в западный полон. Не верили, что это возможно, и не осознавали, что если скупить элиту и средства массовой информации, то можно за весьма короткий срок переориентировать сознание масс на другое направление. Нелзя народ оставлять надолго без высокой идеи, он тогда начинает жить по законам чисто материального мира, а если еще в нем расшевелить дремлющее корыстолюбство, тогда вдруг и затвердевает под ногами людей зыбкая почва, превращается в красивую, ровную дорогу, ведущую туда, где в достижимой дали виден ослепительный золотой идол. Он приманивает глаза и души, путь к нему кажется легким и приятным. Но это путь в погибель, потому что блеск злата усыпляет разум, а спящий разум рождает чудовищ.

Россия и сама-то подошла к осыпающемуся краю обрыва, но пока стояла, может, даже чуток отодвинулась от смертного рубежа. Верится все же, что крепко в нашей Родине накопленный за долгие века ее великой и трагичной истории генофонд добра, жертвенности и сострадания, единственно он и не позволяет Отчизне совсем усыпиться под магическим блеском сатанинского золота и шагнуть в бездну.

* * *

Как-то неожиданно подступил февраль. На Украине майдан притих, затаился, словно выжидая чего-то (или его приморозили до определенного момента). Вот-вот должна начаться Олимпиада в Сочи, и те, кто хоть немного понимал логику американской политики, догадывались, что активизация начнется именно по ходу Олимпиады, ведь Западу крайне важно было омрачить ее. Так все и случилось.

Восьмого февраля состоялось открытие Олимпийских игр, а двенадцатого под мощнейшим нажимом Янукович ослаб коленками и согласился на формирование коалиционного правительства. Желание сохранить свои богатства пересилило в нем чувство ответственности.

Роман к большому спорту в последнее время стал относиться крайне отрицательно: в постсоветской России спорт, как и во всем остальном мире, стремительно перерождался в коммерческое шоу. Он был мальчишкой, когда в Москве проходила Олимпиада, но на всю жизнь запомнил телевизионные картинки тех прекрасных дней. Слезы на глазах советских спортсменов в момент поднятия флага СССР, улетающего в небо олимпийского мишку под замечательную песню Пахмутовой и слезы тысяч и тысяч соотечественников, увидевших взлеты духа человеческого, прощавшихся с неповторимым праздником.

За двадцать с лишним лет Россия сдала в спорте свои позиции. Однако обаяние состязаний все же притягивало к экрану, особенно когда было видно стремление наших спортсменов выкладываться полностью, до донышка, в этот момент они явно не думали о деньгах.

Полина к Олимпиаде равнодушна, она любит гулять по интернету. К сыну ездить стала чаще, ей после работы добраться туда намного проще, а вот Роман вынужден пока посещать Глеба только в выходные. Сломалась машина, а после работы он не успевал доехать до больницы в приемные часы. Зато по телефону общались каждый день.

Восемнадцатого февраля Роме исполнилось сорок четыре года, собирались поехать к его старикам, но в этот день в Киеве пролилась кровь, он узнал об этом на работе. Позвонил маме и отменил мероприятие. Сидеть за столом и принимать поздравления в день, когда в Киеве сжигали заживо парней из «Беркута», считая кощунством. Также позвонил Поле, попросил пообщаться с ее матерью об изменившихся обстоятельствах и не приезжать, хотя теща давненько уже просилась в гости к ним и к его родителям.

Вечером смотрел кадры из Киева и с Западной Украины, там бандеровцы уже действовали в духе эсэсовцев. Сердце плакало от бессилия и гнева.

Позвонил отец, в его голосе слезы.

— Рома, что же это делается, а, сынок?

— Батя, это возродился недобитый фашизм. И с ним придется опять воевать.

Отец даже забыл поздравить его с днем рождения. А Полина хотела собрать небольшой праздничный стол и поэтому обиделась, когда Роман запретил ей.

— Ром, ну это дурость же — из-за каких-то хохлов отменять день рождения! Я тебе и подарок купила.

Ответил возмущенно и довольно грубо:

— Поля, как тебе не стыдно? В Киеве фашистский переворот происходит, а ты про какие-то подарки!

Он сидел в кресле, обернулся к ней, сидящей на диване с мотком красной шерсти и крючками. Полина подняла голову от рукоделья, и по выражению ее лица было видно: она искренне не понимает, что его так взволновало.

— Ну и что, пусть происходит, нам-то какое до них дело?

Роман встал, подошел и сел рядом. Ему казалось, что так будет удобнее донести до Полины очень важную для него мысль.

— Отложи пока вязание и выслушай меня очень внимательно. Ты же моя жена и должна знать мое мировоззрение, мои взгляды и моральные ценности.

Поля послушно убрала с колен начатое вязание и повернулась к нему:

— Я слушаю очень внимательно.

— Вот ты говоришь все время: хохлы, хохлы.

Да нет никаких отдельных хохлов или москалей, есть один великий русский народ. Он состоит из, скажем так, родов, как могучее дерево, имея общий ствол, состоит еще и из кроны, куда входят большие и малые ветви. Три основных рода: великорусский, малоросский и белорусский — сейчас и составляют русский народ. И мы так проросли друг в друга, что нас не разделить, а можно только разрубить по живому. Вот нас Америка и рубанула по самому болезненному. Пока мы могучую державу дербанили, по конурам растаскивали, они целенаправленно работали, возрождали бандеровщину. Украину в Европу сманивали, побрякушку в красивой обертке показывали. Народ — он же в массе стадо овец, он не способен думать, он способен только жрать-пить и извергать поглощенное, переработанное в отходы.

Он говорил ей, а сам в процессе речи доосмысливал суть происходящих событий, норовил копнуть поглубже.

– Вот вбили в головы молодого поколения, что «Украина – цэ Европа», да нет, даже не только молодого, а многим на Украине, особенно в Киеве, Харькове и других больших городах, где много интеллигенции и коммерсантов. И вот уже чуть ли не вся Украина готова ради кажущегося изобилия предать наше единородство. Да, именно единородство и первородство русское и православное они предают! Однако вся история человечества буквально кричит о том, что предательство духа ради брюха кончается гибелью – сначала духовной, главной, ведь тело с мертвой душой нежизнеспособно...

Роман вдруг понял, что прямо сейчас нашел корень всех бед Украины, особенно предстоящих, грядущих. Вспомнились библейские сюжеты о сыновьях Исаака, Иакове и Исаве, о продаже Исавом своего первородства брату за хлеб и чечевичную похлебку, о благословении Иакова отцом вместо Исава, совершенном обманом. Всегда, во все времена первородство ценилось выше материальных благ, ибо оно означало верховенство духа, а следовательно, давало власть.

Он не заметил, что замолчал, задумался. Решил потом проследить генезис предательства.

Полина вернула его к действительности, перошив кудри:

– Эх ты, философ ты мой доморощенный. Пойдем-ка поужинаем чем-нибудь.

– А, да-да, пойдем. Послушай, что еще скажу. Вот если через пару дней народ не спалит к чертовой матери этот майдан, то приведет он к большой крови. Тогда, значит, большая часть киевлян так или иначе поддерживает бандеровщину. Если стерпят, получается, что нет у них внутреннего отторжения. А бандеровщина – это, пожалуй, одна из самых свирепых разновидностей национализма. Если его не задавить сейчас, в эмбрионе, он вырастет и придет к нам. А ты говоришь, что это не наша головная боль. Наша, наша! Ее если не излечить, как бы потом без головы не остаться.

Поля встала:

– Да пошли есть, хватит тебе.

– Идем, идем.

Роман повернул уже к кухне, когда зазвонил домофон.

– Кто?

– Открывай, гость к тебе.

Полина из кухни спросила:

– Кто там?

– Чухновский.

Она не знала фамилию преподавателя да и видела его всего раз, поэтому смотрела сейчас вопрошающе.

– Да видела ты его. Помнишь, ты тогда пришла ко мне, а он у меня был?

Она не вспомнила, и Роман подсказал деталью, рассмешившей ее в тот раз:

– Ну, он тогда еще носками хлопал, помнишь?

Она опять рассмеялась, однако непродолжительно, сразу посуровела:

– Ну и чего ему надо? Он тебе совсем не товарищ, я не хочу, чтобы он к нам ходил. Он же старый пьянчуга и бабник, не люблю таких.

С того посещения Роман не видел Иннокентьевича, за делами даже не вспоминал о нем, но сейчас ему почему-то хотелось поговорить со старым циником. И он возразил Полине:

– Ну не гнать же человека в мороз, пусть посидит, согреется. Он помнит о моем дне рождения, как-то в институте участвовал в нашем сабантуйчике по этому поводу, тогда было весело.

Поля продолжала ворчать:

– Представляю, как вы тогда назюзюкались!

– Ладно, будет тебе. Ко мне гость, и я не намерен выставлять его за порог, не угостив. Не нравится – можешь посидеть в комнате, а мы на кухне пообщаемся.

Поля побубнила что-то себе под нос, приготовила бутерброд с ветчиной и отбыла в комнату.

У Чухновского бритые щеки побелели от холода, но трезв и с пакетом, одет опрятно. Снял толстые, грубой вязки рукавицы, достал из пакета завернутое в газету и большого формата нечто, протянул.

– Рома, поздравляю тебя с твоим сорокачелюлетием. Желаю тебе... – Тут его речь споткнулась, и он смущенно зашмыгал носом: – Знаешь, Ром, я заготовил, конечно, подходящие слова, но вот увидел тебя, и они показались мне ненужными, слишком уж слащавыми. Так что просто желаю тебе всего-всего и в больших количествах.

Роман тронут, он видит искренность этого очень непростого человека, пришедшего в сильный мороз поздравить его.

Под двойным слоем газеты оказался прекрасно оформленный «Дополнительный иллюстрированный том «Толкового словаря живого великорусского языка» с приложениями». Очень ценный для Романа подарок.

– Ну, угодил, Иннокентич, угодил, спасибо тебе огромное.

Чухновский тоже растроган, но пытается это скрыть:

– Да ладно, Рома, я же знаю, что ты любишь. Четырехтомник Даля у тебя хороший, а вот этого тома не было – теперь будет.

– Спасибо, спасибо. Да ты раздевайся, проходи.

В этот раз у гостя с носками все в порядке. Заглянул в комнату, кивнул сидящей за компьютером Полине:

– Здравствуй. – Та не ответила, и на кухне Чухновский полупрошептом поинтересовался: – Это не та ли особа, что в прошлый раз приходила?

– Ну да, она. И она теперь моя жена.

Брови преподавателя прыгнули вверх.

– Вот как! Ну, в таком случае поздравляю. Однако, суровая дама, смотри, как бы она тебя не подмяла.

– Не думаю, мне не семнадцать лет.

Роман наскоро собирал на стол, достал коньяк.

– Я, честно говоря, не собирался отмечать, но раз ты пришел... Что примешь: коньяк или водочку?

Чухновский потер ладони:

– Давай коньяку, что ж мы будем в такой день пробавляться напитком плебса!

Иннокентич изменился, и не только внешне. Чувствовалась в нем некая обретенная энергия. Сели за стол, хозяин налил в две рюмки коньяку.

– А супруга твоя что же – не присоединится к нам? – спросил Чухновский.

– Ей нельзя, она беременна.

Брови гостя снова поднялись.

– Вот так! Быстро вы, однако. Тогда выпьем и за твоего ребенка. Но сначала за тебя, Роман, за моего лучшего студента. Дай бог, как говорится, тебе счастья в жизни.

Рюмка в поднятой руке мелко подрагивала, гость быстро опрокинул ее в рот, потом прикрыл верхнюю губу нижней, словно предохраняя выпитое от проливания. Роман тоже выпил и закусил лимоном в сахаре.

Иннокентич посидел некоторое время, затем разомкнул губной замок, произнес одобрительно:

– Недурственный коньячок, давно не пивал такого. Давай повторим, больно уж во рту от него запашисто.

– Нет, Иннокентич, мне довольно, я завтра с утра на работу. А ты повтори, коль желание есть.

Гость сам налил себе рюмку до краев, рука больше не вибрировала.

– Ну, еще раз за тебя, а также за твоего сына, я думаю, у тебя родится непременно сын.

После второй он опять посидел с сомкнутыми губами, лишь потом закусил сыром. Хмель быстро докатился до его головы, и вскоре Иннокентич стал похож на себя прежнего: оплыла собранность лица, черты обмякли. Он полез в карман серого в полосочку пиджака, достал пачку дорогих сигарет и красивую большую зажигалку.

– Я покурю.

Он сидел там, где обычно сидела Полина, в углу. Курящих туда манила пепельница и приоткрытое окно.

– Кури, травись, если здоровья не жалко.

Чухновский не обратил внимания на иронию. Хмель раскрепостил его, и видно было, что ему невтерпех высказать нечто для себя важное.

– Давеча смотрел я телевизор, события в Киеве. По-моему, Украина убегает из России и от России. Тебе так не кажется?

Гнев сразу вспучился в сердце Романа огромным пузырем, потому что происходящее на Украине саднило сердце, а гость говорил об этом с каким-то злорадством. Но Роман учился себя сдерживать, контролировать свои эмоции. Поэтому он сжал вилку в руке так, что заныли пальцы, ткнул ею кусок сала и стал жевать, обдумывая ответ.

– Там начинается мятеж против законной власти, льется кровь обманутых и невинных людей, а ты о каком-то убеге. Ты вроде рад этому?

Благодушие гостя несколько не поколебалось.

– Я тебя умоляю, Ромочка, какие обманутые люди, какая безвинная кровь? Украина давно рвется в цивилизованную Европу, она задыхается в удушающих объятьях Ра-се-и.

Последнее слово растянуто было определенно с издевкой. И Роман весь подобрался внутренне: в таком разговоре должен быть холодный, трезвый ум.

– Насколько я знаю, ты родился и вырос и всю жизнь прожил в России. Почему же так ее не любишь?

В отцветших, подернутых мути многолетнего пьянства глазах мелькнуло остро-злое.

– Да, я родился в России, в СССР, но по крови я поляк, – ударение гость сделал на первом слоге, – а кровь превыше всего. Вот и жители Кресних Выходов теперь смогут вернуться в родную Речь Посполитую.

Роман встряхнул головой, будто высыпая из нее весь услышанный бред.

– погоди, Иннокентич, погоди. Что за чушь ты несешь?

Но подогретый коньяком и обретший вдохновение гостенек не желал останавливаться:

– Не погожу. Я сколько лет годил, молчал, а сейчас имею право высказать наболевшее.

Роман не уступал:

– А ты все же погоди. Ты ведь был советским преподавателем, ты нес нам идеи интернационализма, ты же был членом партии, насколько я помню? А теперь что, в корне поменял свои убеждения? Я думал, ты просто в угоду правящему классу собственников очерняешь советский строй, а ты, оказывается, еще и русофоб?

Эти слова все же остудили Чухновского. Он бросил недокуренную сигарету и улыбался, как бы извиняясь.

– Ромочка, ты не совсем правильно меня понял. Просто народу Украины надоело претерпевать с Россией ее метаморфозы, она хочет быть свободной страной в свободном мире.

– Ну а как же! В Европе без согласия американцев ни один глава государства не сможет назначить даже самого незначительного министра. Вершина свободы!

– Это не диктат, отнюдь, это просто совет более опытного друга, заботящегося о благе своих друзей в этом жестоком мире.

– Иннокентич, неужели ты вправду так изменил свои взгляды? Это возможно ли в столь зрелом возрасте?

На расплывшихся чертах лица гостя улыбка получилась мягкой, зыбкой.

– Все возможно, Ромочка, в быстро меняющемся мире.

– Значит, твои взгляды кардинальным образом изменились?

– Можно сказать и так.

– Мне вспомнился в этой связи случай с по-этом Евтушенко, в советское время воспевавшим людей труда, наши идеалы и прочее. Пришли другие времена, и он моментально изменил свои взгляды на противоположные. Жил в Америке, где-то преподавал, вроде и сейчас там живет. Но, скорее всего, живет скудно, поистратил заработанное клеветой на свою родину, да и славы там нет, вот он и зачастил в Россию за кормом и почестями. И на одной из встреч с читателями молодой человек задал ему вопрос о его нравственных пертурбациях. Евтушенко ответил, что это естественная эволюция мировоззрения. Видимо, он посчитал свой ответ достойным, но спрашивающий не согласился и спросил: а не есть ли это эволюция совести в сторону ее смерти? Говорят, зал встретил слова

парня смехом и аплодисментами. Так, может, и у тебя подобная эволюция произошла?

Новоявленный поляк совершенно не смутился:

– Не без этого, не без этого. Каков мир, таковы и взгляды. Не меняются одни дураки, не в обиду будь сказано. Я, с твоего позволения, хлопну еще рюмашечку.

После третьей он закусил салом, обер рот ладонью сверху вниз, а ладонь вытер о лацкан пиджака, хотя полотенце для рук лежало рядом (видно, привычка последних лет полушакального бытия крепко въелась). Снова закурил и продолжил:

– Значит, мы остановились на том, что Украина вернется в Европу, откуда она была изъята Россией. Кстати, вернется и к истинному христианству, там и так уже пол-Украины униаты, а это почти католики.

Ярость бывает и тихой, но жесткой, как наждачная бумага.

– Говоришь, католицизм – истинное христианство? – спросил Роман. – Это тот самый католицизм во главе с Папой, который приветствовал Гитлера и благословил его на крестовый поход против нашей родины? Который признал, причем первый, независимым государством Косово – это бандитское образование в центре Европы, глава коего был до избрания главарем банды, изымающей внутренние органы у убитых сербов?!

Гость нервно бросил руки на стол.

– Ну, знаешь, Рома, это все домыслы, российская пропаганда. Вот ты лично видел документы, подтверждающие это? Не видел, так что твои слова не есть истина.

– Ладно, я вижу, наш спор становится бессмысленным. Если есть сильное желание, то можно оспорить даже очевидные факты. Просто я тебе приведу высказывание одного святого отца, оно очень точно показывает разницу между католицизмом и православием. Католики ищут земных благ и думают, что Царствие Небесное приложится к этим благам как обязательное дополнение в посмертной жизни, а православные ищут Царствия Небесного не думая о земных благах, но они приложатся истинно верующему, если в этом будет необходимость.

Да, сильно деградировал мозг у собеседника за годы пьянства – довольно долго обдумывал он сказанное Романом, шевеля губами. Но все-таки обдумал и в ответ изрек:

— Мысль интересная, хотя и спорная. Я ее запомню, возможно, она мне пригодится. Хотя даже сейчас можно оспорить эту сентенцию. Посмотри на ваш православный клир, начиная от священника в какой-нибудь убогой церквушке и до самых верхов, епископов и митрополитов. Они же все погрязли в денежных заботах, все тянутся к сытости и благополучию. Разве не так?

Как это ни печально, Роман вынужден был отчасти с ним согласиться:

— Почти так. Сейчас благоприятное время для внешнего воцерковления. Именно внешнего, оно приветствуется властью, потому что с его помощью удобно держать народ в узде. При внешнем воцерковлении человек не перерождается в новую личность, живущую по заповедям Божиим, а всего лишь соблюдает обряды, присутствует на богослужениях, оставаясь таким, каким был раньше. При этом можно собирать неправедные богатства, обижать ближнего, все можно. Церковь пригласилась у неправедной власти за пазухой, и это беда, потому что отсутствие сопротивления убивает быстрее, чем само сопротивление. И самое страшное, что об этом никто даже слышать не хочет, всем удобно и сытно, стоит лишь слово сказать о тяге церковнослужителей к богатству, как тут же обвинят в нападках на церковь...

Роман говорил с горечью, ибо его сильно волновала эта тема. Около года назад батюшка из церкви, куда он ходит, купил себе большую иномарку (до этого у него тоже была иностранная машина, но поменьше и постарее). Когда Роман увидел, как батюшка садится в нее за руль, расстроился очень. Мысли сразу полезли нехорошие: «Зачем ему такая дорогая машина, притом что на деньги прихожан он приобрел ее. Где же его вера?» Он отгонял эти мысли, вспомнил, что у священника трое детей и что он ездит на ней по святым местам. Но успокоился окончательно лишь после того, как знакомая прихожанка рассказала, что батюшка на этой машине привез из Центральной России большие прекрасные иконы, которые теперь украшают храм.

— Да, много таких, — признал он. — И надо кричать об этом с самых высоких трибун. Иначе у нас тоже, как и в католицизме, от веры останется одна внешняя оболочка: красивые обряды, песнопения, благолепные храмы.

— Да уже осталась одна, — ехидно вставил Чухновский.

— Ну, не скажи. Есть еще в России люди по-настоящему верующие, и их много. Они даже не

всегда в церковь ходят, они просто живут побожески. И вообще, нельзя полноценно судить о народе по его порокам, по его житейским мерзостям. Надо смотреть на его мировосприятие, на его устремления, на его чаяния, поиски смысла жизни. Во всем этом Россия всегда отличалась от Запада, где мечты только материальные...

Гость снова вставил реплику, и уже хуже, чем ироничную:

— Ну конечно, у России всегда мечты возвышенные. В революцию постреляли священников, Бога отменили. Он и оставил ее совсем.

Чухновский собирался развить эту мысль, но Роман не дал:

— Не надо, Иннокентич, не передергивай. Зачем ты берешь годы революции и Гражданской войны? Тогда было много ненависти, все было зыбко и не было порядка. Давай сравним годы твердой советской власти и годы перестройки или даже нынешней власти и посмотрим, где для Бога лучше. После войны советское государство миллионы детишек, оставшихся без родителей, пристроило, ни одного на улице не оставило. Разруха, а советская власть тратит миллиарды рублей на создание суворовских, нахимовских, ремесленных, фабрично-заводских училищ — с полным обеспечением. А в девяностые я сам видел беспризорных девчушек, готовых отдаться за кормежку. И это, заметь, не после страшной войны, а после гайдаровских реформ. Сейчас ничем не лучше, детская проституция так же процветает. Так где же Богу лучше?

Гостю явно неприятен был такой поворот разговора, и он постарался закрыть эту тему:

— Рома, это схоластический спор. Я-то говорю о том, что Украина через унию вернется в католицизм, чего многие на Украине и хотят.

Роман саркастически ухмыльнулся:

— Обязательно хотят, особенно на Западной Украине. А кто не хочет, того бьют палками до смерти, униаты бьют, почти католики. Они били и тех, кто против фашизма боролся. А я ведь помню, как ты их клеймил на лекциях, обзывал врагами славянской культуры. Ты тогда вообще к любой религии относился отрицательно.

Только и оставалось гостю скривиться и закурить.

— Ром, ну хватит об одном и том же. Я ведь сказал тебе, что пересмотрел свои взгляды, я стал настоящим католиком.

Роман внимательно посмотрел на бывшего члена партии и бывшего преподавателя:

— Скажи честно, Иннокентич, зачем тебе это надо?

Чухновский облегченно вздохнул:

— А скажу, отчего же не сказать? Дело в том, что моя мегера, то есть матушка моя бесценная, через интернет нашла в Польше родню. Оказывается, по ее словам, мы потомки (не совсем прямые, но тем не менее потомки) Радзивиллов. И она решила вернуться на историческую родину. Ну и я, естественно, с ней. Тамошняя родня — люди не бедные, и нам с мамашей что-то причитается по наследству. А поскольку в Польше очень сильна позиция католической церкви, мне и приходится становиться католиком. Так удобнее будет вписаться в новую жизнь. Я вот тут взялся изучать католический катехизис, и, ты знаешь, мне нравится.

Роман вскипал негодованием, но обуздывал себя.

— А что конкретно тебе нравится в католицизме?

Чухновский смотрел честнейшими глазами.

— Ты вот напел всякого про католицизм, однако же под два миллиарда людей в мире считают себя католиками. Они что, глупее тебя? Нет, Рома, они не глупее и верят в Иисуса Христа, искупителя всех грешников.

При этих словах закипание в Романе прекратилось. Чухновский сам, не ведая того, помог процессу его успокоения.

Роман опять заулыбался:

— Молодец, Иннокентич, совершенно правильно ты сказал!

Гость подозрительно нахмурился, соображая, что же такого он сказал, какой дал повод оппоненту радоваться. А Роман продолжил:

— Именно. В католицизме и протестантизме Иисус считается ис-ку-пи-те-лем. Они даже в веру привнесли меркантильный интерес! У них можно выкупить грешника у Бога за деньги, ты представляешь, что это за бредятина?! У православных Христос есть Спаситель, только через Него, через покаяние и исполнение Его заповедей человек может спасти свою душу. Куда ты лезешь, Иннокентич? Вот тебе факты, сравнивай и думай. У писателя, автора жития Франциска Ассизского читаем: «Когда Франциск был восхищен на небо, то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству или сыну по благодати — Франциску». Что может быть страшнее? Это же дикая гордыня, это богохульство! Или взять разных там Анжел, Катарин и прочих. Что они писали?! Они в своих трудах, ставших настольными книгами католиков, описывали любовные романы с Иисусом! Их надо

было при жизни закрывать в психлечебницу, а они провозглашены учителями церкви!

В таких спорах Роман неизменно непроизвольно повышал тон, а успокаивался только тогда, когда ему напоминали об этом.

Чухновский облизал губы.

— Ну, о чем ты, Рома? При чем тут какие-то Катарини, суть-то не в этом! Да и вообще надоело это пустословие. Я вот сейчас приму коньячку и перейду к делу. У меня есть к тебе очень интересное предложение.

«Да, точно сказано в Евангелии: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями», — подумал Роман. — Притом нет здесь ничего оскорбительного. Жемчуг — это искания человека верующего, ценность его, а свинья — это просто человек сугубо материального мира, он не оценит рассыпанного перед ним жемчуга духовных порывов. Иннокентичу наплевать на все это, ему просто так выгодно».

Коньяколюбивый гость снова выпил. И уже не закусывал, сразу закурил. А последующие его слова сразу насторожили хозяина.

— Скажи-ка мне, Рома, ты доволен положением дел на комбинате?

— В каком плане?

— Ну, зарплатой, медицинским обслуживанием, сокращениями?

— Я недоволен частной собственностью как порождением человеческой жадности, а зарплата, медицина и все прочее есть следствие этой алчности.

— Давай не будем так обобщенно рассматривать проблему. Ты конкретно недоволен собственниками и проводимой ими политикой?

— Безусловно.

Гость смотрел на него через стол напряженно, отечные мешки под глазами придавали лицу выражение трагизма, но какого-то театрального.

— Вот я и предлагаю тебе написать об этом статью — подробную, с фактами. Я помню твои рефераты, они были великолепны, так что ты сможешь это сделать. Напиши, в каком положении находятся работяги, как их гнобят и унижают. Возьмешься?

— А для кого эта статья? В городских СМИ ее вряд ли опубликуют.

Смех Чухновского зазвучал как клекот стервятника при виде падали — короткими, отрывистыми выхарками:

— Хр-а-а, хр-а-а. Рома! Городских? Ты же студентом мечтал о карьере журналиста. Этим материалом ты сразу ворвешься в международную журналистику! Чуешь?!

Нечто нехорошее витало совсем близко от Романа.

– Что-то я не врубаюсь, говори прямо.

– А я и говорю. Мне такой примерно материал заказал журнал «Новая Польша», издается он при посольстве Польши.

Эмоции человека быстрее разума, и когда он включился, руки Романа уже почти дотянулись через столешницу до горла гостя. Но все же не дотянулись, а поскольку они были заряжены на действие, то и ударились друг о друга – сильно, очень сильно, до боли. После чего одна, которая правая, крепко сжатая в кулак, замаячила перед носом Чухновского.

– Ух ты, перевертыш поганый!

Эмоции опять всколыхнулись грозной волной, и руки снова вскинулись к сморщенной шее гостя, но та теперь успела отшатнуться вместе с телом к стене. Чухновский ужался в угол и завизжал в животном страхе:

– Рома! Рома!

– Чего вы орете? Что тут у вас происходит?

В проеме стояла Полина.

Роман не повернулся, только рывкнул:

– Выйди отсюда!

Она быстро вышла, не рисковала прекословить ему в таком настроении. Но ее появление остудило Романа, и теперь он смотрел, как гость дрожащими руками пытается засунуть в рот сигарету, как не сразу попал ее кончиком в пляшущий огонек зажигалки. Однако, видя успокоенность Романа, Чухновский немного ободрился и даже попытался улыбнуться:

– Рома, не надо так нервничать. Давай обсудим все спокойно.

Роман уже осуждал себя за вспышку.

– Ну, давай обсудим. Итак. Польша является членом НАТО. Она, пожалуй, самый активный в Европе проводник американской политики по сдерживанию России. Это по терминологии Запада, а на самом деле – по уничтожению моей родины. А ты предлагаешь мне способствовать этому? Так?

Собеседник уже вполне пришел в себя, потянулся рукой к бутылке:

– Пожалуй, я выпью, а то от твоей несдержанности моя нервная система пришла в неравновесное состояние.

Набулькал доверху и сразу выпил.

– Ты высказал свою точку зрения, а теперь послушай мою. Оставим в стороне политику. Ты воочию видишь, что владельцы комбината ведут себя как хищники, высасывают из рабочих соки, при этом постоянно сокращая персонал. Но ни

ты, ни кто-либо другой здесь, на месте, ничего поделать с этим не могут. Нет рычагов влияния, а обращаться к местным или региональным властям бесполезно, они во всем поддержат собственников. И представь: появится статья во влиятельном западном журнале, который, между прочим, читают и в российских властных структурах. Власти вынуждены будут вмешаться и приструнить хозяев. Плюс к этому ты реализуешь свои литературные способности да и заработаешь на этом, что тоже немаловажно.

Смотрел Роман на гостя холодно.

– Иннокентич, ты считаешь меня недалеким человеком?

Гость всплеснул руками чисто по-женски:

– Ро-ома-а, о чем ты? Я считаю тебя умным и способным человеком.

– Почему же ты тогда хочешь поймать меня на такую дешевую приманку?

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь. Тебе предложили найти человека или людей, которые стали бы агентами влияния. Сначала я напишу статью о безобразиях на комбинате, потом мне предложат написать о мерзостях нашей жизни вообще, затем попросят сравнить наше убожество с прекрасным Западом, сначала чисто материальное, ну а там и до выводов о порочности всей жизни в России недалеко. Именно так выращивают предателей: исподволь, потихоньку учат ненавидеть свою страну, прикармливая и приручая.

Чухновский снова всплеснул руками, на этот раз негодуя:

– Ну знаешь, Роман! Так рассуждая, можно договориться черт знает до чего!

– Вот именно. Поэтому закончим наш разговор. Тебе пора собираться, а то не дойдешь до дому.

– Зря ты так, Рома. Я искренне хотел тебе помочь.

– Только об искренности не говори. Предатели не могут быть искренними, у них другие чувства преобладают.

– Ты меня считаешь предателем?

– Ну а как же? Ты родился в СССР, прожил здесь всю сознательную жизнь, и вдруг тебя потянуло в Польшу. Поманили каким-то наследством, вот ты за сладкий кусок и предал все, чему верил, что любил. Ты и есть настоящий предатель.

Зацепил Роман что-то болезненное в душе сидящего напротив него человека. Остатки совести, видно, ворохнулись и очень больно цапа-

нули его, так больно, что только визгом он и мог их заглушить.

– Да! Да! За что я должен любить эту страну? Я, талантливый и очень умный, не смог сделать себе карьеру! Я всю жизнь прозябал среди быдла! А в Польше меня ждет почет и достойная жизнь. Во мне течет кровь польского магната, которого чтят до сих пор. А вы все мужланы, пся крев!

Гость уже толком не соображал, что он несет.

Роману пришлось рыкнуть очень громко, дабы забить невыносимый визг:

– Заткнись, потомок магната!

И стих моментально гордый лях, страх недалеко ушел, от рыка Романа он опять захватил старое пугливое сердце.

– Не то я вышибу твой польский гонор вместе с остатками мозгов. Собирайся и уматывай!

Хотел гость возразить, но отпала охота после жесткого окрика:

– Я кому сказал, собирайся!

Чухновский мешковато полез из-за стола. Роман стоял рядом, пока он одевался.

Кое-как застегнув пальто, гость поднял винные глаза:

– Рома, ты прости меня, но я хотел бы получить обратно свой подарок. Я-то думал, ты напишешь статью, а так это для меня непозволительная трата. Я верну ее обратно в магазин.

Роман прошел на кухню, взял с холодильника книгу, вернулся и протянул Чухновскому:

– Забирай. И больше ко мне не приходи. Что мне должен, то прощаю, я тебя вычеркиваю из своей жизни насовсем.

* * *

Полина и дверь закрыла, лежала, отвернувшись к стене.

– Поля.

– Не трогай меня.

– Ну что надулась?

– Ты меня готов был ударить.

Роман положил руку ей на плечо, но она движениями пыталась сбросить ее.

– Поля, не говори ерунду. Я, конечно, был груб, прости меня, пожалуйста.

– Ты совсем не уделяешь мне внимания, я для тебя пустое место.

– Поль, ну что ты такое говоришь? Да повернись ты, – потянул ее Роман за плечо к себе.

Лицо в слезах, в глазах тоска.

– Ну что с тобой? Обиделась так на меня? Ну, говорю же: прости, освирепел из-за Иннокентича.

– Что-что... Кривой Потап звонил, видать, мать дала ему мой телефон.

– И чего ему надо?

– Требуется, чтобы я к нему приехала.

Очень это Роману не понравилось.

– А больше ему ничего не надо? Дай мне его номер, я ему позвоню.

Поля быстро села.

– Не вздумай, Рома! Если ты ему нагрубишь, он просто сотрет тебя в пыль.

– Ну уж! Так прям взял и стер? Мне с ним в любом случае надо будет встретиться. Он же здоровый человек и должен понять, что у тебя своя жизнь, что ты свободный человек.

– Ага, ему объяснишь, как же.

Роман видел, что Поля помаленьку успокаивается.

– Объясню, я умею с людьми разговаривать. Она уже улыбалась.

– Я слышала, как ты с гостем разговаривал. За что ты так на него обозлился?

– Он предлагал мне написать статью в польский журнал о положении рабочих на нашем комбинате.

– И что? Тебе это не понравилось? А я не вижу здесь ничего плохого. За нее, скорее всего, хорошие деньги бы заплатили, Европа как-никак.

– Я тебе сколько раз объяснял, не все измеряется деньгами. Сначала они просят написать вроде бы на благородную тему – защита обездоленных русских рабочих. Но это приманка. Журнал, возможно, даже и заплатит хорошо. Но рано или поздно они обязательно подтолкнут к политической тематике, будут уже заставлять писать антироссийские материалы.

Для Полины это слабый аргумент.

– Да брось ты, кому нужна эта твоя политика? Зря, была возможность заработать, а ты ее упустил. Эх ты, простофиля. – По привычке она взвизнула его кудри.

Но Роман не принял ни игривый жест, ни ее слова, он упрямо отклонил голову.

– Нет, не зря. Я не буду уподобляться нашим либерастам, которые кормятся в России и ее же порочат перед Западом. Запомни, я никогда не стану таким способом зарабатывать, как бы мне ни было худо.

Беременность уже начинала влиять на Полю – слезы быстренько заполнили глаза.

– Да! А то, что нам скоро понадобятся деньги, большие деньги, что нам придется покупать квартиру, провести свадьбу, тебе на все это наплевать?!

Скверно, но она уже частенько стала раздражать его своими необоснованными нападками. Вот и сейчас у Романа свело скулы, но разве можно обижаться на женщину, носящую под сердцем твоего ребенка?

Он уткнул ее голову в свое плечо:

– Успокойся, все будет путем.

* * *

В Сочи наши олимпийцы, вопреки всем прогнозам, показывали чудеса спортивного мастерства и высоты человеческого духа. Роман, поначалу не смотревший репортажей с Игр, теперь не отрывался от экрана, когда выступали наши. Но мир двоился, разделялся на праздник спорта и праздник смерти. В Киеве продолжалось кровавое противостояние. Двадцать первого февраля президент Янукович приказал вывести с киевских улиц «Беркут», это была фактически капитуляция, что и подтвердил на следующий день его побег. На улицах Киева замелькала фашистская свастика.

В день рождения Красной армии закончилась Олимпиада, закончилась безоговорочной победой России. Там, в Сочи, наперекор всем обстоятельствам, русские показали миру, как надо соревноваться, как выкладываться и преодолевать себя.

Лыжная мужская гонка на 50 километров стала апофеозом всех Игр. Роман и Поля смотрели ее забыв обо всем. Полина, до того вообще не смотревшая ни одного соревнования, в азарте кричала: «Ну давай, давай!», кусала губы. А когда наши победили, заорала совсем благим матом и запрыгала по комнате.

И в этот же день и. о. президента Украины назначили Турчинова, уже получившего прозвище Кровавый Пастор. Бедная, заблудшая Украина, не тормозя, покатила в кровавый хаос, где слезы, кровь и горе. А в Крыму продолжалось брожение, там очень не понравились народу майданные хлопцы в балаклавах и с железными цепями.

* * *

Первого марта у Романа и Полины регистрация брака. Свидетельницей с ее стороны согласилась быть Галина, со стороны Романа – его однокурсник Олег. Они иногда созванивались, но встречались редко, зато на свадьбе наговорились вдоволь. Посидели скромно в ресторане, народу собралось немного. Родители Романа старомодно здоровались со всеми входившими,

отец бодро прихрамывал, но обошелся без подпорки. Мать Поли приехать не смогла, сказала, что не отпустили с работы, но позвонила в день регистрации, поздравила. Подруг у Полины совсем не осталось, даже некого было пригласить. Приехала Тамара с мужем, и неожиданным было появление Насти. Роман очень хотел видеть Глеба, но того выписывали только в понедельник.

Роману по колдоговору положено было три оплачиваемых дня на свадьбу, и в понедельник он поехал забирать сына. С понедельника же начинался Великий пост.

Глебушка гордо прохаживался по палате, прихрамывал едва заметно.

Примчался Ильич, привычно потирая свои ладошки-пампушки, зачистил:

– Ну, Рома, забирай свое чадушко, отремонтировали его на славу. Он парнишка хороший и очень ответственный. Мы его все полюбили.

Потом, когда Глеб собрался и они готовы были выходить, отозвал Романа в сторонку.

– Рома, поздравляю тебя еще раз со вступлением в законный брак.

– Спасибо, Ильич.

Роман видел некоторое смущение доктора.

– С меня что-то причитается?

Ильич потупил ясные глазки:

– Видишь ли, Рома, непредвиденных расходов набежало на двадцать пять штук. Ты уж извини, дорогой.

– Да ты что, Ильич, у меня не хватает слов благодарности, мы так тебе обязаны. Говори, когда принести.

Ильич потупился:

– Ах, Рома, Рома, золотой ты мой человек, так мне не хочется брать с тебя деньги, но я просто вынужден.

Роман тепло обнял Ильича за плечо:

– Брось, Ильич. Я же понимаю все и буду твоим вечным должником. Когда отдать?

Доктор вздохнул:

– Я тебе позвоню на днях.

* * *

...Теща, скорее всего, спала, уж очень памятный был у нее вид, когда после счастливого визга и лая Бурана, который от счастья готов был облизать их обоих с ног до головы, после долгого стука она наконец открыла дверь.

– Здрасте, Надежда Григорьевна.

– Здравствуй, Рома, здравствуй. Глебушка, внучонок ты мой ненаглядный, наконец-то ты дома.

У Романа были и другие дела, но Глеб и теща не отпускали его, часа два он пробыл у них. А надо ему было посетить некое учреждение и заполнить некоторые бумаги.

Еще до Нового года Полина написала своему бывшему мужу письмо с просьбой прислать письменный отказ от отцовства и отправила ему деньги для оплаты юридических услуг. К ее удивлению, вскоре Олег прислал нужный документ и письмо, в котором просил ответно прислать ему посылку.

Полина тогда сказала:

– Неужели его неволя так изменила? Я думала, он будет строить козни.

Процесс усыновления шел, но дело упиралось в квартирный вопрос, который в современной России испортил не только москвичей, а все население страны, особенно после воцарения в умах и законах частной собственности.

Роман распрощался с тещей, обещав на выходные забрать Глеба к себе. Было у него и еще одно важное дело. Полина все же дала ему номер телефона Потапа, и вот сейчас, раз уж он в этих краях, решил позвонить этому грозному и пока неведомому человеку.

Буран не отпускал его, скулил вслед жалобно. В машине Роман набрал номер, долго слушал гудки. Наконец мужской голос ответил:

– Это кто?

– Это Роман.

Хотел объяснить, кто он и зачем звонит, но голос не дал:

– А шо за Роман? Я романов не читаю! – В трубке раздался гогот, а потом голос спросил с нажимом: – Мужик, ты номер не перепутал? Я Потап, подумай, нужен ли я тебе, а то как бы не пожалел потом, шо звонил.

– Именно ты мне и нужен, Потап. Я муж Полины, Роман.

В трубке глухо покашляли.

– Не понял, хто ты, повтори.

– Я Роман, муж Полины, и хотел бы с тобой встретиться.

На том конце, похоже, задохнулись от возмущения, слышны были судорожные сипы. Наконец голос невидимого собеседника восстановился:

– Муж?! Польки-подстилки?! Да ты...

Не позволил ему Роман досказать, нельзя было такое позволять, и он рывкнул в трубку:

– Заткнись, Потап! Ты мужик или базарная баба? – А дальше спокойнее, ибо в трубке тишина: – Ты же, говорят, был советским офицером, а они люди чести и не позволяли себе оскорблять женщин.

В трубке еще помолчали, потом странно изменившийся, словно надтреснутый голос спросил:

– Тебе сколько лет?

– Сорок четыре.

– Молодой, шо ты можешь знать об офицерской чести? Ну да ладно. Щас меня нету в городе, но скоро буду и жду тебя в субботу ровно в двенадцать ноль-ноль. Прошу без опозданий, не терплю, когда опаздывают.

Голос постепенно менялся на привычный, властный.

– А вообще-то ты мне нравишься, Роман. – Ударение было специально изменено. – Где живу, знаешь?

– Надеюсь, покажут, ты же в этих краях один такой.

– Правильно, в своих краях я один хозяин. Ну, до встречи.

– Бывай, Потап.

* * *

На Западной Украине бандеровцы, почуяв безнаказанность, меняли власть, вышвыривали из кабинетов градоначальников, ставили их на колени, избивали. И эта вакханалия катилась по всей стране, подкатывалась к Крыму. Крым наливался гневом, он чувствовал себя чужеродным в новой украинской реальности, а внутри него волновались крымские татары, подзуживаемые эмиссарами из Турции. Донбасс просыпался и уже начинал оказывать сопротивление майданной власти. В глазах майданщиков плясали кровавые отблески костров.

* * *

В цехе, пока Роман отгуливал свадебные дни, тоже произошли события. Начальник все же допек Сергея Петрова, вынудил его написать заявление об увольнении по собственному желанию – почти сразу после выхода Сергея на работу.

Роман узнал об этом в мойке. Помывшись, у шкафика вытирался полотенцем и увидел Сергея, уже одетого, идущего по проходу с большим пакетом. Он подумал, что Петров взял домой постирать нижнее белье, но почему не в пятницу? Обычно рабочие в конце недели уносят домой бельишко для стирки и мелкого ремонта.

Днем они не виделись. Роман целый день работал с Анатолием в одном труднодоступном ме-

сте, выбирались они оттуда только на обед и очень ненадолго, в слесарке посидеть было некогда.

Окликнул:

– Серега!

Петров остановился, подумал, но все же решил подойти.

– Вот так, Рома, отработал я на заводе.

– Не понял, что значит отработал?

– Уволил меня начальник твой любимый.

– Почему это он мой любимый?

– Ты же, помню, его защищал, говорил, что начальник должен быть строгим.

– Да, отчасти защищал, потому что при мягком, безвольном руководителе работяги борзят. Но в последнее время я его не защищал, он стал уже деспотом и самодуром, ему уже наплевать на рабочих, лишь бы высшему руководству угодить.

– Вот он на меня и наплевал.

– А за что уволил-то?

– Сказал, что я часто болею, и почему другие должны за меня работать? Даже без отработки подписал. А мне сейчас как раз деньги нужны на лечение. Буду оформлять инвалидность, если получится.

– А ты к проформу ходил?

– Зачем? Чем он поможет? Так что прощай, Рома.

– Подожди, может, к юристу сходить? Скорее всего, в данной ситуации он не имеет права тебя увольнять.

Раздвоенная верхняя губа Сергея нервно дернулась.

– О чем ты, Ром? Ты же знаешь, такая установка сверху идет.

И пошел Серега прочь, понутив голову, тяжело подтягивая больную ногу, а Роман задыхался от гнева.

«Ах ты, подлейшая частная собственность! Как ты людей под себя подминаешь! Что за сатанинская в ней привлекательность? Понимают же здоровые люди, что она есть самое страшное изобретение рода человеческого, может существовать только на слезах и крови миллионов обездоленных, но почему-то почти все относится к ней с необъяснимым почтением. Эти поганые собственники добивают комбинат, выжимают из него последнее и все сокращают, сокращают! И хоть бы кто воспротивился, возмутился! Каждый за свое место держится. Выходит, и я? Тоже повозмущаюсь и успокоюсь. И каждый говорит: «А что я могу сделать?» Действительно, что можно сде-

лать? Хорошо, повлиять на политику собственников я не могу, но постараюсь помочь Сереге. Может, удастся устроить его куда-нибудь. А что, если с Ильичом поговорить, может, к ним каким-нибудь дворником? Это мысль. Но времена настали паучьи, нравы стали гадючьими».

Утром другого дня Роман после раскомандировки пошел в инструменталку и встретил начальника. Гладков поднимался на переходной мостик с другой стороны. Было у Романа желание высказать ему много неприятных слов, но внезапно пришло другое решение, и он посчитал его сейчас наилучшим.

Они встретились наверху мостика. Гладков, как всегда при встречах с рабочими (он же демократ!), протянул руку и уже начал произносить традиционный вопрос: «Как дела?» Но Роман, глядя прямо перед собой, прошел мимо протянутой руки. Сзади окликнули: «Купавин!» Не оглянувшись.

* * *

Бандеровская власть тянула окровавленные руки к Крыму, крымчане отбивались как могли. Противостояние нарастало. Американский эсминец вошел в Черное море. Вскоре на волне сопротивления во власть на полуострове пришли патриоты, люди из народа, и автономная республика объявила о своем выходе из состава Украины.

Война грозно нависла над Крымом.

* * *

В субботу утром Роман позвонил Полине, поздравил ее с женским праздником. О своей предстоящей поездке не сказал. Домой она вернется, когда он уже уедет на встречу с Кривым Потопом. Безусловно, некоторое напряжение Роман ощущал, но не более того.

По его убеждению, подавляющее большинство собственников осознавали несправедливость своих богатств (они же все вышли из советского народа, который терпеть не мог богачей), оттого и окружали себя охраной, а если кичились своим положением, то это от страха перед возможной расправой, могущей в любой момент стать расправой. Страх делал их уязвимыми, и жизнь при богатстве была несладкой.

Конечно, среди богатых были и люди, которые искренне поверили, что, если они достигли материального успеха, значит, они и есть настоящие хозяева жизни и все в этом мире принадлежит им по праву. Их всех можно было назвать даже не богатыми, а богатящимися – людьми,

страстно мечтающими о богатстве настоящим, большом и готовыми жизнь свою посвятить достижению мечты. И в этом была самая большая слабость этих людей.

Ошибиться было невозможно: за поворотом вскоре он увидел домище, который мог принадлежать только Потапу. Особняк о трех этажах из красного кирпича и с зеленой крышей, вокруг ограда из кованых прутьев с остриями на концах.

Роман остановил машину на расчищенной площадке у зеленых двухстворчатых ворот с большими металлическими красными звездами на каждой створке. Поодаль на кирпичной тумбе между секциями ограды сидел пестрый кот, жмурился. Часы показывали одиннадцать сорок пять, есть еще время. Роман выключил зажигание, решил посидеть. Слева от ворот открылась калитка, вышел молодой румяный парень в спортивной куртке и белой шапочке, стоящей торчком на короткостриженной голове, подошел.

— Кто такой?

Солнышко как раз вышло из-за облака, слепило Роману глаза, он не видел лица парня.

— Роман. К Потапу.

Парень посмотрел время на наручных часах:

— Рано прибыл, жди, приказано к двенадцати ноль-ноль.

Когда парень ушел за калитку, Роман включил магнитофон. Голос его любимого актера и певца Владимира Ивашова запел «Русское поле».

Парень вышел через десять минут:

— Пошли.

Большое дворовое пространство, слева огромный гараж, как ангар, около него стоит солидный джип, справа длинное низкое строение из кирпича. Они вошли не в высокие двери, к которым вели широкие ступени, а в узкую и пониже дверь слева.

Холл с красным ковром на полу, налево деревянная лестница с красивыми точеными перилами. На втором этаже парень открыл самую ближнюю дверь.

— Заходи, — сказал он, снова при этом глянув на часы.

Видимо, это кабинет хозяина. Слева сервант, какие были в моде лет тридцать назад, в нем на полках — противогаз, пистолетная кобура, свернутый клубком офицерский ремень; фуражка с кокардой лежит сверху. По другой стене шкафы со стеклянными дверцами, там ряды толстых книг.

Палас от входа проложен к массивному столу, за ним хозяин. Здоровый бугай в белой майке и с черными лентами подтяжек. Выбрит, но не-

свеж, следы жизненных излишеств наложили заметные следы на лицо, особенно под глазами, на подбородке крутая ямка. Он не поздоровался, посмотрел в угол за своей спиной, там в футляре напольные часы.

— Молодец, вовремя. Проходи, садись.

Стул с ближней стороны стола, а под хозяином кресло с широкими подлокотниками. Бутылка водки стоит на столе поодаль, там же стакан и хрустальное блюдо с дольками соленого огурца, один надкусан. Все это как-то не вязалось с солидным письменным прибором и перекидным календарем чиновника советской эпохи.

Роман сел, снял шапку. Раздеться хозяин не предложил, да и вешалки здесь нет.

Потап рассматривал его, немного склонив набок большую голову с седым ежиком, на лбу обозначились продольные складки. Через лоб и правый глаз косо шел вниз бугорок шрама, утянутая глазница имела вид прищура, оттого, наверное, у него и прозвище такое.

— Так вот ты какой, Роман Купавин. Кстати, фамилия у тебя редкая, да и сам ты, оказывается, постреленок тот еще. Мои пацаны тут посмотрели материалы на тебя. Скажи поточнее, за что тебя хотели судить и едва не поперли из института? Кого ты там отстегал? И за что?

Роман совершенно спокоен.

— А тебе это надо знать?

Серые глаза хозяина буквально давили взглядом — тяжелым и странным, потому что смотрели глаза разнородно, под таким взглядом человек начинал чувствовать себя неудобно. Но Роман выдержал этот взгляд, и Потап отвел свой.

— Раз спрашиваю, значит, надо.

— Отстегал, как ты говоришь, за подлость двоих студентов. Устраивает такой ответ?

* * *

Это случилось в конце третьего курса, перед сессией. Роман шел по коридору второго этажа главного корпуса. Весна, солнышко рвется в окна, жизнь прекрасна, и настроение соответственное. И тут из-за угла навстречу выбегает Нинуля, однокурсница. Косички яростно болтаются на бегу, подол юбки подлетает, толкаемый полными белыми коленками, лицо залито тугим кумачом краски.

— Нинуль, ты куда несешься?

Она махнула рукой так резко, словно отсекала от себя что-то скверное, не остановилась. Роман крикнул вслед: «Да постой ты!» — но безрезультатно. Ее явно кто-то обидел.

Нина Проскурякова была у них самой скромной на курсе. Полная и тугая, словно свежее испеченная булочка, она моментально краснела от любого, даже самого безобидного намека на любовные отношения между парнем и девушкой. Над ней подтрунивали, но беззлобно. А что сейчас могло произойти?

За поворотом коридора на широком низком подоконнике сидит Андрей, тоже однокурсник, рядом стоит Толик и еще двое студентов с другого факультета, незнакомые, все что-то рассматривают. Роман подошел.

Андрей обернулся:

— А, Ром, привет. Глянь, мы тут Нинку поснимали в неглиже. — И он протянул фотографию.

На ней лежащая на диване обнаженная девушка с откинутой набок головой. По позе похоже, что нетрезвая.

Холод проник в сердце Романа, ужал его в комок. Он уже знал, что сейчас будет бить Андрея, и очень сильно. Но перед этим спросил, причем спокойно, даже равнодушно:

— Как это вы умудрились?

Андрей разулыбался беззаботно:

— Да мы с Толяном предложили ей помочь по английскому, она ж плавает по нему, пригласили ко мне. Ну, вино, туда-сюда, по стопочке, короче, напоили и раздели. Не, мы ее не трогали, так, для прикола поснимали. Она ж неidotрога, к ней не подкатишься, вот хоть так приобщили ее к сексу.

Удар он получил в лоб и откинулся к раме окна. Толик пытался убежать, но, остановленный за брючный ремень и развернутый, получил в подбородок. Роман бил их по очереди, не давая возможности защититься; незнакомые студенты благодарно и очень поспешно удалились.

Кончилось бы все скверно для Романа (он вошел в ту высокую степень ярости, которая неостановима по собственной воле), не подоспей вовремя преподаватели. Нина от позора хотела бросить учебу, Роман не раз беседовал с ней, уговаривал и убеждал, даже шутливо обещал жениться. Нина осталась и окончила институт, сейчас преподает где-то в сельской местности, вышла замуж и растит двоих детей.

То был закат советской эпохи, цельная система нравственности советского человека уже сильно размылась усилиями прозападной части элиты, особенно в студенческой среде. Хотели выгнать из института Романа, а не тех подонков.

* * *

— А ты не дерзи, молод еще. Значит, любишь справедливость?

— А ты не любишь ее?

Потап потянулся к бутылке, плеснул в стакан на треть:

— Тебе не предлагаю, ты же за рулем.

Белыми (скорее всего, искусственными) зубами откусил огурец, захрустел.

— О-о, хорошо. Ладно, продолжим. Вот ты меня упрекнул в отсутствии офицерской чести. А хочешь, я сейчас крикну пару бойцов, они загнут тебя и лишат твоей мужской чести? Что ты тогда скажешь?

Роман ожидал неприятного разговора, настраивал себя, а такого не мог вообразить. Кровь шибанула в голову, но он смог удержать себя на самом краю благоразумия. И процедил слова, как сыворотку через марлю:

— Ну-у, Потап, за такие намерения этих двоих-то я зашибу наглухо, изорву зубами. А потом, надеюсь, доберусь и до тебя.

Сознание и организм едино собирались в стальную пружину, а Потап неожиданно рассмеялся:

— Ай да Рома, ай да молодец! Люблю таких.

Он видел напряженность Романа.

— Да расслабься ты, я пошутил. — И добавил еще серьезнее: — Я вижу, пацан ты не трусливый. Между прочим, со мной так давно никто не разговаривал. Может, ко мне пойдешь работать? Мне такие во как нужны! — провел он по горлу ребром широченной ладони.

Роман остывал, но медленно.

— Нет, спасибо, Потап, я уж как-нибудь обойдусь. Ты мне лучше скажи, как ты, советский офицер, мог стать хапугой? Ты же защищал Советский Союз! Великое государство, где все были равны, где эту сволочную частную собственность уничтожили!

Он видел, как бурело лицо сидящего в кресле человека, а шрам светлел, как его большие руки превращались в чугунной твердости кулаки. Казалось, сейчас Потап громыхнет ими по столу, но этого не произошло.

— Рома, ша! Вот тут, — постучал Потап ладонью по груди, — вот здесь все, но это мое, и ты туда не лезь!

А цапнул его Роман за живое, видно, чувствительно, поскольку Потап взволнованно продолжил:

— Разве я виноват, что страну развалили? А жрать-пить надо, что прикажешь делать? Я из Афгана приехал, и меня вскорости поперли из армии. Кому я нужен был, раненый и ничего не умеющий, кроме как воевать, офицер? Страна-то

уже была другая, без нас тут все начали перестраивать.

Разговор обрел остроту, а голос Романа — высоту.

— Без вас?! А вы в армии не видели, как Горбачев валит и армию, и страну?! Как он в угоду американцам отдал команду резать на металлолом наши ракеты и атомные подлодки?! И среди вас не нашлось смелых генералов и офицеров, которые взяли бы на себя ответственность за государство и расстреляли бы его публично, как изменника! Вы же присягали народу и Советскому государству и смолчали, когда его расчленили!

Потап ответил тоже не тихо:

— Ты что буровишь-то?! Гражданской войны захотел?!
26

— Какой войны?! Страна была еще советская, его бы поддержала жалкая кучка прихлебателей! Народ-то на референдуме проголосовал за сохранение Союза!

Потап первый очнулся и хлопнул-таки по столу ладонью:

— Стоп! Мы с тобой так черт знает до чего договоримся! — И смехом разрядил напряжение разговора: — Интересный ты человек, Рома. В натуре, пошли ко мне, я давно не встречал таких искренних людей. Будешь как сыр в масле жить.

— Спасибо, Потап, за предложение, но я убежден, что человек должен зарабатывать себе на жизнь честным и только собственным трудом.

— А я тебе не предлагаю воровать, будешь моим секретарем. Ты, я знаю, работаешь на заводе, а имеешь высшее гуманитарное образование. Зачем тебе это?

— Я же сказал: нет.

Тень разочарования скользнула по лицу Потапа.

— Жаль, очень жаль. Ну, тогда давай о деле. Коль уж ты женился на... — он замялся, зная, рвалось из него обидное слово, но сдержался, — Полинке, то живи. Но ты должен мне заплатить за нее.

Роман вскинулся:

— Это с чего бы? Она что, брала у тебя деньги?

— Да что брала, то для меня мелочи. Главное, она по факту моя собственность.

Тут Роман рассмеялся:

— Ты рабовладелец?

Потап сморщился:

— Рома, давай по делу. Здесь решаю я, и как скажу, так и будет. Короче, надо было бы с тебя содрать за все про все лимон, но из уважения к

тебе обойдусь тремя сотнями штук. Через месяц жду тебя с деньгами.

Роман изумился:

— А ты не охренел ли, рабовладелец? Никаких денег я тебе отдавать не буду.

Потап встал с кресла. Он оказался невысоким и скорее толстым, чем плотным. Подошел к окну, достал из-за полусадернутой шторы пачку сигарет, закурил и грузно направился к Роману. Разносмотревшие глаза сверлили его взглядами. Подошел близко, обдав смрадом — смесью водки и табака.

— А тогда, Рома, будет другой разговор. Короче, ровно через месяц жду, не забудь. И все, иди, надоел ты мне, правдоискатель. — Крикнул командирским голосом: — Сержант!

Дверь мгновенно распахнулась, и тот же парень встал на пороге.

— Проводи гостя.

Вероятно, тот недопонял сказанное, поэтому Потап добавил, чуть усмехнувшись:

— Проводи до машины, просто проводи.

Роман уже был у двери, когда Потап его окликнул: «Постой-ка».

Роман остановился, обернулся.

— Скажи, ты о Полине все знаешь?

— В общих чертах все, а подробности меня не интересуют. Это осталось в прошлом и забыто. Она моя жена, и ее сын — мой сын.

В глазах Потапа очень отчетливо была видна печаль.

— Ладно, Рома, иди.

В холле первого этажа на диванах по двое сидели крепкие парни в спортивных костюмах. При виде Романа они начали вставать, но идущий впереди махнул рукой, и они сели. Однако смотрели на Рому как на жертву.

Какая-то злая неудержимая бесшабашность захлестнула его мозг, и он бросил им с презрением:

— Что, шакалята, крови жаждете? Смотрите, как бы в собственной не захлебнуться!

И встал твердо, готовый биться с этими бездушными роботами до смерти.

Парни слаженно, как солдатики, подскочили и успели сделать по шагу, но резкий голос сопровождающего приковал их к полу:

— Сидеть!

К Роману голос обратился совсем иначе:

— Идите, пожалуйста, Роман Борисович.

Светило солнышко, в воздухе угадывался тонкий, волнующий запах весны, кот на бетонном столбике лениво посмотрел на Романа. А тот испытывал муки бессильной ярости: «Что я сделал,

дурак? Они бы, конечно, порвали меня, им только скажи «фас!». Но и смолчать было нельзя. У-у, сучата! Оказывается, организованная преступность никуда не делась, она лишь чуть-чуть замаскировалась».

Надо было остыть, прийти в себя. Поэтому он посидел в машине, послушал любимые песни.

...У тещи Рома задержался: она попросила навесить перекосившуюся дверь стайки. Глеб помогал, принес инструменты и гвозди. Один шарнир сгнил совсем, второй тоже еле держался, но в стайке нашлись новые. Потом они посидели за столом, Роман только попил чаю, постного у них ничего не было. Подарил теще набор всяких женских кремов. Глеб, конечно, просился с ним, но пришлось отказать. Полина пока против: у них мальчику негде спать, а потом еще его надо везти обратно. Утешала лишь мысль о скорой покупке квартиры, тогда он заберет Глебушку совсем.

Сын отпустил Бурана с цепи, и они вдвоем провожали Романа. Глеб посидел на сиденье рядом с ним, а пес с заднего забрасывал лапы то на Романа, то на Глеба.

Мальчишка шутливо ругался на собаку:

– Буранка, отстань, вреднюга, всю куртку ищарапал!

Напоследок, выходя из машины, Глеб спросил:

– Пап, а ты не забыл о рыбалке? Скоро же весна.

– Нет, конечно, не забыл. Раз обещал, значит, поедем.

Полине он тоже взял подарок – живые цветы и хорошие духи. Она спала, когда он вернулся. Потом они вместе приготовили ужин (готовил в основном Роман, а она помогала сколько могла, чистила и резала лук, но больше суежилась). Сам он обошелся салатом на подсолнечном масле и гречневой кашей. Поля пока не могла привыкнуть к его жестким ограничениям в еде, даже пыталась уговорить поест тушеной с мясом картошки: это же так вкусно, и ради праздника можно забыть всякие условности, подумаешь, один раз нарушишь!

Потом лукаво глянула на мужа:

– А может, по рюмочке в честь женского праздника?

Они сидели рядом на кухонном диванчике, она, как всегда, в углу.

Роман поднял бокал с томатным соком:

– Вот давай соком и отметим праздник. – Увидев, что жена надула губы, добавил мягко: – Поль, нельзя нам пить. Тебе – потому что беременна, а мне – по причине Великого поста. Он установлен

в память о страданиях нашего Спасителя, и нарушать его нельзя. Ты пойми, обуздывая свое чрево ненасытное, христианин обуздывает, сможет обуздать в себе и другие пороки – духовные, более тяжкие.

Потом они смотрели телевизор. В Крыму готовился референдум о дальнейшей судьбе полуострова. Было тревожно.

Только вечером Роман рассказал Полине о встрече с Потапом. В подробности не вдавался, сказал лишь, что все хорошо и больше Потап беспокоить ее не будет.

Поля жадно ловила его слова, всматривалась в его лицо, что-то искала в нем. Ничего не нашла, и тогда беспокойство понудило ее спросить прямо:

– Скажи, а обо мне он ничего не говорил, не рассказывал?

И стало заметно огромное облегчение, когда услышала от мужа:

– Нет, о тебе речи не было.

Повеселела. И потом в постели жарко обнимала:

– Ну, Рома, ну что ты такой холодный?

– Ты же знаешь, что нельзя.

В последнее время порывы страсти у нее стали еще острее, и сейчас она сердито оттолкнула его:

– В конце концов, я выходила замуж за мужика, а не за какого-то постника!

В таком вопросе он тоже не мог промолчать:

– Я тебя за подол замуж не тянул.

Раскаянье у нее быстрое, сразу прильнула к нему:

– Ромочка, не обижайся на глупую бабу. Я же тебя так люблю. Раз нельзя, то и ладно. Спокойной ночи.

* * *

События на Украине и в Крыму обретали лавинообразный характер. Чума национализма захлестывала одну область за другой, проникала в Новороссию, а там набирал силу протест жителей.

В Крыму прошел референдум, русский дух из полуострова так и не вышибли: народ проголосовал за жизнь с Россией. Восемнадцатого марта у Романа текли счастливые слезы, когда он смотрел по телевизору, как руководители Крыма и Севастополя подписывали в Москве договор о вхождении в состав России.

Зато на работе его ждало весьма неприятное событие: Толян написал заявление на расчет. Он

спокойно сказал об этом перед самым обедом, и для Ромы это было как гром при ясной погоде. Он ошалело смотрел на товарища.

— Ты что дуришь, Толь?! Сейчас же иди и за-
бери заявление назад!

Анатолий сидел на лавке, спиной опираясь на батарею, прихлебывал чай из кружки.

— Не, Ром, все. Решено окончательно и бесповоротно.

— А куда пойдешь-то? Сейчас трудно устроиться.

— На Алтай поеду. Мы уже с Лидкой все обмозговали. У племяша «камаз» имеется, не на ходу, правда, да я ж шофер, подшаманю и буду на нем зарабатывать.

— Так у тебя ж кредит!

Роман искал доводы против увольнения Анатолия, ему стало тоскливо от мысли, что не будет рядом товарища всех последних лет, с которым, бывало, один пирожок делили, когда доводилось оставаться на работе допоздна, с ним и ссорились, и находили согласие.

Но Толян непоколебим.

— А что кредит, там не так уж много осталось, пусть платят, я им хату оставляю. А если что — продам машину, на хрен она мне там, на ней что, по сельским проулкам рассекать? Достали меня эти торгаши, у них разговоры только о деньгах!

Рома в курсе житейских проблем Толяна. Знает, что дома его грызут дочь с зятем, а жена принимает сторону дочери. Знает и о его поездках к зазнобе, от нее Толя приезжает помолодевший и бодрый. Но о расчете речи не было. Хотя, может, так Толяну будет лучше. А он, Роман, останется один на огромный участок, где раньше работала бригада из четырех-пяти человек. Возможно, кого-нибудь и примут взамен Анатолия, но кто это будет? Скорее всего, неумехи из молодых, которые, не сумев устроиться в теплую контору на денежную должность, вынуждены идти на грязную работу, идти без желания. Им лишь бы смена быстрее прошла да неделя кончилась...

Невесело Роман спросил:

— Так сразу начальник и подписал заявление?

— Не-е, покочевряжился, для виду поуговаривал, такой весь ласковый, говорит: «Ну что ты, Анатолий, поработал бы, там, глядишь, и шестой разряд тебе бы дали». Знаю, как он дает, сколько мужиков поуходило на пенсию с шестыми разрядами. Никому не дал, только обещаньями кормит.

Но Анатолию еще отрабатывать две недели, а за это время всякое может случиться. И случилось: буквально на следующий день аварийно встал охладитель, остановился в конце смены.

Примчался, от спешки совсем угнув одно плечо вниз, Борис Олегович, просил Романа и Анатолия остаться.

Толя сначала на дыбы:

— А мне на кой это?!

Но Роман тоже просил его остаться, а мастер клятвенно обещал выбить нормальную оплату. Хотя особой веры руководству уже не было: все видели, как собственники заставляют местное начальство мутить с графиками работы, с нормами оплаты труда. Впрочем, Роман заранее от оплаты отказался, ему нужны отгулы: предстоял переезд, и надо было сходить в комиссию по усыновлению.

В помощь им дали дежурного слесаря, работали почти до полуночи, хорошо хоть, потом Моловатов развез их по домам на своей машине.

Вообще неделя выдалась хлопотной. Через день пришлось опять оставаться, нужно было срочно заменить редуктор у одного очень важного агрегата. Редукторы довольно часто выходили из строя, Роман не успевал делать профилактические ремонты, но чаще ломались новые редукторы, изготовленные уже в постсоветской России или купленные в Китае.

За делами производственными и переживаниями за жителей Донбасса (а там дело доходило до рукопашных схваток с пришлыми «бандерлогами») Роман совсем забыл о Потапе. Периферийный князек сам напомнил о себе. В конце смены позвонил Глебушка и со слезами в голосе рассказал, что, когда он кормил Бурана, подъехала большая иномарка и из нее вышел Потап. Подозвал его, Глеба, и сказал, чтобы он готовился: скоро, если отчим не отдаст деньги, придется ему идти в батраки, отрабатывать мамкины долги. Глеба особенно расстроило именно то, что Потап назвал Романа отчимом.

Он сдерживал рыдания и кричал в трубку:

— Почему он говорит, что ты отчим?! Ты же не отчим, ты папочка мой!

Роману пришлось прокашляться, чтобы унять рычание, клокотавшее в горле, не пугать мальчонку. Только потом он как можно спокойнее объяснил Глебушке, что он его папа, а Потап не прав и он ему это объяснит очень доходчиво. Пальцы подрагивали, когда он представил, как крушит кулаками искусственные зубы подлому Потапу. Ведь это же подлость и низость — воздействовать на ребенка, да таким изуверским образом!

«В батраки?! Ну, погоди!»

Но он заставил себя успокоиться, зашел в слесарку, попил чаю, обдумал все. И только после этого набрал номер Потапа.

Похоже, абонент ждал звонка.

– Ну, здравствуй, Рома. Что, пацаненок пожалился? Э-эт я спецом, чтоб ты думал лучше.

– Здравствуй, Потап. Скажи, пожалуйста, ты в Афгане у кого в полку служил?

Пауза от неожиданного вопроса.

– У такого-то, – наконец назвал Потап фамилию известного командира, Героя Советского Союза. – А тебе зачем это знать?

– Да не верю я тебе. Не мог ты служить у такого человека.

– Что-о?! – взорвался Потап. – Да я тебя...

– Не ори, а послушай! – прервал его Роман.

На том конце слышалось сопение, пыхтение, но потом голос произнес:

– Говори.

И Роман начал говорить, как на экзамене, четко и в некоторых местах акцентированно:

– Я не верю, что ты служил в полку у этого замечательного человека. Он не потерпел бы в рядах своего подразделения подлеца, а ты есть самый настоящий подлец, потому что шантажируешь меня ребенком. Для офицера Советской армии это есть потеря чести, и лучший выход в данной ситуации – пуля в висок. Но ты не сделаешь этого, потому что очень полюбил деньги, а кто любит деньги, тот цепляется за жизнь.

Молчание, сопение. Потом:

– Ты все сказал?

– Все.

– Тебя, Рома, надо убить, сейчас я окончательно это понял. Ты не даешь людям спокойно жить, ты всем мешаешь. Тебя надо обязательно убить.

Теперь Роман и не пытался сдерживаться:

– Вот ты это и попробуй сделать. Я же тебе никаких денег отдавать не собираюсь.

Потап ответил на удивление спокойно:

– Догадываюсь. Но я никого не убиваю, в Афгане убивал, а здесь незачем. Просто по моей просьбе иногда укорачивают людям их земное существование...

И только тут последовал смех – как надсадное ржание старого мерина на непосильном подъеме.

Роману пришлось прервать его:

– В общем, так. Пятого апреля, в субботу, я приеду забирать сына. Подъезжай часов в одиннадцать, к тебе я не пойду, незачем.

У Потапа голос задумчивый:

– Это ты мне уже диктуешь условия, интересно. Ну, лады, пусть будет по-твоему. Но разговор будет очень серьезный, ты готов?

То ли угроза, то ли проверка.

Роман ответил очень уверенно:

– Да, я готов ко всему.

* * *

В самом конце марта, тоже в субботу, Роман и Полина переехали в трехкомнатную квартиру в центре района. Конечно, кое-что в ней предстояло еще сделать, улучшить, но в целом она им нравилась: на третьем этаже девятиэтажки, хороший вид из окон, особенно из детской – в небольшой сквер около школы. Помогали переехать Анатолий и двое молодых парней из сантехслужбы, хорошие ребята Антоха и Петро.

Из бывшей квартиры Полины все необходимое вывезено, но все равно фургончик пришлось загружать дважды, накопилось всякого барахла. Рома рад бы выбросить многое, но Поля не позволила, и он махнул рукой: бабе виднее в домашних делах.

Хлопцы посидели недолго после разгрузки, выпили по паре рюмок и заторопились, а Толя задержался, помог кое-что расставить. Потом они с Романом сидели вдвоем на кухне. Толян свое решение об увольнении менять не собирался, он себя уже чувствовал наполовину там, на Алтае, рядом с полюбившейся Лидой. А здесь за окном не на шутку разгулялась поздняя метель, стегала по окну злыми снежными крупинками.

Роман посмотрел в заоконную суеть.

– Толь, может, заночуешь? Погодка на улице 29 сердитая...

Толя беспечно махнул рукой:

– А, ничего, доберусь! – Он был изрядно выпивши, но пытался размышлять трезво: – Ром, я не хочу лишний раз давать повод. Пока все не до конца решено, Танька не знает еще, что я насовсем уезжаю. Она думает, пошабашу, соплю на кулаки помотаю и вернусь. Я ж ей сказал, что меня попросили уволиться! – Анатолий сочно хохотнул. – А вот хрена два я вернусь. Там меня мужиком считают и ценят. Эх, Ромка, познакомить бы тебя с моей Лидушкой, это такая женщина! Ты б меня одобрил.

Толя встал со стула, прошел боком между столом и подвесным ящичком, который пока лежал на полу, и приблизился к Роману.

– Слушай, Ром, я вот чего любопытствую. Вот пост ты блюдешь, сало вон какое замечательное, а ты салатом губы мажешь, для чего это тебе?

Интерес чувствовался не праздный, поэтому Роман ответил со всей серьезностью:

– Чтобы не быть рабом своего брюха, а через него и более страшных пороков. Я так борюсь с ними, с пороками своими.

– С какими, например?

– Зависть, жадность, гордыня.

Толя задумался.

— Ром, я не все понимаю в этом, но уважаю тебя за силу воли. А давай-ка мы споем с тобой песню, которую всегда поет моя Лидушка.

— Какую?

— А я сейчас напую. Так, сейчас, такая грустная песня.

Толя потер лоб.

— А, вот, вспомнил.

*Все ждала и ве-е-ерила
Се-ердцу вопреки.
Мы с тобой два бе-е-ерега
У одно-ой реки.*

И сам прервал себя:

— Она мне говорит: «Суждено нам было с тобой встретиться теперь, молодым не судьба была жизнь вместе сложить, а теперь судьба. Вот мы с тобой и есть два берега у одной реки».

Зазвонил телефон Романа.

— Такси заказывали?

— Да.

— Выходите! — И оператор назвал номер автомобиля.

— Толя, такси подъехало, я тебя провожу.

* * *

Анатолий отработал последнюю смену, и они решили попить пивка на прощание. Поехали в район, где живет Роман, там пивной бар близко от остановки.

Роман не вспоминал о Чухновском, а вот на подходе к пивбару вспомнил и даже подумал, что может увидеть его. Так оно и вышло. Роман сразу увидел Иннокентича, едва заглянул в зал. Бывший интеллигент сидел слева, склонившись над столом с пустым пластмассовым стаканом, рядом лежала смятая шапочка. Словно почувствовав взгляд, он медленно поднял голову и повернулся к входу, но взгляд скользнул по Роману равнодушно.

У продавца, носатой худощавой бабенки с пестрой головой, они купили по паре бокалов, Толя взял еще двух вяленых окуньков, а Рома себе чипсы. Второй раз за Великий пост ему приходится употреблять спиртное, и оба раза вынужденно, иначе бы его не поняли. После переезда он выпил с ребятами немного водки, и вот сейчас Толя захотел его угостить на прощание. Отказаться — обида останется у товарища, потом ее не загладить.

Они сели справа за ближний столик. Толя поднял бокал:

— Ну, давай, дружище, выпьем за здоровье друг друга. И чтобы все в жизни у нас ладилось, и чтоб мы не забывали друг друга.

Выпили, Толя толстыми пальцами удивительно ловко чистил небольшую рыбку, а Рома хрустел чипсами и посматривал через проход. Чухновский головы больше не поворачивал, он ее совсем опустил на столик, рядом с рукой. На нем то же пальто, в котором он приходил к Роме на день рождения, но сейчас оно было в самом плачевном состоянии.

— Толь, я на секунду подойду вон к тому человеку, — кивнул Роман, показывая через проход.

— Что, знакомый?

— Да, мой бывший преподаватель в институте.

— Ханыга. Зачем он тебе?

— Мне надо спросить его кое о чем.

— Ну, иди, я тебе не указ.

— Здравствуй, Иннокентич, — сказал Роман, подходя.

Голова приподнялась, потом повернулась, все это в замедленном темпе. Один глаз сощурен, другой в мутной слезе, но узнал.

— А-а, Ромочка.

— Иннокентич, ты же вроде собирался уезжать?

Скривилась щека и дернулась.

— Облом, Рома, большой облом. Моя карга приказала долго жить, сдохла матушка, и все пошло прахом. Никому не нужен стал старый русский интеллигент.

«Русский? Не так давно ты готов был назвать себя польским интеллигентом». Но вслух Роман этого не сказал, негоже пинать упавшего.

— Ромочка, угости пивом своего бывшего препода.

И пока Роман доставал полтинник, Чухновский уже вскочил, откуда только силы взялись.

— Спасибо, Рома.

Быстрым шагом он вышел из зала, но пошел не к стойке, а на выход; прозвенел дверной колокольчик.

— Ты что, денег дал этому старику? — спросил Толя.

— Немного. Жалко его.

Думал, что Толя скажет что-то вроде: «Все не пожалеешь». Но тот сказал совсем другое, неожиданное:

— Да, старых надо жалеть. Мы тоже такими станем. И вообще, почему люди стали такими жадными, все хапают, хапают? Я к своей Лидушке готов голым-босым помчаться.

Затем направление его мысли изменилось.

— Рома, я вот тут подумал... А что, если ты летом ко мне приедешь со своим семейством? У нас раздолье — душа радуется. И рыбалка хорошая, там же Обь недалеко.

— Да разве я против? У меня как раз отпуск в июне.

— Во-от, короче, решили. Ну, давай еще по пивку.

И вдруг сумрак набежал на лицо товарища, до этого весело-беззаботное.

— Ромка, мне почему-то тяжело расставаться с тобой. Будто что-то прямо с кровью отрывать от себя приходится. Я тут много думал в последнее время, особо когда Лидушку полюбил. Ты меня научил думать. Я помню, раньше, когда ты про частную собственность говорил, какая она подлая, я не особо верил. А коснулось меня лично, в семейке моей, и задумался. Нагляделся я на хапуг этих досыта. Я даже вспомнил, как мы с тобой чуть не подрались, помнишь, из-за натовского флага?

Роман кивнул:

— Помню.

— Ты меня прости, я тогда дурак дураком был. А сейчас, когда на Украине такое творится, я многое понял.

— Я рад, Толя.

— Жалко, что я уезжаю. Но я думаю, мы с тобой не потеряем друг друга.

Роман был чрезвычайно тронут словами Анатолия.

— Конечно, я обязательно приеду к тебе летом, — пообещал он.

— Ну, давай тогда выпьем за встречу.

* * *

Накануне поездки за Глебом у Романа и Полины опять произошла размолвка. Она настаивала, чтобы Глеб доучился в прежней школе, мол, незачем дергать мальчишку в конце учебного года. Роман же говорил, что нехорошо, когда сын живет отдельно от родителей. Между Глебом и матерью и без того отчуждение до конца не исчезло (они даже не звонили друг другу), а тут ребенок уже собрался и очень ждет, если сейчас его не забрать, у него возникнет большая обида на них... Поля под напором мужа уступила, но ехать не очень хотела.

Роман встал рано, горячо помолился о даровании здоровья своим близким, о прощении им грехов, просил Господа помочь ему в делах добрых. Он помнил, что сегодня должна состо-

яться важная встреча, но был уверен, что все обойдется благополучно. Разбудил Полину, они позавтракали, и он вышел на улицу раньше нее, чтобы прогреть двигатель.

Погодка стояла чудесная. За ночь подморозило, у подъезда еще похрустывал под ногами ледок, но солнышко уже поднялось из-за домов и на небе не было ни облачка. День обещал быть хорошим. Вскоре вышла Полина в теплой синей куртке и черной шапочке, выражение лица недовольное.

— Меня опять тошнило, может, я все же не поеду?

У нее уже наметился живот, и характер скатывался в стервозность.

Роман ответил внешне спокойно:

— Как хочешь, можешь и не ехать.

Но она уловила скрываемое раздражение.

— А-а, тебе безразлично, поеду я или нет! Ты совсем ко мне охладел. Может, ты уже подыскал себе другую, без брюха?

Не хватало еще поругаться.

— Поля, пожалуйста, успокойся. Ты едешь?

Она решительно распахнула заднюю дверцу машины.

...Буран радостно всколготился, лаял и метался на цепи, когда машина остановилась у калитки. Но едва они зашли во двор, пес лег на взбитый его же лапами снег, подтаявший и смешанный с комьями грязи, и заскулил пронзительно-жалобно, как малое дитя.

Полина удивленно спросила:

— Что это с ним?

Роман присел.

— Что-что. Он же чувствует разлуку с Глебом. Буранушка, милый мой, успокойся.

Пес поднял морду, лизнул Роману руку и опять уронил голову на холодную землю. Он уже не скулил, закрыл глаза. На порог выскочил Глеб в одной рубашке, в трикотажных штанах и тапочках.

— Папка приехал, мой папка приехал!

Подлетел к Роману, ткнулся ему в куртку, обнял за бедра руками.

— А мы уже все собрали, я и игрушки свои собрал. — Потом он увидел лежащую собаку: — Пап, а Бурана мы с собой возьмем?

Вопрос, конечно, интересный. И главное, неожиданный. Пока Роман обдумывал ответ, Поля уже высказала свой:

— Собаки нам только не хватает. Не выдумывай, Глеб, здесь ей лучше, есть где побегать, в квартире она заскучает.

Сын, насупясь, глянул на нее:

— Другие же держат в квартирах, и ничего.

Роман вмешался дипломатично:

– Не сейчас. Давай обустроимся как следует, а там решим.

Теща настряпала пельмени, на печке уже закипала вода в большой кастрюле. Женщины собирали на стол, для Романа открыли банку соленых огурцов.

Они уже сели, как вдруг через двойные рамы пробился властный звук автомобильного клаксона. Все повернули головы к окну.

– Кривой Потап приехал, его машина, – осевшим голосом сказал Глеб. – У-у, вражина, явился!

На часах было без одной минуты одиннадцать. Честно говоря, Роман до этого самого момента не верил, что Потап приедет и будет требовать деньги. Слишком уж это было бесчеловечно. Но на дороге стоял огромный джип с целым рядом фар на крыше кабины, и из него уже выходили люди, трое. Они тронулись через дорогу, впереди сам Потап, чуть сзади двое парней, у обоих что-то в руках, издали не разобрать.

Полина уронила вилку на стол и побледнела. Проговорила сдавленно:

– О господи, что с нами будет?

Теща сохранила спокойствие, видно, за жизнь повидала всякого, притерпелась. Она прикрикнула на дочь:

– Ну, чего затряслась? Он не зверь, не сожрет!

Дрожь и Романа настигла, прокатилась волной по телу. «Ну что ж, чему быть, того не миновать, – подумал он. – Надо идти встречать».

– Так, сидите дома, я пойду поговорю с ним, – произнес вслух бодро. Даже попытался пошутить: – Может, даже приглашу на тещины пельмени.

Поля смотрела замороженными глазами. Роман прошел к входной двери, обулся (куртку надевать не стал, остался в свитере), толкнул дверь. Буран метался на цепи, исходил свирепым лаем.

Глеб догнал на крыльце.

– Папа, на, возьми, у них же ружье, – углядел молодыми глазами.

В руке мальчишки был топор.

Роман взял его и сказал сыну:

– А теперь иди в дом.

Потап в высокой меховой шапке и черной кожаной куртке уже стоял у калитки. Высокий полный парень за ним держал на плече двустволку, а у второго, вставшего около машины Романа, в руке была бита, он ею задумчиво постукивал по бамперу.

Роман вначале держал топор опущенным вниз. Но после того, как сопровождающий хозяина охранник снял двустволку с плеча, направил на него, сказал «пу-уф» и молодо-весело захохотал, он понес оружие уже перед собой в полусогнутой руке. Встал в полуметре от ограды, Потап стоял примерно на таком же расстоянии с другой стороны, перед ручьем, несущим талую воду вдоль заборчика. Солнышко поднялось уже высоко, и потеплело.

У Потапа во рту сигарета, он перекачивает ее из одного угла рта в другой, изображает улыбку, да только разновзглядные глаза не улыбочивы.

– Ну, здравствуй, Рома. Что же ты встречаешь гостей с топором? Нехорошо.

– Здравствуй, Потап. А ты разве с цветами в гости пришел?

Короткое «хо-хо!» веселостью и не пахнет.

– Ну, надо же тебя малехо попугать, чтоб ты сговорчивее стал. – И тут же добавил грозно: – Да уйми ты псину, а то мы уйдем ее навсегда!

Роман обернулся и зычно крикнул, дабы пес лучше понял:

– Буран, на место!

Лай стих.

– Ну так что, Рома, ты так и не намерен возместить мне ущерб?

– Не намерен.

– А ты, оказывается, борзой. Ты что же думаешь, если ты мне понравился, так теперь тебе все можно? Нет, шалишь. Короче, или отдавай деньги, или я заберу Полинку. Она же здесь, я знаю.

Если раньше глубоко внутри Романа и таилось чувство страха, то теперь оно быстро растворялось в гневе.

Он ответил с ледяным спокойствием:

– А ты попробуй забрать.

Подошел второй парень, цветная шапочка чудом держалась на кучерявом затылке, битой он теперь постукивал по ладони.

– В натуре, Потап, че мы с ним вошкаемся? Дай мы рубанем его, не успеет и топор поднять.

Наступал момент истины, который ясно покажет, кто есть кто.

Подняв топор на уровень головы и толкнув калитку, Роман шагнул навстречу противникам. Смотрел при этом на парня с битой, и слова адресовывались ему:

– Тебя я достану первого.

Потап непроизвольно отступил вправо, парень с двустволкой попятился в другую сторону,

прижимая ружье к груди. Они не ожидали такого разворота событий. Одно дело стоять с оружием втроем против одного и рисоваться, и совсем другое – оказаться в опасной близости от смертоносной стали топора в руке отчаянного мужика. Тот парень, который хотел «рубануть» Романа, суежливо запереступал ногами назад и заскользил на ненадежном весеннем грунте. Потом поехал телом вбок, взмахнул руками, так что бита выпала, а сам он шмякнулся на жижеобразную землю. И, перевернувшись на живот, быстро пополз к дороге – прочь от топора.

Роман уже начал рывок за ним, но тут услышал крик за спиной: «Папа!» – и почувствовал, как пальцы Глеба вцепились в его свитер сзади. Буквально следом раздался крик: «Рома!» – и Полина ухватила за его поднятую руку с топором.

Потап отступил еще дальше вправо и произнес удивленно:

– Етишь твою переетишь, сколько защитников!

Действительно, с такой поддержкой не страшен никакой враг. Поэтому в словах Романа звучала непреклонная уверенность:

– Потап, уходи, иначе вам худо будет. Если вы меня не застрелите сразу, я вас изрублю.

Дрогнув Потап, отвел вихлястые глаза.

– Эх, Рома, Рома... Зря ты ко мне не пошел, я б тебя в люди вывел, люблю отчаянных. – Он хотел еще что-то добавить, но, видимо, побоялся показаться сентиментальным и гаркнул парням: – Бойцы, к машине бегом!

Роман, Глеб и Полина стояли втроем, прижавшись друг к другу, и смотрели, как команда Потапа грузилась в джип. Потом огромная машина развернулась рядом с купавинской «четверкой», вздымая тучи грязных брызг, выехала на асфальт и умчалась за поворот. А они все стояли, настоящая семья, где каждый за каждого. Их трое, но скоро будет четверо.

Вдруг голос Глеба прервал их общее молчание:

– Пап, посмотри на небо.

Роман поднял голову, Полина тоже. На небе действительно было чудесное явление. С запада успела наплзти черная понизу туча, она заняла уже около трети небосвода, а на ней кочковатыми и клочковатыми уступами громоздились мощные облачные образования, и чем они были выше, тем светлее: их подсвечивало солнце, упрятанное где-то левее за большим отдельным облаком. Самый же верх всего облачного фронта был окрашен нежнейше-розово. А по остальному ви-

димому небу плыли каравеллы, бригантины и маленькие лодочки облаков.

Нарастающий гул двигателя сломал очарование, отвлек от созерцания дивных небесных картин, он нес тревогу. Джип вылетел из-за поворота на бешеной скорости и теперь стремительно приближался. Сверлящий звук тормозов – и вот внедорожник встал в метре от них. За рулем сам Потап, без шапки, взъерошенный. Вышел, поднял дверь багажника, а потом появился из-за машины, таща за воротник куртки человека. Доволок до Купавиных и отпустил. Человек упал прямо в ручей головой, но быстро ее поднял. Это оказался парень, который поигрывал битой, а потом испугался топора. Шапочки на нем теперь не было, лицо все в крови, покрывающей разбитый лоб, нос и губы. Один глаз уже закрыт набухающей гематомой.

Потап отряхнул руки.

– Смотри, Рома, так я поступаю с трусами. Он очканул перед тобой и получил свое. Хочешь, забери его, будет твоим рабом. – Потом полез в карман куртки, вынул и протянул пачку денег, перетянутую резинкой: – Полинка, возьми на память обо мне и вам на обзаведенье.

Роман усмехнулся:

– Да, сегодня даешь, а завтра потребуешь вернуть с процентами.

Лицо у Потапа стало печальным.

– Ну зачем ты так, Рома? Даю слово советского офицера, что никогда не потребую.

Полина только плотнее обняла Романа.

– Да бери, не бойся. Кривой Потап может быть добрым человеком. Это подарок, – снова обратился он к ней. А потом ухмыльнулся: – И береги своего мужа, пока он башку свою не потерял.

Полина оторвалась от Романа, протянула руку, взяла пачку.

– Ну все, бывайте.

Они опять смотрели, как Потап сел за руль, выворачивал его. Джип взвыл и с пробуксовкой, круто поворачивая, рванул к дороге, окатив машину Романа потоком грязи и воды, досталось немного и им.

Роман ладонью провел по джинсам Полины:

– Иди в дом, вымокла вся. – Повернулся к Глебу: – И ты иди.

Полину же интересовало другое:

– Рома, тут много денег.

– Ну и что, зачем они нам? Зря ты их взяла.

– Ну как зачем? Деньги разве бывают лишними?

– Бывают, еще как бывают. Иди в дом, простудишься.

– А ты?

– Да надо посмотреть, что с парнем.

– Тебе это надо? Полежит и встанет.

– Иди, иди.

Подавал голос Глеб, до этого молча жавшийся к боку отца:

– Пап, я с тобой.

– Ну, пошли.

Парень пытался встать на четвереньки, одна рука у него тоже была в крови. Роман наклонился к нему, взял под плечи. Куртка скользкая, с нее течет, поднимать неудобно, но все же поднял, поставил лицом к себе.

– Стоять можешь?

Из кровавой каши голос прозвучал страшно:

– У-уди-и, ка-азел!

Неповрежденный глаз был полон ненависти. Парень вдруг оттолкнулся от Романа рукой и, неуверенно ставя ноги, пошел назад, туда, откуда его привезли.

– Дурило, не ходи туда, там тебя добьют! – крикнул Роман вслед.

Но парень только вяло махнул рукой.

Глеб спросил:

– Пап, он что, совсем дурак?

– Выходит, так, раз идет туда. Но это его выбор.

* * *

После весенних каникул Глеб пошел в новую школу. Все связанные с его переходом хлопоты Полина, по настоянию Романа, взяла на себя: у нее было больше свободного времени. Вскоре закончилась и другая бюрократическая волокита, Глеб официально стал Купавиным и Романовичем.

Двенадцатого апреля наступило Светлое Христово Воскресение. Поля дома постаралась как могла, правда, ее старания ограничились покраской яиц. Остальное они вкушали у старых Купавиных, там было всего вдосталь.

Роман перед поездкой к родителям волновался: неизвестно было, как старики встретят Глеба, они не могли забыть Машеньку; но все прошло великолепно, особенно понравились друг другу дед и внук. Мама вначале была несколько замкнута, сторонилась мальчика, но оттаяла, когда увидела, как восхищенно он смотрит на Романа, это ее подкупило. Чуть позже позвонил Анатолий, позддравил, сказал, что у него все налаживается.

* * *

Второго мая у Полины день рождения, намечали посидеть вечером, она приехала утром после смены и легла спать. Глебка убежал на улицу.

Роман после обеда включил телевизор, хотел посмотреть новости и увидел страшные кадры из Одессы. К этому шло, к этому вела бесчеловечная сущность национализма, именно из него рождался и колониализм, фашизм и современный американский империализм. Но как ни подготавливай себя, а видеть людей, выпрыгивающих из горящего здания с высоты пятого-шестого этажа, видеть, как их потом добивают битами и арматурой, – это страшно. И если ты нормальный человек, равнодушный к чужому горю, то у тебя обязательно родится ненависть к ублюдкам, ставшим орудием в чьих-то кровавых руках.

«Мрази, мрази, фашисты проклятые! – твердил про себя Роман. – А где же народ, почему он не поднимается на свою защиту? Ведь это Одесса – город-герой! Неужто стерпят? Неужто не понимают люди, что их ужасом приводят к покорности?»

Ненависть родилась, черным сгустком легла в сердце, она не рассосется, будет лежать и поддавливать сердечную мышцу, ждать момента, выплеска. Это не противоядием ненависти, переродившаяся из присущей Божественной природе человека нетерпимости к греху и порокам именно из-за греховности человеческой, а естественная, сущностная, изначальная, активно не принимающая сатанинское зло. И она выплеснется только на источник зла.

У Романа впервые мелькнула мысль о том, что ему придется поехать туда, на Украину, воевать с нечистью. В сорок пятом фашизм мы не добились, не выгнали огнем эту заразу, союзники не дали. Они держали фашизм полузадушенным, чтобы самим не пострадать нечаянно, держали для нужного момента войны с Россией, и вот сейчас этот момент настает.

«Может, хоть сейчас, после этих страшных событий на Украине, в Донбассе-то уже тоже начинает литься кровь, народ русский поймет наконец, что жить только ради пуза и счета в банке нельзя, это дорога в пропасть. У нас в России тоже полно одурманенных людей, и майдан на Красной площади вовсе не плод моего воспаленного сознания».

Полина встала позже, Роман уже несколько успокоился. Она зашла в большую комнату, где он сидел и думал, осторожно присела к нему на

подлокотник кресла, привычно взъерошила его волосы.

– Не слышу поздравлений, и никаких приготовлений к празднику. В чем дело, Рома?

Роман поймал ее руку, ему сейчас даже думать о каком-то застолье казалось кошунством. А еще он вспомнил, что в его день рождения тоже пролилась большая кровь на Украине. Случайно ли такое совпадение?

– Поля, в Одессе бандеровцы сожгли десятки людей заживо.

– Да?

Ему показалось, что она восприняла эту жуткую новость совершенно равнодушно, заговорил громче и эмоциональнее:

– Ты только послушай! Загнали сотни людей в Дом профсоюзов и закидали окна бутылками с зажигательной смесью! А потом тех, кто выпрыгивал, добивали подручными средствами.

Она по-прежнему была в игривом настроении и хотела снова поворошить его кудри.

– Да перестань ты! Там люди русские погибли, а ты!..

Она начала обижаться:

– А что я? Я их воскрешу, что ли? Да и какие русские там погибли? Хохлы меж собой грызутся, мы-то при чем?

Роман не выдержал:

– Что ты несешь?! Как это при чем?! Сейчас промолчим – завтра они наш дом закидают зажигалками! Наш! Ты понимаешь это?!

– Не кричи, пожалуйста, – поморщилась Полина, – ребенка напугаешь. И кстати, у нас девочки говорили, что это наши так показывают, а на самом деле на майдане все не так было и в Крыму тоже. Так что, может, и здесь подделали? Кому-то это, наверное, выгодно?

Роман был ошарашен:

– Ты понимаешь, что городишь? По-твоему, это Россия разжигает ненависть к Украине?

Полина встала с подлокотника, сказала смущенно:

– Ну, я не знаю, но люди-то говорят.

И тут он взорвался:

– Дура ты конченная! Уйди с глаз моих!

Щеки у Полины вспыхнули злым румянцем.

– Сам урод! – бросила, как камень, и вышла, хлопнув дверью.

Трудно налаживалась у них совместная жизнь. Был момент во время наезда Потапа, когда их семья ощутила себя одним целым, и тогда казалось, что так будет всегда. Но нет, уже на

следующий день случилась ссора. И потом еще так бывало не раз.

Полина не хотела ходить по магазинам, готовить не научилась и не стремилась научиться, даже постирать в машинке и то не могла. Она считала, что с нее достаточно работы, к тому же она ждет ребенка. Любимым ее занятием было «зависать» в интернете, она могла часами не вставать со стула перед компьютером, который теперь стоял в спальне, а муж и сын оставались вне зоны ее внимания.

Глеб относился к матери как к какой-то родственнице: она вроде бы своя, а вроде и чужая. Поля тоже не особо стремилась вернуть любовь сына, ее любовь сосредоточилась на новой жизни, формирующейся в ней.

* * *

Забегал Глеб, даже не стал разуваться.

– Пап, дай что-нибудь куснуть!

– А что, раздеться, умыться и поесть за столом нет времени?

– Ага, нету. Сейчас пацаны подойдут, бежать надо.

– Ну, раз надо... – Роман пошел на кухню, приготовил два больших бутерброда, вынес стоящему у порога Глебу: – На.

– Да мне одного хватит, зачем два?

– Ты ж не один играешь, поделись с товарищами.

Глеба это озадачило.

– Пап, да сейчас никто ни с кем не делится, – попытался объяснить он.

– А ты поделись. Потом, возможно, и они начнут. Ты им пример подай.

Сын смотрел непонимающе.

– Глеб, нельзя есть одному в коллективе, не по-людски это.

Но все равно мальчишка не понял. Основы эгоизма в нем уже заложены, придется их ломать.

– Ладно, потом объясню, – сказал Роман. – Беги.

– Спасибо!

Глебка крутанулся на месте, выскочил. При таких резких движениях легкая хромота его становилась заметна. А еще тогда, когда он уставал и нога побаливала.

«Нет, все же сын у меня хороший, – подумал Роман. – Я его воспитаю добрым и честным человеком, постараюсь воспитать».

Только успел так решить про себя, как подоспели другие мысли:

«А если меня убьют? Как он будет жить без меня? И Полина как будет? Вправе ли я бросить беременную жену и малого сына?

Стоп! Почему обязательно убьют? А может, вообще скоро сметут эту погань, народ поднимется и сметет? Всякое возможно. Вон и в Харькове уже люди оказывают бандеровцам сопротивление. Ну, посмотрим.

А с Полей я нехорошо поступил. Надо же было спокойно ей объяснить, а я только орать умею и оскорблять. У жены день рождения, а я ей вместо подарка закатил скандал. Пойду извинюсь. Да и все же надо хоть какой-то стол собрать, подарок вручить».

Он вышел в коридор и толкнул дверь спальни, но там жены не оказалось и в комнате Глеба тоже. Зазвонил телефон, и он бегом вернулся в большую комнату, думал, что это Поля. Но звонила теща.

— Ромочка, зятек, привет.

— Здравствуйте, Надежда Григорьевна.

— Ром, ну что ты мне все выкаешь, я тебе сколько раз говорила. Что я тебе, какая-нибудь барыня?

— Простите, но на все нужно время.

— Ладно. Слушай, я ж к вам собралась, звоню Полинке кой-чего обговорить, а она трубку не берет. В чем дело?

— Извините, Надежда Григорьевна, так получилось, но праздник отменяется.

— Вот те раз! Полька, поди, чего-то отчебучила? То-то трубку не берет.

— Да нет, тут другие причины.

— Ну, тогда сами разбирайтесь. Раз так, я пойду в огороде поковыряюсь. Ты вскопать-то поможешь?

— Ну а как же, обязательно, когда скажете.

— Ну, бывай.

«Куда же она подалась, сумасбродина? Подруг у нее нет, на работе не очень общается. Подожду, может, просто с психу выскочила. Пропсихуется и придет. Пора Глеба домой звать».

Роман вышел на балкон и замер от восторга перед открывшейся чудной картиной заката. Из той квартиры, где он жил прежде, такого увидеть было нельзя, окна смотрели в другую сторону.

«Как прекрасен Божий мир! Вот если бы все люди ценили эту божественную красоту, то не было бы никаких войн! Но люди не хотят этого видеть, земное заслоняет, оно кажется единственно важным...»

Он бы еще стоял и любовался, забыв обо всем, но, как всегда, что-то отвлекает. Сейчас отвлек шум внизу: двое водителей не могли разъехаться на придомовой дороге. Оба вышли из

машин и яростно спорили, один уже подступал к другому с кулаками.

Глеба около дома Роман не увидел, вернулся в комнату, позвонил. Сын ответил не сразу, голос запыхавшийся:

— Да, пап.

— Сынок, ты где?

— Да мы в садике.

— Давай домой.

— Пап, ну еще маленько.

— Нет, все, домой. Дела есть.

Глеб ответил со вздохом:

— Иду.

Отношения с усыновленным мальчишкой Роман строил на полном доверии и уважении, и это оказался наилучший способ. Глеб, фактически с самого раннего детства пестуемый одной бабушкой, истосковался по родительскому вниманию, особенно отцовскому. И сейчас, ощущая со стороны Романа отеческую заботу, становился послушным и внимательным сыном.

Роман вспомнил недавний с ним разговор. Глеб пришел с улицы чем-то недовольный.

— Что-то случилось, Глебушка?

— Пацаны смеются, что у меня мобилок лоховский! — выпалил мальчик. — Вон у Вадьки такой навороченный. Пап, купи мне нормальный телефон!

Роман нахмурился.

— Ну-ка, сядь, — показал он рукой на табуретку. — Значит, говоришь, телефон у тебя лоховский? Объясни мне, что это означает?

Глеб начал смущаться.

— Ну, плохой, некрасивый, маленький, там мало всяких наворотов.

— Понятно. А звонит он нормально?

— Нормально.

— Значит, свою основную функцию — звонить — он выполняет. А надо еще и в интернет выход иметь, видеокамеру, большой выбор мелодий, разных игр, так?

Мальчишка совсем сник:

— Пап, да ладно, обойдусь и этим.

— Обойдешься, говоришь? Нет, я, конечно, могу тебе купить, как ты говоришь, навороченный, могу. Но мне горько, сын, что ты начинаешь тянуться к дорогим вещам, а потом потянешься к богатству.

Глеб опустил голову:

— Да ну его, телефон этот, я сдуру брякнул.

— Нет, давай до конца разберем эту тему, я хочу, чтобы ты понял суть. Обычно только неумные люди бахвалятся своим богатством, выставляют его напоказ. А богатые в большинстве сво-

ем неумные, потому что лишь глупец может растрачивать свою жизнь на набивание карманов. Рабочий человек, который своими руками зарабатывает на хлеб, не будет покупать дорогие и ненужные вещи да еще и кичиться этим, то есть хвалиться. У этого Вадьки отец, вероятно, или начальник, или торгаш. Подрастет Вадя – купит ему родитель дорогую иномарку и будет он на ней гонять, смотря свысока на тех, у кого нет дорогой машины. У него уже воспитается убеждение, что он лучше других и что ему позволено все. Я не хочу, чтобы ты стал таким, поэтому покупать тебе дорогой телефон не стану. Ты меня понял?

Глеб поднял голову, смотрел открыто.

– А чего не понять? Кривой Потап богатый и плохой, я таким не буду.

...Минут через десять Глеб пришел с улицы.

– А мама где?

– Не знаю, вышла куда-то.

– А когда мы будем дарить ей подарок?

– Попозже. Иди поешь, а потом почитай.

Прошел час, другой, наступал вечер, Роман начал не на шутку беспокоиться, а телефон Полины все вещал бесцветным голосом: «В настоящее время абонент не может вам ответить».

Он уже не находил себе места, когда позвонила мама:

– Сынок, приезжай, Полина у нас.

Быстро собрался, зашел к Глебу. Мальчик читал повесть Короленко «Слепой музыкант».

– Глеб, я ненадолго отлучусь.

– А куда?

– За мамой, она у моих родителей.

– Я тоже хочу к деду Боре, возьми меня.

– Не сейчас, я быстро.

Романа встретила мама, взгляд виноватый.

– Сынок, ты уж ее не ругай, день рождения все-таки у нее.

Из кухни доносились голоса.

– А кто там еще?

– Настюха. Они вместе пришли, гуляют. – И не удержалась, дала понять сыну, что не одобряет поведения снохи: – А все же не дело брюхатой водку глыкать...

Полина сидела у окна, Настя ближе, у торца стола. Когда Роман появился в проеме, его жена как раз разливала водку.

Она подняла на него глаза, но тут же опять сосредоточила взгляд на стаканах, пробурчала:

– А-а, явился.

На кухне накурено, несмотря на открытую форточку, на столе сигареты и пепельница. Настя, на этот раз жгучая брюнетка, повернулась к

Роману. Глаза пьяноватые, но голос веселый и немного извиняющийся:

– Дядь Ром, на меня бочку не кати, я тут ни при чем. Поля позвонила и попросила приехать. Мирно сидим, справляем день рождения.

Роман ожидал от нее обычной колкости, готовился к злomu разговору, поэтому немного растерялся:

– А вы что, знакомы?

Настя хлопнула себя по голой коленке, хохотнула:

– Здравсте, я ваша тетя! Я ж на вашей свадьбе была. Да мы с ней и в интернете общаемся постоянно. Садись, дядька, с нами.

И она выдвинула из-под стола табуретку.

– Некогда, нас дома сын ждет. Поля, закройся, поедем.

Полина за это время успела выпить свою порцию водки и закусывала соленой капустой, на него даже не посмотрела.

– Поля, я к тебе обращаюсь! – сказал Роман громче.

Она дожевала капусту, откинула мешающую прядь волос, только потом вскинула глаза.

– Знаешь, меня иногда тошнит от твоей правильности. Ехал бы ты отсюда.

Тут вмешалась Настя, и очень энергично:

– Ты чего гонишь, Поля?! Дядька Рома – мужик настоящий, сейчас таких почти нету! – Она даже стукнула ладонью по столу, да так, что подпрыгнула тарелка с остатками пельменей. – Он тебя замуж взял, сына твоего усыновил! Тебе на него молиться надо, а ты...

А у Поли обида пополам с хмельными слезами:

– Да?! Он меня даже не поздравил! И день рождения не хотел отмечать, так же как и свой. Тогда кого-то убили, сейчас кого-то сожгли. Я-то тут при чем? У меня день рождения один раз в году! И я хочу...

Настя не дала ей закончить, рывкнула басом:

– Заглохни, дура! Там, в натуре, людей пожгли! – Повернулась снова к Роману: – Дядька, поехали в Донбасс, там скоро война будет. Донбасс не разнеженная Одесса, там козлам этим всыпят по полной. Я б сама этих майданутих руками душила! Ты ж мужик боевой, поехали.

Роман невольно улынулся:

– Неужели там без женщин не управятся? Ты разве воин, поди, автомат-то в руках не держала? Настю такие речи лишь подогрели.

– Это мелочи, научат. Не, ты как знаешь, а я, если там большая заваруха начнется, поеду фашистов мочить.

Тут она боковым зрением увидела, как Поля снова потянулась к бутылке, и быстро перехватила ее руку.

— Э-э, подруга, завязывай. Дядька, иди пока к старикам, через десять минут я приведу ее в чувство. — И, видя его нерешительность, уже скомандовала: — Иди, говорю!

Мать в зале сидела с вязаньем.

— Батя-то что делает? — спросил у нее Роман.

— В телик, поди, глазаеет. Слышал, сынок, что в Одессе-то деется? Отец переживает сильно.

Батя не «глазел в телик», он лежа читал Библию.

— А-а, сына. Иди-ка сюда, я тебе зачитаю кое-что. — И, не дождавшись, пока Роман дойдет до него, начал читать: — «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все это — начало болезни. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга...»

Он посмотрел поверх очков на сына, присевшего на постель, и пояснил:

— Это Евангелие от Матфея.

— Батя, я читал это много раз и очень внимательно.

— Тогда скажи мне: наступают эти самые времена, о которых говорил Иисус?

Сын ответил без тени сомнения:

— Уже наступили.

— А отчего это, как ты думаешь?

— Там же ясно сказано: «все это — начало болезни». А болезнь — гордыня человеческая, она мать всех пороков. Именно из-за нее, из-за гордыни, будут ненавидимы христиане и гонимы за имя Христово. Он проповедовал любовь, а где гордыня, там нет места для любви. Она, подлая, толкает человечество в пропасть, она породила в людях алчность, зависть, тщеславие, самолюбие, поэтому люди всю историю и воюют за земли, за собственность, за лучший кусок.

— Там сказано: «восстанет народ на народ». Получается, украинский народ будет против нас воевать?

— Здесь сложнее, батя. Мы один народ, просто Украину оторвали от нас, и много лет американцы выращивали в украинской элите ненависть к русским, готовили ее к предательству. Хохлов все эти годы манили пряником интеграции с Европой, вот, получается, и сманили. Ради миража

сытой жизни в Европе они теперь готовы на все. А мы, как сторонние наблюдатели, безразлично смотрели...

— Я глядел, что в Одессе произошло, это же ужас!

— Думаю, это только начало, в Донецке и Луганске они еще не то натворят. Вон в Славянске что вытворяли? Но там народ настроен против бандеровской власти, они уже и независимость объявили.

— Думаешь, много крови будет?

— Будет, — подтвердил Роман. И тут непроизвольно у него вырвалось: — Батя, если начнется большая война в Донбассе, я поеду туда воевать против фашизма.

Отец посмотрел долгим взглядом:

— Ты это серьезно?

— Да, батя, серьезно. Я не хочу, чтобы и тебя с мамой сожгли прямо в квартире.

Отец протяжно вздохнул:

— Бог даст, до войны дело не дойдет.

— Будем надеяться.

Хорошо, что отец не до конца поверил сыну, а то бы так легко не сменил тему.

— Скажи, вы с Полинкой разругались, что ли? Чего это она к нам примчалась, да еще в день рождения?

— Да вот как раз из-за событий в Одессе. Я ей сказал, что не будем праздник устраивать, когда там такое горе случилось. Ну, а она психанула.

— Зря только она с Настькой связалась, с шельмой этой. Я на кухню зашел, а она Полине на ухо чтой-то нашептывала. Смотри, собьет твою бабенку с пути.

— Нет, батя, тут ты не прав. Настюха оказалась как раз молодцом. И Полю не поддержала, и готова ехать бить фашистов. Я сам, честно говоря, не ожидал от нее такого.

— Да это она спьяну.

— Не скажи.

В этот момент как раз и сама Настя открыла дверь:

— Дядь Ром, твоя супруга готова, забирай.

Полина, как всегда после своих срывов, тиха и смирна, волосы влажные, в машине сидела на заднем сиденье.

Рома ломал в себе злость на жену, старался понять ее и хоть в чем-то оправдать. Ну, сорвалась, с кем не бывает, значит, он сам не все сделал как надо, мало внимания ей уделял. Ничего, все образуется, она же все последние месяцы была молодцом, не пила и не курила, сможет и дальше выдержат.

Дома Поля тихонько прошла в спальню и прикрыла за собой дверь.

Роман и Глеб ужинали вдвоем. Мальчишка, конечно, догадался, что мать дома. Догадался и о другом, но не спросил, ему хватало внимания отца. Они сидели рядом на диване, смотрели телеканал «Звезда»: вечером события в Одессе показали здесь более подробно.

Роман крепко сжал руку сына, когда смотрели, как девушка повисла на руках, а потом полетела вниз с четвертого этажа, упала и не встала. Может, это было жестоко, но он не позволил сыну уйти, заставил его досмотреть, как добивали выпрыгнувших из окон, как стреляли в метавшихся по горящему зданию обреченных людей.

А потом сказал заплакавшему Глебу:

– Смотри, сын, и запоминай: так фашисты убивают безоружных людей.

...Спать Роман лег в зале на диване. Полина пришла к нему под утро.

– Подвинься. – Разбудила, легла, прижалась. – Опять твоя скверная жена набедакурила...

Ушедшая было обида вдруг навалилась с новой силой, Роман отцеплял обвивавшие его руки:

– Отстань, тебя же от меня тошнит.

Но руки были настойчивы, снова обвивали.

– Ну что болтаешь-то, меня тошнит от беременности. Но ты и меня пойми: у меня день рождения, а ты мне делаешь такой облом.

Ничего она не поняла.

– Мы с тобой совершенно разные люди, как будто из разных эпох! – с горечью проговорил он. – Мы даже говорим на разных языках и не понимаем друг друга.

– Перестань, все я понимаю, стараюсь, по крайней мере, понять. Вот принять могу не все. Ты действительно иногда странный, непонятный, будто и в самом деле с другой планеты, мне бывает трудно с тобой.

– Поля, а может, нам лучше расстаться?

Она приблизила свои губы к его щеке:

– Ну что ты выдумываешь? Ты же прекрасно понимаешь, что я без тебя не проживу, мне тогда лучше утопиться. Да и ребенок у нас будет, твой.

– Так зачем же ты его еще в чреве горишь? Зачем пила, зачем закурила?

– Да дура потому что. Обида накатила, вот и не выдержала. Но все, с этим покончено.

* * *

На место Анатолия пока никого не приняли. Роман работал один, хотя по всем инструкциям это было недопустимо. Когда начальникам было нужно, они требовали исполнять каждую букву

какого-нибудь нормативного документа, а где выгоднее было закрыть глаза на нарушения – делали это без церемоний. Роман даже сварочные и газорезательные работы производил один. Гладков все прекрасно знал и видел, но работы выполнялись, доплаты никто не требовал, и это его вполне устраивало.

На большие работы Роману, конечно, давали помощников, слесарей с других участков, но потом и ему приходилось помогать им. С начальником цеха он теперь общался лишь в меру необходимости и очень коротко.

Роман ждал отпуска. По графику – в июне.

* * *

Девятого мая приехала теща, и Роман повез всех к своим родителям.

Старики рады гостям, как всегда, гостеприимны. Была, конечно, и выпивка. Мама с опаской посматривала на Полину, но сноха пила только домашний компот и вообще вела себя очень благопристойно. Теща водочкой угостилась, но в меру, с мамой они поладили быстро и вскоре уже увлеченно о чем-то беседовали.

Позже приехала Галя. Она душа всякой компании, ее широкое лицо, раскрасневшееся от спиртного и веселья, было прекрасно искрящимся добросердечием. Галя знала много русских народных песен, любила военные песни, они с Романом даже исполнили дуэтом несколько романсов. Вспоминали деда, Савелия Яковлевича, вспоминали всех родных, погибших и живых.

Вечером, когда уже вернулись домой, позвонил Анатолий, поздравил. Он нашел постоянную работу и сейчас возит уголь. В свободное время ремонтирует домишко, хочет за лето залить фундамент под новый дом.

А еще позвонил Сергей Петров, с Днем Победы не поздравил, голос с самого начала был ноющий.

– Ну, здравствуй, Рома.

– Здорово, Сергей.

– Что ж ты, Рома, забыл совсем своего старого товарища? У меня большое сердце и диабет развивается, лежу никому не нужный, а ты даже не позвонишь, не поинтересуешься.

– Прости, Серега, замотался.

– Тебе хорошо, ты здоровый, мотаешься, а тут до туалета без помощи дойти не могу.

Роману не верилось, что мужика так быстро скрутило.

– Что, так плохо? Ты же недавно еще вполне был. Когда я в больницу к тебе приходил, ты вон каким бодрячком выглядел!

– А сейчас уже почти не хожу. Думаю: то ли в окошко выброситься? Надоело все.

Роман подумал, что Сергей шутит.

– Серега, брось такие шутки!

И тут из трубки понеслось с надрывом:

– Какие шутки?! Надоел я всем, и мне все надоело. Одним разом с этой житухой поганой покончу!

Стало ясно: это серьезно. И возникло у Ромы очень сильное желание обложить Сергея Петрова многоэтажным матом, но он тут же опомнился: как бы не озлобить человека окончательно и тем самым не подтолкнуть к непоправимому. Роман хоть и повысил голос, но без ярости, и слова его звучали увещательно.

– Серега, не дури! Не бери на душу такой страшный, неискупимый грех. Ты попробуй понять, что страдания даются нам для искупления грехов наших и для вразумления. Если тебе дано страдание, значит, Господь готов тебя помиловать. Терпи, Серега, терпи.

– Да иди ты со своими сказками, без них тошно!

– Какие сказки, дурило?

Все же не выдержал Роман и заговорил со злым напором.

– В конце концов, будь ты мужиком, а не слюнявком! Умри достойно, по-людски, когда время подойдет, а не как трус последний. Если ты покончишь с собой, я приду на твою могилу и плюну на нее, так и знай!

Вышла из спальни Полина в халатике (видно, говорил он очень громко), смотрела недоуменно.

Зато на Сергея такие слова подействовали. Помолчав, он сказал тихо:

– Ну ладно, ты меня почти уговорил. Только ты ко мне приедь, пожалуйста, через недельку, попрощаемся.

Непонятно прозвучало последнее слово, но не стал Роман заклиниваться на этом.

– Ну а как же, обязательно приеду. Ты еще поправишься, какие твои годы. Ты ведь не старый, чуть больше полста?

– Какие полста? Мне сорок восемь всего!

– Ну, какие это годы! Держись, Серега.

– Спасибо, Рома. Значит, через недельку, после праздников.

– Я тебе предварительно позвоню.

Когда он закончил разговор, Полина присела рядом:

– С кем это ты опять так разговаривал?

– С товарищем одним, работали вместе.

– А почему так сурово?

– Собрался самоубийством жизнь закончить.

– А если человеку невмоготу?

– Не поверю. Бог не дает страданий выше сил человека. В фашистских застенках наших подпольщиков уж как пытали, а никто не кончал с собой. А если и были такие, то их очень мало.

Поля положила голову ему на плечо.

– Ох, Ромка, Ромка, ты наивный, как ребенок. Неужели веришь всей этой совковой пропаганде?

Роман так резко повернулся к ней, что голова жены, оставшаяся без опоры, мотнулась вниз и Полина едва не повалилась набок. Он успел подхватить ее за плечи, отвлекся и потому смог удержаться от грубости.

– Наслушалась подлой брехни! Ты хоть маленько думай. Неужели не понятно, что люди, погубившие Советский Союз, будут всегда шельмовать его героев? Они просто вынуждены так поступать, иначе народ очень скоро очухается и выметет их из власти. В войну психология у людей была другая, они думали о Родине, а не о себе.

Поля зевнула и махнула на него ладонью:

– Да ну тебя с твоей политикой. Пойду-ка я лучше спать, время уже позднее.

Она еще раз – длинно и со сладким стоном – зевнула, потянулась. При этом выгнула спину и стал очень заметен полнившийся жизнью живот. А напоследок бросила ему на ходу:

– Ты тоже не засиживайся.

* * *

На другой день Роман и Глеб поехали на рыбалку. Даже не столько на рыбалку, сколько просто на природу. Правда, сначала с утра они съездили к теще, копали огород, а потом уж отправились на берег реки.

Полина, как обычно, уклонилась от поездки, отговорила недомоганием. А зря: погодушка стояла просто великолепная, было тепло и безветренно. Мальчишка расспрашивал отца обо всем: о реке, о рыбе, которая здесь водится, об окружающем мире. И как-то незаметно разговор подошел (или, скорее, Роман его подвел) к вопросу о Создателе всего земного великолепия. Затем отец коротко, но емко рассказал сыну о жизни Иисуса. Говорил горячо, убежденно. Ему хотелось направить мальчишку к православию, дать твердое основание всей последующей жизни, настроить дух ребенка на восприятие Божественной симфонии любви, потому что сам был убежден в том, что состояние духа определяет личность человека. И ясно понимал, что приходит к Богу в юном возрасте гораздо лучше: тогда человек еще не подмят пороками и еще мал груз грехов,

* * *

которые с годами сильно тормозят человека на его пути к Господу.

Впечатлил сына Роман, это было очень заметно и радовало его.

Пробыли они на реке до вечера – даже несмотря на то что рыба клевала вяло, поймали мало. Загорали, жарили шашлыки. Глеб хотел искупаться, Роман отговаривал, но потом и сам окунулся в еще очень холодную воду.

Следующий день Роману пришлось работать в гараже. Ильич позвонил и попросил изготовить ему мангал для шашлыков. Роману и прежде доводилось их делать, хотя сам он обходился кирпичами – как, например, вчера. Глеб напросился с ним, а Поля ворчала: она нашла в интернете информацию, что такие операции, какую делали Глебу, производят бесплатно. Значит, Ильич бесовестный, содрал с них деньги.

К обеду подъехал Ильич, навез всяких вкусных продуктов.

А вечером опять с тревогой смотрели вести с Украины. В Донецке и Луганске прошли референдумы, народ не хотел быть с Украиной в ее теперешнем виде. В Мариуполе «правосеки» бэтэром давили людей. Под Славянском шли уже настоящие бои. Сгусток ненависти в сердце Романа Купавина напитывался и набухал.

* * *

Где же ты, Малороссия, воспетая Гоголем и силою его таланта влюбившая в себя всю Россию, казалось, на века? Где вы, милые хохлушки и хохлы, наивные и хитрованные, щедрые и прижимистые? Где вишневые садочки у хаток, протяжные и грустные малоросские песни? Куда все кануло?

Дым пожара все гуще заволакивает небо Украины. Но неужели погибнет она? Неужели не одумаются люди, неужели ради призрачного европейского праздника живота продадут общее со всем русским народом великое и горькое прошлое, совместную жизнь, общую Победу?! Не хочется верить в это. А верится, что встрепенется Украина, одумается и вновь волеется в необъятный, как космос, Русский мир. И останется этот страшный, обморочный отрезок ее истории уроком для всех, увы, бывших республик Советского Союза, наглядно показывающим, что нельзя предавать самих себя. И станет катализатором объединения всех в новое единое государство. Но раньше надо добить вновь поднявший голову живучий фашизм.

Вечерело, густо-румяное солнце умаялось катиться по высокому летнему небушку и наконец склонилось к верхушкам пихт на краю горизонта на западе, туда, куда мчался поезд.

Настюха пошла в свой вагон, она и так толкалась рядом целый день, Роман даже устал от нее немного. Хотелось побыть одному, подумать. Он ехал на Украину, в Славянск, где с каждым днем все яростнее разгорались бои. Ехал, чтобы помочь ополченцам Донбасса в их борьбе против профашистской киевской власти.

Сгусток ненависти в нем так набряк, что стало невыносимо жить в безопасной дали, невозможно дышать полной грудью, начало тошнить от людского смеха, от проявлений обычной радости. Все казалось неуместным, гадким и предательским.

Сгусток рос на человеческом горе, бух от слез избиваемых стариков в городках и поселках Новороссии, от крови раздавленных пьяными боевиками на бэтэрах мирных жителей, от мук изорванных осколками детишек.

Через неделю после праздничных дней Роман поехал на вокзал. Надежды купить билет на прямой поезд до Ростова-на-Дону было мало: сезон отпусков начался. А билеты продавались уже за сорок пять дней до отправления. Он хотел попасть именно в Ростов, надеясь найти там попутчиков, ведь не могло же быть такого, чтобы добровольцы не откликнулись на беду соотечественников.

Была и еще одна причина, а точнее мечта, которая тоже тянула его в Донбасс. В Новороссии люди не только стремились избавиться от власти националистов, они еще и жаждали социальной справедливости. И Роман втайне надеялся, что там, в огне сопротивления, зародится новый Союз, объединяющий людей на основе справедливости, на законах любви, а не капиталистических джунглей. Вот бы поучаствовать в построении такого Союза!

Ему повезло, он купил билет до Краснодара (еще оставались билеты на верхние и боковые места). Ничего, оттуда до Ростова недалеко, доберется как-нибудь. И вот он стоит в тамбуре вагона один, а вагон трясется-покачивается, везя его в неизвестность.

Роману стало грустно-прегрустно. Возможно, он никогда больше не вернется в родной город. Хочется поговорить с кем-то близким по духу, излить свою грусть, выслушать искренние слова поддержки. Но нет рядом такого человека. Поче-

му так? Неужели он действительно такой – не располагающий к дружбе? Да, скорее всего, он сам виноват в этом. Его стремление видеть мир только в двух цветах, черном и белом, без полутонов, оттолкнуло от него очень многих. А люди-то в подавляющем большинстве состоят из сочетания этих цветов. Но тогда и христианство его не совсем правильное: оно-то учит прощать людям их слабости, а он часто не мог этого сделать. Не мог спокойно наблюдать, как окружающие погружались в трясины златолюбства. И как Церковь русская выхолащивает в себе веру чрезмерной заботой о мирском, о внешнем благолепии. Осуждал за это и окружающих, и священников. Да и жену, Полину, он так, по сути, и не понял, не смог для нее стать тем, о ком она мечтала.

Одна Настюха его поддерживает, она вообще видит в нем героя, причем героя ее романа. Вспомнил, как днем она попросила его выйти с ней в тамбур покараулить, пока она курит. По новым правилам за курение в поезде полагается штраф, поэтому Насте приходилось прятаться.

Быстро выкурив сигарету в переходе между вагонами, она вышла идохнула на него табачным перегаром:

– С этими сучьими запретами туго мне придется, путь-то дальний.

Они отошли к вагонной двери.

– Ром, а ты как бросил? Вроде, сколько тебя помню, курил же?

Она еще утром, когда пришла к нему в вагон, сказала, что будет называть его просто Романом, а то неудобно все время «дядькать».

– Ну как? Понял, что это вредно, кашлять сильно стал по утрам. Понял и запретил себе.

– Ты вообще молодец. Другие мужики свои жопы от дивана не могут оторвать, а ты все бросил и поехал на войну.

– Да брось ты меня нахваливать, это нормально.

Она повернулась к нему, немного придвинулась, и ее объемистые груди мягкой массой вдавились Роману в живот.

– Если б ты не был моим дядькой, – вдруг призналась она, – я бы тебя увалила в койку.

Роман отшатнулся к стенке отгородки, уперся спиной в ручку:

– Настя! Ты сдурела?!

Она рассмеялась.

– Да не пугайся, Рома, я шучу, – с усилием свела крашенные губы. – Хотя в каждой шутке только доля шутки... Ты мне в самом деле нравишься, так нравишься, аж сердце заходится. Но я понимаю, что нельзя, все ж ты мне родня близ-

кая. Да и Полинке подлянку делать не хочу. Хотя, может, война все спишет? Мы же на войну едем...

Роман понимал, что такие сладко-липучие слова-нити необходимо отжигать сразу, иначе потом из сплетенной паутины вырваться не получится. И он постарался сделать это как можно мягче: светящиеся нежностью глаза Насти не дозволяли грубить.

– Больше такого чтобы я от тебя не слышал. Это было бы подло и по-скотски. Поняла?

Нежность в глазах погасла, они потускнели. Настя отвернулась к входной вагонной двери, взялась за поперечный прут.

– Ладно, замаяли. Только вот что я тебе скажу. Не пара тебе Поля.

– Это почему? – спросил он, тоже повернувшись к двери.

– Она совсем другая, у нее интересы другие.

– Какие же, по-твоему?

– Рома, я с ней много общалась и по скайпу, и по переписке. Она часто вспоминала, как они с Олегом, мужем бывшим, шиковали, как в кабаках устраивали банкеты. Еще она вспоминала какого-то Потапа, кривого или косоного, рассказывала, какие он ей подарки дарил, как баловал...

– Ну и что? – глухо произнес Роман. – Это еще ничего о человеке не говорит.

Они разговаривали, глядя не друг на друга, а в мутноватое стекло. Наверное, обоим так было легче, не надо было смотреть в глаза собеседнику. Вагон плавно качало, щелкали на стыках колеса.

– Говорит, Рома, очень много говорит. Не любит она тебя, это факт. Просто прилепилась к тебе, поняла, что ты надежный, с тобой не пропадешь. А мечтает она о другом, который бы баловал ее и издевался над ней. Натура у нее такая, и ее не переделаешь...

– Брось, Настя, брось! Я ее переделаю – добром и лаской. Я любовью сотру у нее воспоминания о прежней жизни.

Настя медленно повернулась к нему. В глазах – печаль бездонная.

– Если жив останешься. Не забывай, куда мы едем...

И тут же по лицу ее пробежала судорога прорвавшейся душевной боли.

– Почему все в жизни так несправедливо?!

Если б кто-нибудь мне сказал такие слова, да я б за него в огонь кинулась! – Потом попыталась совладать с собой, словно размышляя вслух: – Ну, ничего. Я думаю, среди ополченцев найдется похожий на тебя. Должны же там быть настоящие мужики.

Быстро повернулась и пошла к межвагонной двери.

– Постереги, я еще покурю.

Роман смотрел, как она шла, похудевшая почти до стройности, покачиваясь в такт движению поезда, и думал: зачем она все это ему рассказала? Неужели лишь для того, чтобы он разозлился на Полину и ответил Насте взаимностью? Отчасти, конечно, так. Но все же, несмотря на все ее выверты, у Насти было здоровое начало, она тоже многое не приняла в навязанных принципах жизни.

Ничего, все у них с Полинкой наладится. Скоро родится сын, и есть Глеб, а это уже неразрываемо.

* * *

Вспомнил Роман и вечер, когда решил сказать своим домочадцам об отъезде. Они с Глебом смотрели советский военный фильм, он пристрастил сына к такому кино. Вышла Поля из спальни, где в последнее время проводила большую часть времени – спала или сидела у компьютера.

Сейчас шла на кухню или в туалет, но Роман, неожиданно приняв решение, позвал ее:

– Поля, подойди.

Она остановилась, оглянулась. Смотрела вопросительно.

– Ну, подойди, сядь, разговор есть.

– Да некогда мне.

– Подойди, разговор серьезный.

С неохотой подошла, присела на самый краешек дивана:

– Говори.

– Я скоро уезжаю в Донбасс.

Припухшее лицо жены не выразило удивления или волнения, лишь рука взялась за широкие отвороты халата и заперебирала пальцами ткань. А вот заданный ею вопрос поразил Романа, показался ему абсолютно неуместным, совершенно из другого измерения жизни:

– У тебя там кто-то есть?

– В каком смысле?

– В прямом. Ты же едешь к женщине?

Чтобы совместить разные измерения, видимо, надо говорить медленно и очень отчетливо.

– Я еду в Донбасс воевать против украинских нацистов.

– Папка, ты поедешь убивать фашистов? Ура! Пап, возьми меня с собой, я тоже хочу стрелять в буржуинов, как Мальчиш-Кибальчиш!

Глеб тянул его за руку, требуя к себе внимания. Роман обнял сына за плечо:

– Сынок, ты должен сначала вырасти. Я думаю, твоему поколению тоже придется защищать Родину.

А Полина мыслила какими-то своими категориями:

– Значит, ты нас бросаешь?

– Ты говоришь глупости. У меня скоро отпуск, и я решил на время отпуска поехать помочь ополченцам. Я же тебе сто раз говорил, что, если мы не остановим фашизм на Украине, он придет с войной сюда.

Но разрушить стереотипы ее мышления невозможно.

– А как же мы – я, Глеб и наш ребенок? Тебя же могут убить! Значит, ты нас все же бросаешь?

Встала и медленно пошла из комнаты. А Глеб засыпал Романа вопросами, он был возбужден, будто действительно собирался с отцом в поход. Но вдруг лицо его побледнело, глазенки округлились, он замолчал.

– Глебушка, что с тобой?

Слова сына прошелестели тонко-жестяно, как крылья мертвой стрекозы от дуновения ветерка:

– Папа, а если тебя убьют?

Роман привлек головенку Глеба к себе и гладил ее, прижавшуюся доверчиво:

– Ну-ну, сынок, меня не так просто убить, я же ловкий, верткий. Нет, не убьют. Мы с тобой еще порыбачим по-настоящему, когда я приеду. Ага?

Про рыбалку Глебу всегда интересно, но не сейчас. Сейчас он лишь вяло поддакнул:

– Ага.

Выпростал голову из-под отцовской руки и задрал ее вверх, ища его глаза.

– Пап, скажи, а за Родину умирать не страшно?

Роман рад: растет человечек в духовном плане, раз задал такой вопрос. И ему, отцу, подсказал ответ.

– Умница ты у меня, сыночек, ты задал самый важный вопрос для любого мужчины. И я тебе отвечу серьезно, как мужчина мужчине. За Родину умереть не страшно, если ты любишь Родину. Не страшно умереть за мать, за отца, за тебя, за друга, потому что ты их любишь, а любовь сильнее страха, сильнее смерти. Любовь, сынок, сильнее всего на свете. Она правит миром, точнее, должна править.

Я вот недавно прочитал одну очень хорошую статью, там как раз есть мысль о трех категориях людей, вынужденных воевать. Запомни эти слова, Глеб. Первая категория – обыватели, ну, то есть люди, которым свое брюхо дороже всего на свете. Так вот они, когда их заставят

защищать страну, всегда будут жестоки и беспощадны, потому что постоянно боятся за свою шкуру. Вторая категория по природе бойцы, эти воюют достойно, но очень любят награды и почести, для них это едва ли не главное. А есть третья категория – воины. Лишь они являются настоящими носителями воинской доблести. Для них погибнуть за Отечество и за своего товарища – высшая честь. У них нет ненависти к конкретному противнику, потому что они уничтожают не его, а носителя зла. Вот и я хочу стать таким воином.

Глеб слушал так внимательно, что Роман был уверен: он запомнит эти слова навсегда.

Полина, когда Роман пришел в спальню, тихо лежала на спине, укрытая простыней до подбородка.

Роман лег, положил руку ей на грудь, но тело жены осталось каменно-неподвижно.

– Полюшка.

– Не трогай меня, пожалуйста. Ты предатель.

– Ну, опять ты за свое.

– Да, самый настоящий предатель! Ты предал меня и нашего ребенка.

– Да чем я предал-то?

– Тебя убьют, и останемся мы одни.

– Ну что ты меня заранее хоронишь? Я погибать не собираюсь.

– Ну, тогда найдешь себе ополченку, горячую хохлушку, они наверняка слетятся туда в поиске женихов.

– Ты подумай, о чем говоришь. Там стариков и детишек убивают, а у тебя одни амуры в голове. Плетешь, не зная что.

Она резко повернула к нему голову:

– Ах, я плету?! Убирайся отсюда, я спать хочу!

Роман рывком поднялся с постели, ушел в зал на диван. Он там спал, когда они ссорились.

* * *

Всплыл в памяти и разговор с начальником цеха, случившийся где-то в середине последней недели мая. Мыслями Роман был уже там, в Донбассе, работал по инерции, его уже мало трогало окружающее. А Гладков зашел в слесарку во время регламентированного отдыха, когда Роман, как обычно, пил чай.

– Здравствуй. – Начальник поднял на лоб защитные очки.

Но руки, подойдя, не подал.

– Здравствуй. Садись попей чайку с травкой, полезно очень.

– Спасибо, не откажусь.

Обычно отказывался (знать, серьезный разговор предстоит). Снял каску, провел рукой по короткой седине от затылка ко лбу, налил себе чаю. Пили, молчали, но недолго. Ясно, что не чай пить зашел Гладков.

– Ты у нас скоро в отпуск идешь? – спросил наконец начальник.

– Да, ту неделю отрабатываю и ухожу.

– Просьба у меня к тебе есть, Роман Борисович.

– Говори.

– Я прошу тебя поменяться отпуском с Иваном Колотанским. Ты же понимаешь, что оголяешь участок. Кстати, за такое распределение отпусков я еще взгрею Моловатова. Лето на носу, всем отдыхать хочется, а о плане я один должен думать. План для нас главное, от него ваши зарплаты зависят. Я ж о вас забочусь, а никто этого понять не хочет...

Начиналась старая, давно всем надоевшая песня. Роман поморщился:

– Валерьич, не говори так пафосно. Скажи прямо: «Я сократил людей по требованию некомпетентных владельцев, жаждущих только прибыли для себя. А сейчас пытаюсь латать дыры, как Тришка свой кафтан, потому что хочу еще поработать начальником». А я не хочу, чтобы из меня выжимали все соки люди, для которых мы лишь рабочий скот. Я не хочу этих паразитов обогащать. А за политику уничтожения комбината владельцев надо судить, они целый регион лишают средств к существованию. И тебя заодно, как пособника...

Теперь поморщился Гладков:

– Ну, Рома, это не разговор, это демагогия. Вы сами в девяносто первом голосовали за демократию, вот и получили то, что хотели. И между прочим, зря ты так на работодателей, они как раз за социальное партнерство.

Роман иронично хмыкнул:

– Ага, тут ты прав. Волк при встрече с ягненком тоже выступает за социальное партнерство, причем очень тесное...

Гладков дернул усами:

– Давай по делу. Я подал в отдел кадров заявку на слесаря, так что должны принять. Ты его малость подучишь, а осенью пойдешь в отпуск. Договорились?

Не стал Роман обострять дискуссию, он все же понимал начальника: тому сверху стучат по голове, и не он определяет политику комбината по кадрам. Он всего лишь исполнитель.

– Даже если я бы и хотел, то уже не смог бы пойти тебе навстречу.

Гладков отставил стакан:

- Это почему же?
- Уезжаю я.
- Разве это проблема? Сдай билет, делов-то.
- Нет, туда, куда я еду, билеты не сдают.
- Куда же это ты едешь, если не секрет?
- Не секрет. Еду на Украину воевать в рядах

ополченцев.

Выражение лица у Гладкова странное, растерянное.

- Серьезно?
- Очень даже серьезно.
- У тебя же, я слышал, жена беременна и сын появился? Как же ты можешь бросить семью? Семья – это главное для человека!

– Нет, Валерьич, главное для человека – быть человеком. Образом и подобием Божьим. То есть жить по совести.

– Роман, не говори пафосно.

– Если совесть для тебя пафос, тогда мы не пойдем один другого никогда.

– Ну, это же глупо! Тебя могут убить или, того хуже, искалечить. Ты готов к этому?

Роман ответил коротко:

– Да.

Больше говорить было не о чем. Гладков молча встал и вышел.

Вот и заканчивалась последняя перед отпуском смена. Рома сидел один в слесарке, глотал горячий чай и оглядывал все вокруг. Многое здесь сделано его руками: обшивка стен, стеллажи под инструмент, полочки, ящики. Раньше всего было еще больше, с изрядным запасом, однако в последний год хозяева начали внедрять программу «Шесть эс» и немало доброго инструмента и запчастей пришлось просто выкинуть в металлолом. Делал это Роман с зубным скрежетом, считая подобную «оптимизацию» расточительством и головотяпством, но сверху настаивали на исполнении и по цеху нередко шныряли разные проверяющие.

«Я будто прощаюсь со своей слесаркой, – думал он сейчас. – Да глупости это, нет у меня никаких скверных предчувствий. Просто уезжаю в неизвестность, и сознание хочет запечатлеть в памяти милые сердцу места».

В приоткрытую дверь развалистой походкой вошла Гуля – так он называл прибившуюся с конца зимы голубку. Умная птица, пару раз покормленная крошеным хлебом, поняла, что здесь ее привечают, и прижилась в цехе. Когда Роман

приходил после раскомандировки, она уже ждала его у двери. Торопливо склевывала утреннюю порцию и куда-то удалялась, но строго к моменту прихода Романа из столовой уже была тут как тут. Третий раз являлась она перед концом смены. Иногда, если Роман работал в ремзоне, Гуля садилась на трубу вентиляции или на какую-нибудь деталь оборудования и наблюдала за ним.

Вот и сейчас Роман хотел встать, достать хлеб и покрошить гостю, но не успел. Гуля довольно проворно подошла к нему, неожиданно взлетела и села на колено. Растроганный, Роман замер, а голубка смотрела на него и ворковала. Она вытягивала шею, поворачивала головку в стороны, а потом снова смотрела на человека.

Роман осторожно протянул руку и провел пальцами от головки голубки по шее и ниже. Птица не испугалась, она будто ждала этого, под ладонью человека она еще сильнее вытянулась и шагнула к нему ближе.

– Ах ты, моя хорошая, добрая Гуля!

В ответ прозвучала нежнейшая рулада.

«Неужели она чувствует, что в понедельник меня уже не будет? Возможно, тогда она прощается со мной».

5

В последний вечер перед поездкой Роман долго молился. Он не просил сохранить ему жизнь. Он просил укрепить дух его, даровать ему мужество и терпение. Горячо молил Спасителя не оставить его престарелых родителей, его жену, сына и еще не родившегося ребенка.

Поезд отходил в девять часов утра, и встали они рано – невыспавшиеся после бурной ночи. Тяжкой еще и из-за резких перепадов в настроении Полины. Она то безудержно ласкала Романа, то заливалась слезами и обвиняла его в предательстве, повторяя: «Убьют же тебя, дурака, убьют».

На перрон они вышли сразу после объявления о начале посадки в поезд. Глеб нес пакет с продуктами отцу в дорогу.

Все последние дни он не отходил от Романа. Вместе они вскапывали землю под грядки у тещи, вместе чинили теплицу. Глеб даже на улицу перестал убегать. Долгими теплыми раннелетними вечерами они беседовали. Отец рассказывал ему о великих русских полководцах, ученых, писателях – обо всех, кто составил славу России. Сын внимал благоговейно, зернышки попадали на благодатную почву, и Роман был счастлив.

За два дня до отъезда он отогнал машину в гараж, и там Глеб вволю покрутил руль и попищал звуковым сигналом. Потом они поехали к старикам. Мама загостилась у бабы Груни из соседнего дома, отец остался один, и так было даже лучше: меньше слез.

Роман отдал ключи от машины и гаража. Отец все же расхаживал свою ногу и собирался даже сесть за руль, был весел, угощал их пирогом с рыбой. Но дрогнула рука Бориса Савельевича с чайником, плеснул он кипятком на клеенку, а одутловатые бледные щеки враз покрылись нездоровой краснотой, когда сын сказал:

– Все, батя, послезавтра уезжаю.

Отец не глядя поставил чайник на стол и грузно осел, хорошо, хоть не мимо стула.

– Все ж таки едешь? А я надеялся, что передумаешь.

– Нет, батя, нельзя передумывать.

– Я телевизор гляжу: там войнища начинается серьезная. Боюсь я за тебя, сына.

Отец как-то сразу поник, голос печален и тих. А Роман старался говорить бодро:

– Батя, мне нельзя погибать. У меня жена молодая да вот и сынишка малый, мне из него еще надо человека вырастить. А на подходе еще один. Так что я должен жить долго.

Но не убедишь отца одним только бодрым голосом.

– Там же не разбирают, у кого жена, у кого сын, косят всех подряд, – сказал Борис Савельевич. – Вон вчера показывали: в Славянске и Донецке много мирных людей погибло. Страшно мне, опять Россию в войну затянут.

– Вот я и еду, чтобы война до нас не дотянулась.

– Не обученный ты войне, а такие первыми погибают.

– Научат немного, а так-то я ловкий.

При этих словах Глеб отвлекся от вкусного пирога:

– Папка у меня самый ловкий, самый сильный!

Дед с любовью посмотрел на мальчишку.

– А его не жалко оставлять? – спросил он у сына. – Он, гляжу, прямо прирос к тебе.

– Батя, не рви душу! Я просто поеду в отпуск и через месяц вернусь. Матери пока не говори ничего, я сам ей позвоню с дороги.

Отец достал начатую чекушку, они выпили.

А когда уже уходили от стариков, Роман задержался в двери и тихо сказал отцу:

– Ну, а если все же со мной что-то случится, не бросайте мою семью. Хорошо, батя?

Борис Савельевич обшлагом рукава клетчатой рубашки вытер мокрые глаза.

* * *

У вагона скопился народ, ждали проводника. Роман стоял с Полей и Глебом. Настю он увидел издали, когда та еще шла по деревянному настилу между рельсами. Да ее трудно было не заметить: одета она была в куртку и брюки камуфляжной окраски, за плечами тоже пятнистый рюкзак. Волосы коротко острижены, на ногах яркосиние кроссовки. И шла Настя твердым мужским шагом, отмахивая в такт рукой.

– Ну что, дядь Ром, всыпем бандерлогам? – сказала она, подходя.

– Не понял! – оторопел Роман. – А ты куда собралась?

Настя рассмеялась, сняла рюкзак с плеч, поставила у ног.

– Что непонятного-то? Я еду с тобой, мне очень не нравятся бандеровцы. Я когда увидела, как сжигают людей в Одессе, сразу решила: еду туда. У папанышки своего карточку банковскую стырила, пароль я знала, сняла двадцать пять штук и на вокзал. Переплатила, но билет взяла. Это какой вагон? – повертела она головой, ища номер. – Третий, а у меня пятый.

– А как же Машенька, мать, отец, парень твой? – продолжал недоумевать Роман.

– А как же Поля, Глеб и тот, неродившийся? – в ответ спросила Настя.

– Но я-то мужик! А ты что там делать будешь?

– Вас, мужиков, перевязывать, если ранят. А если научат, так и воевать буду не хуже тебя. Ладно, пойду определяюсь с местом, потом подойду.

Пришла проводница, проверила билет. Роман с Глебом зашли в вагон, а Поля осталась на перроне.

Внутри он нашел свое место, убрал рюкзак под нижнее сиденье, снова вышел. Глеб все это время крепился, хотя на его чистое личико то и дело набегала хмарь душевной тревоги.

Оставалось пять минут до отправления поезда, проводница предложила зайти в вагон. И тут детское сердчишко не выдержало.

– Папочка! – пронзительно вскрикнул Глеб. – Во вскинутых глазишках – бездна отчаянья. – Как же я без тебя?!

Полина кусала скомканный носовой платочек, молодая проводница указательным пальцем смахнула со щек слезинки.

Роман подхватил сына, посадил на левую руку, тот прижался к его щеке, ручонкой крепко обхватил за шею. Молитвенно-жаркие слова ребенка кромсали отцовское сердце:

– Папочка, ну возьми меня с собой! Я буду тебя всегда слушаться и помогать тебе! Мы же с тобой так мало были! Мне плохо будет без тебя...

У щеки Романа разразились рыдания. А он катал желваки по скулам, кусал губу, глотал и никак не мог проглотить ком в горле – надо было самому удержаться от слез.

Наконец совладал с собой, повернул голову Глеба к себе, поцеловал в мокрые глаза:

– Сынуля, ну перестань, ты ж у меня мужик, будущий солдат. Ты остаешься за старшего, должен теперь маме помогать во всем. А я через месяц приеду, и мы с тобой сразу поедem на рыбалку, с ночевкой. Ух и натаскаем хариусов. Договорились?

Отчаянье нелегко покидало детские глаза, но все же ушло. И сквозь пелену слез заблестел интерес:

– Здоровенных?

– Само собой!

– Гражданин, пройдите в вагон, поезд отправляется! – напомнила проводница.

– Все, сына, пора.

Роман поставил Глеба, обнял Полину, ткнул-ся губами в ее губы – жестко сжатые:

– Через месяц с небольшим приеду.

Она кивнула головой спокойно, словно была уже далеко от него.

– Он вас как на войну провожал, – заметила проводница, закрывая вагон на ключ.

– А мы на войну и едем, – откликнулась Настя из-за спины Романа.

Взгляд у обернувшейся проводницы был тягучий и скорбный – как у русских женщин в сорок первом году.

«Так, вроде все сделал, что нужно было», – думал Роман, стоя у вагонной двери.

Банковскую карточку он оставил Глебу, записал ему код. Денег им должно хватить. Себе на пропитание и обратную дорогу он снял двадцать тысяч. Немного, но надо думать о семье. Позвонил Галине, просил помочь Полине и Глебу,

если в том будет надобность. Пришлось ей сказать, куда он едет.

Галя кричала в трубку:

– Рома, братишка ты мой ненаглядный! Я буду молиться за тебя. Будь спокоен, Ромочка, я все сделаю, только возвращайся живым!

Насколько он знал, Галина в Бога не верила.

«Вот Толяну забыл позвонить», – спохватился он. И тут же звонок, будто его мысли услышали:

– Ромка, дружище, привет!

– Привет, Толь!

– Слушай, Ром, ты уже в отпуске?

– Да.

– Тогда у меня есть предложение. Собирай семейство, садись на свою «четверку» и дуй ко мне. Гарантирую, Ром, отдохнете прекрасно. Ну, как тебе мое предложение?

– Замечательное, и я бы с радостью так сделал.

– Погоди, Ромка, только не отговаривайся делами. Мы вам уже и комнату приготовили, так что никаких возражений не принимаю.

Голос Анатолия напирал, в нем бурлила радость от предстоящей встречи. Тяжело давались Роману ответные слова, да еще и связь была плохая.

– Алло, алло, Толя!

Тишина. Потом голос из тягостной пустоты:

– Ром, ты слышишь меня?

– Да, да, Толя, слышу. Прости, друг ты мой, но я не смогу к тебе приехать.

– Ром, ну что за дела?! Так хочется повидаться, поговорить! Почему не сможешь?

– Я еду в поезде.

Связь опять пропала.

– Алло, Толя!

– Да, да, говори.

– Я еду в поезде!

– Куда?

– На Украину.

– У тебя там родня?

– Нет, Толя, я еду воевать за Родину, бить фашистов.

После паузы у далекого друга осекшийся голос:

– Тебе это очень нужно?

– Мне это жизненно необходимо.

Связь снова прервалась.

– Алло, алло, Толя!

Долгая-долгая пауза. Наконец снова голос Анатолия:

– Да, Рома, я слышу. Возвращайся живым.

– Голос обретал силу, полноту звучания: – Я горжусь тобой, Роман, друг ты мой единственный. Я

очень тебя прошу: вернись живой. Слышишь? Живой!

– Слышу. Я не могу обещать, там же война, но я постараюсь.

Сказано все.

– Прощай, Толя.

– Нет, не прощай, до свидания.

«Вот, оказывается, кто друг мой настоящий, – подумал Роман. – А понял я это поздно, лишь когда расстояние разделило нас».

* * *

Роман Купавин стоял в тамбуре вагона. Солнце уже скрылось, синева летнего неба из ярко насыщенной постепенно переходила в мягкую просинь, напиваясь крадущейся темнотой, а ближе к горизонту отдавала зеленоватым. Тайгу сменили степи, невдалеке проплывали длинные озера, они сливались в темнеющем воздухе с плоской равниной, поросшей молодой травой.

И все это есть Россия.

Внезапно мощно и жарко затолкалось сердце. Эх, крылья бы! Взмыл бы он тогда в поднебесье и еще выше – так высоко, чтобы увидеть всю Россию от края и до края, великую и прекрасную, родную и любимую!

Роман сильнее сжал пальцами металлический прут. Если бы ему сейчас сказали: «Ты готов умереть за Родину свою, умереть в муках и страданиях?» – он бы, не промедля ни секунды, ответил: «Да, я готов. Это же счастье – погибнуть за Отечество, за землю родную и приложиться к народу своему русскому, которого тьмы и тьмы сложили головы в битвах с врагами».

Он ехал туда, где враг снова огнем и мечом пытается завоевать землю Русскую. Вагон сильнее потряхивало, поезд вкатывался в ночь, пришедшую с запада.

2016

Дорогой Дмитрий Петрович! Поздравляем тебя с 80-летием! Желаем здоровья, нескучающего вдохновения, шахтерской хватки и хищного глазомера простого столяра! Здоровья, новых стихов и новых книг!

Дмитрий КЛЁСТОВ

СВОИХ ХВАТАЕТ БЕД

КИНО ИЗ ДЕТСТВА

Великое горе людское
Ночами мучительно жгло,
Когда взбудоражила Зоя
Сибирское наше село.
Я помню суровые взгляды
И скорбь заострившихся лиц,
Как будто с околицей рядом
Фашистские бомбы рвались.
«Антихристы!» – бабы ревели,
Стонали: «Зверье!» – мужики,
Когда бездыханное тело
Клеймили чужие штыки.
Я плакал от горя и злобы,
Сжимая руками скамью,
Как будто веди по сугробам
Родную сестренку мою...
В деревне в ту ночь до рассвета
В домах не гасили огней,
И долго я чувствовал петлю
На тоненькой шее своей.

И нервы, и мозги,
И косточки устали.
Затравленным зверьком
Трепещется душа.

79

Мне хочется под кров,
Который я оставил,
Среди чужих людей
Мытарясь и греша.
Замшелые венцы –
Мной рубленая банька –
В ней тот же и не тот
Здоровый русский дух.
Откуда взялся ты,
Бездомный попрошайка,
Горланит во всю мощь
Заливистый петух.
На золотом крыльце
Ни дочери, ни внука,
Здесь родственных корней
Давно в помине нет.
И гонит прочь меня
Замшелая старуха:
«Бродяжка, уходи –
Своих хватает бед».

Дорожка, тропинка, стезя,
Веди одинокого старца
К четвероногим друзьям
И к перелетным скитальцам.

КЛЁСТОВ Дмитрий Петрович родился в 1942 году в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области. Служил в Советской армии командиром танка в Германии. Работал на шахтах, рудниках и в геолого-поисковой партии. Печатался в газетах и журнале «Огни Кузбасса». Автор восьми книг поэзии: «Земная ноша» (2002), «Оглянусь с большака» (2004), «Иродов лог» (2005), «Любо-дорого» (2007), «Избранное» (2009), «Улепетывают дни...» (2012), «В родном доме» (2012), «Распутица» (2019). Член Союза писателей России. Живет в Салаире.

У комлей охотится хорь,
В ветвях надрывается зяблик.
Уходит нелепая хворь –
Хандрить, ностальгировать, зябнуть.

Ищу, подбираю слова,
А муза – капризная дама.
Вот смотрит сычонок-сова
С пенечка как девочка-даун.

К чему-то опять негатив
Упорно таращится в строчку,
А хочется выкрикнуть: «Жив!
Дает мне Всевышний отсрочку».

ИЗ ЖИЗНИ УХОДИЛА ЖИЗНЬ

Сидели мы – рука в руке...
Уже вблизи сгущались тучи.
И ты была на волоске
От этой – самой неминучей.

Неровно бьющихся сердец
Слышны прерывистые стуки,
И приближался твой конец –
Тебе начертанные муки.

Мы ждали скорую, она
Не раз из комы выводила,
И не слышна и не видна –
Примчаться нынче не спешила.

Держись, любимая, держись.
Я мог лишь накрепко прижаться...
Не удержать. Не удержаться.
Из жизни уходила жизнь.

ШАХТА

Прокатилась слеза – солона,
Что ты чуешь, мое ретивое?
Я ведь выплакал слезы сполна
И за прошлое, и за живое.
Ненароком накличешь беду:
Я уставший, ты тоже не камень,
Я беду уже не отведу...
Разведу безнадежно руками.
Мне страдать и скорбеть не впервой,
И слеза моя неотвратима...
Вот опять... Глубоко под землей
Погибают мои побратимы...

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Нет ее на скрижалях истории,
В мемуарах политиков – нет.
Вроде не были предки изгоями –
Пролетарии пасмурных лет.

Ни расстрелянных, ни раскулаченных,
Ни разбойников, ни стукачей –
Всякий денежки мог заколачивать
По заслугам своих трудодней.

НА ОБОЧИНЕ

Пресмыкаюсь я на обочине
Убегающего шоссе.
Нагадали мне, напрозорчили,
Будто я не такой, как все.

Я гляжу на мир озабоченно,
Звать никак меня, я никто,
Лихо вышвырнут на обочину
Пролетающими авто.

То ли время мое просрочено,
Рок фатальный обрезал путь?
Не чурайся меня, обочина,
Дай немного передохнуть.

Ведь душа моя не испорчена –
В три погибели не согнуть,
Нынче вышвырнут на обочину –
Завтра снова отправлюсь в путь.

* * *

Отродясь не бывало,
Чтобы до Покрова
В роце благоухала,
Зеленела листва.

Птицы тоже на месте
И поют без оглядки,
И встречают честь честью
На колоде опятки.

К ним крадусь, как мошенник,
И в лесу напоследок
Наломая на веник
Я березовых веток.

Стебелек зверобоя
И соцветье душицы –
Перед зимним покоем
От грехов бы отмыться.

СТАРИК В ГАМАКЕ

Лето. Полдень. Старик в гамаке.
Тень березы. Старуха в шезлонге.
Легкий гребень в ее руке –
Чуб причесывает болонке.

Весь погожий вчерашний день
Дед усердно острил мотыгу,
И поглядывал на тандем,
И брезгливо ногою дрыгал.

Бабка тяпкой пренебрегла:
Ей дороже собачий чубчик.
Дед сегодня в гамак с утра,
Благо старый не подкаблучник.

Не поможет никто ничем,
Сам возьмет наконец-то тяпку:
И противен ему тандем,
Но, однако, он любит бабку.

* * *

Я пас коров в березняке,
В крушинном поге.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.

В грозу от хлесткого дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.

Буренки, жертвуя собой, –
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.

Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил.

* * *

Малахитовый луг-лужок,
Верба старенькая невестится.
Опираясь на батожок,
Мне навстречу идет ровесница.

Эх, свиданьице... Ах да ох!
Машет мне тальниковой веточкой.
На тропинке чертополох
Шелестит прошлогодней ветошью.

Постоим мы глаза в глаза,
К горлу ком ледяной подкатится...
Как в соборе на образа –
Век смотреть бы да век и каяться.

* * *

Мороз и морок в кратере карьера,
Огонь и дым над контуром холма.
Стоит шандинка старая, сама
Своим глазам слезящимся не веря.

Давно ли белый бархат ковыля
Ее ласкал в поскотине аула?
Ее земля, прапращуров земля
Весь день гудит от яростного гула.

«Шайтан, шайтан», – скривляются уста,
Когда «белаз» обрызгивает смрадом.
Любимые, родимые места
Как будто черным выхлестало градом.

Кожух расписан вязью непростой,
Лоснятся полы, рукава лоснятся.
Будь проклят тот, кто предал край
За дробовик и порох рудознатца. родной

Иссяк родник, и пересох ручей
С такой прозрачной ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопю.

Дорогой наш автор Елена Дмитриевна! Горячо поздравляем тебя с юбилеем! Бесконечно благодарны тебе за литературное подвижничество, работу в редколлегии нашего журнала и литературоведческие изыскания! Здоровья, энергии, творчества! Многая лета!

Елена ТРУХАН

ЖИЗНИ БЕРЕЗОВЫЙ СОК

* * *

*Все уже круг моих друзей.
Не потому, что их не стало,
А просто годы чем-то малым
Распоряжаются быстрее.*

*Не потому, что в инстаграм
Мы навсегда переселились
И крайне видоизменились
Без разговоров по душам.*

*Бывает, долго не звоню,
Обиды-четки ковыряю
И замечаю, как мельчаю:
Друзей заочно хороню.*

*...Казалось раньше: времена
И расстоянья одолимы!..
Но одиноки, нелюбимы,
И ни покрывки нам, ни дна...*

*Вдруг оказалось тяжело
В подпольях дожидаться эха.
Искать поддержки и успеха,
Не высевая ничего...*

НА ПРОЩАНИЕ

*Истончилась жизнь до хлипкой нити
И с финальным сполохом грозы
Воспарила для иных открытий
Крылышком микронным стрекозы...*

*Из страны, где ничего не нужно,
Где утес бодают облака,
Передай мне поцелуй воздушный,
Робкий, словно трепет мотылька.*

*Кроткой дробью пальцев среди ночи
Разбуди, чтоб от любви сомлеть,
Если на прощание захочешь
Божией коровкой залететь...*

* * *

*Чисты небесные гавани.
Цепи-швартовы гремят.
Вышли в извечное плаванье
Все, кто любили меня.*

*Лодочки мерно качаются.
Путь их прозрачно-высок.
В чашах переливается
Жизни березовый сок.*

ТРУХАН Елена Дмитриевна родилась в Новокузнецке. Выпускница филологического факультета Томского государственного университета. Работает в разных жанрах. Публиковалась в кузбасской и центральной периодике. Автор книг «Зерна», «Фокстрот листопада», «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов». Заместитель директора по научной работе в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). Лауреат журнала «Огни Кузбасса» (номинация «Публицистика») за 2018 год. Лауреат областных литературных конкурсов, поощрена региональными наградами. Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

Светом иным озаренные,
 Радугой Божьей маня,
 Души плывут крыленные –
 Все, кто любили меня.

С вами навеки я спаяна.
 Благостный рай – впереди.
 Мысль о бессмертье отчаянно
 Бьется синицей в груди...

Каждый несет обязательства.
 И в установленный срок
 Вечерю примет, предательство
 И омовение ног,

Чтоб над житейскими волнами
 Встали, мечами звеня,
 Ангелы с крыльями теплыми –
 Все, кто любили меня.

* * *

Еще лежат снега в овраге,
 А на полянах – пустота...
 И, словно чистый лист бумаги,
 Сияет Божья красота!

Она подснежником раскрылась,
 Шмелем апрельским загудев,
 Последней вьюгой омылась
 И соком зябнущих дерев.

За провода стянула важно
 Высоковольтные столбы,
 И змея хвост многоэтажный,
 И резкий аромат колбы.

Она прохладною десницей
 Прильнула к сердцу моему,
 Промчалась резвой кобылицей,
 Дав искру духу и уму.

Она, как облачко, воздушна,
 Как красна девица – мила.
 Спасает мир, чужой и чуждый,
 Во имя Правды и Добра.

НОЧНОЕ

Плеснула щука под корягой,
 Узор размножив из кругов.
 Маняще тянет глинной влагой
 Речных ракушек и рачков.

Метнулся ветерок спросонок,
 Но стих, запутавшись в ветвях;
 Как припозднившийся утенок,
 Трепещет нежно в камышах.

Пернатых благостные трели
 Взрывают космос тишины.
 У бережка с травой заперли
 Листов просмотренные сны.

Костер, дымком свиваясь млечным,
 Теряет озорство и жар.
 Продляя мысль о бесконечном,
 Зудит некормленный комар.

Стожок укрыт туманным пледом.
 И, раздвигая грани тьмы,
 Инопланетным дышит светом
 Флуоресцентный зрак луны.

* * *

Тепло и безветренно в наших краях.
 Дождем ледяным не карает природа.
 Отсрочил пришествие нудный ноябрь,
 И вечность – до старого Нового года.

Пустынно и глухо в мирской пестроте:
 Ни слова, ни стоны, ни детского плача.
 И дух, в первозданной его нагоде,
 Еще не настигла шальная удача.

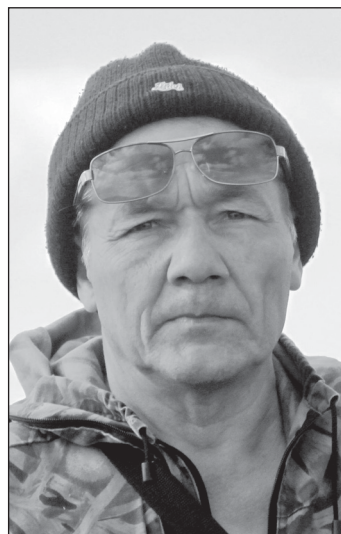
И рано безвольные крылья сложить,
 И поздно тужить про иную дорогу...
 Есть время светло и свободно пожить,
 Что в общем и целом веление Бога.

Андрей
РОМАНОВ

ТАЕЖНЫЙ ВЗВОД

Повесть

А. А. Смирнову, солдату РККА

1

Утро двадцать второго июня 1941 года началось так же обычно, как любое другое летнее утро. После бессонной ночи голова была чугунная, глаза сами собой закрывались, сильно хотелось спать, но было не до сна, потому что взрывы продолжали грохотать один за другим, разрывая на куски твердый камень и сотрясая землю. С визгом проносились над головами острые осколки скальной породы, все затихало на некоторое время, а затем снова глухое и грозное «бум-м-м» и следом «вжик, вжик». Неприятный запах чего-то горелого драл носоюлотку, проникал в легкие, вызывая долгий мучительный кашель.

День был воскресный, и потому хотелось уйти подальше от всех этих взрывов и осколков по тропинке заповедной, забраться в глушь потаенную, на самую дальнюю пасеку, где никто не найдет; насладиться дурманящим смоляным запахом пихтовой тайги; окунуться в хрустальные воды горной речки, почувствовав всем телом бодрящую свежесть ее холодных струй, прочесать бредешком омутки, наловить полведра рыбешек и сварить уху в чугушке; вечером в баньку сходить, размять бока березовым веничком, а по-

том гонять чай со свежавыкаченным медом и душистыми травами. Но пока это были только мечты.

На руднике заканчивалась ночная смена. Горнорабочие готовились выйти из штольни на поверхность, чтобы вдохнуть полной грудью свежей утренней прохлады после насыщенного едкой пороховой гарью воздуха подземелья. И это было бы самой большой наградой за добытые килограммы вольфрамовой руды, столь необходимой для укрепления бронетанковой мощи Рабоче-крестьянской Красной армии. В каменной тверди уже пробуровлен шпур, вставлен заряд, который через несколько секунд разнесет вдребезги еще один кусок скалы.

– Все схватились? – Бригадир Виктор Степанович оглядывает своих ребят и командует взрывнику: – Дай искру, Сашок.

– Щас дам, – кивает головой Сашка и начинает отсчет: – Пять, четыре, три, два, раз.

После чего крутит взрывмашинку и «дает искру».

Томительно тянутся мгновения. Горнорабочие – взрывники и крепыльщики – не то чтобы со страхом (привыкли давно уже), а с каким-то душевным трепетом ожидают, затаив дыхание, когда содрогнется всем телом гора, взрывная волна пронесется по узкой штольне, саданет по ушным

РОМАНОВ Андрей Николаевич родился в 1961 году в Новокузнецке в рабочей семье. Работал токарем на Кузнецком машиностроительном заводе, скотогоним в Монголии, окончил Алтайский университет, защитил докторскую диссертацию, прошел путь от аспиранта до заместителя директора академического института. Публиковался в журналах «Алтай» (Барнаул), «Дальний Восток» (Хабаровск). Автор книг «На звездных перекрестках Вселенной», «Лепестки Клио», «Пленник времени», «Волки Великой степи». Живет в Барнауле.

перепонкам, и после этого гряда развороченной породы с черными крапинками вольфрама завалит неширокий проход. Когда пыль осядет, начнется их работа. А перед этим нужно было укрепить лиственничными подпорками многотонный свод, чтобы не дать ему обрушиться и придавить своей тяжестью тех, кто остался в штольне.

Время идет, но ничего не происходит. Вместо громкого «бух» – гробовая тишина.

– Ну, что там у тебя? – Виктор Степанович повернул голову к Сашке, потрогал укрепленный на каске шахтерский фонарь, направив пучок света на взрывмашинку, чтобы было лучше видно.

– Пять, четыре, три, два, раз, – повторно считает Сашка, снова крутит машинку и замыкает контакт.

– Что-то долго не взрывается, наверное, застал отсырел? – Сидящий рядом с Андреем Петька, молодой еще парень, ходивший пока в учениках, нетерпеливо поерзал и высунул свою кучерявую голову из укрытия. – Может, глянуть пойти?

– Куда ты, мать твою?! – крикнул Виктор Степанович, но голос его потонул в запоздалом взрыве.

И опять с визгом пронесли над головами осколки. А один камешек, небольшой, но с острыми гранями, отскочил сначала от одной стены, потом от другой и после этого прямо Петьке по ша-
рабану. От моментальной гибели парня каска спасла да то еще, что осколок на излете был, силы уже не той. Потому и не убило Петьку сразу, а только дух вышибло. Упал бедолага без памяти на каменный пол штольни. Так его и вытащили на свежий воздух, уложили на широкую скамейку рядом с входом, согнав с нее двух дымивших «Беломорканалом» рабочих, у которых уже закончилась ночная смена.

– Вот тебе и рыбалка, и банька с чаем, – вздохнул Андрей, глядя на Петьку, все еще не пришедшего в сознание.

– Контузия, ни дать ни взять, – предположил Сашка, плюнул черной слюной в сторону, вытер рукавом спецовки выступивший на лбу пот, да только грязь по лицу размазал, потом тряхнул длинным чубом, чтобы волосы не лезли в глаза. – Спасать надо парня, как бы не загнулся.

– Давай, Петруха, не дури, приходи в сознание, – проговорил Виктор Степанович и обвел взглядом вмиг собравшихся зевак: – А вы что глазеее? Любопытные какие! Сгоняйте быстро за фельдшером, видите, чрезвычайное происшествие у нас!

Виктор Степанович – худощавый, жилистый, в возрасте немного за пятьдесят, коротко стриженный, с русыми усами, пахнущими махоркой. Причем один ус у него короче другого, потому что его бригадир постоянно обкусывал, особенно когда сильно волновался. А сейчас и откусывать уже было нечего, поэтому Виктор Степанович лишь проводил ладонью по усам, но и это его тоже немного успокаивало.

Фельдшера даже не искали, он, как ответственный человек, сидел в медпункте и читал какую-то потрепанную книжечку. Услышав шум на дворе и выглянув в окно, увидел толпу возле лежащего на скамейке человека, схватил свой чемоданчик с нарисованным на крышке красным крестом и выскочил из кабинета на улицу, даже забыв надеть на лысеющую голову белый колпак, как полагалось по инструкции.

Осмотрев Петькину голову, он изрек многозначительно:

– То, что еще жив, уже хорошо. Шишмарь на полголовы – это ладно. Со временем пройдет. Однако под шишкой гематома может быть. Вот это уже хуже. Как бы операцию не пришлось делать. А еще сотрясение мозга возможно. Это тоже нехорошо. Первую медицинскую помощь я ему оказал, укольчик обезболивающий поставил, все что надо вколол, сейчас он поспит чуток. А вы его, ребятушки, без промедления в город везите, в больничку. Погрузите на подводу и вперед. В машине трясти сильно будет, а на лошади в самый раз. Вы Серка запрягите. Он конь справный.

– Ага, справный, – возразил Сашка. – Нам на Серке до города за неделю не добраться. Давай машину.

– Да где ж я вам ее возьму? – удивился фельдшер непонятливости горнорабочих. – Лето ведь. Все машины при деле. А на лошади спокойнее. Старый Серко галопом не поскачет. В данном случае что важно? Чтобы не растрясло. Поэтому не спорьте со мной.

– Не строй из себя шишку конторскую, – вмешался Виктор Степанович. – Позвони в поселок. Кто трубку возьмет, пусть всех наших obeжит и предупредит, чтобы не волновались. А мы прямиком в город поедem.

Старый Серко, запряженный в телегу, бредет себе шагом по проселочной дороге, часто останавливается, обмахивается хвостом, отгоняя назойливых оводов, трясет большой головой с дав-

но не чесанной гривой, иногда поворачивает в сторону, увидев кустик сочной травы рядом с дорогой, сбавляет ход. Его хозяин – дед Матвейч, крепкий еще старик, немного сутуловатый, с широкоскулым лицом, обрамленным недлинной седой бородой, в общем, обычный деревенский дед. Он хорошо изучил повадки своего подопечного и поэтому не очень сильно хлопает старого мерина вожжами по крупу, незлобно восклицая при этом: «Но, едри твою налево. Все бы тебе жрать. Шагай шустрее». Серко, зная добродушный нрав хозяина, лишь дергает ушами, все-таки дотягивается большими желтоватыми зубами до приглянувшегося клочка травы на пригорке, срыгает его и только потом топает дальше. Скоро уж полдень. Солнце в самом зените, палит нещадно. Пока дорога идет вдоль речки – прохладно, а как сворачивает в луга – духота невыносимая. Серко оглядывается на Матвейча, смотрит на него печальным глазом, словно укоряя его: «Что ж ты, дружок, в такую жару заставляешь меня тащить эту скрипучую полуразвалившуюся колымагу? Лучше бы привел на водопой, разрешил мне зайти по грудь в речку и пить большими глотками вкусную прохладную воду, до тех пор пока бока мои не раздуются и не станут похожими на ту огромную бочку, которую я возил много лет назад, в молодости, а потом разбил ее вдребезги, помчавшись галопом, когда меня укусил в зад этот проклятуший слепень».

Но хозяин, видимо, не желает читать лошадиных мыслей. Он не понимает или делает вид, что не понимает красноречивых взглядов четвероногого друга, и только взмахивает кнутом: «Но, леший! Иди себе, не оборачивайся». Возможно, хозяин сам раздумывает над тем, как хорошо было бы сейчас посидеть в теничке под деревом с кружкой холодного кваса, а не ехать незнамо куда по пыльной дороге.

В это время лежавший сзади на соломе Петька вдруг зашевелился, пробормотал что-то нечленораздельное, приподнялся на локте и поглядел мутным взглядом сначала на Виктора Степановича, потом на Андрея и на Сашку:

– Мужики, где это мы?

– Оклемался, болезный? – Виктор Степанович пыхнул козьею ножкой. – Подвел ты нас, брат, под монастырь, ох как подвел.

– А что стряслось-то, братцы? – Петруха смотрит на всех непонимающими глазами.

– Ты какого хрена раньше времени из укрытия вылез? – набросился на него Сашка. – Я,

значит, вторую искру даю, а он – нате вам, выпендрился. А если бы тебя убило?

– Погодь, Сашок. Ты же видишь, парень еще не в себе, – остановил Сашку Андрей, его друг и даже какой-то дальний родственник, то ли троюродный, то ли четвероюродный брат.

По возрасту он старше, а по характеру более спокойный, поэтому частенько сдерживает Сашку, когда тот чересчур раздухарится.

– В общем, в город тебя везем, сдавать будем, – вздохнул Виктор Степанович. – Поэтому лежи тихо, не брыкайся, резких движений не делай: фельдшер не велел.

– Зачем сдавать? Куда сдавать? – Петька пытается подняться на локте.

– А ты разве не понял, чего тебе Сашка сказал? Контузия у тебя. Каменюкой по башке шибануло, когда ты поперек батьки из укрытия высунулся, – ответил ему Виктор Степанович, позевывая. – Это же надо умудриться – нафунькать так, чтобы всем хватило. И когда – в самый что ни на есть неподходящий момент. В воскресный день, за пять минут до заслуженного выходного!

– Слышь, Петруха, ты точно ничего не помнишь? – уже более спокойным голосом спросил Сашка, и даже с какой-то жалостью в голосе. – Больно прилетело?

– Не-а, не помню, – признался Петька и схватился руками за голову: – Котелок гудит, мочи нет.

– Не довезем мы его до города. – Виктор Степанович в раздумье потер огрубевшим от работы пальцем щетинистый подбородок, побриться-то утром не получилось. – Андрейка, у тебя ведь где-то тут поблизости тетка живет?

– На пасеке, недалеко отсюда, – подтвердил Андрей.

– Говорят, травница знатная. До нее-то куда ближе, чем до города.

– Конечно, ближе.

– Нам бы и самих себя привести в порядок не помешало бы, а то вылезли из штольни грязные, как помазки. Ни переодеться, ни помыться толком не успели, – добавил Сашка. – Да нас люди встречные напугаются, точно вам говорю. Подумают, что лешаки из леса повылазили, конягу у кого-то стибрили и в город намылились... А все из-за тебя! Невтерпеж подождать-то минуту лишнюю было? – Сашка нахмурил брови, нагнал суровости на лицо. – Двинуть бы тебя как следует – за нарушение техники безопасности.

Мужики вроде и строжились на Петьку, но по их шутливому тону было понятно, что у них словно камень с души свалился. Раз парень очухался, значит, жить будет.

— Слышь, Матвеич, — Виктор Степанович окликнул возницу. — Ты знаешь, где бабка-травница обитает?

— Это Авдеевна, что ли? Знаю такую, она и мертвого на ноги поставит. Но вот с дорогой могу напутать. Коль покажешь, куда ехать, так вмиг домчим.

— Андрюшка покажет. — Бригадир кивнул на Андрея. — Его тетка.

— Здесь не заблудимся. Вон у той лесины, — Андрей показал рукой, — дорога к реке спускается, на брод ведет, так ты реку-то не переезжай, а двигай прямо вдоль берега метров триста. До ручья доберешься — от него вверх по тропе.

— А тропа-то широкая? — засомневался дед Матвеич. — Телега проедет?

— Проедет, — успокоил его Андрей. — Летом каждую неделю на пасеку ездим. Накатали дорожку-то.

— В город все равно надо будет заехать, фельдшеру показаться. Чтобы справку выписал.

— А может, замять это дело? — предложил Сашка. — Парень-то живой. Ну, ушибся. С кем не бывает.

— Ушибся — это когда с печки упал, — не согласился с ним Виктор Степанович. — Здесь не ушиб. Здесь контузия, как на войне. В общем, посмотрим по обстоятельствам.

Старый Серко свернул с дороги и, таща за собой телегу, побрел медленно краем луга, чтобы не портить будущий сенокос. Пасека стояла на небольшом говорливом ручье у самой кромки леса на большой поляне, окруженной с трех сторон высокими пихтами вперемежку с тонкоствольными березками. Недалеко от избы на поляне с десяток ульев. Пчелы негромко гудели, собирая нектар. И от этого их деловитого гудения становилось спокойнее на душе. И жизнь текла своим чередом, будто ничего и не произошло.

— Авдеевна! Где ты там? Покажись! — крикнул дед Матвеич, подъехав к избе.

Дверь в избу была подперта палочкой.

— Вот незадача, — вздохнул Виктор Степанович. — Наверное, в поселок ушла.

— Придет, никуда не денется. — Андрей спрыгнул с телеги. — А мы пока похозяйничаем. Баньку истопим, а то какое лечение без баньки?

— С банькой это ты хорошо придумал, — согласился бригадир. — Давай воды наноси. Сашка, веничков березовых наломай. А ты, Матвеич, помоги мне Петьку до избы довести. Уложим его на кровать. Пусть отлеживается.

«День-то как разыгрался», — подумал Андрей и зачерпнул ведром воды из ручья, да как-то неудачно зачерпнул, вместе с песком. Вылить хотел, а в ведре блеснуло что-то, камешек желтый размером с полногтя. Думал сначала, что пирит. Шлихи частенько встречаются. На зуб попробовал — мягкий, значит, не пирит. Сунул камешек в карман штанов и, пока воду в баню таскал, забыл про находку.

Тут как раз Авдеевна пришла, по лесу ходила, трав целебных целую охапку насобираала. Гостей-то не ожидала встретить, удивилась сначала, но, увидев среди них племянника, обрадовалась.

— Андрейка, — окликнула она его. — Я третье-го дня умывальник в поселке купила, в сенцах лежит. Приладь к пихточке, а то руки помыть к ручью приходится ходить. Да воды в дом пару ведер принеси.

— Прилажу, тетя Варь, — ответил Андрей и, прихватив два ведра, пошел к ручью за водой.

Там, набрав полные ведра, поставил их на землю и, достав из кармана желтый камешек, стал внимательно его рассматривать.

— Интересно, — хмыкнул он и, спрятав камешек в карман, понес ведра в дом, потому что от туда ему уже не раз кричали: «Где ты там запропастился?»

Принеся воды, он вернулся к ручью с лопатой, выкопал на бережке яму глубиной по колено, аккуратно складывая вырытую землю рядом с углублением.

— Андрейка! — послышался голос Авдеевны. — В баню собирайся. Виктор Степанович с Матвеичем уже пошли.

Андрей воткнул лопату в землю и направился к дому.

— Теть Варь, а где у нас доска стиральная была?

— Так возле бани стоит, а зачем она тебе? Ежели постирать чего надо, так оставь в предбаннике, я вечером стираю. А не хочешь, чтоб я стирала, так женушку дожидись. Она послезавтра обещалась приехать.

— Нет, не стирать, — ответил Андрей и со стиральной доской под мышкой пошел к ручью.

Он положил доску в воду в том месте, где течение было не очень сильным, и стал помаленьку сыпать на нее выкопанную землю. Вода уносила легкие частицы. После десятка высыпанных лопат в волнообразных бороздах стиральной доски осталось несколько блестящих желтых крупинок.

— Андрюха! Ты где там? — раздался зычный голос Виктора Степановича. — Весь пар уйдет! Тащи веник и ведро воды холодной захвати, а то уж невмоготу.

— Иду! — Андрей загреб яму лопатой и ругнулся про себя, увидев, что по неосторожности оторвал пуговицу с рукава рубашки: жене лишняя работа.

...В избе Варвара Авдеевна с Виктором Степановичем и дедом Матвеичем пили чай. Петька с замотанной головой полусидел-полулежал на кровати, подложив под бок подушку. Только вместо чая у него в кружке был травяной отвар.

— Пей, пей, — приговаривала Варвара Авдеевна, глядя, как Петька морщит нос, отхлебывая из кружки. — Подумаешь, горьковато немного. Водка уж на что противная, а вы, мужики, как воду ее хлещете. А тут травка горчит чуток, так и раскис сразу.

Варвара Авдеевна была довольно высокого роста, при этом сухощавого телосложения, как высохший ствол дикой жимолости, и всегда ходила прямо, не горбилась, а ведь лет ей было далеко за шестьдесят. Все ее ровесники постепенно матерели, дряхлели, а тетка Авдеевна как была в одном возрасте, так в нем и осталась. Волосы ее были аккуратно подвязаны под самые брови темным платочком с маленькими разноцветными цветочками, так что ни одна прядь не выбивалась наружу. Уголки тонких губ были загнуты книзу, придавая всему лицу несколько печальное и сосредоточенно-отрешенное выражение, будто человек глубоко погружен в себя, в свои мысли.

Петьке после кружки целебного отвара да компресса, приложенного Варварой Авдеевной к ушибленному месту, полегчало настолько, что он встал с кровати, подсел к столу. Виктор Степанович достал из кармана пиджака сложенную четвертую газету и протянул ему.

— Позавчерашняя, — пояснил он. — У тебя глаза молодые, почитай, чего нового в мире произошло.

— О, рассказик! — Петька взял газету и сразу обратился к четвертой странице, где печатали

разные фельетоны, юморески, кроссворды, объявления, афиши и другую развлекательную дребедень, но бригадир остановил его:

— Ты давай новости почитай.

— Фи, чего тут читать? Нудятина сплошная, — скривил лицо Петька. — Вот послушайте: «Студенты на сельхозработах», — прочитал он название статейки и тут же прокомментировал: — Как же, они наработают, городские-то. Или вот еще: «Ни одного трудящегося без облигаций». Снова занимают, а когда отдавать будут, неизвестно.

— Ты рот-то закрой, — предостерег его Виктор Степанович. — Привыкнешь с нами так вольно разговаривать, болтанешь сдуру где-нибудь среди чужих и вмиг окажешься в краях неблизких, среди медведей белых. Давай найди лучше что-нибудь про международное положение. Просвети нас, что там за бугром творится.

— А чего тут искать? — хмыкнул Петька. — Вот целая полоса про международку, сплошняком. — И он стал зачитывать заголовки заметок: — «Война в Сирии», «Война в Западной Европе», «Война в Африке», «Война в Китае». Вот интересная статейка: «Иерусалимский корреспондент передает, что английские войска атаквали главную линию обороны город Дамаск...» «Французы оказывают усиленное сопротивление...» «В Восточной Африке итальянцы оказывают упорное сопротивление неприятельским войскам...» «Японские войска действуют против китайских отрядов, оперирующих у них в тылу...» «Военные мероприятия в Голландской Индии...»

— Не понял, кто с кем воюет? — переспросил Андрей.

— Весь мир воюет, одни мы не при делах, — хмыкнул Сашка. — Черное воронье вокруг нашего эсэсэсэра собирается.

— А германцы молодцы, — одобрительно проговорил Петька. — Друзья наши.

— Как бы эти друзья да с вилами на нас не пошли, — возразил Сашка.

— Тише ты, балабон, — оборвал его Виктор Степанович.

— О, а вот это интересно! — вдруг воскликнул Петька. — Из Самарканда пишут. Раскопки гробницы Тимура. Это царь такой жил в Средней Азии в давние времена, — пояснил он. — Так вот, уже вскрыты погребения двух сыновей Тимура и его внука — знаменитого Улугбека. Вроде что-то нам училка на истории толковала про него... Так вот, — продолжил он чтение, — сегодня, то есть уже вчера, — уточнил он, — начинается вскрытие

центральной гробницы Гур-Эмир, где похоронен Тимур. Сняты каменные плиты...

— Ладно, завтра дочитаешь, — зевнул Виктор Степанович. — Давайте укладываться спать. День шепутной был. Надо всем отдохнуть, а тебе, Петька, особенно. Чтобы к завтрашнему утру здоров был, как огурчик.

2

Три дня жили они на пасеке, а на четвертый день на старого Серко опять надели хомут, впрягли в телегу, и дед Матвеич несильно хлопнул его вожжами по крупу: «Но, доходяга! Пришла твоя пора, шагай давай».

И опять Серко потянул за собой телегу, бросая печальные взгляды на сочную травку, которую съесть ему уже не удастся, потому что хозяин был намерен сегодня добраться до города, а это ох как не близко. И поэтому стоило старому коню потянуть голову к какой-нибудь травинке, Матвеич ударом вожжей возвращал его в суровую действительность, приговаривая при этом: «Но, пошел! Все бы тебе жрать, утроба ненасытная».

Но, видно, есть конский бог на свете! Не успели они выехать на дорогу, ведущую в город, как увидели несущуюся навстречу полуторку, громящую на ухабах.

Поравнявшись с телегой, машина резко затормозила, и из нее выскочил дядька Захар, работавший в поселке участковым милиционером. Из-под фуражки выбивалась прядь вспотевших черных с проседью волос. Он был немного растерянный и оттого злой.

— Стоять! Не двигаться! — крикнул он и подскочил к телеге.

— Ты чего, дядь Захар? — удивился Сашка. — Не узнал, что ли? Это же мы! Что случилось?

— Молчать! Ты у меня сейчас дядькаешься! — рявкнул участковый, потрясая в воздухе кулаком. — Я вас всех на руднике сгною! В самую глушь отправлю!

— Ты хоть объясни, в чем дело-то, — попытался его урезонить Виктор Степанович.

— А в том дело, что все вы дезертиры! А у нас с дезертирами разговор короткий. Руки вверх, и без разговоров. А то пальну, будь здоров.

— Да какие же мы дезертиры? — Сашка удивленно пожал плечами. — У нас с Андрейкой и Виктором Степановичем по три дня выходных, дед Матвеич на пенсии, а Петька контуженый.

— Чего-то ты недоговариваешь Захар, — хмыкнул Виктор Степанович. — Петька в штольне каменюку башкой словил, когда скалу взрывали, еле выжил, а ты и его и нас дезертирами обзываешь. У него контузия явная. Да если бы не Авдеевна, он бы давно уже богу душу отдал. Она его, можно сказать, с того света вытащила.

— А кто вам позволил в военное время на целых три дня покинуть режимный объект, работающий на оборонную мощь страны?

— Ты чего буровишь? — недоуменно поглядел на него Виктор Степанович. — Какое военное время?

— Вы агнцами невинными не прикидывайтесь! Не знаете разве, что война с германцем началась? Все отпуска и отгулы отменены.

— Как это война? — Виктор Степанович обвел глазами товарищей. — Вот так раз! Вчера только в газете читали, что друзья они нам заклятые.

— Три дня уж как. На ушах все стоим. А вы взяли и пропали неизвестно куда. Вам фельдшер велел Петьку в город везти, в больницу. А вы до города не доехали. Где вас искать? Рудник почти на военном положении.

— Что ж нам делать-то? Ты уж помоги нам.

— Как я вам помогу, когда у меня в кабине оперуполномоченный сидит, по вашу душу между прочим, — прошептал дядька Захар. Потом достал из кармана галифе носовой платок, вытер пот со лба, одернул гимнастерку, поправил кобуру на поясе и произнес так громко, чтобы слышно было оставшемуся машине: — Чего тут у вас? Телега сломалась? И вы, трое мужиков, за три дня починить ее не могли? Да за это время пешком до города можно было дойти. Эх вы, разгильдяи!

После этого он вернулся к кабине, открыл дверцу и опять же во весь голос доложил:

— Все в порядке, товарищ сержант госбезопасности. Телега у них сломалась. Ремонтировались.

Из машины не торопясь вылез молодой парень в военной форме, снял фуражку, пригладил ладонью волосы, развел руки в стороны, разминая мышцы. И только после этого вскользь глянул на Виктора Степановича и стоявших рядом с ним у телеги ребят.

— Эти, что ли? — спросил он безразличным голосом у дядьки Захара.

— Так точно, они самые, — подтвердил дядька Захар и повторил, словно оправдываясь: — Телега у них сломалась. Так-то они мужики дисципли-

плинированные, с благодарностями, ударники труда, можно сказать. Так что вы, товарищ сержант, не сомневайтесь.

— Ну, так если все в порядке, так и вопросов нет, поехали обратно, — вздохнул оперуполномоченный и направился к машине.

— Товарищ сержант, — остановил его Виктор Степанович. — Не подбросите до города? Нам контуженого надо врачам показать. А то пока мы на телеге-то доберемся.

— Я не возражаю, — пожал плечами сержант, поглядев на дядьку Захара. — Пусть едут, если надо. Кузов свободен.

— В общем, Матвеич, ты на телеге обратно езжай на рудник, — скомандовал дядька Захар. — Расскажи там все обстоятельно. Мол, беды не случилось, все найдены. А вы, орлы, марш в кузов.

Старенькая полуторка развернулась и покатилась по пыльной дороге в обратную сторону.

— Товарищ сержант, сразу в город едем? — поинтересовался Захар.

— Давай сначала в поселок заскочим. Дельце там есть одно, — проговорил тот. — Мужиков найдешь, куда поселить?

— О них не волнуйтесь, поселим, — уверил его Захар.

— Убедись только, чтобы на рудник вернулись. Время сейчас военное, сам понимаешь, — согласно кивнул оперуполномоченный и попросил: — Останови возле общежития. Завтра к восьми часам утра сюда же подъедешь. Мне тут надо еще кое с кем разобраться.

Высадив оперуполномоченного, Захар свернул в ближайший проулок, попетлял по улицам и подъехал к небольшому опрятному домику с резными ставенками, выкрашенными в синий цвет.

— Ну что, в хату пойдете или летнюю кухню займете?

— В летней кухне остановимся, — решил за всех Виктор Степанович.

— Только чтоб не буянить и по девкам не шастать. Знаю я вас.

— Так мы же семейные, — улыбнулся Андрей.

— Я про них. — Захар кивнул на Сашку и Петьку.

— Про Сашку не знаю, он-то, наверное, может прогуляться, а Петька у нас контуженый, — засмеялся Виктор Степанович. — Сейчас мы ему лекарства нальем, и баюшки до утра.

С баюшками получилось, да не у всех. Потому как в летней кухне, в углу, прикрытый рогожкой, бидончик неполный с медовухой обнаружился. Так перед ужином кто по рюмке, кто по две — бидончик и опустошили.

Уже по темноте, когда Андрейка с Виктором Степановичем спали, Сашке с Петькой показалось, что маловато они на грудь приняли, надо бы добавить, а уж нечего, и пошли они вдвоем в центр. Клуб был закрыт, столовая тоже, только в двухэтажном общежитии светились несколько окон.

— Пойдем, я там знаю одну деваху симпатичную. — Петька потянул Сашку к входу в общагу. — У нее всегда в заглазнике пузырь имеется.

— Да неудобно как-то, час ночи, — замялся Сашка.

— Чего неудобного? — удивился Петька. — Вон в нескольких окнах свет горит. Значит, не спят еще люди. Нам бы только мимо вахты незаметно пробраться. Там такая мегера сидит, не приведи бог встретиться. Меня в прошлый раз так шваброй по хребту огрела, что три дня разогнуться не мог.

— Можно через окно, — предложил Сашка. — Невысоко. Всего лишь второй этаж. Вон рама приоткрыта.

— Но в этом-то окне нет света.

— Тем лучше. Мимо них тихо прошмыгнем, они и не заметят.

— Давай, коли так, подсаживай.

Они влезли в окно и стали пробираться к двери. В комнате еще не спали, на кровати кто-то ворочался, слышался шепот, тихий женский смех. В это время Сашка наткнулся на стул и с грохотом опрокинул его.

— Тикаем! — прошипел Петька и рванул к двери, но налетел на Сашку, и они вместе грохнулись на пол.

— Ах, бандюганы! — вскочил с кровати здоровенный мужик и, не разбираясь, сразу начал пинать ногами лежавших на полу Петьку и Сашку.

Те вскочили и сами накинлись с кулаками на обидчика, врезали ему пару раз и быстрехонько выскочили в коридор. А там мимо сонной вахтерши — вон из общежития.

— Эх, не в то окно мы с тобой влезли, — посетовал Петька. — Надо было в соседнее сунуться.

— Да ладно, — махнул рукой Сашка. — И здесь неплохо размялись. Жаль, что бухнуть ничего не нашли.

— Слышь, а нехило мы ему накидали. — Петька потрогал припухший глаз.

– Так он же первый на нас набросился. Вот и получил по заслугам.

– Кто хоть такой?

– Не разглядел. Да и какая разница?

Разница оказалась большой. Утром, садясь в машину, они увидели, что у сержанта под глазом сиял огромный лиловый синяк. В ответ на немой вопрос Захара он буркнул: «В общежитии на косяк налетел. Кто-то свет отключил».

– В общежитии часто такое случается, – согласился Захар.

А перед тем как тронуться, он перегнулся с подножки кабины в кузов и грозно посмотрел на Петьку с Сашкой.

– Это вы его так? – Он показал глазами на сержанта.

– Почему я знаю? – Угрюмый Петька опустил голову и шмыгнул носом.

– В общаге встретились? – продолжал расспрашивать Захар.

– В общаге, – нехотя признался Петька. – Похоже, у него там краля живет.

– А вас-то какой бес в общагу понес?.. Что насупились, как мыши перед котом? Вот он вам сейчас-то головы поснимает. А если он не до конца оторвет, то я помогу!

Машина выехала из поселка и покатила вдоль кромки пихтового леса в сторону города. Миновав деревушку в десяток домов, вытянувшуюся вдоль речки, машина с трудом поднялась на перевал и остановилась.

– Закипели, товарищ сержант, – доложил дядька Захар. – Подождать бы немного, пусть малость остынет, а то мотор запорем.

– Перекур, – разрешил оперуполномоченный, ехавший всю дорогу молча, и вышел из машины, хлопнув дверью.

Вид с перевала открывался изумительной красоты. С одной стороны горные хребты, сплошь заросшие черневой тайгой и поэтому казавшиеся почти черными, были оторочены синей дымкой, выше которой белые, расплывчатые, почти невесомые облачка торопились куда-то в неведомые края. С другой стороны, внизу под перевалом, извивалась белая лента реки, а за ней вплоть до самого горизонта привольно раскинулись сенокосные луга. Посреди этих лугов возвышались, подобно сказочным великанам, одиночные, серовато-желтого цвета скалы. Дядька Захар любил это место. Он всегда останавливался на перевале, когда из города возвращался в поселок, выходил из машины, вдыхал

полной грудью воздух и улыбался широкой улыбкой окружавшим его холмам, полям, реке, будто встречал своих старых друзей. Но сейчас на душе у него было как-то беспокойно, словно в предчувствии приближающейся грозы. И гроза пришла: оперуполномоченный заметил синяк под Петькиным глазом.

– Кто это тебя? – подозрительно спросил он, и его рука непроизвольно потянулась к висевшей на боку кобуре.

Наступила зловещая тишина. Казалось, что даже птички чирикать перестали и трещащие в траве кузнечики вдруг разом смолкли.

– Это я ему приложил, – спас положение Сашка. – Каморка-то узкая была, там, где мы пили, в смысле спали, подвал настоящий, то есть – каземат. Света нет. Вокруг темнотища. Я пошел до ветру, ну и зацепил его кулаком. Нечаянно.

– А у самого почему губа разбита?

– Так это... прикусил по неосторожности, – соврал Сашка. – Говорю ведь, в комнате, то есть, это... в каземате, темно было.

Оперуполномоченный вроде поверил, но, пока они стояли на перевале, поглядывал косо то на Петьку, то на Сашку, потирая при этом свой подбитый глаз. Он явно что-то заподозрил, однако виду не подал. Может, понимал, что не в его интересах бучу зачинать. При этом выражение его лица было довольно угрюмым, он злился на самого себя и едва слышно бурчал, разговаривая сам с собой: «Ну вот на хрена ты разрешил взять этих придурков с собой? Пусть бы телепались на телеге. Это все твоя сопливость из нутра лезет. Надо помочь – ну давай помогу. Допомогался. Получил по морде. И ладно если бы морду расквасили где-нибудь в подворотне. Там разговор был бы другой. А то в такой момент по харе получил. Перед девчонкой стыдно. Замуж согласилась за тебя выйти. А из-за этих козлов фингал под глазом. Защитник хренов. Жениться собираешься, а защитить даже себя не можешь. Правильно деваха сделала, что не согласилась».

По пути еще несколько раз останавливались, и каждый раз оперуполномоченный бросал подозрительные взгляды на Петьку. В город приехали уже под вечер.

– Выбирайте, куда вас определить? – вдруг предложил оперуполномоченный, зло усмехаясь. – В НКВД или в военкомат? На запад с немцем воевать или на север тайгу корчевать?

– Так нам бы сначала в медпункт попасть, – резонно заметил Виктор Степанович. – Контуженого врачам показать. А потом уж хоть на запад, хоть на восток, а самое лучшее – в глушь, на самый дальний рудник. Мы как раз оттуда и приехали.

– Какого контуженого? – с издевкой спросил оперуполномоченный. – Вот этого с подбитым глазом? – Он ткнул пальцем в Петьку. – Который вместо того, чтобы постельный режим соблюдать, ночами по женским общагам шастает?

– Так я это...

– Молчать! – рявкнул внезапно побагровевший оперуполномоченный. – Или я вам сейчас дело состряпаю, во-первых, за провокацию на оборонном предприятии с нанесением тяжкого вреда советским рабочим – это измена Родине, минимум пятнадцать лет, а во-вторых, за дезертирство, в военное время это расстрел.

– Или? – спросил Виктор Степанович.

– Или вы сейчас идете в военкомат и добровольцами записываетесь на фронт. И чтобы я вас в районе больше никогда не видел!

– Так мы не против на войну-то идти, – вставил Петька. – Нам бы только переодеться.

– Мужики, ну что решили? – спросил Андрей. – В медпункт почапаем или сразу в военкомат?

– Петруха, ты как себя чувствуешь? – обратился к парню Виктор Степанович.

– Да все у меня нормально, чего пристали? – отмахнулся от них Петька. – Пошли в армию записываться.

– А на фига мы тогда в город ехали? – пожал плечами Сашка. – Бригадир, куда топаем?

– Куда ближе, туда и топаем, – вынес Виктор Степанович соломоново решение. – Время – ночь уже скоро. А нам обратно еще ехать, попутку ловить.

В военкомате на их стук вышел дежурный командир.

– Чего надо? – спросил он.

– Так это, нам бы на фронт.

– На какой фронт? – удивился дежурный. – Добровольцы, что ли?

– Не добровольцы, но помочь готовы.

– Не было приказа добровольцев набирать, так что идите отсюда. Хотя постойте. Давайте я ваши фамилии и адреса перепишу. Где работаете? На руднике? Так на вас, поди, еще бронь? Ладно, разберемся. Езжайте домой и ожидайте. Будете нужны Родине – повестку пришлем.

Родине они понадобились через два месяца, когда Рабоче-крестьянская Красная армия вела ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками и ситуация для наших войск на всех фронтах сложилась беспросветная.

3

На Алтае в июле и августе травы стоят высокие, силой земной налитые. Самое время их косить да в стога метать, пока дожди осенние не зарядили. В конце лета каждый день на счету. Не успеешь глазом моргнуть, как холода придут.

Знали в поселке, что скоро будут на войну с Германией мужиков забирать, но все это казалось каким-то далеким, не сегодняшним и даже не завтрашним. А оно раз – и случилось.

В жаркий полдень в поселок Белорецк, стоящий в двадцати километрах вверх по течению реки Белой от поселка Андреевского, въехала полуторка.

– Эй, мальцы! Где тут у вас Афанасьевы живут? – притормозил шофер возле нескольких ребятишек, игравших у обочины дороги.

– Дядя, а тебе какие Афанасьевы нужны? – поинтересовался самый старший из мальчишек. – У нас их несколько.

– Товарищ уполномоченный, который Афанасьев нам нужен? – Шофер повернулся к сидевшему рядом с ним человеку.

Тот достал из портфеля листок бумаги, развернул его и провел пальцем по строчкам, отыскивая фамилию.

– Виктор Степанович, – проговорил он.

– Слышали? – обратился шофер к мальчишкам. – Виктор Степанович нам нужен, Афанасьев.

– Так это папашка Настькин, – закивал головой старший мальчишка, видать заводила. – Вон она как раз идет. – И он махнул рукой, указывая на девушку, идущую по дороге в полусотне метров от них, а потом, пронзительно свистнув в два пальца, закричал что есть мочи: – Эй, Настька, тут до твоего батьки дело есть, подожди! – И припустился ее догонять.

Остальные ребятишки, вспорхнув, как воробы, помчались за ним следом, оставляя на пыльной дороге отпечатки босых ног.

– Вот сорванцы, – засмеялся шофер.

– Настька, Настька! – Старший мальчуган добежал до девушки. – Придешь сегодня вечером на танцульки? Гошка с нижней улицы обещался с гармошкой прийти.

– А тебе-то что? – засмеялась Настя. – Мал ты еще по танцулькам ходить.

– Так я не за себя спрашиваю, я за братана, за Васятку. Он у меня робкий. Это я боевой, а он слова не скажет. Я же вижу, что он по тебе сохнет.

– Какой ты, Сашка, глазастый. – Настька провела рукой по его взъерошенным волосам. – Передай брату, что не надо слишком стеснительным быть. Девушки любят смелых. – И она пошла дальше.

– Так придешь или нет? – с сожалением в голосе крикнул Сашка ей вслед.

– Посмотрим!

В это время машина поравнялась с мальчугом и притормозила.

– Эй, малец, а скажи-ка еще, где тут у вас Колесниковы проживают, Яков Евдокимович и Василий Яковлевич.

Сашка замер, взглянул на приезжих и вдруг припустил бежать от них по дороге, будто заяц, вдогонку за Настькой, только его и видели.

– Тупой какой-то пацан, – хмыкнул военный. – Давай трогай. Догоняй деваху-то, у нее спросим.

Пробегая мимо Насти, Сашка крикнул, не останавливаясь:

– Настька, предупреди батьку, военный за ним приехал. И моего батьку с Васькой тоже ищут.

Когда машина поравнялась с Настей, военный высунулся из окна машины:

– Здравствуй, девонька! Ты Афанасьева будешь?

– И что? – Настя бросила на него настороженный взгляд, а сама продолжала идти.

Шофер сбавил скорость и вел машину вровень с девушкой.

– Нам бы с Виктором Степановичем повстречаться. Повестька ему из райвоенкомата пришла, – проговорил военный.

– Давайте, я передам.

– Эх, девонька, если бы все было так просто, – вздохнул военный. – Ты ведь комсомолка, сама знаешь: война идет. Только под его собственноручную роспись и могу выдать повестьку.

– Вон наш дом, третий отсюда. – Настя показала рукой. – Езжайте за мной. Подождете немного, папа скоро должен с работы вернуться.

Она пошла вперед быстрым шагом и, подходя к калитке, закричала: «Мама, мама!»

– Что ты, дочка, весь поселок всполошила? – Невысокого роста женщина, немолодая, русоволосая, в легком ситцевом платице и с повязанной на голове косынкой, вышла из летней кухни.

– Мама! – воскликнула Настя. – Папу в армию забирают, на войну.

– Ох ты господи мой! – Женщина от неожиданности всплеснула руками и опустилась на скамеечку, вкопанную возле стены рядом с дверью. – Как же так?

– Да не переживай ты так сильно, хозяйка, – проговорил военный, вышедший вслед за шофером из машины. – Немца мы бьем на всех фронтах. Враг, конечно, упирается, но мы ему спуска не даем.

– А муженьку твоему, да и другим тоже, до фронта еще далеко. Сначала они должны обучение пройти, – проговорил шофер, но, поймав строгий взгляд военного, осекся.

– К тому времени, когда муж твой на фронт попадет, глядишь, и сломаем хребет фашистскому зверю, – продолжил военный. – Итак, Афанасьев Виктор Степанович здесь проживает? – официальным тоном спросил он, держа перед собой листок с фамилиями призывников.

– Здесь, – подтвердила женщина. И добавила: – Только он сейчас на работе, на руднике. У него смена вот-вот должна закончиться. Подождете?

– Мы этак за три дня не управимся, – с досадой проговорил военный. – Сколько отсюда до рудника?

– Километров двадцать будет.

– Минут сорок езды, – вслух прикинул шофер. – Здесь дольше просидим.

– Поехали на рудник, – скомандовал военный. – Там сразу всех и найдем. Как раз к перемене успеем. Поддай газу, а то до вечера не доберемся, – приказал он шоферу, и тот нажал на педаль газа, да так, что машина взвыла и рванулась вперед, будто только вчера вышла с завода, а не была уже несколько раз капитально отремонтирована.

Выехав из поселка, полуторка, дребезжа на ухабах, покатила по проселочной дороге на рудник. Для такой машины, как ГАЗ-АА, двадцатка километров – суший пустяк.

– Товарищ уполномоченный, – заискивающе проговорил шофер. – Я тут местечко одно знаю тайное, самый настоящий грибной рай, от рыжиков да лисичек земли не видно, все вокруг в грибах. Ваша супружница ох как довольна будет,

если вы ей ведро грибков привезете. Это же такая вкуснотища.

— Ладно, — согласился военный, видно, купившийся на то, что супруга будет довольна. — Если недолго, то можно. Мимо нас не проскочат?

— Никак нет, — заверил его шофер. — Дорога-то одна. А мы грибков быстро собираем — и туда.

Грибов, действительно, было много, и все лисички. От них вся поляна была желто-оранжевого цвета. По ведру набрали быстро и снова двинули в путь. Но на одном из ухабов шофер не в ту сторону руль крутанул, машину сильно тряхнуло, и сразу же раздался свист. Полуторка дернулась и остановилась.

— Похоже, приехали. — Шофер откинул капот и впился глазами во внутренности двигателя. — Так и есть, едри твою налево, ремень порвало. Просто в ключья разнесло.

— А ты даже не подумал, что ремень может порваться? — с кислым выражением лица спросил уполномоченный. — Сколько не доехали?

— Да почти десять километров не дотянули до рудника, — проговорил шофер. — Если пешком идти, так точно к ночи доберемся.

В это время послышался шум мотора и из-за пригорка показалась встречная машина.

— Эй, притормози! — обрадовался водитель и, замахав руками, бросился навстречу.

Но машина и без того уже сбавила ход, из кабины высунулся пожилой водитель с седыми усами.

— Чего тут у вас стряслось?

— Выручай, отец, — взмолился шофер и зашептал тихо: — Вот влип так влип. Начальника везу, а тут, как назло, ремень порвался. Он и так уже излохмаченный был, а сейчас вообще на куски развалился. Умолял завгара, чтобы новый ремень выписал, так разве допросишься.

— Знакомое дело, — кивнул шофер встречи, вылез из кабины и вытащил из-под сиденья ящик с инструментами. — По нашим дорогам без запасов нельзя. На вот, возьми. — Он достал из ящика кусок кожаной шлейки от старой конской упряжи. — Крепкая вещь, сразу не порвется. Если сильно гнать не будешь, доберешься. Сам-то смастеришь или помочь?

— Спасибо, отец, смастерю.

В это время к ним подошел уполномоченный.

— Здравствуйте, товарищ, — поздоровался он. — Вы не с рудника едете?

— С рудника, — ответил водитель. — Смену в поселок везу.

— А, случайно, Афанасьева такого не знаете, Виктора Степановича?

— Как не знать, знаю, — уклончиво проговорил шофер и уточнил: — А он на что вам?

— Да письмо для него из города заказное.

— Письмо — это хорошо, — кивнул водитель и крикнул в кузов: — Виктор Степанович! Тебе тут бумага. Спустись.

— Так, может, с вами и другие работники едут? — обрадовался уполномоченный. — Я сейчас назову, кого надо. — И он, достав из кармана листок с фамилиями, стал зачитывать их.

— Не все, но половина точно есть.

— Как хорошо, что я вас встретил, — сказал уполномоченный и достал из портфеля толстую пачку бумаг. — Вот, получите и распишитесь.

— Что это? — поинтересовался шофер, да и другие смотрели с любопытством, однако настороженно.

— Повестки в военкомат, — ответил уполномоченный.

— Вот не было печали, — пробормотал шофер и сплюнул. — Тьфу. Надо же. А на Иванова есть?

— Сейчас посмотрим. — Уполномоченный зашелестел листами, ловко перебирая их пальцами. — Есть, даже две. Забирайте, только распишитесь в получении.

Настроения у рабочих как не бывало. Остаток дороги бригада ехала молча. Когда остановились у магазина, Виктор Степанович кашлянул.

— Ладно, мужики, кончай горевать. Не на ка-
торгу посылают — Родину защищать.

— Так-то оно так, никто не спорит. Надо защитить, так защитим. У меня вот только жена на сносках, когда родит, непонятно.

— А почему мне повестку не дали? — вдруг возмутился Петька. — Я что — из другого теста слепленный? Если всех забирают, так и меня пусть возьмут.

— Молод еще! — оборвал его Виктор Степанович. — Мать на кого оставишь?

— Как на кого? Брат подрастает. И сестренка уже почти невеста. Помогут, коли что.

— Завтра всех к себе приглашаю, — сказал бригадир. — Гулять так гулять. Не знаю, что нас ждет на войне, но тушеваться раньше времени не будем. Разберемся.

Подходя к своему дому, Виктор Степанович увидел жену, стоявшую у калитки и ждавшую

его. Вид у нее был немного растерянный и испуганный.

– Витюша, что же будет? – спросила она и вышла ему навстречу, взяла за руку.

– Знаешь уже?

– Конечно, знаю. Этот, который из района, он же сначала домой к нам заехал. Потом уже на рудник рванул. Я сначала подумала, что из органов, испугалась. А его шофер-то меня успокоил. Мол, по делу, из военкомата. Так он на него так цыкнул, будто тот тайну государственную выдал.

– Сейчас по политической не забирают, – успокоил ее Виктор Степанович. – Не те времена. Сейчас всех на фронт гребут. Зачем тюрьмы полными держать, когда воевать некому?

– Нам-то что делать? – всхлинула жена.

– Отгулы возьму, – ответил Виктор Степанович. – У меня их много накопилось. Съездим на пасеку. Отдохнем как люди. Заодно колодец подправлю. Дом-то справный, недавно подновлял. Достоит до моего возвращения. Войне же не век быть.

4

По-разному провели жители поселка последние дни перед отправкой их близких на фронт.

Виктор Степанович с женой Евдокией Петровной, как и собирались, поехали на пасеку. Запрягли Воронка в телегу, положили узел с провиантом.

– Настька! – крикнула мать. – Едешь с нами или дома остаешься за хозяйку? Мы с ночевой. Отцу надо колодец на пасеке подправить, ульи посмотреть.

– Езжайте, – махнула рукой дочь.

– Про корову не забудь, – наставляла мать. – Гусей на луг отгони.

– Да разберусь я без вас, первый раз, что ли? – высунулась в окно Настька. – Гусак сам знает, куда свое стадо вести, лучше нашего председателя.

– Ты язык-то за зубами держи, – осекла ее мать. – Договорись у меня, дылда. Выросла выше отца, а ума так и не нажила.

– Ладно, не буду, – смиренно ответила дочь. – Езжайте.

– Вот стопроцентно тебе говорю, – шепнула Евдокия мужу, усаживаясь рядом с ним на сидущку из широкой доски, положенную поперек телеги и накрытую куском старого войлока. – Сейчас подруг приведет полон дом, и ни куриц

не накормит, ни гусей пастись не выгонит, и про все остальное забудет.

– Да ладно тебе, не строжься на дочку, – невозмутимо сказал Виктор Степанович. – Смотри, какой красавицей стала. Вот на следующий год техникум закончит, в конторе будет работать. А там и замуж выдадим. Внуки пойдут.

– Твои бы слова да богу в уши, – как-то печально улыбнулась Евдокия. – А страшать надо. Без страшаловки непуганая вырастет. Опасностей не будет видеть.

Как только приехали на пасеку, Виктор Степанович баньку начал топить по-черному. Банька на берегу речки построена, входом прямо к воде. Мостки с берега на глубину наложены, чтобы сразу из парилки – да в воду. Глубина-то небольшая, всего по грудь будет человеку среднего роста. Дно песчаное, вода прозрачная, всякую тину течением уносит.

Внутри баньки стены, дымом прокопченные, черные как уголь. А прилавочек чистый, скобленный и водой сполощенный. Пол земляной, в углу очаг камнями-окатышами да крупной галькой обложен. Только успевай в него поленья березовые подкидывать – огонь все съедает. Дым всю баню до потолка заполняет, только у пола пространство от него свободное, воздух прозрачный, а выше черная пелена. Дым горячий стены так накаляет, что ни одна микробина, ни одна бактерия в таком жару не выживает, когда банька прокалится до ядреной температуры.

Под потолком отдушина. Сначала обрубком древесным закрытая, а как баня прокалится, ту затычку вытаскивают, дым-то и выходит. А жар остается. Воздух в бане становится чистым да свежим, но раскаленным до неимоверной температуры. Кожа такой жар едва терпит, да и то не всякая, а только у тех, кто в сибирской глуши вырос и всю жизнь в баньке по-черному парился. Вот в такую баньку с веничком березовым и надо ходить почаще, для здоровья полезно.

А Евдокия Петровна к тому времени веник из свежесрезанных березовых веточек кипятком запарила, чтобы листья не облетали.

– Поддай-ка, Евдокиюшка, – просит Виктор Степанович. – Поддай, голубушка.

Евдокия Петровна как жажнет на раскаленные камни очага полковника квасу, водой разбавленного, и сразу по всей бане дух только что испеченного хлеба распространился. Ежели голден, так сразу и насытишься.

— А это тебе, Витенька, от меня. — И хлопает его по спине веничком. — Впитай в себя весь этот жар. Будет холодно — вспомни и согрейся.

— Ой, что это так колет? — спрашивает Виктор Степанович.

— Это любовь моя, чтобы крепче дом родной запомнил, — отвечает Евдокия Петровна и поясняет: — Можжевельная веточка игольчатая среди березовых листочков спряталась. Вроде бы и не видно, а в нужный момент тут как тут.

Она набирает из кадлушки полковника воды и снова льет на каменку. Да не сразу, как некоторые неумехи — одним махом весь ковш хлопистнут, аж вода в разные стороны отскакивает, — а тонкой струйкой, помаленьку, и не на те камни, что сверху лежат, а между ними, вглубь, туда, где самый жар. Пар столбом поднимается к потолку, окутывая все пространство нестерпимым жаром. Виктор Степанович чувствует горьковатый аромат.

— Вкусный запах, — вдыхает он воздух. — Что это за травку ты заварила?

— Этот запах ты никогда не забудешь, как бы далеко тебя судьба ни закинула. Полынь-травка — верная спутница всех, кто в пути, — шепчет Евдокия Петровна.

Напарившись до умопомрачения, Виктор Степанович вышел из бани и с мостков в воду бултых со всего маху, только брызги полетели.

— Смотри там, осторожнее, — волнуется за него жена. — Не ровен час, поскользнешься. Мостки-то скользкие.

— Брр! — Виктор Степанович вылезает из реки и медленно идет к бане.

— На-ко вот кваску испей. — Она стоит на пороге бани, завернутая в простыню, с распущенными волосами, протягивает ему деревянный черпачок с ароматным напитком.

— Спасибо, родная, спасла меня от неутолимой жажды. — Он делает большой глоток и возвращает ей черпачок. — После допью, а сейчас бы хорошо по мне еще разок веничком пройтись! — И пулей в парилку, по второму кругу, сам бог велел.

Вечером после баньки, выпив чаю с медом, они, взявшись за руки, гуляли по лугу, вдыхали полной грудью аромат скошенной травы. Солнце хоть и склонялось уже к горизонту, но припекало еще изрядно. А в березовой роще, что рядом с лугом, под сенью высоких крон прохладно. Слабый ветерок ерошил волосы, шелестел листвой. Было тихо и спокойно. И не верилось, что где-то идет жестокая война.

Дед Дронеи хоть и восьмой десяток разменял, но был еще в силе, мог без чужой помощи куль картошки с огорода принести и в погреб спустить, и траву острой литовкой полдня косить, и сено в копны метать, чтобы долгой зимой коровушкам-кормилицам, да теленку годовалому, да нескольким овечкам, недавно объегнившимся, было что жевать. Вот только на высокий стог самому не хватало уже прыткости взобраться. Внуки выручали. Они быстроногие. Им только скажи — они вмиг по длинной жердине взбираются на самый верх и кричат оттуда:

— Давай, дедушка, подкидывай сено-то!

— Держи, внучок, держи.

И летит вверх, в самое небо, навильник запашистого сена, где его подхватывает внук, мальчишка еще совсем, но из таких вот мальчишек и вырастают мужи, которые и с вилами, и с сохой легко управляются, а если понадобится, то и саблю острую нацепят и встанут на защиту своей Отчизны.

Известие о том, что двух его сыновей и старшего внука забирают на фронт, как-то сразу подкосило деда Дронею. Будто к его годам еще десяток лет сверху накинули. Плечи его сгорбились, глаза потускнели, пропал в них задорный блеск. Знал он не понаслышке, что такое война. Из потайного места, где ни одна продажная душа вовек не найдет, извлек он круглую коробочку из-под дореволюционного еще монпансье. Принес ее в хату, где собрались оба его сына и внуки с женами и детьми — большая дружная сибирская семья. Открыв коробочку, он достал из нее небольшой сверточек, развернул его.

— Вот, дети мои. — На его ладони с огрубевшей от работы кожей лежали три Георгиевских креста и несколько царских медалей. — Первого Георгия я в японскую кампанию получил, а последующих двух Георгиев — в Первую мировую. Знатно мы тогда немчуру били под началом его превосходительства генерала Брусилова. Да вот, видно, не поумнели они с тех пор. Опять на нашу землю войной пошли. Теперь уж вам стоять грудью за Расею-матушку. Помните: не за государей воевать будете — за детей своих, за жен да за матерей.

А в соседнем доме одинокая вдова Анна Матвеевна в последнюю ночь перед уходом двух ее сыновей на фронт почти не спала. Они вернулись домой за полночь, все с подружками прощались да не заметили, как время пролетело, и спали теперь будто младенцы, не пред-

чувствующие скорой беды, сладко посапывая во сне. Спаленка была узкая – две кровати стояли у стен, одна напротив другой, да небольшой проход между ними. Если бы спавшие на тех кроватях одновременно встали, то коленками друг за друга зацепились бы непременно. Но они ведь были родные братья – так и ничего, не возмущались.

Мать поставила табурет в изголовьях кровати и весь остаток ночи просидела рядом со спящими сыновьями, положив свои руки на подушки рядом с их головами и чувствуя кожей их дыхание и исходящее от них тепло. И это были, пожалуй, самые счастливые мгновения ее жизни.

«Быть может, все и образуется, – думала она, – и вернутся мои сыночки с войны здоровые и невредимые. Быть может, война-то долго и не продлится».

Ох, тетка Анна! Знала бы ты будущее, так прижала бы сыновей к груди своей и не отпустила бы никуда. Да только ты ли одна так бы поступила? Миллионы матерей не отпустили бы своих чад на бессмысленную бойню. И если бы торжествовала на земле правда материнская, так и не было бы войн никогда и нигде на свете.

А может, оно и к лучшему, что не знаешь ты будущего, что не увидишь ты, как, прожитый пулеметной очередью, упадет твой старший сын, захлебнувшись криком на бегу, как оросит он снег своей горячей кровью. О чем будет он думать в последние мгновения своей жизни? О матери, родившей его, – наверное, о ней; о девушке, оставшейся в далеком таежном поселке, подарившей ему свою первую любовь, – наверное, о ней; о своем не родившемся еще сыне, который появится на свет маленький, слабенький, беззащитный, но, повзрослев, всегда будет помнить, что был у него отец и погиб его отец в самой страшной из всех войн, когда-либо случавшихся на земле, и не просто так погиб, а за его спокойное будущее.

Быть может, хорошо, что не увидишь ты, тетка Анна, как во время минометного обстрела вражеская мина разорвется рядом с твоим младшим сыном и будет лежать он на снегу с оторванными ногами, истекая кровью. О чем будет думать он в последние мгновения своей жизни? Наверное, о том же.

Ой, что это с ней, никак заснула ненароком, утомленная событиями последних дней. И сон-то страшный какой приснился. Хорошо, что это просто сон. А может, и не сон это вовсе, но что

же тогда – наваждение? Или это думы ее материнские, печаль о сыновьях, или будущее предупреждает о том, что должно случиться? Времени – шестой час. Вставать пора, хлеб в печь поставить, чтобы сыновьям было что с собой в дорогу дальнюю взять.

За окном забрезжил рассвет. Во дворе заголосил петух, потом вдруг осекся и замолчал, словно почуяв неисцелимую материнскую печаль. Но мать давно уже была на ногах. В крынке стояло парное козье молоко. В русской печке подрумянивались два каравай хлеба, квашня для пирогов вот-вот должна была подойти. Два комплекта одежды – из довоенных еще запасов – висели на спинках стульев.

– Ребятишечки! – ласковый мамин шепот.

– Мамуль, еще немножечко подремлю...

Старший сын потянулся, повернулся на другой бок и снова заснул. А младший вообще не проснулся, лишь сладко посапывал во сне.

– Вставайте, мои хорошие, вставайте. – Мать ласково погладила их по волосам. – Времени уже много. Восемь часов скоро. Вам через два часа в конторе быть, а ведь надо еще умыться, поесть, так что вставайте, родные.

5

Перед зданием сборного пункта собралась большая толпа народу, приехавшего со всех далеких и близких поселков и деревень, те, кого провожали, и те, кто провожал. Призывников сотни две набралось – взрослые мужики и молодые парни, многие из которых только-только достигли призывного возраста. Война, всеобщая мобилизация. Из провожающих – старенькие матери с заплаканными глазами; жены с затаенной грустью в глазах и надеждой, что многие страшные вещи, которые на войне случаются, их желанного не коснутся; незамужние девушки, расстающиеся со своими возлюбленными, в их глазах светится не то чтобы печаль, это само собой разумеется, разлука никому не в радость, но еще и надежда: не сомневайся, любимый, буду ждать столько, сколько потребуется, вернись только живой.

– Ты давай пиши, – просит парень.

– Может, и напишу, – отвечает недотрога, хотя знает точно: конечно, напишет, но нельзя же так сразу согласиться, подумает еще, что для всех такая доступная, а так воевать крепче будет, получив долгожданное письмо от любимой.

Настька приехала к сборному пункту вместе с родителями. Многие парни исподтишка любуются стройной, ладной фигурой девушки, ее длинными густыми волосами, заплетенными в тугую косу. Она ловит изредка на себе их быстрые взгляды и лишь слегка улыбается, привыкла.

– Пап, мам, я отойду ненадолго. – Настька кого-то пытается высмотреть в толпе.

– Иди, дочка, иди, – разрешает отец.

– Ненадолго, – предупреждает мать и грозит пальцем: – Смотри у меня!

– Да ладно, чего смотреть-то, – дергает плечиком Настька, это так она супротивничает, и тут же исчезает в толпе.

– К Ефимке побежала, – недовольно ворчит мать.

– Радуйся, – усмехается в усы Виктор Степанович. – Дочка-то выросла. А насчет Ефимки не переживай, парень неплохой. Его, кстати, тоже забирают. Вот вернемся все вместе с войны, тогда и потолкуем.

Пробираясь сквозь толпу, Настька нежданно-негаданно столкнулась лицом к лицу с Васькой. Невысокого роста паренек, тайно влюбленный в эту красивую и немного взбалмошную дивчину, похоже, даже испугался этой неожиданной встречи.

– Здравствуй, Вася, – проговорила Настька и тут же вспомнила слова младшего Васькиного брата Сашки: «Он у меня робкий». – Куда тебя забирают? В какую часть?

– Не знаю пока, – смущенно ответил Васька. – Может, в кавалерию. Спрашивали, умею ли я обращаться с лошадьми. А я коней с детства люблю.

– Ну и правильно, – улыбнулась Настька и вдруг предложила: – Ты напиши мне, а я отвечу. Честное слово, отвечу.

Она вдруг притянула Ваську к себе, поцеловала влажными губами в щеку и скрылась в толпе, оставив паренька в счастливой оторопи: что это было и было ли это вообще?

– Призывники! – зазвучал в репродукторе властный, немного хрипловатый голос военкома. – В две шеренги становись!

– Не войдут все, если в две шеренги, – раздались крики из толпы. – В три шеренги давай строй, а то и в четыре.

– Товарищи призывники, в три шеренги становись! – снова прогремел голос военкома. – Да

плотнее, товарищи, плотнее. Сейчас перед вами выступит уполномоченный из центра.

Виктор Степанович дымил козьей ножкой. Рядом с ним собралась почти вся его бригада. На сколоченной наспех трибуне, обтянутой куском кумача, стоял типичного вида учрежденец в очочках и что-то громко вещал, но гул толпы не позволял расслышать, что он там говорит: то ли к чему-то призывает, то ли от чего-то отговаривает. Выкрикивая слова, заглушаемые гулом толпы, он в подтверждение своих слов усиленно размахивал зажатой в кулак газетой, свернутой в трубочку. Наверное, в ней и был напечатан недавний Приказ номер двести семьдесят Ставки Верховного Главнокомандования «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», подписанный не кем-нибудь, а самим Иосифом Сталиным.

– Победа близка! – кричал с трибуны уполномоченный. – Наша авиация уже начала бомбить Берлин. Доблестная Красная армия громит врагов Отечества на всех фронтах от Черного моря до Балтийского. Враг отчаянно сопротивляется. Под Смоленском наши войска прорвали оборону противника и вышли из окружения. Скоро, очень скоро мы отвоюем наши рубежи, вернем все ранее оставленные города и населенные пункты великого Советского Союза. И после этого мы погоним врага обратно в его логово. Победа будет за нами. Наше дело правое. Мы победим. И эта Великая Победа будет коваться здесь и сейчас вами, мои дорогие соотечественники.

– Пойду потолкую с военкомом. – Виктор Степанович затушил папироску и бросил окурочек в урну. – Ждите меня здесь, хлопцы. Сами никуда не ходите.

– А чего он нас-то с собой не взял? – хмыкнул вечно поперечный Петька, когда Виктор Степанович ушел. – Пошли бы все вместе.

– Вот он и хочет, чтобы мы пошли все вместе, – растолковал ему Сашка. – Твое дело десятое. Бугор сказал ждать, значит, ждем.

– Вместе, – пояснил Петьке Андрей, – это значит в одной части воевать, чтобы не разбрасывали по разным фронтам.

– Вместе – это хорошо, – согласился Петруха, написавший ранее заявление с просьбой отправить его на фронт добровольцем. И добавил мечтательно: – Нам бы в нашу часть медсестричек посимпатичнее...

– Не нагулялся еще, что ли? Так теперь только после победы, – хохотнул Сашка.

– Да ну тебя! – Петька вроде обиделся или сделал вид, что обиделся. – Я ж так... С женским присутствием и воевать легче.

Вскоре вернулся Виктор Степанович.

– Все, братцы, – проговорил он. – В один полк определили и даже обещали, что запишут в одну роту.

Он не стал подробно рассказывать о своем разговоре с начальником военкомата, а разговор между ними состоялся интересный...

– Можно, Прохор Егорыч? – Виктор Степанович приоткрыл дверь в кабинет военкома.

– А, Витя, заходи, – пригласил военком и показал рукой на стул. – Присаживайся, в ногах правды нет. Ты чего пришел, провожаешь кого-то?

– Так на фронт собираюсь, вот повестка пришла. – Виктор Степанович достал из кармана пиджака свернутый листок и положил его на стол.

– Постой-постой, – остановил его военком. – Какая повестка? А ну-ка, дай посмотреть... Прости, друг, – сказал он, прочитав повестку. – Ошибка вышла. Эти недотепы из краевого военкомата всех готовы под ружье поставить. Тебе ведь уже за полтинник. Староват ты, Витя, на фронт идти. Так что валяй домой, обрадуй супругу, привет ей, кстати, от меня.

– Погодь, Прохор Егорыч, – остановил его Виктор Степанович. – Раз уж призывают, значит, призывают. Нет тут ошибки никакой. Вся моя бригада на фронт идет, а я, значит, из возраста вышел? Ничего, повоюю еще не хуже других.

– Не могу я тебя взять, – развел руками военком. – Приказ нарушу. Возраст у тебя не тот.

– Ты вот что лучше сделай, Прохор Егорыч, – приглушив голос, зашептал Виктор Степанович. – Ты нас в одну часть определи, всю мою бригаду, чтобы мы все вместе были. Это моя к тебе человеческая просьба. Ребята молодые, им домой надо живыми вернуться, а кто там за ними приглядит? Я-то их всех знаю как облупленных.

Следует сказать, что внешне военком был совершенно не похож на военного человека. Есть расхожее мнение, что бывшего военного можно по выправке определить, а военком после ранения в ногу прихрамывал заметно. Роста он был среднего, чутко располнел за последние годы, сидя в кабинете, но прическу по-прежнему носил короткую. Правда, если раньше волос у него русым был, то за последний десяток лет серебра на виски заметно насыпало. И только гла-

за у Прохора Егоровича не изменились, остались такими же синими, как васильки, не выцвели к старости, как у многих, и блеск задорный в них не пропал. Чувствовалось, что есть еще кураж у мужика, а вот силы уже не те. Не оттого ли проскальзывала иногда на его задумчивом лице печальная улыбка да морщинка появлялась на лбу, когда поджимал он губы в раздумье, теряя на мгновение контроль над собой, но быстро спохватывался, если замечал, что за ним наблюдают. Он был одинок, не захотев создавать семью, говоря так: «А вдруг убьют? На кого жену оставлю да детей своих, коль народятся?» Единственной его отрадой была племянница, дочка старшего брата, умершего с женой от тифа в самом начале тридцатых годов. И вот сейчас муж его дорогой племянки, которая ему как дочь, стоял перед ним и корчил из себя героя, просился на фронт, и единственным желанием у военкома было взять из угла свой костыль да стукнуть Виктора изо всех сил по хребту, чтобы дурью не маялся. Выискался защитник хренов, не навоевался еще в свои пятьдесят с хвостиком лет! Все это хотел сказать Прохор Егорович в глаза своему зятю, но не сказал, понимая, что мужик прав и что сам он поступил бы так же, если бы был на его месте.

69

– Ну, смотри, Витя, твоя воля, – недовольно покачал головой военком. – Напомни, ты из армии в каком звании демобилизовался?

– Помкомвзвода, – ответил Виктор Степанович.

– Ладно, воюй, – махнул рукой военком и добавил доверительно: – Я бы тоже лыжи навострил. Ты ведь знаешь, я кадровый военный. Первую мировую прошел, в Гражданскую до краскома дослужился, награды имею и царские, и от советской власти. Ранен был дважды.

– Прохор Егорыч, – вздохнул Виктор Степанович. – Ты-то куда? Тебе ведь уже за шестьдесят. Поглядишь в зеркало, волосы на голове давно уже седые.

– А ты думаешь, я слабее этих малолеток? – вдруг ни с того ни с сего раздухарился военком. – Да я любому из них фору дам!

– Да это понятно, – согласился с ним Виктор Степанович и спросил: – Так что, определишь нас всех в одну часть?

– Определю, – пообещал военком и подвинул к себе листок бумаги. – Называй фамилии.

Уже уходя, Виктор Степанович обернулся:

– Егорыч, ты моей жене не говори про то, что повестка по ошибке была выписана.

– Не скажу, – пообещал военком. – Как вот только я после этого ей в глаза смотреть стану? Так что ты уж там, на войне, повнимательней будь. Сам на рожон-то не лезь, почему зря и парням своим не позволяй рисковать. Вернитесь, пожалуйста, живыми.

6

Евдокия Петровна работала откатчицей на руднике. Вдвоем с напарницей они выкатывали из штольни по рельсам тяжелую вагонетку, наполненную добытой рудой. Катить вагонетку до выхода не так уж чтобы далеко – всего метров восемьдесят, но пот пробивает, и руки от чрезмерных усилий начинают нещадно болеть, и спина к концу смены уже не разгибается. Зато мысли витают где-то далеко. Все думы о муже. Как он там? Письма редкие и какие-то странные, будто не родной человек пишет, а так, едва знакомый.

Толкает Евдокия Петровна тяжелую вагонетку, склонив от напряжения голову, тусклый свет от шахтерского фонаря освещает дорогу, и вдруг с ней происходит нечто непонятное. Внезапно фонарь гаснет. Черная, как вакса для сапог, густая, почти реально осязаемая темнота обволакивает ее со всех сторон. Ночь вокруг, но чувствуется скорый рассвет. Сигнальная ракета вспарывает небо и с тихим шипением гаснет в грязи, осветив на миг окрестности с остатками чахлах деревьев, израненных войной, на крохотном островке твердой земли посреди непроходимого болота. Вокруг бездонная топь с воронками от бомб, заполненными черной жижей, подернутой сверху тонкой корочкой льда.

Между воронок проложен деревянный настил из связанных между собой жердей и веток. По настилу идут солдаты, сгибаясь под тяжестью вещмешков. Их заросшие многодневной щетиной лица, изможденные от голода и недосыпания, угрюмы. У каждого из них в вещмешке сухой паек на несколько дней, боезапас винтовочных патронов и гранат да еще по два снаряда для сорокапятимиллиметровых пушек. Завтра с утра бой, однако снаряды к пушкам не успели подвезти, потому что дороги нет, есть только тропа через болото. А сегодня надо еще дойти до расположения своей части... Внезапно яркая вспышка озаряет небо, от разрывов вражеских мин дрожит земля, гром взрывов рвет ушные

перепонки. Бойцы падают с деревянного настила в промерзшее болото, ища в нем спасение, цепляются скрюченными от холода пальцами за срубленные ветки, но жадная трясина засасывает их, и они уходят в бездну, исчезая в ней навсегда.

– Евдокиюшка! – слышит она то ли слабый крик, то ли громкий шепот.

Затаившийся в ночи, до боли знакомый голос зовет ее, молит о спасении, и она видит рядом с собой воронку от снаряда и солдата, погружающегося в черную жижу. И в этом грязном, истощенном до полусмерти солдате узнает она своего мужа, дорогого и любимого Виктора Степановича. Евдокия Петровна широко раскрытыми от ужаса глазами глядит на него и видит, как он хватается руками за кромку льда, стараясь вылезти из этой трясины, но хрупкий лед ломается под его тяжестью, и острые ледышки режут в кровь его ладони и пальцы, и на этих холодных кусочках льда остаются расплывающиеся капли его горячей крови. А она тянет к нему руки, стараясь схватить его и выдернуть из этой бездны.

– Что с тобой, Евдокиюшка, ты слышишь меня? – шепчет ей Виктор. – Очнись, погляди на меня! – Муж уже не шепчет, а кричит, и этот крик доходит до ее сознания словно откуда-то изда-
70

– Очнись, Евдокия, очнись!

Она чувствует, как чьи-то сильные руки хватают ее и уносят неизвестно куда от мужа. Внезапно яркий свет заливают все вокруг. Она приходит в себя и видит лица склонившихся над ней рабочих из ее бригады и слышит громкий крик начальника смены, кроющего всех трехэтажным матом.

– Ты как, Петровна? Все нормально? – В его глазах испуг, он переводит взгляд с Евдокии на окружающих их людей и громко шепчет, тряся кулаком: – Я вас под суд отдам! Кто последний заряд взрывал? Вы что, вредители хреновы, не убедились, что в штольне никого нет? Человека чуть не угробили, мать вашу!

– Мужа видела, – шепчет Евдокия и слабо улыбается одними губами.

– Ты давай, Петровна, держись, не вздумай помирать-то. Я что Виктору Степановичу скажу, когда он с войны вернется, что, мол, не углядел, не уберег? – Начальник смены берет ее за руку и говорит в сторону: – Где там этого фельдшера черти носят? Чтобы через минуту был здесь!

Однако фельдшер уже и так бежит со всех ног, зная крутой нрав начальника смены. Он падает на колени перед носилками с Евдокией, бегло осматривает ее: «Как голова, не болит? Шум в ушах есть? Меня хорошо видишь?» Трогает лоб рукой: не горячий ли? Щупает пульс.

– Нормально все, – шепчет Евдокия.

– Видимых повреждений нет, – констатирует фельдшер. – Должно быть, контузия. В больничку ее надо бы отправить, отлежалась бы недельку под присмотром докторов.

Начальник смены, уже успокоившись, согласно кивает: «Оформляй в больничку» – и снова гневно вскидывает вверх кулак: «А с вами я еще разберусь. Где бригадир? Кто приказал взрывать?»

После этого случая Евдокия написала письмо дочери в город. Письмо было короткое: «Приезжай, дочка. Плохо мне».

7

Прохор Егорович сидел в своем кабинете, подперев руками голову и зажав в кулаке короткий чуб. Он был зол. Перед ним на столе лежало его заявление с просьбой направить в Действующую армию. На заявлении – росчерк «Отказать» и подпись крайвоенкома.

Зазвонил телефон. Прохор Егорович снял трубку:

– Алло, говорите. Да, узнал, конечно. Нет и еще раз нет. План по призывникам мы выполнили на сто пять процентов. Оперуполномоченные в этом году могут спать спокойно. Ничего им не улыбнется. До свидания! – И, уже повесив трубку, прошептал сквозь зубы: – Будьте вы неладны.

В дверь кабинета кто-то негромко постучал.

– Заходите, открыто, – крикнул Прохор Егорович.

– Дядь Прохор, можно? – На пороге появляется Евдокия, не решается войти.

– Да что же ты, донюшка, стоишь в дверях-то?! Заходи, родная, заходи. Наконец-то нашла времячко навестить своего дядьку.

Прохор Егорович встал из-за стола, сделал шаг навстречу и натолкнулся на ее взгляд. Он сразу вспомнил Виктора Степановича и его повестку, сделанную не по форме, и то, что мужик должен был бы сейчас сидеть дома, а не находиться непонятно где.

– Давай устраивайся поудобнее, ближе к столу. – Он подвинул ей стул. – Я сейчас чаю заварю, настоящего, индийского. Мне друг из Москвы выслал пару пачек, боевой мой товарищ. Мы с

ним еще с Гражданской войны дружим, в одном полку служили. А ты чего невеселая такая? Кручинишься почему? С дочкой чего-то не так? Витька-то пишет?

– Дядь Прош, – остановила его Евдокия. – Не надо чаю. Я на фронт хочу.

– Что ты, милая, что ты! – негодуя воскликнул Прохор Егорович. – На какой фронт ты собралась? Призывников девать некуда. Все военкоматы забиты. Народу на сто дивизий набрали. Теперь бы их еще обучить да вооружить. А тут ты еще на фронт просишься.

– Не могу я сидеть дома, – вздохнула Евдокия. – Привиделось мне, что Витя в беду попал, что плохо ему там. Помощь моя нужна. Я рядом должна быть.

– Да что ты такое говоришь?! – замахал на нее руками Прохор Егорович. – Ты себя сама-то хоть слышишь? Да твоему Витьке до фронта еще как до Луны пешком. В общем, так, Евдокия, раньше времени не паникуй, муж твой до фронта еще не добрался. В учебке он. Обучают их там всем военным премудростям. На фронт, знаешь ли, необстрелянных бойцов не посылают. Это тебе не просто так. Это, знаешь ли, армия.

– Все равно, – не соглашается с ним Евдокия. – Запиши меня в бригаду окопы рыть, ты ведь это можешь. Сейчас как раз набирают.

– Добровольцы на возведение оборонительных укреплений действительно требуются. – Прохор Егорович в раздумье провел рукой по волосам. – Но тебе какой резон туда записываться? Ты и так на оборонном предприятии работаешь. Самая непосредственная помощь фронту. Кроме того, у тебя дочка учится, хозяйство на тебе.

– Дочку я уже вызвала, – ответила Евдокия. – Приедет со дня на день, за хозяйством приглядит и вместо меня на руднике работать будет.

– Сломаешь ты жизнь дочери, вот что я тебе скажу, – горько вздохнул Прохор Егорович. – Ей учиться надо, образование получить, для этого она техникум закончить должна. А ты заладила: хозяйство, рудник. Не пуцу, в общем. Я тебе сейчас вместо отца и матери. И сказ мой тебе последний: не пуцу. Иди из моего кабинета и не приходи больше по таким вопросам.

Евдокия не двинулась с места, глядела не моргая в одну точку.

– Дядь Прош, ехать мне надо, хочешь ты этого или нет. Надо – и все.

– Что ж ты со мной делаешь, племяшка? – тяжело вздыхает Прохор Егорович. – В кого вы только с Витькой уродились такие упертые? Лад-

но, придумаем что-нибудь. Сейчас в райвоенкомат разнарядка пришла на стройармейцев. С нас вроде бы не особо требуют. Но, если сильно просишь, запишу тебя вольнонаемной в строительный батальон. Народ набирают вокруг Москвы укрепления возводить. Немец пока еще далеко, может, и не дойдет до столицы.

— А моего Витеньку на какой фронт пошлют? — поинтересовалась Евдокия.

— Откуда я могу знать? — пожимает плечами военком. — Это секретная информация. Сама понимаешь. Никто не знает.

— Спасибо, дядь Проша. — В уголках губ Евдокии появляется слабое подобие улыбки. — Когда приходиться?

— Вот что за народ? — возмущается Прохор Егорович. — Сразу вопросы задавать начинает: когда, во сколько. Откуда я могу знать? Через неделю оповестят. Жди. Здесь главное — голову в петлю засунуть, а веревка сама затянется.

Настька покочевряжилась немного, но не стала перечить матери. Директор техникума сказал ей: «Хочешь уехать — что ж, уезжай. Но только знай, что приказ о твоем отчислении следом придет. Взрослая уже, понимать должна. Военное положение». Угроза директора не остановила Настьку, и она приехала в поселок к матери, устроилась на рудник вместо нее откатчицей.

А через пару недель эшелон, составленный из двух десятков теплушек, увозил Евдокию на запад. В теплушках размещались части строительного батальона, направлявшегося к Москве возводить оборонительные укрепления.

Война ведь это не просто столкновение солдат двух вражеских армий. Это в большей степени битва индустрий. Боец на передовом рубеже может выдолбить в мерзлой почве окоп для себя, но выкопать десятки километров траншей, противотанковых рвов, соорудить сеть блиндажей, дотов, дзотов, землянок — это ему не по силам. И даже если прорвет враг оборону, то не будет катиться беспрепятственно до самой столицы — не сможет. Потому что за первой линией — второй оборонительный рубеж, а от него на определенном расстоянии — третий, четвертый. Глядишь, враг и завяз, темп потерял, приходится ему каждую пядь земли с боем завоевывать.

8

В Москве поезд со стройбатом загнали на запасной путь в ожидании скорой разгрузки или приказа сверху о маршруте дальнейшего его

следования. Неразбериха была на железной дороге в тот нелегкий для страны период: сотни, тысячи железнодорожных составов двигались туда-обратно, везли грузы, военную технику, солдат на фронт, раненых с фронта.

Уже под утро Евдокию разбудил посыльный, стучавший палкой по двери теплушки.

— Ты главная? — спросил он.

— Чего тарабанишь? — сердито спросила Евдокия. — Переполошил всех.

— Срочно к начальнику станции.

— Что там еще такое случилось? Посреди ночи тягают.

— Твою работницу поймали, — шепотом пояснил посыльный. — Если срочно не появишься, то ее расстреляют, как шпиона или как дезертира.

— Вот зараза. — Сон у Евдокии как рукой сняло. — Дай хоть одеться.

Спрыгнув из вагона на перрон, она быстрым шагом пошла за посыльным.

— Кто хоть такая, не знаешь? — спросила она.

— Не-а, — беспечно ответил тот.

— Так, может, не из моей бригады? — предположила Евдокия.

— Не-а, из твоей, — разрушил ее надежды посыльный. — Она сама сказала, что с Алтая. Боевая такая девчонка.

В дежурной части сидели трое военных. Одного из них, комбата, Евдокия сразу узнала, двух других видела впервые. Комбат был не то что испуган, но по мрачному выражению его лица Евдокия поняла, что от этих двоих ему уже досталось.

— Особый отдел НКВД, — представился один из военных. — Люся Кузнецова, то есть Людмила Васильевна Кузнецова — ваша работница?

— Да, моя, — ответила Евдокия.

— Идеологически надежная?

— Да, надежная.

— Уверены?

— Как в самой себе, — ответила Евдокия, чувствуя, что начинает волноваться. — Чего она натворила?

— Вот выясняем, дезертир она или шпионка. Задержали вне расположения воинской части.

— Разрешите пояснить. — Евдокия посмотрела прямо в глаза особисту. — Она не может быть дезертиркой, потому что она вольнонаемная, а не военнообязанная. Это раз. И она не может быть шпионкой, потому что... — Евдокия сделала паузу, глядя немигающим взглядом в глаза военному.

– Почему не может? – прервал затянувшуюся паузу особист.

– Потому что она моя соседка. Живет через дорогу. Все время на моих глазах. За всю свою жизнь из поселка никогда никуда дальше района не выезжала. А поселок у нас закрытый. На оборонку вкалываем. Шпионов не было и нет. Отец у нее, кстати, на фронте воюет. Так какая она может быть после этого шпионка? Знаете, кто она такая?

– Кто? – в растерянности спросил особист.

– Дура! – ответила Евдокия. – Дура, потому что попалась. И это лишний раз подтверждает, что никакая она не шпионка.

– Есть логика в ваших рассуждениях, – согласился особист. – Ну, а ты что скажешь, комбат?

– А что я скажу? – пожал плечами комбат. – Выговор могу ей влить. Обратно могу отправить на Алтай. Вот только кто вместо нее работать будет? Мы ведь сюда не просто так приехали, не на экскурсию. Укрепления будем строить. Понимаю, что провинилась. Примем меры.

– Часовой, освободи арестованную, – приказал особист и, мельком взглянув на часы, прошептал едва слышно: – Третий час ночи. Занимаюсь всякой ерундой...

Выйдя из дежурной части, Евдокия и Люська хотели как можно скорее уйти подальше, чтобы, не дай бог, особист не передумал и не приказал их снова арестовать. Но комбат как ни в чем не бывало остановился прямо рядом с дверью, достал из кармана портсигар, раскрыл его, кинул в рот папироску и только после этого спросил у Люськи:

– Куда же это ты на ночь глядя побежала?

– Красную площадь хотела посмотреть. А то я ее только в киножурнале и видела. Думала, успею обернуться туда-обратно, пока поезд на месте стоит.

– Серьезно? – Комбат внимательно посмотрел на Люську. – Красной площади ни разу не видела?

– Ни разу, – подтвердила Люська. – Вон тетя Дуся не даст соврать.

– Ну и что тут такого? – пожал плечами Евдокия Петровна. – Я, например, тоже ни разу Красную площадь не видела.

– Та-ак. – Комбат на мгновение задумался, потер рукой подбородок. – А и правда. Я ведь тоже Красной площади не видел. Короче говоря, ждите меня здесь, никуда не уходите, я скоро.

И вернулся в дежурку, закрыв за собой дверь.

– Чего это он? – недоуменно спросила Люська.

– Не знаю, – пожал плечами Евдокия Петровна. – Сказал ждать – будем ждать.

А комбат в это время уже стоял перед особистом.

– Тебе чего? – недовольно спросил тот.

– Товарищ лейтенант госбезопасности, дело есть, помогли бы.

– Ну, говори, не тяни.

– Нам завтра оборонную линию налаживать вокруг Москвы.

– Ну, знаю. Дальше что?

– Понимаешь, браток, – вдруг доверительно проговорил комбат, нарушая всякую субординацию. – Из деревни мы, поселковые. Всю жизнь на руднике под землей проработали, вольфрам добывали, молибден, чтобы вражеские снаряды от танков наших отскакивали.

– Попросить чего хочешь? – догадался особист. – Говори.

– Нам бы Красную площадь посмотреть. Чтобы работалось крепче, чтобы знали, что защищать будем. Помоги.

– Хм-м, ну ты и наглец, – покачал головой особист. – Помочь, значит, просишь? В военное время, когда враг к Москве рвется, вы площадь Красную решили посмотреть? Часовой! – громко крикнул он. – Ко мне!

Комбат весь напрягся от этого его крика.

Вбежал часовой.

– Возьми вот этого капитана и еще кто там с ним будет и веди их сам знаешь куда.

– Так точно, знаю, – ухмыльнулся часовой и снял с плеча винтовку.

– Да не туда, дурак, – остановил его особист. – Шофера моего подними, если дрыхнет. Пусть сгоняет с капитаном и его девушками на Красную площадь, посмотрит, что там. Только быстро, на все про все час – и пулей обратно! – После этих слов он поглядел на комбата и с серьезным выражением лица произнес: – Конечно, надо взглянуть на Красную площадь, а как же иначе.

Когда Евдокия с Люской увидели вышедшего из дежурки комбата под охраной часового, у них внутри сразу все похолодело, особенно когда комбат сказал им: «Вперед идите».

– Саша, да куда ж это нас поведут-то? – зашептала Евдокия Петровна, впервые назвав молодого комбата по имени.

— Куда надо, туда и поведут, — отчеканил комбат и, повернувшись к часовому, незаметно подмигнул ему.

Тот понял намек, скинул с плеча винтовку и грозно проговорил:

— А ну, не разговаривать у меня!

— С нарушителями трудовой дисциплины у нас разговор короткий, — зашептал комбат, глядя на Люську. — Хоть вы и вольнонаемные, а дисциплину соблюдать должны! Это армия, а не просто так. Записались — будьте добры. Выговор тебе, Людмила. И товарищу бригадиру — замечание, чтобы инструктаж провела среди своих работников. Залезайте в машину.

— Товарищ командир, куда нас повезут? — спросила шепотом Люська, схватив комбата за руку. — В тюрьму, да? Из-за меня. Давай я на себя всю вину возьму.

— Нет, не в тюрьму, — ответил комбат. — На Красную площадь.

— Я серьезно, — зашептала Люська.

— И я серьезно, — ответил комбат, наклонив голову к самому ее уху и почувствовав запах ее волос.

Их везли минут двадцать, потом машина остановилась, дверца открылась и сопровождавший их часовой сказал: «Выходи по одному». Комбат, за ним Люська, за ней Евдокия Петровна вышли из машины.

— Ну что, посельчане? — Часовой сделал широкий жест рукой: — Хотели увидеть Красную площадь — смотрите: вот она во всей красе и величии. Прямо перед вами собор Василия Блаженного, а там на другом конце — Исторический музей. Здесь ГУМ. Пять минут вам. — И отошел в сторону, наблюдая за комбатом с Люськой и Евдокией Петровной, смотревшими завороченно на Спасскую башню, на Мавзолей Ленина, Кремлевскую стену с бойницами.

Возвращались молча. Когда уже подошли к своей теплушке и Евдокия Петровна повернулась к Люське спиной, взбираясь на подножку, девушка вдруг прильнула к комбату и, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку, шепнув при этом: «Спасибо, Саша».

Утром эшелон снова тронулся в путь, часто останавливаясь на перегонах, но, несмотря на частые задержки, к вечеру того же дня прибыл к месту дислокации. Стройбатовцы вылезли из вагонов и начали грузить на подошедшие подводы инструмент: штыковые и совковые лопаты, тяжеленные, заточенные с обоих концов ломы, кирки с

длинным штыком с одной стороны и узкой лопаткой с другой, двуручные пилы, топоры, ящики с гвоздями, железные скобы для скрепления бревен, большие армейские палатки, в которых им предстояло жить, и многое другое.

— Батальон, стройся! — раздался громкий крик комбата, пытавшегося перекричать многоголосый хор голосов. — Командиры рот, построить подразделения.

— Чево? — спросила у Евдокии Петровны толстая баба Вера, повариха. — Прослухала я, чево кричали-то?

— Баб Вер, пойдем вот сюда встанем, — взяла ее за локоть Евдокия Петровна. — И вы, девчонки, подтягивайтесь за нами. Да перестаньте галдеть, шуму от вас, как на базаре.

Построившись в колонну, женщины с вещмешками за спинами направились к виднеющейся вдалеке березовой рощице. Шли долго, медленно, часто останавливались, разваливая строй. Дошли уже поздней ночью, вконец измученные, остановились в березовой роще с опавшими листьями.

— Обустраивайтесь, — сказал комбат. — Завтра с утра выходим на работу.

— А где... — начала вопрос Евдокия Петровна.

— В километре отсюда, — показал комбат рукой на запад. — Противотанковый ров будем рыть.

— Да я хотела спросить, где мы?

— На минском направлении, под Можайском, — шепнул комбат и приложил палец к губам, мол, не спрашивай.

Утром пожилой нарядчик в очках с толстыми стеклами и с резинкой вместо одной сломанной дужки показал им на два ряда вбитых в землю колышков, уходивших далеко-далеко к горизонту. Расстояние между рядами было около пяти метров.

— Вот ваш участок. Технология простая. Видите вбитые колышки? Копайте между ними на глубину два метра. Сегодня пока просто копайте по всей ширине, а вечером мы проведем учение среди бригадиров, расскажем, что да как. После учебы будете уже по всем правилам противотанковый ров делать с откосами, брустверами, бермами. Да, вот еще. Выкопанную землю скидывайте в сторону противника, чтобы перед рвом вал был насыпан. Танки противника пойдут на приступ, залезут на вал, а с него сразу кувырк в ров. Тут им и крышка будет. Поняли?

— Поняли, поняли, — закивали головами тетки. — Иди отсюда, грамотный.

Ров копали по всему участку обороны на многие десятки километров. Копошились тысячи людей с ломami, кирками, лопатами. По мере углубления рва землю перекидывали в несколько приемов, делая сначала две и даже три узкие террасы. И лишь когда ров был в целом готов, формировали брустверы, делали откосы под нужным углом.

А фронт неумолимо приближался, несмотря на героическое сопротивление советских частей. С каждым днем гул далеких боев становился все слышнее и слышнее. Бабье лето с теплыми тихими деньками давно прошло. Зарядили нудные моросящие дожди, не прекращавшиеся целыми сутками. Дороги развезло. Работать под холодным осенним дождем было нелегко, вязкая глинистая почва прилипала к лопатам. Промокшие женщины, изгвазданные в глине, работавшие по двенадцать часов кряду, валившиеся с ног от усталости, уже не обращали внимания на кровавые мозоли на руках, на ломоту в суставах и мышечную боль от чрезмерных усилий. Они понимали, что от их работы зависит главное – пройдет ли здесь враг, рвущийся к Москве.

Когда же к середине октября стало ясно, что здесь враг не пойдет, потому что обходит это оборонительное укрепление с севера, Евдокию и всю ее бригаду сняли с земляных работ и в срочном порядке направили делать завалы из деревьев на пути фашистских танковых колонн. Они пилили столетние деревья на уровне груди, чтобы остававшиеся пни были преградой для вражеской техники, потом распиливали стволы на чурбаки длиной в полтора – два метра и вкапывали их в землю под углом к наступающему противнику. Рубить ветки и вшестером тянуть тяжелые стволы из рощи к дороге, баррикадировать проезжие пути тоже было делом очень нелегким. А преодолевались такие препятствия немецкой бронетехникой не более чем за час. Но в этих условиях даже час задержки врага облегчал участь наших бойцов.

Когда в связи с прорывом фронта строительному батальону дали приказ сниматься с места и отходить, все, кого не успели вывезти, пешком направились к Москве, находившейся на расстоянии более ста километров. А Евдокия Петровна вдруг поймала себя на мысли, что не видит Люську.

– Да здесь где-то была, – отвечали на ее вопрос бабоньки из бригады. – Не маленькая, доберется.

– Где здесь, где? – не на шутку всполошилась Евдокия Петровна. – Сейчас-то куда делась эта несносная девчонка, на фрицев побежала смотреть?

Сказав своим, что догонит, она вернулась в лагерь в надежде увидеть Люську там, но нашла только ее скромные пожитки в виде нескольких платишек и кофточек, так и не собранных в узел, а самой девчонки нигде не было.

Евдокия Петровна выбежала на опушку и вдруг увидела, что к их роще движутся маленькие черные коробочки – танки. Они еще далеко, даже рычания моторов не слышно, к тому же их может задержать ров, пусть еще и не до конца достроенный. А между рвом и танками есть еще одна сила – несколько наших пушек, кажущихся на расстоянии игрушечными, и люди-муравьишки, снующие рядом с пушками, – артиллерийский расчет.

Евдокия Петровна считает немецкие танки: один, два, три... Насчитав около тридцати коробочек, сбивается со счета, тем более что видит, как из пушек вылетает огонь и коробочки одну за другой охватывает пламя, значит, снаряды попали в цель. Поле боя затягивает смрадный дым. Евдокии кажется, что она всем своим нутром чувствует его тяжелый запах, хотя до приближающихся танков еще далеко. Но так ли уж далеко? Она видит, что обороняющиеся бойцы отступают, что пушки их уже смяты, разбиты, раздавлены и лишь куски обгоревшего металла остаются на их месте. Наши отступают, отстреливаются, вражеские танки ползут вслед за ними, а за танками идут пехотинцы и стреляют из автоматов.

– Сюда, сюда! – Евдокия Петровна призывно машет рукой отступающим советским бойцам и радуется, когда видит, что ее призыв услышан и солдаты бегут в ее сторону, достигают леса, укрываются за стволами деревьев и ведут оттуда огонь по врагу.

– Занять оборону! – кричит их командир, весь в копоти, в грязной распахнутой фуфайке.

Струйки пота текут по его грязному лицу, оставшая после себя светлые полосы. Он только сейчас замечает Евдокию.

– Ты кто такая? Ты что тут делаешь? – кричит он, потому что из-за треска автоматных очередей и хлопанья винтовочных выстрелов почти ничего не слышно.

– Я Люську ищу! – кричит ему в ответ Евдокия.

– Какую, на хрен, Люську?! – лейтенант не переставая стреляет из автомата, лоя в прицел

движущиеся по полю фигурки немецких солдат. — Катись отсюда к едреной матери! Сейчас здесь немцы будут!

Противник, видя, что цепь обороняющихся солдат откатилась к роще, перенес на нее огонь танков. Взрывы раздавались один за другим, вздымая вверх обломки стволов, взметая в воздух фонтаны земли.

— Ты еще здесь? — крикнул лейтенант, увидев, что Евдокия остается на месте.

И вдруг бросился к ней, толкнул изо всех сил, отчего она упала на землю, и накрыл своим телом. В тот же миг грохот разорвавшегося рядом снаряда оглушил Евдокию. Она не помнила, сколько прошло времени после взрыва, все вокруг стало каким-то расплывчатым. Уши будто заложило ватой, звуки до нее долетали приглушенные. Она чувствовала, что кто-то ее куда-то несет, причем не обычным шагом, а бегом, потому что плащ-палатка, на которой она лежит, дергается из стороны в сторону. И вдруг тряска прекращается.

— Что тут у вас? — раздается чей-то хриплый, видать, сорванный от крика голос.

— Взводного осколками похлестало. Фуфайка спасла. Вон вся в дырках. Как думаешь, оклемается?

— Посмотрим, так-то с виду парень молодой, крепкий. Если осколком насквозь не прошло, сдюжит.

— А это кто?

— Не знаем, под ним лежала. Но не из нашей роты. Кажись, живая. Мы поначалу думали, что врачаха из полевого госпиталя, да вроде незнакомая.

— А ты как будто всех врачей наперечет знаешь.

— Молодец ваш взводный: всегда бабу найдет, даже во время боя.

— Да ладно ты, зубоскал. Делай свое дело.

— Хватит языком трепать. Отойдите от раненых, — раздался властный голос, и тут же яркий свет ударил Евдокии в глаза.

Это врач отдернул с ее лица полу шинели, которой она была прикрыта.

— Открой глаза! — приказал врач, увидев, что она зажмурилась. — Слышишь меня? Кивни головой, если слышишь. Ага, хорошо. А видишь меня четко? Кивай головой: да или нет? Так, значит, расплываюсь я в твоих глазах. Ну, это бывает. Контузия у тебя. А говорить-то можешь? Рассказывай тогда, откуда ты появилась?

— Я Люську искала, а потом гляжу: коробочки ползут и муравьишки снуют туда-сюда, туда-сюда.

— Бредит?

— Похоже на то. Грузи на машину. Потом разберемся. Проверь, может, документы в карманах есть.

Окончательно Евдокия пришла в себя уже под вечер, вот только не помнила, на какой день. Лежала она в большом помещении на матрасе.

— А, очнулась? — услышала она чей-то голос и, повернув голову в ту сторону, увидела лейтенанта, полулежавшего рядом на таком же матрасе, полураздетого и с перевязанным бинтами крест-накрест торсом.

— Где мы? — спросила Евдокия.

— В госпитале, — успокоил ее лейтенант. — Снаряд рядом с нами разорвался. Я-то воробей стреляный, как только услышу свист, сначала тонкий, а потом нарастающий, типа как вот «фью-ю-у-у-у», так сразу падаю, где стою, и голову руками прикрываю. Если в задницу осколок прилетит, так это еще полбеда, а вот если уши обстрижет, то это дело уже серьезное, без ушей на люди не выйдешь, засмеют. Так вот, я как услышал это самое «фьюу», так сразу на тебя и бросился, закрыл собой. Малость спину продырявило, не страшно. Жить будем.

В это время Евдокии показалось, что в открытую дверь вошла Люська, и она крепко зажмурилась, подумав, что опять у нее начинается наваждение, что Люська ей видится в каждой девушке, потому что не сумела она ее найти, и поэтому Люська смерть на ее совести...

— Теть Дусь, — раздался Люшкин голос. — Открой глаза, это я, Люська. Я живая.

— Евдокия, посмотри на нас. Это я, Саша, комбат. Зря ты Люську искала, я ведь ее с собой увез. Моя вина, не предупредил. Все как-то суматошно получилось, прости уж, там такая кутерьма начиналась. Людей надо было спешно выводить из зоны боев.

— А как вы меня нашли? — Евдокия открыла глаза, все еще не веря, что перед ней действительно стоят Люська и Саша и что это не видения.

— Так это не мы тебя нашли, а нас нашли, — ответил комбат. — У тебя ведь в кармане удостоверение личности, а в нем указан номер части. Мы думали, что ты погибла, переживали. А как только мне сообщили, я сразу собрался и Люську с собой прихватил, мы ведь с ней расписались на днях.

— Поздравляю, — улыбнулась Евдокия. — Это вас Красная площадь так сблизила?

— Она самая, — рассмеялись они. — Ладно, пойдем мы. Батальон на новое место перебрасывают. Выздоровливай.

— Твои? — поинтересовался лейтенант, когда Люська с комбатом ушли.

— Мои, — ответила Евдокия. — Вот ее и искала, негодницу. А она, видишь, замуж вышла.

— Дело хорошее, — признал лейтенант. — Сама-то откуда?

— С Алтая.

— Колхозница?

— Почему сразу колхозница?

— Ну как же, Алтай — это бескрайние поля, хлеба.

— Нет, не колхозница. На руднике работаю.

— На руднике? — не поверил лейтенант. — Заливаешь! Кстати, меня Кириллом зовут. Я с Кузбасса. Со Сталинска. Слышала про такой город? Тоже шахтер по профессии.

— Вот как? — пришло время удивляться Евдокии.

— Да, я самый настоящий шахтер, — с каким-то почти детским восторгом воскликнул Кирилл. — Я на Юпитере живу. Прямо рядом с шахтой. Шахта называется имени Серго Орджоникидзе. Недалеко от нас стадион спортивный построили и больницу большую открыли, а еще...

— Врешь ты мне все, Кирюша, — остановила его Евдокия. — Юпитер, шахта, больница. Ты на Юпитер на пушечном ядре летаешь? Как барон Мюнхгаузен?

— Да нет же! — воскликнул Кирилл. — Юпитер — это улица так называется, на горе, рядом с шахтой. Я там домик построил, от работы недалеко. Знаешь, какой вид открывается с этой верхотуры? Все как на ладони. Вот и назвали нашу гору Юпитером.

— Веселые вы люди, — улыбнулась Евдокия.

— Веселые, — согласился Кирилл и, достав записную книжку, карандаш, написал что-то, вырвал листок, протянул его Евдокии. — Вот возьми, здесь мой адрес написан. Может, после войны с мужем в гости к нам приедете. Раз уж нас фронтовая дорожка свела. А еще лучше знаешь что? Переезжай к нам на жительство со всей семьей. Нам хорошие работники позарез нужны.

Санитарный поезд, увозивший Евдокию в сибирский госпиталь, остановился на какой-то станции, где на железнодорожных путях скопилось множество эшелонов, везущих бойцов на фронт, а раненых обратно. Сильно ослабевшая после контузии, с перевязанной головой, Евдокия вышла на перрон подышать свежим воздухом и вдруг услышала истошный крик: «Степаныч, гляди, жена твоя! Да, точно, она!» И сразу же другой крик: «Евдокиюшка!» Оглянувшись, а к ней от соседнего эшелона бежит толпа мужиков в гимнастерках, без шапок, а на дворе зима, и впереди всех ее Виктор. Подбежали, окружили со всех сторон, обнимают.

Виктор прижал ее к груди, глазам своим не верит:

— Ты здесь каким чудом оказалась?

— С фронта еду, контузило, — едва шевелит губами Евдокия.

Она не может поверить, что вот рядом ее муж, а вместе с ним и соседский Федька, и Андрей с Сашкой, и другие поселковые ребята, призванные в Действующую армию.

— С какого фронта? — Кто за руку ее держит, кто по плечу гладит, а Виктор как прижал ее к себе, так и не отпускает. — Мы сами-то еще до фронта не добрались, почитай три месяца в учебке провели, а ты уже с фронта едешь, да еще контуженая. Что случилось, что стряслось?!

— Вот и оставляй наших женщин одних дома, без присмотра, — шутит кто-то. — Это не женщины — огонь!

— Тебя хотела увидеть, — шепчет Евдокия. — Вот увидела.

— А дома кто же? — спрашивает Виктор Степанович.

— Настька управляется, — отвечает Евдокия, не веря в свое счастье.

И правда, счастье долгим не бывает, на то оно и счастье: мелькнет мгновением малым — и снова жди и надейся... Громогласный гудок паровоза перекрывает станционную шумиху.

— По вагонам! — звучит команда.

— Я к тебе сына послал, — шепнул Виктор Степанович. — Пусть у нас поживет. Я вернусь — разберемся.

— Ты только вернись, — шепчет Евдокия, и по ее щекам текут слезы. — Ты только вернись, — повторяет она, — а там разберемся.

Она стояла на перроне и все махала рукой давно ушедшему поезду, до тех пор пока ее не

увидели санитарки. Они и привели ее, беспамятную, обратно в вагон и уложили на нижнюю полку. Когда Евдокия пришла в себя, за вагонным окном проносились заснеженные поля, перелески. Сибирь-матушка представляла во всей своей суровой красе. Вот уж и Омск проехали, скоро Барнаул, затем на попутках до Змеиногорска, а оттуда домой на речку Белую да на рудник, в горах затерянный.

Подошла докторша.

– Ну и напугала же ты нас, подруга, очень сильно напугала, – приложила она руку ко лбу Евдокии. – Температуришь, голубушка. Что случилось, рассказывай, что тебя так сильно потрясло? Опять на фронт рвалась, пришлось успокоительное дать. Почти целые сутки в себя не приходила.

– Не знаю, – качает головой Евдокия. – Привиделось, наверное. Будто мужа на перроне встретила и ребят наших поселковых.

– После контузии и не такое бывает, – успокоила ее докторша. – Ничего, пройдет со временем. Восстановишься. Женщина ты еще молодая, сильная.

– Муж про сына что-то говорил, – сказала Евдокия.

– А у вас дети-то есть? – поинтересовался военврач.

– Есть, – улыбнулась одними губами Евдокия. – Дочка, взрослая уже. Муж, конечно, сына хотел, но он и дочку любит.

– Муж-то воюет?

– Воюет, – кивнула Евдокия.

– Ты о нем постоянно думаешь, вот он тебе и мерещится, – разъяснил доктор. – Вернется, раз обещал. Наши сибирские мужики слово держат. Ты только себя не накручивай, выброси мысли плохие из головы. Мужу твоему там, на фронте, легче не будет, оттого что ты здесь загнешься. Так что давай приходи в себя.

В Барнауле Евдокию хотели в госпиталь положить долечиваться. Докторша очень настаивала, но разве можно уговорить задержаться хоть на полдня женщину, почти уже стоящую на пороге своего дома, где ее давно заждались дочка?

– Спасибоочки, дорогая, – отвечала Евдокия, отрицательно качая головой. – Пойду я, однако. Мне ведь до своей хаты еще триста километров ехать. Ничего, на попутках за пару-тройку дней доберусь. А то дочка одна управляется. Трудно ей одной-то и на рудник ходить, и за хозяйством смотреть.

– Постой, не уходи, присядь-ка, – попросила докторша и сняла трубку телефона, стала кому-то звонить.

Голос ее звучал то ласково, просяще, то жестко, требовательно. Евдокия не прислушивалась, в голове у нее опять зазвонили колокола, перед глазами снова все поплыло, хотя и не так сильно, как раньше. Вдруг резкий запах нашатыря ударил в нос. Она встряхнулась и увидела склонившуюся над ней докторшу и двух санитарок рядом.

– В общем, так, голубушка, – проговорила докторша не терпящим возражения тоном. – Ты сейчас человек почти военный. Поэтому слушай меня внимательно. Я заместитель начальника госпиталя, приказываю: марш в палату! Отлежишься недельку, оклемаешься, потом поедешь. Жила твоя дочка без тебя три месяца, еще недельку подюжит, ничего с ней не случится. Сама же говоришь, невеста уже. А я, как только будет оказия, отправлю тебя на попутке прямо до твоего поселка.

Докторша сдержала слово. За три дня до Нового, тысяча девятьсот сорок второго года Евдокия села в полуторку, ехавшую с грузом медикаментов для районных медпунктов. Из госпиталя ее провожали всей палатой. Санитарка баба Маня сунула в руки узелок: «Возьми, милая, подарочек тебе на Новый год, натерпелась ты, горемычная».

Под самый Новый год машина с Евдокией прикатила в поселок, остановилась у конторы. Выйдя из машины, Евдокия попрощалась с шофером и нетвердой походкой направилась к своему дому, открыла калитку. Старый кудлатый пес Султанчик сначала было загавкал, но узнал хозяйку и стал прыгать вокруг нее, ластиться, старался лизнуть руку, так бы рад.

– Ну что ты, что ты. – Евдокия ласково погладила пса, почесала его за ушком, подумала: «Пес встречает, значит, дома все в порядке».

Смахнув веничком-голиком снег с валенок, Евдокия вошла в сени и, ничего не видя в темноте, на память протянула руку вперед, нашарила дверную ручку. Открыла дверь, вошла в комнату, огляделась: «Неужто я дома?» Стянула с головы платок и, закрыв глаза, втянула в себя воздух, почувствовала такой родной забытый запах родного очага.

– Тетя, ты к кому?

От неожиданности Евдокия вздрогнула, открыла глаза и увидела перед собой незнакомого

мальчика лет двенадцати, внимательно глядевшего на нее. В груди у нее все похолодело, как будто в предчувствии беды. Чей это мальчик? А где дочь? Что с ней случилось? Первое мгновение она не могла ничего вымолвить, словно комок застрял в горле. И вдруг будто вихрь налетел.

– Мамулечка! – Это Настька, выглянув на скрип двери из другой комнаты и увидев мать на пороге, заключила ее в свои объятия.

– Ох, – только и смогла вымолвить Евдокия. – А я уж заволновалась, гляжу, а тебя нет. Не знала, что и подумать. – По щекам ее текли слезы.

– Не плачь, тетя Евдокия, – по-взрослому сказал мальчик. – Я Вовка. Мне дядя Витя наказ для тебя дал.

10

Первые три месяца призванные в августе в армию красноармейцы проходили воинскую подготовку в учебной части, а в декабре их полк погрузили в несколько эшелонов и повезли в сторону фронта. Навстречу им мчались один за другим санитарные поезда, везя в сибирские госпитали раненых солдат.

На одной из больших станций, где их эшелон стоял больше суток, Виктор Степанович с двумя чайниками в руках пошел за кипятком. И увидел, что впереди него идет мальчишка в потрепанной курточке совсем не для сибирской зимы.

– Дяденьки, вы не на войну едете? – спросил паренек у стоявших возле вагона красноармейцев.

– Мы уже отвоевались, – ответил один из солдат с перевязанной головой. – В госпиталь едем, осколки вынимать.

– Дяденьки, вы не на войну едете? – подошел мальчишка к группе возле другой теплушки.

Один из стоящих обернулся, он был совсем еще молодой, но уже серьезный.

– Ты чего тут разгуливаешь между военными эшелонами? – спросил он у паренька строго.

– Дядя, а вы меня не возьмете с собой? Мне на фронт надо.

– А ну марш домой! – нахмурился солдат. – Мать, наверное, с ног сбилась, ищет его, а он по вокзалам шатается. Сейчас патрулю тебя сдам.

– Нет у меня мамки! – крикнул мальчишка и юркнул под вагон на другую сторону эшелона, только его и видели.

Виктор Степанович, набрав на вокзале кипятку в оба чайника, шел обратно и поглядывал по сторонам, не попадется ли опять тот мальчик.

И точно, увидел его. Пацан стоял возле одной из теплушек.

– Слышь, парень, – окликнул его Виктор Степанович. – Не поможешь кипяток до моих ребят донести?

– Конечно, дяденька, давай помогу. – Мальчишка взял один чайник, и они пошли вместе. – Дяденька, а ты не на фронт едешь? – спросил паренек.

– На фронт, – кивнул Виктор Степанович.

– Дяденька, возьми меня с собой на фронт, пожалуйста, мне очень надо, честное пионерское.

– А чего так?

– Батяньку хочу найти, он у меня с фашистами воюет.

– Вот мы и дошли. – Виктор Степанович подошел к открытой теплушке и крикнул: – Мужики, принимайте гостя.

– Это чей же такой бравый парнишка? – Андрей взял у мальчишки чайник с кипятком и подал ему руку: – Давай залезай.

– Накормить надо мальчика, – распорядился Виктор Степанович. – Голодный, наверное. Ты сегодня завтракал, обедал?

– Да так, – уклончиво ответил мальчишка. – Утром тетенька с санитарного поезда кашей угостила и компоту целую кружку налила. Хотела с собой увезти, чтобы я при госпитале был, да только я ушел.

– Так давай с нами пообедай, наша каша ничуть не хуже. – Виктор Степанович положил в чашку черпак каши с мясом и протянул мальчишке. – Тебя как звать-то?

– Вовка я, – прочавкал мальчишка с набитым ртом.

– А меня дядя Витя зовут. А это вот дядя Андрей.

– Куда ж ты, Вовка, рванул? – спросил у него Андрей. – Мать-то знает?

– Не-а, – отрицательно покачал головой Вовка. – Ее немцы убили бомбой. Вместе с сестренкой. Во время налета. Мы с друзьями во дворе играли, а когда самолеты полетели, так все вместе в лес убегли. А как вернулись, гляжу – на месте нашей хаты яма глубокая.

– А как здесь-то оказался?

– Меня соседка наша тетка Демьяновна к себе взяла. Я у нее несколько дней жил. А когда немцы на танках уже близко к деревне подъехали, дядя командир, который ротой командовал, сказал нам: «Давайте улепетывайте отсюда, по-

скорее да подальше. Мы их задержим сколько сможем». Вот мы и ушли из деревни, потом на поезд сели и ехали долго, а как приехали на эту станцию, так я и ушел от тетки Демьяновны. У нее своих детишек полным-полно – зачем я ей? Обуза только.

– А батька-то у тебя где? – поинтересовался как бы между прочим Виктор Степанович.

– Не знаю, – пожал плечами Вовка. – Воюет где-то. Мамка, когда еще живая была, письмо от батяньки получила, так сказывала, что под Смоленском их армия стоит.

– Под Смоленском, говоришь? – Виктор Степанович взглянул на Андрея с Сашкой, и те поняли его с одного взгляда.

Про смоленский котел, в котором сгинула не одна советская дивизия, все были наслышаны.

– Так ты, значит, теперь один? – Виктор Степанович задумался. – Все равно. Нельзя тебе с нами. Мы на войну едем.

– Не хочу я в тыл. – Вовка отложил ложку и насупился. – Батяньку буду искать. Он ведь не знает еще, что мамку с сестренкой немцы убили.

– Слышь, Вовка. – Виктор Степанович положил руку ему на плечо и начал говорить серьезно, доверительно. – Дело одно у меня к тебе есть. Очень важное дело. Не знаю, как поступить. Помощь твоя нужна всем нам.

– А что случилось, дядь Вить? – встрепелся Вовка. – Я помогу. Ты не думай, что я такой маленький. Я на самом деле знаешь какой жилистый?

– Вижу, – кивнул Виктор Степанович. – Поэтому и обращаюсь к тебе, а не к кому другому. Понимаешь, я в спешке ключи с собой увез. – Он достал связку ключей из кармана и показал Вовке. – Этот вот от дома, а этот от каморки моей бригадирской на руднике. Как в нее сейчас попасть без ключа? Косяк стальной, замок пудовый. Его даже ломом не выдернешь. Сама дверь из листвяка сколочена. А в той каморке инструменты все и запалы для зарядов. Весь рудник может встать из-за моей оплошности. Отвези, пожалуйста, эти ключи моей жене. Она до рудника дойдет, передаст их кому надо. Выручишь?

– Это я запросто, – согласился Вовка. – Ты, дядь Вить, даже и не переживай так сильно.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – обрадовался Виктор Степанович. – Я сейчас тебе записку напишу, передашь ее жене моей, Евдокии Петровне. А чтобы ты в дороге не заплутал, я тебя на санитарный поезд пристрою. Я там зна-

когого встретил, он из нашего района, только из соседнего поселка. С ним и доедешь прямо до места. Если что, поможешь ему, он без ноги, на костылях...

– Так ты и есть тот самый сынок? – вспомнила Евдокия свою встречу с мужем на полустанке.

Значит, не привиделось, значит, судьба действительно вняла ее мольбам.

– Ну так иди же ко мне. – Она села на стул и притянула к себе Вовку, поцеловала его в щеку.

– Ты, тетя Евдокия, не беспокойся, – проговорил мальчишка. – Я уже взрослый. Дядя Витя наказал мне слушаться тебя и помогать во всем. Я и дрова могу наколоть, и воду из колодца принести.

– Ладно, ты, взрослый, – взъерошила ему вихры Настька и обняла обоих. – Ты представляешь, мамулечка, я прихожу с работы, а он стоит у ворот, серьезный такой. Дядю Васю помнишь? Так вот он его прямо до дома до нашего довез, такой крюк сделал, кстати, он ногу на фронте потерял... Ребятишки соседские Вовку-то увидели, поколотить хотели, а когда он сказал, что его дядя Витя прислал, так сразу за своего приняли. У него от папы к тебе какое-то поручение, мне не говорит, настоящий партизан.

– Сейчас я принесу. – Вовка убежал в другую комнату и тут же вернулся со свертком. – Дядя Витя просил тебе ключи передать. И еще вот это, сказал, что секретно, что только тебе. Я бы иначе и не приехал.

– Давай посмотрим, что тут. – Евдокия развернула сверток и увидела пачку исписанных листков. – Это же письма! Вот Андрейка письмецо написал своей Полине. Это вот Сашкин почерк, матери пишет, а вот и от Вити письмо. Это письма родным от всей его бригады. Вовка, ты молодец, умничка! Это действительно очень важные документы. Я их сейчас разнесу по адресам. Вот радость-то будет – весточки от фронтовиков получить. А это вот, Настька, тебе письмо, сама знаешь, от кого.

– Подумаешь! – Настькины щеки полыхнули румянцем. – Давай уж, почитаю. – Она взяла свернутый листок и ушла в другую комнату.

– Разнести эти письма поскорее надо, – встала Евдокия со стула. – Пойдем, Володенька, будешь моим помощником, согласен?

Что и говорить, эти письма под самый Новый, 1942 год были лучшим подарком для тех, кому они адресовались.

11

Взвод саперов разместился в рощице на берегу Волхова. Виктор Степанович со своими ребятами из бригады устроился в вырытой ими полуземлянке, обложенной со всех сторон снежными кирпичами. Она ничем не выделялась среди сугробов, а значит, была незаметной для противника.

Внутри пещеры утоптанной земляной пол был застлан еловыми ветками, в центре горел небольшой костерок, разожженный на куске жести. В снежном потолке наискось было проделано отверстие, чтобы дым от костра выходил наружу. На таком огне можно было и чай вскипятить, и банку тушенки разогреть, ну и погреться с ним рядом.

— Новый год, что ты нам несешь, радость или печаль? — задумчиво проговорил Петька, вертя в руке стреляную гильзу от ППШ, найденную на дороге.

Было видно, что он сильно переживал, из-за того что ему, как и многим другим бойцам, не досталось ни винтовки, ни автомата, ни тем более пулемета. Прибывшая на фронт дивизия была укомплектована стрелковым оружием от силы на двадцать процентов. Это значит, что из десяти человек лишь двое были вооружены, а у остальных вместо винтовок, автоматов и пистолетов были деревянные колья.

— Не переживай, братишка, настреляешься еще. В первом же бою разобьем фрицев и вооружимся. — Андрей подбросил в костерок последние несколько сухих веточек. — Пойду дровишек подсоберу.

Он вышел из землянки на свежий воздух и поежился: «Небо-то как вызвездило. К морозу».

Насобирав в лесу охапку валежника, Андрей возвращался в землянку, как вдруг споткнулся о едва заметный бугорок, припорошенный выпавшим снегом.

— Ой! — Бугорок внезапно зашевелился.

— Кто здесь? — Андрей смахнул снег с бугорка и увидел фигуру скрючившегося в неглубокой ямке человека.

— Й-й-й-я здесь, — едва шевеля посиневшими от холода губами, прошептал тот. — Х-х-холодно очень.

— Знамо дело, холодно, — хмыкнул Андрей, присев на корточки и вглядываясь в лицо лежавшего перед ним молодого солдата. — Ты чего такой мелкий окопчик-то вырыл? Дубаря решил дать?

— З-земля твердая, не поддается.

— Городской, наверное?

— Д-да.

— Оно и видно, хоть бы еловых веток на подстилку наломал, теплее было бы, — неодобрительно покачал головой Андрей. — Вставай, пойдем со мной в землянку, обогреешься. А то до утра не дотянешь. Морозец-то хороший стоит. За тридцать, не меньше. Пальцы на ногах и руках чувствуешь? Уже нет? Так ты шевели пальчиками-то, шевели.

Отдернув плащ-палатку, прикрывающую вход в землянку, он подтолкнул солдата внутрь: «Давай заходи».

— Встречайте, мужики, гостя. Пропустите к огоньку, пусть обогреется. Петька, чаю налей кружку. Твоего возраста парень, расспроси, может, встречались где?

— На, держи. — Петька протянул парню кружку со спиртом. — Хлебни, согрейся. Каких краев будешь?

Наступление Волховского фронта было назначено на шесть часов утра седьмого января сорок второго года, о чем были извещены все войсковые соединения. Штабу стрелковой дивизии было приказано выставить усиленную роту для наблюдения за противником, выслать разведку, установить систему огня, возвести инженерные заграждения на случай контратаки. Штаб дивизии разослал приказы командирам полков, штабы полков отдали соответствующие приказы командирам батальонов, а уж комбаты лично поставили боевые задачи перед ротными.

Однако к назначенному часу запланированного наступления не произошло, так как не все войсковые части успели прибыть на позиции и развернуться в боевой порядок. Соответствующее боевое распоряжение поступило за два часа до наступления. Бойцы, сидевшие с самого утра в окопах на тридцатиградусном морозе в ожидании красной ракеты, означавшей начало атаки, вернулись на исходные позиции. Но костры было запрещено разводить, чтобы не выдать расположение частей.

В тот же день Виктора Степановича срочно вызвали в штаб полка. В блиндаже, вокруг стола с лежавшей на нем картой собрались кроме командира полка и начальника штаба все командиры батальонов, командир разведроты.

— Проходи, Виктор Степанович, — пригласил его командир полка. — Твой ротный сказывал, что ты человек бывалый, в тайге выросший.

Смотри, какое дело. Перед нашими позициями река Волхов. Приказ к наступлению может быть отдан в любой момент. Командование армии обещало танками помочь. Но разведка донесла, что лед на реке недостаточно толстый: пехота пройдет, а вот танки точно под лед провалятся. А без танков наступление одной пехоты захлебнется, к бабке-гадалке не ходи. Что выходит? Гитлеровцы на высоком берегу засели, укрепились до невозможности, в землю капитально зарылись, дзотов понастроили. У них на каждой огневой точке пулеметы да минометы, вся территория насквозь простреливается. Можно было бы попробовать их оттуда артиллерией выбить, да вот только снаряды еще не подвезли и прицелы не на всех орудиях стоят. В общем, без танков нам туго придется. Что думаешь по поводу организации танковой переправы? Лед выдержит танки?

– Посмотреть надо, – уклонился Виктор Степанович от прямого ответа. – Разрешите, товарищ командир полка, со своими ребятами в разведку сходить, в сумерках. Далеко не пойдем, вдоль реки походим, может, что на ум и придет.

– Разведку разрешаю, – согласно кивнул комполка. – Бери своих хлопцев, проверьте там все, изучите. Огня только не разводите, а то противник нервный стал, на каждый огонек пулеметной очередью отвечает или миной. Лыжи возьмите, маскхалаты. Товарищ капитан, обеспечьте группу всем необходимым. После разведки сразу ко мне. Выполняйте.

В январе день короткий, темнеет быстро. Группа солдат в белых маскхалатах скользит на лыжах по скрипучему снегу. Впереди река Волхов. Лыжники один за другим осторожно выезжают на лед. Он выдерживает вес нескольких человек, но это совсем не значит, что выдержит и тяжесть танка или сотен бойцов, когда они одновременно пойдут в атаку. А если противник начнет артиллерийский или минометный обстрел, снаряды да мины покровсают лед на куски. И все наши бойцы пойдут на дно...

– Морозец хороший стоит. – Петька поежился. – К завтрашнему утру еще на пару сантиметров замерзнет.

– Все равно недостаточно будет, – покачал головой Андрей. – Здесь надо, чтобы сразу сантиметров на десять, а лучше на все пятнадцать замерзло. Тогда лед, может быть, и выдержит.

– Неделю надо ждать, а то и больше, чтобы лед такой толщины замерз, – хмыкнул Сашка.

– Помните, мы пару лет назад на нашей речке зимник укрепляли, чтобы машины из города в поселок могли пройти, хворост подкладывали, а потом водой заливали? Продержался зимник до самой весны. А ведь речка Белая в том месте по ширине ничуть не меньше Волхова будет. Может, и здесь так же сделать? – предложил Андрей.

– Это должно сработать, – согласился с ним Виктор Степанович.

– Сейчас веток нарубим, хворост насобираем. – Петька махнул рукой в сторону ближайшей рощицы. – Накидаем сколько надо, снегом присыплем, водой зальем. К утру все колом схватится, вот и будет дорога не хуже настоящей.

– Так мало нас, – возразил Сашка. – Взвод всего.

– Ошибаешься, – ответил Виктор Степанович. – Нас целый полк. Каждый по веточке принесет – вот тебе и дорога ледовая.

– Весь полк снять не могу, – отрицательно покачал головой комполка, когда Виктор Степанович доложил о результатах разведки. – Бойцы перед боем отдохнуть должны. А вот саперную роту берите. И действуйте. Чтобы к завтрашнему утру переправа для танков была готова.

12

Ранним утром по позициям противника работала полковая артиллерия, но как-то хило отработала, больше разозлила: выпустила пару десятков снарядов и смолкла. В атаку пошел стрелковый батальон. Бойцы в серых шинелях на белом снегу были хорошо видны вражеским пулеметчикам, засевшим на высотах в укрепленных дзотах. Следом за пехотой поползли танки, дошли до середины реки и остановились, боясь уйти под лед, выстрелили всего по несколько раз. Но и этого оказалось достаточно, чтобы противник не на шутку всполошился и ответил ураганным огнем из пулеметов и минометов. Трассирующие пулеметные очереди очерчивали длинные прямые линии на снегу. Белое полотнище реки сразу покрылось телами погибших советских солдат. Остававшиеся в живых бойцы распластались на льду и головы не могли поднять под перекрестным огнем пулеметов.

– В атаку, за Родину! – Комбат вскочил первым, вскинул вверх руку с пистолетом и побежал вперед, стараясь увлечь за собой бойцов, но поймал плечо широкой грудью и рухнул как подкошенный.

– За Родину, вперед! – взмахнул рукой политрук, поднимая бойцов в атаку, но в это время заухали вражеские минометы.

Мины врезались в лед и взрывались, раскалывая его. Черные пятна открытой воды с плавающими кусками льда внезапно возникали перед атакующими и преграждали им путь.

Федька, бежавший вперед вместе со всеми, вдруг почувствовал сильный удар в живот, как будто кто-то пнул его со всего маху ногой. И от этого удара он упал на спину, отброшенный назад, и на какое-то время потерял сознание. Пришел в себя, вроде жив. Пальцами на руках подвигал, кажись, все на месте, пальцами на ногах пошевелил – шевелятся. А по животу тепло разливается, да только не в радость это тепло. Липкое оно какое-то, и чем больше тепла выливается на живот, тем меньше сил остается в теле. Руку сунул за пазуху – мокрой рука стала. Поднес ладонь к лицу и разглядел, что ладонь черная – от крови. Почувствовал пронизывающий холод ледяной воды, огляделся вокруг, а льда-то и нет. Минами весь лед раскололо. Лежит он на льдинке небольшой, вода вокруг него чернеет. А минометный обстрел продолжается. Мины вокруг взрываются. Да к ним добавилось еще уханье снарядов: в дело вступила вражеская артиллерия. Столбы воды вместе с искромсанными человеческими телами взлетали на десяток метров в высоту и обрушивались ледяным дождем вниз, на головы остававшихся в живых бойцов из наступающего батальона. Сводящий с ума пронзительный визг летящего снаряда заканчивался громким уханьем, просвистевшая пуля звонко вонзалась в твердый лед и с глухим звуком – в мягкое человеческое тело, и вслед за этим одна из движущихся черных фигур со сдавленным стоном оседала на лед и замирала навеки.

Подброшенная взрывом снаряда льдина, на которой лежал Федька, переломилась, и он оказался в воде. Намокшая шинель сразу потянула его на дно. Отчаянно барахтаясь, он сумел доплыть до ледяной кромки и попытался вылезти на лед, но тот предательски трескался и ломался под его тяжестью. Однако после нескольких неудачных попыток Федьке все-таки удалось выбраться из воды на лед, и он, перевернувшись на спину, перевел дух. Над ним возвышалось высокое звездное небо, уже начинающее светить, так что рассвет уже близко. И как только рассветет...

«Как только рассветет, – подумал Федька, – полетят вражеские самолеты. Тогда вообще хана будет. Надо успеть до рассвета добраться до своих».

– Эй, солдатик, ты как? – услышал он шепот.

– Да вроде нормально, – ответил Федька. – Держусь пока.

– Сейчас посмотрю, что с тобой.

Федька почувствовал, как чьи-то теплые руки ощупывают его.

– Потерпи, милый, потерпи, перевяжу – легче станет. – Подползшая к нему медсестра накладывала повязку на рану.

– Что там, сестренка? – спросил Федька.

– Осколком тебя зацепило. Ничего, жить будешь, – успокоила она его и потащила волоком к берегу. – Сейчас мы с тобой до медсанбата доберемся, у нас военврач хороший, он тебя быстро заштопает, в больничке полежишь, подлечишься.

Но тут опять заухали взрывы, пули засвистели еще сильнее, чем раньше. Медсестричка вдруг ойкнула и замерла без движения. Федька перевалился со спины на бок и увидел лежащую в метре от него совсем еще юную девочку. Упираясь ногами в снег, он подполз к ней, перевернул на спину.

– Ты что, сестренка, погоди умирать-то, – оглядел он ее бегло. – Похоже, руку тебе прострелили. Ничего, ты девка молодая, сильная, сдюжишь.

Он достал из ее сумки бинт и перевязал как мог. Потом, преодолевая боль, встал на ноги, скинул с себя обледеневшую шинель, взвалил раненую девушку себе на спину и пошел с ней к лесу, до которого было уже рукой подать.

– Иди, Федька, иди, – подбадривал он себя. – Ты теперь не только свою жизнь спасаешь, но и ее тоже.

Иногда его ноги подкашивались, и он опускался сначала на колени, а потом валился лицом в снег. Но, полежав немного и собравшись с силами, снова вставал и шел вперед, к маячившему перед помутившимся взором лесу. Когда он упал в последний раз и ему уже не хватило сил встать, он пополз вперед на локтях, отталкиваясь от земли ногами. Думал он в этот момент не о себе, а о молодой девчоночке, почти вытащившей его с поля боя, но словившей пулю, и вот теперь от него зависит, выживет она или нет. Поэтому обязательно надо доползти, иначе будет несправедливо, если он, здоровенный му-

жик, выживет, а она, пигалица, совсем еще ребенок, вдруг возьмет да и погибнет.

Он дополз до кромки леса, до того места, где стоял заградотряд – несколько бойцов в маскхалатах с автоматами наперевес. Бросив подозрительный взгляд на Федьку в окровавленной гимнастерке и на медсестру, они показали ему, в какую сторону идти дальше, сказав, что медсанбат совсем рядом, до него всего метров пятьсот.

А вскоре встретились ему и санитары-носильщики, два здоровенных мужика.

– Смотри, какая удивительная картина, – сказал один другому. – Раненый боец санитаров на себе прет.

– Да это никак Валентина из второго отделения. А ну кончай языком молоть. Возьми ее на руки, а я парня поддерживаю.

– Ребята, спасибо, – пробормотал Федька. – Я бы и сам...

– Тише, боец, не трать силы на разговоры.

Врач, вышедший им навстречу из большой брезентовой палатки, подошел сначала к Федьке, оглядел его, удовлетворительно хмыкнул, а потом склонился над Валентиной.

– Скажите, доктор, с ней все нормально? – спросил Федька заплетающимся языком, чувствуя, что сознание уже совсем мутнеет.

Врач не ответил ему. Он приказал санитарам:

– Сейчас подвода должна пойти в полковой госпиталь. Пусть девчонку с собой заберут.

– А с этим что?

– Срочно готовьте к операции.

В полевом госпитале из Федьки извлекли осколок, небольшой такой, размером с мизинец, да еще полметра кишок отрезали, которые осколок тот повредил.

– Повезло тебе, братец, – сказал оперировавший его военврач. – Шинель тебя спасла. Осколок пока до твоего пуза сквозь нее пробибался, силу свою убийную потерял, но и то навредил изрядно. А если бы не шинель... В общем, выздоравливай, боец.

Много наших бойцов не вернулось из того боя. На волховском льду остались сотни безжизненных тел. Враг подтянул дополнительные силы и сумел отбить атаку советских войск. Но настоящее наступление началось ранним утром следующего дня в том месте, где был построен деревянно-ледяной мост: по нему прошли танки и прорвали оборону противника.

Провалился Федька в госпитале пару недель. Со дня на день должны были прийти машины, чтобы увезти из фронтовой полосы всех тяжелораненых, которых набиралось почти полтысячи человек, сначала к железнодорожной станции, а уж оттуда поездами в тыловые госпитали, чтобы подлечить и снова вернуть в Действующую армию.

– Хочу, братцы, провести свою спасательницу, – сообщил Федька лежавшим с ним в одной палате бойцам. – Запала мне в душу эта дивчина. Сама маленькая, а силищи в ней о-го-го сколько. Вытащила меня, здоровяка, из-под огня. Вокруг все грохочет, полный трамтарарам, а она тянет и тянет меня за шкирку к лесу.

– А ты хоть знаешь, где ее искать-то?

– Помню смутно, что вроде бы ее тоже сюда направили. Может, в соседней палате лежит. У доктора узнаю.

– Так идти-то надо с подарком. Девушки цветы любят.

– А где их сейчас взять-то? Зима на дворе. Разве что веник подарить, чтобы валенки от снега отряхивать.

– Я думаю, что можно и без букета обойтись, а вот сахарку пару кусков – это самое правильное будет. Ну-ка, кто поближе, пошукай у меня в вещмешке, там сахар комковой в бумажку завернут. Выбери пару кусков, тех, что покрупнее.

– Сахар – это хорошо, а от меня для медсестрички шоколадку возьми, трофейную. Я ведь тоже сюда не на своих ногах пришел. Мы перед боем в разведку ходили, да на обратном пути на фрицев напоролись, наверное, около полувзвода их было. Я у одного из них шоколадку-то и позаимствовал. А на обратном пути случайную пулю словил.

– Спасибо, братцы. – Федька был немного смущен. – Ну, так я пойду. Надо успеть к вечернему обходу вернуться.

– Прикроем тебя от доктора, если задержишься, – пообещали ему.

Федька вышел из палаты во двор и пошел в сторону операционной, находившейся в соседнем бараке. Дверь в комнату, где обычно отдыхали медработники во время редкого затишья, была приоткрыта.

– Разрешите войти? – заглянул в комнату Федька.

– Входи. – У окна с открытой форточкой стоял военврач в белом халате и курил.

— Мне бы, — замялся Федька, — медсестричку одну встретить. Ее тоже сюда привезли, только чуток раньше, чем меня. Ее в руку ранило, когда она меня с передовой тащила.

— Зачем она тебе? — каким-то тусклым голосом поинтересовался военврач.

— Как это зачем? — не понял Федька. — Она же мне жизнь спасла, да и не только мне. Мы ей подарки собрали от всей нашей палаты, здесь вот сахарок, шоколадка. — Он протянул доктору кулек со сладостями.

— Так это ты ее принес? — Доктор повернулся к Федьке и посмотрел на него долгим внимательным взглядом, словно пытался запомнить.

— Выходит, я, — ответил Федька. — Так подскажите, где мне ее найти?

— Пойдем, провожу, — согласился военврач и, подойдя к вешалке, снял с гвоздя шинель. — Здесь недалеко.

Они вышли во двор и по натопанной тропинке пошли в сторону леса, где среди редких деревьев виднелись занесенные снегом невысокие холмики земли. В них были вбиты метровые столбики с приколоченными дощечками, на которых были написаны фамилии.

— Вот, пришли.

— Как же так? Как же так? — оторопело повторял Федька. — Она, такая маленькая, меня, такого большого, с поля боя вынесла...

— Ты ее уже мертвую принес, — вздохнул доктор.

— Как же так? Ее же в руку ранило. Я же видел. Я же ее перевязал.

— Да, в руку, — согласился доктор. — А еще одна пуля прямо в сердце попала. — Доктор вздохнул тяжело и протянул Федьке руку: — Спасибо тебе, солдат.

— За что? — не понял Федька.

— За то, что донес ее до нас. Похоронили мы ее по-человечески. Дочка это моя.

На следующее утро пришли долгожданные машины, чтобы увезти раненых в тыловой госпиталь. Но Федьки среди них не было.

Он к тому времени уже подходил к располужению своей части и на строгий окрик часового: «Стой, кто идет?» — ответил:

— Кто-кто, дед Пихто. Из медсанбата я, роту свою ищу.

— Нет здесь твоей роты, — огорошил его часовой. — Ушла рота вместе с полком далеко вперед.

Отвоевав у противника несколько населенных пунктов, дивизия закрепилась на новом рубеже. Враг оказывал упорное сопротивление, сковывая продвижение советских войск. Немецкие автоматчики, скрывавшиеся за деревьями, появлялись внезапно и открывали ураганный огонь. Стрелковому батальону было поручено отыскать в лесу и уничтожить все группы автоматчиков, пулеметные гнезда и минометные расчеты, овладеть высотой среди заболоченного редколесья и занять населенный пункт, от которого к тому моменту почти ничего не осталось, кроме торчащих в небо печных труб сгоревших домов местных жителей, давно ушедших от войны в леса.

С этого места предстояло ударить в связке с другими батальонами по крупному населенному пункту, занятому врагом, взять его в клещи, уничтожить обороняющегося противника, и тогда будет открыта прямая дорога к Любани. А это значит, блокада Ленинграда будет прорвана. Надо только закрепиться на этом участке.

Перед самым наступлением бойцы стрелкового батальона озадаченно смотрели на кромку леса и чесали затылки.

— Товарищ майор, а как наступать-то? Снегу почти по пояс.

— Не сачкуйте раньше времени. К нам взвод саперов прикомандировали. Вон они под теми елками всем бойцам снегоступы мастерят. Дуйте к ним, получайте приспособы и марш на позицию, ждите сигнала.

— Ну что, Степаныч, скольких бойцов переобули? — поинтересовался комбат у Афанасьева.

— Да уж больше сотни.

— Мало, мало. Всех надо снарядить. Без этих лаптей мы далеко не уйдем. В снегу увязнем. В общем, оснащай бойцов, а я через полчаса первую роту в атаку подниму.

— Может, чуток подождать? — предложил Виктор Степанович. — Мои ребята быстро работают. Через час-полтора всех обуем. Да, еще бы остальным солдатам команду дать, чтобы еловых веток наломали, так быстрее будет.

— Дам такую команду, — пообещал комбат. — А вот со временем напряг. Не могу приказ командира полка нарушить. Ни на минуту нельзя наступление отложить. — Он взглянул на часы. — Свяжной, ко мне! Доложи в штаб, что первая рота через полчаса пойдет в атаку. Командиры рот,

слушай приказ. Бойцам растянуться цепью. Все пулеметы должны быть установлены на салазки. У кого еще не поставлены – быстро к саперам, у них дощечки возьмете и сами примотаете. Прочесывайте лес, как свои волосы, у кого они еще есть. На рожон только не лезьте. Используйте деревья в качестве прикрытия. Все понятно? Сверим часы.

Как только солдаты первой роты вышли на просеку, по ним из леса ударили автоматные очереди.

– Ложись! – Ротный рухнул в снег.

– Ну и долго нам так лежать? – выругался политрук. – Надо поднимать бойцов в атаку!

– погоди, не суетись, – остановил его ротный и крикнул: – Пулеметчики, где вы там? А ну, причешите фрицев на уровне пояса. Огонь!

Несколько пулеметов со стороны наступающих затараторили одновременно – только срезанные пулями ветки полетели с деревьев на противоположной стороне просеки.

– Вот теперь можно и атаковать! – крикнул ротный политруку. – Бойцы, вперед короткими перебежками! Да пулеметы подтягивайте, мать вашу! Недотепы! Как только бойцы упадут в снег, сразу открывайте огонь!

После каждого такого рывка вперед кто-то из наступающих уже не поднимался в новую атаку, оставаясь лежать на окровавленном снегу, но расстояние до кромки леса, где засел враг, неминуемо сокращалось.

– Гранатами их глуши, гранатами! – крикнул ротный, встал в полный рост, размахнулся и кинул лимонку в сторону леса.

Да только вот сам увернуться от вражеской пули не успел...

– Мужики, ротного убило! – раздался крик.

Ротного уважали: крепкий был мужик, справедливый, не лаял на солдат почем зря, как некоторые горе-командиры, но мог и в ухо дать, если было за что. Остервенело застрочили пулеметы. Рота поднялась в едином порыве и ринулась на врага. В снегоступах бежать было не очень удобно, бойцы проваливались в снег по колено, но хоть не по пояс. Вот и спасительные деревья, за которыми можно укрыться от вражеской пули. Противник продолжает лупить из автоматов, но итог боя уже очевиден. Не выдержав такого мощного напора, враг отступает.

К концу дня батальону удалось уничтожить до роты вражеских автоматчиков, прятавшихся в лесном массиве, выйти к шоссе и дороге и за-

крепиться на этом рубеже. Приближались сумерки, продолжать наступление большого резона не было. Из штаба полка поступил приказ батальону занять оборону. Сзади находился редкий лес, впереди – открытая местность, на которой организовать оборону не так-то просто.

«Это ж надо окопы по всему периметру рыть, землянки какие-никакие ставить, дзоты сооружать, – мысленно сокрушался комбат, обходя позиции. – А земля-то как камень, наверняка промерзла почти на метр». Однако вслух дал команду ротным: «Вгрызайтесь в землю. Ройте окопы».

– А что нам остается делать? Долбить так долбить.

Бойцы на скорую руку сооружали землянки в воронках от снарядов и бомб, рыли себе неглубокие окопчики в мерзлой земле, которые могли защитить их от вражеской пули, но не от мороза.

Взвод Виктора Степановича обустроил землянку в большой воронке от авиабомбы: выровняли края, из соседней рощицы притащили несколько срубленных стволов молодых деревьев и уложили их сверху крест-накрест, потом накрыли плащ-палатками и забросали снегом.

– Ездовые, ко мне, – позвал Виктор Степанович.

– Че, дядь Вить? – сразу откликнулся Ванька, молодой парень, до призыва в армию живший по соседству, а немного погодя подошел и Серега, мужик уже в возрасте, за сороковник переваливший.

Он достал из кармана пачку, ловко выбил из нее одну папироску, протянул Виктору Степановичу, чтобы тот взял первым, и только после этого спросил:

– Звал, Степаныч?

– Звал, мужики, звал, – кивнул Виктор Степанович. – Лошадей надо подальше в лес увести, в укрытие, чтобы шальная пуля случайно не попала в них. Мы без лошадей как без рук, сами понимаете. Да и накормить надо, они сегодня пайку свою с лихвой отработали.

– Дядь Вить, не беспокойся, сховаем лошадок так, что ни одна живая душа не найдет.

Подошел комбат, поглядел на выстроенное жилище, похвалил:

– Молодцы, мужики, ничего не скажешь. А у меня дело к тебе, Степаныч. Помоги госпиталь развернуть, раненых много.

– Так точно, сделаем, – кивнул Виктор Степанович и спросил: – А как насчет минных заграждений?

– Сегодня посты выставим, достаточно будет. Противника мы знатно потрепали, не скоро опомнится. Так что спите спокойно. А завтра с утра разведку пошлем, выяснят, что да как.

– Хорошо, коли так, – согласился Виктор Степанович.

Он спустился в землянку, где ребята уже успели развести костерок и растапливали снег в котелке, чтобы заварить чай.

– Хлопцы, разговор есть, – обратился бригадир к бойцам. – Мы с вами крайние. Справа от нас свои части стоят, а вот слева никого нет, только поле ровное, до соседней дивизии топтать и топать. Если фрицы на танках попрут, так подавят всех, пикнуть не успеем. Андрей, Сашка, возьмите несколько противотанковых мин и поставьте их в километре отсюда, на дороге. Спокойнее на душе будет. А остальные мужики – давайте поможем госпиталю развернуться.

В роще неподалеку от штаба батальона поставили несколько брезентовых палаток, соорудили в них топчаны из стволов березок и елок, набросали сверху лапника, положили матрасы. На них санитары сразу стали укладывать тяжелораненых, многие из которых были без сознания. В каждой палатке в проходе между топчанами установили железную печку-буржуйку и топили ее жарко, чтобы прооперированные бойцы не замерзли. Операционную сделали в отдельной брезентовой палатке, подвесив над операционным столом несколько керосиновых ламп. Военврач работал как автомат, делая одну операцию за другой. С легкими пулевыми ранениями все просто: пулю вынули, перевязали – и ступай долечиваться в соседнюю палатку для выздоравливающих. Но вот принесли бойца с осколочным ранением в живот – здесь дело куда серьезней. А следом притащили на плащ-палатке совсем еще молоденького лейтенанта с перебитой ногой.

– Доктор, помогите! – И глядят солдаты на него как на Бога.

Тут же на носилках приносят еще одного раненого. Военврач склоняется над ним и быстро отдает команду:

– Маша, Оля, этого готовьте к операции, а за ним лейтенанта давайте.

– Почему так? – недоумевают бойцы. – Мы же первые пришли! Это же командир наш.

– Поможем вашему командиру, непременно поможем, – механически кивает военврач и поясняет: – У него кровь остановлена, осталось

рану обработать, шину наложить, это несложно, не умрет. А у этого бойца кусок свинца в сантиметре от сердца. Не вытащим – однозначно на тот свет отправится.

– Да мы понимаем, – смиренно соглашаются бойцы. – Но ведь все-таки командир наш. Вы уж, доктор, постарайтесь.

День зимой короткий. Сумерки уже сгущаются над полем боя. Поземка усиливается, по всему видно, что к ночи разыграется нешуточная метель. И это хорошо. В такую погоду вражеские самолеты с черными крестами на крыльях не будут сбрасывать свой смертоносный груз на окопавшихся на открытой местности советских солдат. Так что пусть ветер воет, пусть метель метет. Снежные хлопья не пули свинцовые, их можно пережить, хоть и холодно лежать в мелком окопчике, укрывшись сверху плащ-палаткой. Но все же есть солдатский бог на свете, есть, потому что почти уже в полной темноте, сгибаясь под тяжестью двух больших бидонов-термосов, пробирается к бойцам по глубокому снегу повар. И несет он в одном бидоне компот, а в другом – суп, да такой густой, что ложка в нем стоит, и даже не до конца остывший. А еще полагается бойцу, согласно норме, пайка хлеба, которую повар достает из заплечного сидора. И все, что ли? Нет, не все. Перед приемом пищи заветные фронтовые – подставляй кружку.

– Лей, не жадничай!

– Ты же здесь не один. Тебе больше налью, а кому-то вообще ничего не достанется.

Уставшие бойцы, измотанные боем, полузамерзшие, спят беспробудным сном. На самом дальнем посту Андрей с Сашкой вырыли небольшую пещерку в сугробе и наблюдают оттуда за окрестностями. Да только что можно разглядеть в такую темень? И еще вьюга разыгралась. Ветер то стихнет, то взвояет диким зверем, взметнет к небесам снежную крупу, стеганет по лицу колючими снежными иглами и снова становится ласковым, как домашний котенок.

Вдруг как громыхнет что-то вдалеке, и столб огня в небо взметнулся. Виктор Степанович услышал сквозь сон этот приглушенный взрыв, но его сознание не хотело просыпаться и внутренний голос ласково шептал, уговаривал: «Спи дальше, это же не твоя смена». Больше взрывов не было слышно, должно быть, померещилось. Ветер снаружи с диким шуршанием продолжал гнать снежную крупу. Можно было бы снова провалиться в сон, но Виктор Степанович уже не

спит. Он высовывает голову из землянки и видит примерно в километре горящий немецкий танк, подорвавшийся на поставленной ими мине. И еще несколько танков, перестраивающихся из колонны в цепь.

Вскоре из дальнего наблюдательного пункта по танкам ударила пулеметная очередь.

«Кто у меня там? – вспоминает Виктор Степанович. – Андрей с Сашкой, молодцы ребята, не подвели».

– Братцы, подъем! – кричит он. – Танки!

– Вот гады, поспать не дадут! – ругаются проснувшиеся бойцы.

Несколько грохочущих бронированных чудовищ приближаются к позициям батальона. Они изрыгают пламя из длинных стволов, и через мгновение мощные взрывы сотрясают землю, взметая в небо комья мерзлой земли.

– Бойцы! Тревога! К бою! – кричит командир батальона. – Эх, надо было мин больше поставить, – сокрушается он. – Понадеялись на авось, теперь вот расхлебывай. Да кто же знал, что они ночью в атаку пойдут, после проигранного боя? Видать, подмога к ним подоспела. Так вот сразу и ринулись в драку.

Разбуженные бойцы занимают оборону. Вражеские танки уже совсем близко. Навстречу им ползут добровольцы со связками гранат в руке. Но много ли можно проползти под шквальным огнем пулеметов? Пули пронзают человеческие тела насквозь, горячая кровь хлещет из ран, а вместе с кровью уходит из человека жизнь. Но вот один из героев все же сумел остаться в живых, дождался момента, когда железная машина приблизилась на расстояние броска, вскочил и, размахнувшись, швырнул связку гранат прямо под гусеницы. Огненный столб жаркого пламени взметнулся вверх, и танк завертелся на месте, будто собака, ужаленная в хвост пчелой.

Часть вражеских танков прорвалась к роще, где находился штаб батальона и госпиталь. Там слышны разрывы снарядов, трескотня автоматов, хлопанье винтовочных выстрелов. Противник давил танковой мощью, утюжил промерзлую землю многотонной тяжестью, не оставляя людям никаких шансов. Передовой батальон из последних сил сдерживал врага, но было совершенно понятно, что долго ему не выстоять. Взрывы от снарядов грохотали один за другим. Бойцы, оправившись от первого шока, прятались за деревьями и оттуда вели прицельный

огонь одиночными выстрелами, стремясь отсечь пехоту противника, идущую вслед за танками.

К утру бой стал стихать. Атака противника была отбита. Как только чуть-чуть рассвело, прибежал связной из штаба с приказом командира полка держать оборону, чего бы это ни стоило.

Прямо на лесной поляне, под ненадежным прикрытием хилых деревьев, посеченных осколками снарядов и пулями, комбат собрал командиров рот. Он был в шинели, наброшенной на плечи, забинтованная правая рука висела на перевязи.

– Первая рота, доложи о потерях. – Он взглянул усталыми воспаленными глазами на командира роты, невысокого парня с заросшим трехдневной щетиной лицом.

– Тридцать процентов, товарищ комбат.

– Трудно вам пришлось, трудно, – вздохнул комбат. – Первыми приняли бой. Большие потери, большие. Если мы будем по тридцать процентов боевого состава каждый бой терять, нас надолго не хватит.

– Товарищ командир батальона, разрешите доложить, – проговорил ротный. – Тридцать процентов – это не потери. Это нас столько осталось. Бой был жаркий. Три танка подбили.

– М-м-м, понимаю, – кивнул комбат. – Жаль парней, жаль, можно сказать, спасли нас всех... Вторая рота, доложите о потерях.

– Да почитай полроты полегло, товарищ командир батальона.

– А где ротный-то?

– Так погиб ротный, товарищ командир, я вместо него.

– Хорошо, оставайся ротным. Подготовь списки убитых и раненых.

– Так точно, сделаю.

– Третья рота, что у вас?

– Нам тоже несладко пришлось, хоть мы и не первые под огонь противника попали. Процент сорок полегло. Списки убитых и раненых подготовим.

– В общей сумме полбатальона нас осталось, – подытожил комбат. – Слушай приказ. Стоим на тех же рубежах, что и стояли. Роем окопы в полный рост. Саперы, – он поискал глазами Виктора Степановича, – мины установите по всему периметру. Немцы нас в покое не оставят. Они еще попрутся. Надо быть готовыми их встретить. Разведка, – он повернулся к командиру разведвзвода, – снаряды три группы по пять

человек, пусть пойдут в разных направлениях. От нас до ближайшего населенного пункта восемь километров. Пусть обследуют территорию на глубину пять-шесть километров. Хорошо бы взять языка. Для нас сейчас главное – выяснить, где противник, какими силами он располагает, с какой стороны и когда ждать атаки.

– Товарищ командир батальона, – подбежал связист. – Приказ собраться через три часа в штабе полка с докладом о положении батальона.

– Понял, свободен, – махнул рукой комбат и поглядел на командира разведвзвода. – Слышал? Высылай разведку немедленно. Остальным укреплять позиции. Враг дал нам передышку. Воспользуемся ею.

В течение всего последующего дня противник не предпринимал никаких активных действий. Из пяти посланных на разведку групп три вернулись с донесениями о скоплении сил противника – где до роты, где до батальона. Две группы разведчиков с задания не вернулись.

На совещании в штабе полка обсуждали сложившуюся обстановку. Полк вонзился в глубокоэшелонированную оборону противника, и командир чувствовал опасную шаткость создавшегося положения.

– Наши тылы могут быть отрезаны вот здесь и вот здесь. – Комполка провел карандашом по разложенной на столе карте. – Если это случится, то не противник, а мы окажемся в окружении. Командиры батальонов, доложите обстановку.

– На нашем участке обороны противник находится на расстоянии трех – пяти километров.

– На нашем участке такое же дело.

– Где командир третьего батальона?

– Убит, товарищ командир полка. Я принял командование батальоном – лейтенант Васильев. Раньше ротой командовал.

– Ну и что на вашем участке? Разведку провели?

– Никак нет, товарищ командир полка, – отрапортовал лейтенант. – Ее и проводить смысла нет никакого. Солдаты противника в бинокль видны. В соседнем лесочке засели, на расстоянии до километра. Я планировал ночную атаку провести, чтобы выбить их оттуда.

– Подожди с атакой, – остановил его начальник штаба. – Похоже, это уже случилось.

– Что случилось? – переспросил его комполка.

– Окружение случилось. – Он склонился над картой. – Вот смотрите: здесь и здесь противник.

И здесь противник. – Карандаш начштаба рисовал на карте легкие линии. – Вот здесь его нет, но здесь болото шириной от двух до трех километров, которое, как вы понимаете, простреливается отсюда и отсюда. Если мы будем отходить по болоту, то попадем под огонь с двух сторон. Вывод: мы в полукольце. Выход через болото под огнем противника возможен, но потери могут быть большими.

– Спасибо за разъяснение, товарищ майор, – кивнул ему комполка. – Прояснил ситуацию. Так что, товарищи командиры? В каком направлении противник меньше всего ожидает нас увидеть?

– Да это понятно, где он нас вообще не ожидает увидеть, – хмыкнул начштаба. – Вот на этой высоте располагается опорный пункт противника, окруженный несколькими линиями заграждений и, скорее всего, минным полем. В бинокль просматриваются минометные гнезда, несколько пушек, здесь дзоты с пулеметами. Но вот про эту совсем неширокую ложбинку, маленькую складочку в рельефе, заросшую кустарником, они, скорее всего, не знают, потому что сверху ее трудно разглядеть. Но даже если и знают про нее, все равно можно пройти по ней и выйти прямо...

– Прямо на пулеметы, товарищ майор, – перебил его комполка.

– Нет, не на пулеметы. Мы можем по этой ложбине выйти им в тыл и ударить оттуда. Здесь, конечно, тоже стоят пулеметы, но их меньше, чем в этом и этом направлениях.

– Что ж, товарищи командиры, давайте обсудим это предложение и разработаем план действий. Атаку начнем сегодня ночью. Сколько там рядов заграждения?

– Три ряда, товарищ командир полка, – ответил инженер полка. – Саперы должны снять колючку, разминировать проходы до начала наступления.

– Итак, первый батальон штурмует вражеский опорный пункт, второй батальон наступает в направлении населенного пункта, а третий батальон пытается перерезать дорогу, и если это получится сделать, то тем самым мы перекроем противнику подвоз боеприпасов и техники к его частям, закрепившимся на этом участке.

Ночь. Пурга. В молочном мареве весь белый свет. Колючий холодный ветер обжигает лицо. Растереть бы рукавицей побелевшие щеки и

нос, да возможности нет. Руки заняты делом. Саперы в белых масках, растянувшись в линию с интервалом в полтора-два метра, осторожно продвигаются вверх по склону. Снег не то чтобы уж слишком твердый, он проваливается под тяжестью ползущих по нему саперов, давится локтями, но неглубоко. Саперы внимательно осматривают каждый бугорок, ведь под ним может скрываться смерть. Проверяют каждую былинку, торчащую из-под снега, – не металлический ли это усик от установленной мины?

– Мину могут к столбу привязать. Ищите растяжки, – шепчет Виктор Степанович, когда подползли к первым столбам с несколькими рядами колючей проволоки.

Он то и дело поглядывает по сторонам, как там его ребята: вроде и не первый раз со смертью играют, опыт есть, а все равно опасается за них. Вон у Петьки на лбу капли пота выступили, видно, что чуток робеет парняга. Сашка – тот спокоен, деловит, лишнего движения не делает, все у него рассчитано: оглядел пространство на метр вперед, и если глаз ни за какую неровность не зацепился, не заметил подозрительно торчащих из-под снега пучков травы, веточек, только тогда аккуратно протыкает щупом снежную толщу и еще на метр вперед продвигается. Рядом с ним Андрей ползет, тоже внимательно осматривает пространство перед собой, и даже если чувствует страх в душе, то вида не показывает. Страх, конечно, работе сапера мешает, но совсем без страха тоже нельзя, всего должно быть в меру.

Пройден первый рубеж немецких оборонительных сооружений, вроде все спокойно, сняли пару-тройку мин, обезвредили несколько растяжек. Но маловато что-то. Не к добру это. Значит, впереди будет основная работа.

Вдруг щуп в руке Виктора Степановича наталкивается на что-то твердое, и он сразу замирает, осторожно смахивает рукавицей снег. «Она, родимая! Ну, где тут у тебя взрыватель? Так, увидел. Теперь успокой дыхание. Сердце, не колотись. Без дерганья. Вынимаем. Фу, ползем дальше».

Вот и второй ряд колючей проволоки позади. Осталось-то совсем немного, брустверы окопные уже видны, гнезда пулеметные. И вроде тихо все в тех окопах, враг спит крепким сном, не чувствует приближающейся опасности, не ведает, что скоро его сон прервут громкие крики «ура!» и треск винтовочных выстрелов. Осталось немно-

го, совсем чуток... И в этот момент что-то грохнуло сбоку. Вот так хрупко, недолговечно саперское счастье... И тут же небо озарилось заревом осветительных ракет. Теперь-то уж точно терять нечего!

– Бойцы! В атаку! Впе-ре-о-од! – Комбат поднимает батальон в бой, зная, что скоро обрушится на них ливень свинцовый и не доживет до утра тот боец, который испугается сейчас, не встанет и не побежит навстречу смерти, но только так можно обмануть «костлявую».

Виктор Степанович тоже понимает, что пришла пора ему и его ребятам подниматься в полный рост и бежать со всех ног к вражеским окопам, навстречу пулям, по минному полю, до конца не разминированному. Эти оставшиеся несколько десятков метров бойцы пробегут по колену снегу, быть может, всего за одну минуту. И для кого-то из них это время может оказаться последним в жизни.

– Мужики, бегом к проволоке! – крикнул бригадир, чувствуя за спиной накатывающее волной гулкое «ур-ра-а-а!», это батальон пошел в атаку.

Уже подбегая к колючке, он услышал справа и слева от себя несколько взрывов, машинально подумав: «Кому же так не повезло?» – и перебрав в памяти лица своих ребят, ведь за каждого в ответе.

С этим громким «ур-ра!» не так страшно бежать под пулями. Одолевает какое-то бесшабашное чувство неуязвимости, когда и рядом с тобой, и слева, и справа, и сзади – отовсюду несется громовой боевой клич.

– Ур-ра! – кричит вместе со всеми Гошка, молодой боец, до конца еще не обстрелянный, еще робеющий, пулям кланяющийся. – Ур-ра!

А спереди затараторили часто-часто несколько вражеских пулеметов и этим выдали себя. Две 45-миллиметровые пушки, выжившие в прошлом бою, выставленные на прямую наводку, ударили беглым огнем по пулеметам, спрятанным в дзотах с маленькими окошками, попасть в которые снарядом можно только чудом. Но вот после одного из пушечных выстрелов пулемет, косивший кинжальным огнем наступавших бойцов прямо перед Гошкой, вдруг смолк, а следом раздался громкий взрыв, и крыша дзота подлетела вверх на несколько метров и затем рухнула вниз, придавив собой всех, кто в тот момент под ней находился.

– Молодцы артиллеристы! – воскликнул бегущий рядом с Гошкой боец. – Прямо в глаз фашисту угодили. В самую амбразуру вклепили снаряд!

Не все бойцы добежали до вражеских окопов, но Гошка добежал и тут же столкнулся лицом к лицу с огромным фрицем, выскочившим из блиндажа в одном кителе, с оскаленным перекошенным лицом и выпученными глазами. К его винтовке был примкнут штык-нож, и Гошка растерянно смотрел, как смертоносная сталь приближалась к его груди.

— Кого ждешь? Коли или стреляй! — Пробегавший мимо солдат выстрелил из винтовки во фрица, и тот упал, не успев пронзить Гошку штыком, а солдат побежал дальше.

Вечером в землянке оставшиеся в живых саперы собрались возле едва горящего фитилька в гильзе вместо керосиновой лампы. Петька привел с собой Гошку, сказав, что это его давний приятель, что встречались они, еще когда в школе учились и Гошка приезжал из Барнаула в поселок к тетке на каникулы. Все слушали восторженно-сбивчивый Гошкин рассказ о первом его бое, и Сашка хлопнул его дружески по плечу: «Показал ты себя, молодец». После этих слов Петька наклонился к Гошке и проговорил шепотом: «Видишь, приглянулся ты. Если от твоего взвода никого уже не осталось, так просись к нам. Вон бугор наш в углу сидит, ус грызет, Виктором Степановичем его кличут. Он мужик свойский, возьмет».

На следующий день противник подтянул свежие силы, бросил в бой три танка и, непрерывно атакуя в течение последующих нескольких суток, сумел отбить опорный пункт, давшийся нашим бойцам с таким трудом. Пришлось батальону отступить на прежнюю позицию. Рисковать оставшимися людьми за один опорный пункт комбат не стал. И это было верное решение.

А на командном пункте дивизии дежурный среди ночи разбудил комдива:

— Товарищ полковник, разрешите доложить, Первый на проводе.

— Давай сюда. — Сон у комдива как ветром сдуло. — Здравия желаю, товарищ Первый.

— Как дела в дивизии? — поинтересовался командарм.

— Хорошие дела, товарищ Первый, — отпартовал комдив. — Вчера полки провели успешную операцию, выбили противника с занимаемых им позиций, заняли преобладающую высоту, наладили оборону.

— Какого хрена ты мне заливаешь! — Грозный голос командарма сорвался на крик. — Твои соседи звонили. Их разведка доносит, что в том

квадрате, где один из твоих полков стоит, идет сильный бой. Немецкие танки прорвались. А ты мне об успехах докладываешь? Что у тебя с полком? У тебя есть с ним связь?

— Никак нет, товарищ Первый, но я приказал...

— Кому ты чего приказал? — перебил его командарм. — Это я тебе приказываю. Немедленно установи связь с полком, подтяни свежие части, введи их в бой. Созвонись с соседями. Выполнять немедленно!

— Так точно, — шепнул комдив в телефонную трубку и, повернувшись к дежурному со связистом, крикнул: — Что смотрите? Где начштаба? Срочно ко мне. Связь с полком восстановить. Чтобы через полчаса у меня была полная информация о противнике.

После жестоких непрерывных боев в течение нескольких дней батальонам удалось ненадолго продвинуться вперед, отвоевав у противника несколько сотен метров. Начальник штаба полка собрал совещание.

— Товарищи командиры, мы понесли большую утрату. Вчера, поднимая бойцов в атаку, геройски погиб командир полка. Я, как старший по званию, принял командование полком на себя. — Он сделал паузу. — Положение у нас сейчас непростое. Разведка донесла, что мы в окружении. В штабе дивизии и в штабе армии знают о нашем положении и помогают всеми силами. Соседняя дивизия непрерывно атакует противника с целью оттянуть на себя часть сил и дать нам возможность пробиться к своим. Нам надо выстоять. Как с боеприпасами и продуктами?

— Патронами мы трошки у фрицев разжились, а вот с питанием неважнецки дело обстоит. Пайки уже урезали, если подвоза в ближайшие день-два не будет, придется еще сократить. Фуража для лошадей совсем нет. А без лошадей нам туго придется. Раненых много, как их без лошадей вывезти?

— Сегодня должен прилететь первый самолет с продуктами и сбросить груз в заданной точке, — сказал комполка. — Сами понимаете, что в один самолет много продуктов не войдет, поэтому экономить всяко придется.

Следующий день прошел относительно спокойно. Противник вел вялый минометный обстрел, иногда пулеметная очередь трассирующими пулями вспарывала низкое серое небо. Ребята из поредевшего взвода Виктора Степановича соорудили в лесочке под деревьями но-

вую землянку взамен старой, разрушенной после прямого попадания в нее снаряда, и радовались тому, что есть возможность выпастись после нескольких бессонных ночей. За несколько суток бойцы вполне обжились на новом месте. Петька все свободное время пропадал в медсанбате, видать, присмотрел там себе медсестричку.

Сашка с Андреем и еще несколько человек сидели кружком возле костерка и вполголоса о чем-то разговаривали. И вдруг общий хохот раздался так громко, так раскатисто, что снег с потолка землянки посыпался.

— Вот если бы сейчас немецкий разведчик подполз к нашей землянке, — сказал Виктор Степанович, — вот он бы был озадачен. Сидят советские бойцы в окружении, на морозе, снарядов нет, жратвы нет, а они хохочут. Чего смеетесь?

— Весело!

— А чего весело-то?

— Да Сашка рассказывает, как они с Петькой сержанту НКВД фонарь под глазом ставили.

— Ну да, конечно, это было весело, — согласился Виктор Степанович. — Он с девушкой милуется, а в это время двое в окно лезут. Здрате, можно мы пройдем мимо вас, нам бухнуть не хватило. Может, нальете? Налили? Налили! Га-га-га! Ох, дети... — Его слова вызвали еще один взрыв хохота.

«На войне как на войне, — подумал Виктор Степанович. — Сколько времени мы уже воюем? Полтора месяцев еще не прошло, а такое ощущение, что полтора года пролетело».

Затишье кончилось в один миг. Под утро где-то далеко заухали пушки, раздался вой летящих снарядов, следом буханье взрывов, металлическое так-таканье автоматных очередей, грозное дык-дыканье пулеметов.

— К бою-бою-бою! — раздались крики ротных командиров, и следом тихая брань бегущих в подготовленные прошлым днем окопы бойцов в незастегнутых шинелях и полушубках, с автоматами и винтовками в руках: — Ах вы, черти полосатые! В бога душу мать! Уж мы вам покажем!

Жестокий бой не прекращался целый день, на отдельных направлениях переходя в рукопашную схватку. Противник использовал и танки, но в большей степени для психологического воздействия, так как курсировали они только вдоль дороги и не углублялись в заснеженный лес, где могли застрять. К вечеру из штаба полка в батальоны поступил приказ отходить через болото

или другими возможными путями, оставив по одной роте прикрывать отход. Тридцатиградусные морозы хоть и сковали трясину, превратив ее верхний слой в твердый бетон, но ниже как была топь, так и осталась. Человек пройдет, лошадь с санями проедет, а танк неминуемо провалится. Поэтому оставалась только надежда вывести остатки потрепанного батальона из окружения по редколесью, прячась за невысокими кустами, замеченными снегом.

Под огнем вражеских пулеметов короткими перебежками наши бойцы устремились в пока еще не перекрытый врагом проход. Идущие первыми протапывали дорогу в глубоком снегу и менялись каждые пятьдесят — сто метров, буквально падая от усталости. Но, полежав две-три минуты, поднимались, и снова вставали в строй, и снова пробивали дорогу через замеченное снегом болото. На нескольких санях с запряженными в них полудохлыми клячами друг на друге лежали тяжелораненые бойцы, один раз уже почти обманувшие смерть, но неизвестно, повезет ли им еще раз. В серой мгле сани скользили по снегу, подталкиваемые руками солдат. Истощенные от бескормицы кони падали от перенапряжения на колени, тыкаясь заиндевевшими мордами в снег.

— Но, милые, поднатужьтесь немного, — уговаривали их солдаты и поднимали измученных животных за оглобли. — Потерпите, родные.

Танки противника не погнались вслед за ускользающими из окружения остатками батальона, только выстрелили несколько раз им вдогонку. Один из снарядов лег совсем близко от колонны, посеяв панику. От взрыва содрогнулась почва под ногами. Комьями мерзлой земли и горячими осколками стегануло по оказавшимся рядом бойцам. Раздались крики раненых. Виктора Степановича ударной волной откинуло в сторону, и он упал в воронку, заполненную болотной жижей вперемешку с льдинками. Сашка с Андреем кинулись на помощь, вытащили его на сухое место.

— Голова гудит, мочи нет, — простонал Виктор Степанович.

— Держись, Степаныч, держись.

Они подхватили его под руки. К этому моменту мокрая одежда на бригадире уже вся покрылась коркой льда.

— Постой-ка. — Андрей скинул с себя шинель и набросил ее на плечи Виктора Степановича, потом кивнул Сашке: — Пошли потихоньку.

– Мужики, я сам, – в беспамятстве засопровтивлялся Виктор Степанович.

– Конечно, сам, – согласился Сашка. – Вот как только оклемаешься, так и пойдешь сам, а сейчас, бригадир, не ерепенься.

– Слышь, Сашок, – вдруг остановился Андрей. – А где у него валенок?

– Вот невезуха, – сплюнул в сердцах Сашка. – Похоже, в трясине остался. Погоди, я в санях пошукаю. Эй, мужики, валенок нужен или тряпка какая.

– На, возьми! – крикнул кто-то из проезжавших мимо саней и кинул им кирзовый сапог. – Все равно уже без ноги.

– Спасибо, браток, – поблагодарил Сашка. – Ну что, Андрюха, обувай командира.

– Да сапог-то не на ту ногу.

– Какой дали. Другого нет. Натягивай. Нам бы только до стоянки добраться. На привале найдём что-нибудь подходящее.

К утру колонна дошла до края заснеженного болота, но была встречена плотным автоматным огнем противника.

– Ах ты, ядрена вошь! – воскликнул кто-то из солдат. – Откуда здесь немцы?

– Ложись! – раздался крик ротного. – Открыть огонь по противнику. А вы куда прете? Разворачивайтесь, уходите обратно.

– Куда обратно? Там же немцы!

– Держите направление на северо-восток, к линии фронта.

– Сзади немцы, спереди немцы, везде немцы...

– Так ты что, еще ничего не понял? В окружении мы, в окружении.

– Прекратить пораженческие разговоры! Под трибунал отдам! Развели здесь панику, мать вашу!

Противник хоть и постреливал из автоматов, но не атаковал. Возможно, скрывавшихся в кустарнике и за чахлыми деревцами вражеских автоматчиков было немного, а может, в их планах было не разбить выходивший из окружения батальон, а лишь задержать окруженцев до подхода более крупных сил.

Но для наших бойцов и эта краткая передышка была почти что спасением. Когда основная колонна вместе с ранеными на санях вышла из-под обстрела, первая рота, принявшая бой, отступила вслед за ней. Правда, погода при этом стала резко портиться. Стихшая было ночью метель снова набирала силу.

На третьи сутки колонна остановилась в небольшой рожице, где можно было перевести дух. Как впоследствии выяснилось, это был островок посреди замерзшего болота. Боясь вражеских самолетов, больших огней не разводили, однако, чтобы совсем не замерзнуть, в сугробе выкопали яму до самой земли и в ней разожгли костерок, а сверху на вбитые колья натянули кусок брезента.

Виктор Степанович, к этому времени уже вполне отошедший от контузии, присел на обрубок дерева рядом с костром, снял с одной ноги валенок, а с другой – сапог. С огорчением заметил, что в оставшемся валенке подошва окончательно прохудилась. Потом развернул портянки и пододвинул замерзшие ноги поближе к огню.

К нему подсел военврач.

– Табачком не богат, Степаных? – спросил он.

– Закуривай, Михалыч. – Виктор Степанович достал из кармана шинели кисет с табаком и протянул его военврачу. – Много работы?

– Немало, – устало ответил военврач, и его случайный взгляд упал на разутые ноги Виктора Степановича.

– Командир, так что, может, по маленькой? – спросил Сашка. – Для сугреву?

– Это можно, – поддержал Виктор Степанович. – Андрюшка, булькает во фляжке-то еще?

– Есть маленько. – Андрей достал из-за пазухи заветную фляжку, поднес ее к уху и легонько потряс.

– А у меня уже обезболивающего не осталось, – вдруг ни с того ни с сего проговорил задумчиво военврач, будто делаясь своими мыслями с теми, кто сидел у костра.

– Сильно нужно? – спросил Виктор Степанович. – Кому-то срочная операция требуется? До своих не дотянем?

– Нет, не дотянем, – печальным голосом подтвердил военврач и кивнул на голые ступни Виктора Степановича с почерневшими пальцами: – Вот так выглядит сухая гангрена. Сейчас только пальчиками рискуем, а если чуть промедлим, придется ступни ампутировать.

Андрей сразу протянул фляжку военврачу:

– Вот обезболивающее. Полфляжки еще. Чистый спирт.

– Должно хватить, – признал военврач и посмотрел на Виктора Степановича: – Ну что, пойдём?

– Пойдем, коли так, – вздохнул Виктор Степанович, наворачивая портянки на начавшие

отогреваться ступни и чувствуя усиливающуюся боль. – Андрей, Сашка, пройдите по бойцам, пусть каждый проверит обувь.

Через две недели после окружения полка в расположение соседней дивизии выехало из туманной мглы трое саней с тяжелоранеными. Каждые сани тянули несколько человек, у которых еще оставались силы двигаться. Перед ними шли легко раненые бойцы и тропили путь, чтобы сани не застряли в снегу.

– Стой, кто идет? – раздался требовательный голос часового, заведшего бойцов, выходящих из болота.

– А сам не видишь, кто идет? – крикнул Сашка, не особо расположенный к разговорам. – Слепой, что ли? Или нюх потерял? Так сейчас быстро восстановим.

– Тише, Сашок, тише, не нервничай, он же на посту стоит, – остановил его Виктор Степанович и поднял руку, чтобы привлечь внимание часового. – Свои идут, кто же еще? Командира позови.

– Стойте, а то стрелять буду, – приказал часовому и свистнул два раза. – Сейчас доложим о вас.

Через некоторое время появился младший лейтенант, увидел подходивших бойцов, окинул их подозрительным взглядом.

– Кто такие, откуда? – спросил он.

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант, – козырнул Виктор Степанович. – Разрешите доложить. С боями вышли из окружения. Комбат тяжело ранен. Комполка убит. Замещавший его начальник штаба тоже убит. Из штабных никого почти не осталось. Надо бы комдива известить.

– Разберемся, – грубовато ответил младший лейтенант. – Документы предъяви. Чего хромаешь? Ранило? Сразу в обе ноги?

– Обморозил малость, – пояснил Виктор Степанович. – Вот пальчики военврач на ногах и отхватил.

– Сейчас много групп из окружения выходит, вот типа как ваша группа, в три калеки, – проворчал младший лейтенант. – Немцы тоже не дураки, они в нашу одежду переодеваются. Пойди разберись, где свои, а где чужие. Поэтому ждите здесь, пока лейтенант из особого отдела не придет.

– Слышь, ты, крыса тыловая, – гневно проговорил Андрей. – А ничего, что мы с оружием вышли? И патроны мы еще не все расстреляли. Вот на таких, как ты...

– Отставить разговоры! – раздался властный окрик, и к ним подошел майор. – Здравствуй, Виктор Степанович. Не признаешь? Месяц назад в штабе полка встречались. Когда лед на реке укрепляли, чтобы танки прошли.

– Конечно, помню, товарищ майор.

– Свои это, пропусти, – приказал майор младшему лейтенанту и снова обратился к Виктору Степановичу: – Вы на него не сердчайте. Действительно, проблема есть. Не вы одни из окружения выходите. Сегодня с утра уже три группы вышли. Я вчера из окружения свой батальон вывел, точнее, то, что от него осталось. Чтобы нам помочь, командир дивизии все вспомогательные службы под ружье поставил. Сам их в бой повел.

– Хороший у нас комдив, – уважительно проговорил Виктор Степанович. – Боевой, нечего сказать.

– Был хороший комдив, – вздохнул майор и пояснил: – Погиб он в том бою. Вот так-то, ребята. Ну, бывайте.

14

После февральских боев дивизию, потерявшую убитыми и ранеными почти половину боевого состава, перевели в резерв фронта, дали несколько недель отдыха, пополнили новобранцами и снова вернули на фронт. К тому времени наступила весна. Снег на пригорках быстро сошел, стек ручьями в лощины, заполнил болотины, но лежал еще темной серой массой в лесных чащобах и под кустами. По виду он был похож на бетон, а в натуре, если наступишь на него всем весом, так и провалишься по самые карманы, а под снегом ледяная вода. И хлупает потом эта вода в обувках целый день, а переобуваться смысла нет. Потому что через десяток шагов по болоту ноги опять мокрые. Вечером разуешься – ступни все распухшие от сырости.

Но с этим еще можно было как-то мириться, ноги рано или поздно просохнут. Хуже было то, что развезло дороги, да так, что единственным транспортным средством в эту пору стали лошади. Грузенные провиантом и боеприпасами, истощенные, полуживые от голода животные еле еле брели по лесной дороге, а точнее – по жидкой грязи. Преодолевая топкие участки, они нередко проваливались по брюхо, и тогда людям приходилось их разгружать и вытягивать из трясины за хвост и гриву.

Подвоз боеприпасов на передовую превратился в настоящую битву с природой. В тех частях, где уже не осталось лошадей, снаряды для орудий и провиант приходилось таскать солдатам на своих плечах, иногда за пять – десять километров. В самых гиблых местах саперы прокладывали гати через болотную трясику, делали настилы из бревен, по которым могла проехать конная повозка, груженная снарядами, и пройти пехота, наводили мосты через ручьи, превратившиеся во время весеннего половодья в настоящие реки. В таких нелегких, прямо скажем, условиях фронт готовился перейти в наступление.

– Боевая задача поставлена перед нами сложная, – говорил командир полка на совещании, – прорвать оборону противника, закрепиться на новом рубеже и обеспечить проход другим частям Красной армии. За нами пойдут в бой танки. Они будут основной силой, которая сомнет вражеские укрепления и заставит противника отступить.

– Товарищ командир полка, разрешите вопрос, – встал командир одного из батальонов. – Перед нашими позициями болото.

– Я знаю об этом, – прервал его командир. – Где командир саперной роты? Лейтенант, подойдите ближе. Приказываю вам на основных участках наступления обеспечить проход через болото. Как будете выполнять поставленную задачу?

– Есть одна задумка, товарищ командир полка, разрешите доложить. – Ротный подошел к столу, на котором была развернута карта, и что-то стал говорить шепотом, водя по карте тупым концом карандаша. – Я думаю, должно сработать. – Ротный положил карандаш на стол. – А мы таким образом силы сэкономим и время выиграем.

– Хм, толково придумал, – похвалил его командир полка. – О ходе работ докладывать мне лично. Выполняйте.

Вернувшись из штаба полка в роту, ротный первым делом построил взвод Виктора Степановича на краю болота.

– Вот место вашей дислокации. Задача простая: к началу наступления дорогу через болото проложить, да такую, чтобы танки могли по ней пройти.

– Гать придется делать, – проговорил Виктор Степанович.

– В два слоя, не меньше, – заметил Сашка. – Тогда, может, и выдержит.

– Это если из лиственницы мастрять, – уточнил Петька. – Лиственница – она как железо. А если сосну использовать, так она быстро в щепу превратится.

– Откуда здесь лиственница? – пожал плечами Андрей. – Елки много растет, а лиственницы ни одной не видел.

– Посмотреть бы, какой тут лес, – произнес Петька, глядя в сторону.

Ясно было, что хотелось парню от войны хоть немного отдохнуть, вспомнить родные места, где тайга стоит нетронутая, где речушка щебечет, освободившись от снежного плена, где на лесных прогалинах подснежники цветут.

– Вот завтра и посмотрите, – согласился ротный. – С утра ваш взвод направляется на разведку. Узнайте обстановку. Все толком изучите. Вечером доложите.

На следующий день Виктор Степанович поднял бойцов спозаранку и повел их кромкой леса в обход болота. Лес здесь был изрядно прорежен немецкими бомбардировками и артобстрелами. Толстые стволы деревьев, переломанные нечеловеческой силой, лежали навалом. Выкорчеванные взрывами пни торчали из земли, подобно обломкам выбитых зубов.

– Стройматериалов здесь хоть отбавляй, – хмыкнул Сашка. – Постаралась немчура.

Они прошли уже несколько километров по уничтоженному лесу, как вдруг Сашка воскликнул:

– Смотрите, какое чудо!

В стороне от них посреди посеченного осколками подлеска рос куст рябины, а на нем висели гроздь оранжевых ягод.

– Какая красотища! – восхитился Петька. – Нарву-ка я букет для медсестрички.

– Хорошая дивчина. Для нее нарви, – одобрительно кивнул Виктор Степанович. – Пойдемте, мужики, попробуем лесного угощения. Андрейка, у тебя в сидоре неприкосновенный запас спрятан. Выдели по глоточку, под витамины.

На подходе к части им попался командирский газик, застрявший в одной из заполненных грязью рытвин на дороге. Из машины вылез грузный подполковник из штаба дивизии и следом за ним ротный.

– Бойцы, ко мне! – крикнул подполковник. – Помогите вытащить.

– Ну что, мужики, навались дружнее, – командовал Виктор Степанович. – А ты, Петька, букетом-то не маячь, спрячь за спину.

— Кстати, почему не в расположении части? — спросил подполковник, когда газик был вытянут из грязевого плена на относительно ровный участок дороги. — Кто разрешил?

— Разрешите доложить, товарищ подполковник. Это разведчики, — вступился за них ротный. — Командир полка приказал разузнать, что да как. Наступление скоро.

— Тогда ладно, — смилостивился подполковник и вдруг увидел у Петьки рябиновый букет: — А это что там у тебя за спиной? Ох, какая прелесть! Я гляжу, романтические натуры у тебя в роте, лейтенант. Ну-ка, дай-ка сюда!

Он взял у Петьки букет, сорвал несколько ягод и бросил их в рот.

— Горечь, сорт, что ли, такой? — Он поморщился, выплюнул ягоды и швырнул букет в грязь. — Поехали, лейтенант!

— Штабист, мать твою, — процедил сквозь зубы Виктор Степанович и схватил за руку Петьку, который как бы ненароком сдернул с плеча винтовку. — Ты что, сдурел?

Андрей подошел к Петьке, достал из-за пазухи веточку рябины с гроздьё ягод и протянул ему:

— Не горюй, Петька! Есть подарок для твоей медсестрички.

Утром следующего дня взвод саперов приступил к выполнению боевого задания. Поваленные стволы распиливали двуручными пилами на бревна, стаскивали их к месту укладки и бросали первым слоем прямо в трясину. Бревна упорно не хотели тонуть. Они, как живые существа, боролись за свою жизнь, медленно, как бы нехотя, опускались в болотную жижу, еще до конца не растаявшую, пронизанную искрящимися льдинками. Поперек первого слоя бревен укладывали второй и скрепляли всю конструкцию железными скобами в единое целое. И так метр за метром, бревно за бревном продвигались вперед под жужжание пуль, визг снарядов, уханье бомб.

Работать днем была одна морока. Немцы начинали минометный обстрел, видя в бинокли, что русские таскают бревна и кидают их в топь. Никак дорогу решили построить через непроходимое болото. Ну, давайте, давайте, таскайте. А мы вот сейчас прицел у пушечки подкрутим, и будет вам веселье. А еще — авиацию вызовем. И тогда взметались ввысь фонтаны грязи, обломки сломанных бревен. Но русские упорно восста-

навливали разбомбленные участки и снова, бревно за бревном, продвигались вперед через болото. Видать, важна им была эта дорога, раз они с таким упорством ее восстанавливали. Значит, что-то затевают в этом направлении. А если к этому приплюсовать тот факт, что прошлым днем их саперы разминировали минные поля, освобождая проходы, то картина для немецкого командования складывалась вполне понятная: в этом месте русские готовятся нанести основной удар. Что ж, пусть готовятся. Придется только перебросить сюда с Ленинградского фронта еще одну пехотную дивизию.

Ночью строить дорогу было куда спокойнее. Жарко горел огонь, разведенный в пустых железных бочках из-под топлива, приспособленных под печки. Тепло от них шло, а света никакого, только слабый отблеск, освещающий пространство всего в несколько квадратных метров. А издали посмотришь — так не сразу и поймешь, что это. Будто всполохи ночные. Но главным было то, что дорога строилась в другом месте и в другом направлении.

15

Уже после пополнения от взвода Виктора Степановича снова осталось меньше половины: кто-то погиб, кого-то ранило. Сам он после контузии и ампутации пальцев на обеих ногах тоже имел полное моральное право подлечиться в госпитале, но отказался, сославшись на то, что голова уже не гудит, как раньше, да и боль в ногах прошла, так чего же еще надо?

В выдавшуюся минуту затишья он сидел на пенке, сняв гимнастерку и сапоги, подставив ласковому солнышку култышки ног, смотрел на проплывающие в небе белые облака, курил самокрутку и думал, что скорее бы закончилась эта война, а то дома дел много накопилось — и по хозяйству, и на пасеке.

Подошел ротный, присел на соседний пенек:

— Здорово, Степаныч.

— Здравия желаю. — Виктор Степанович протянул ему кiset с табаком: — Закуривай.

— Давай подымим, — согласился ротный, взял щепоть табаку из кисета, насыпал на серый квадратик бумаги, свернул в трубочку, провел по краю языком, заклеивая, немного помял заскорузлыми пальцами, потянулся к Виктору Степановичу прикурить. — Как думаешь, лето жаркое в этом году будет? Письмо из дома получил, жена пишет, что снегу зимой навалило под самый пле-

тень, а потом все сошло в одночасье, в землю впиталось, будто его и не было. С мая ни одного дождя.

– Природа – она сама себя регулирует, – ответил Виктор Степанович. – В июне-то у нас всегда жара стоит, а как июль придет, так и грозы грянут. Часто так бывает. Но ты ведь не про дождь пришел поговорить?

– Вчера комполка собирал нас на совещание. Ситуация, скажу тебе, аховская складывается. Сам знаешь, 2-я ударная в окружении. Единственный выход для них прорываться с боем на нашем участке. В общем, наступление намечается. Они будут атаковать со своей стороны, а наш полк должен ударить им навстречу и разорвать окружение. Однако полковая разведка донесла, что противник сюда свежие части стягивает. Значит, будет из всех сил сопротивляться. Комполка из штаба дивизии вернулся, так рассказывал, что комдив сильно не в духе, все спрашивал: «Почему до сих пор коридор не прорубили? Я, – говорит, – сколько раз вам должен приказывать, чтобы вы фрицев из окопов выбили?» А как их выбить, если у них и пушек, и минометов, и, главное, снарядов и мин больше, чем у нас, в несколько раз? Мы вон каждый снаряд бережем, над каждой миной плачем, а они лупят и лупят почем зря. И с авиацией у них тоже полное превосходство. Бомб не жалеют. Все уж перепахали в округе. Места живого на земле не осталось.

Ротный докурил самокрутку, затушил ее о подошву сапога.

– Комполка приказал сегодня ночью разведку боем провести. Взвод автоматчиков пойдет, разведчики из артбатальона, и саперов надо с ними послать. Ты выбери человек пять-шесть поопытнее, пусть там все посмотрят, зарисуют, чем фрицы против нас обороняться собираются, какие укрепления у них там понастроены. И сразу пусть подумают, как их нам преодолеть с малыми потерями.

– Сделаем, – пообещал Виктор Степанович.

– Это еще не все. – Ротный достал из висевшего на боку планшета топографическую карту, развернул ее, ткнул пальцем в квадрат, обведенный красным карандашом: – Вот смотри, здесь проходит дорога. Пусть твои ребята поглядят, в каком она состоянии. Комдив приказал ее восстановить в кратчайшие сроки, чтобы по ней матчасть Второй армии вывезти из окружения. Надо оценить объем работ.

– Разберемся, – кивнул Виктор Степанович.

– В общем, ты, Степаныч, подготовь народ к ночной вылазке. Пусть из твоих ребят самые опытные пойдут. Каждому автомат выдадим, патронов по паре дисков, чтоб все по уму было.

– Так точно, подберу, – подтвердил Виктор Степанович. – Сходим к немцам в гости, посмотрим, что да как...

– Слышь, Степаныч, ты сам-то не ходи, – остановил его ротный, глядя на его ступни без пальцев. – Вон Андрей у тебя башковитый, Петруха тоже неглупый парень, хотя и молодой. Пусть они сходят. Жаль, что Сашку ранило.

– А я что, уже не гожусь? – взглянул на него Виктор Степанович.

– Да не в этом дело, что не годишься. Ты же еще не долечился. Ноги чуть-чуть натрешь, они кровоточить начнут. А в разведке кто будет с тобой нянчиться? Лучше не ходи. Скажи ребятам, что и как надо сделать, и все.

– Ладно, скажу, – пообещал Виктор Степанович и вздохнул.

– Вся разведгруппа к четырем часам утра должна будет выйти вот в этот квадрат. – Ротный показал точку на карте. – А мы к этому часу фейерверк устроим. Артиллеристы отработают по позициям противника. Немцы, конечно, в ответ начнут пулять. Вот тут-то и надо будет засечь расположение их огневых точек. Этим займутся разведчики из артбатальона. А твои ребята пусть им схроны к тому времени подготовят, чтобы они могли остаться корректировать огонь нашей артиллерии.

– Так точно, сделаем, – снова кивнул Виктор Степанович, вспомнив, что недалеко от расположения их взвода речушка протекает, совсем неширокая, с одного бережка на другой перепрыгнуть можно.

Андрей с Петькой еще пару часов назад на эту речку рыбачить ушли. Может, чего-нибудь и поймают, перед ночным рейдом хорошо бы ушцы похлебать.

«А лето, действительно, жаркое стоит, – подумал он, чувствуя спиной тепло солнечных лучей. – Как там дома-то? Пшеничка-то в поле, поди, уж скоро заколосится. Если сейчас вдруг засуха случится, так хлеб не вызреет, сгорит на корню».

Его невеселые мысли прервали Андрей с Петькой, вернувшиеся с рыбалки. Самодельными удочками, сделанными из шелковой нитки с булавкой, привязанной к гибкой ивовой ветке, они полведра мелкой рыбешки надергали.

– Вот морока, – вздохнул Виктор Степанович. – Они же мелкие. Их же чистить надо.

– Не бойсь, Степаныч.

Разбитной Петька исчез куда-то ненадолго и появился вместе с медсестричкой.

– Вот, Наденька, – шепчет он ей ласково на ушко, – весь наш боевой взвод приглашает тебя на уху.

– Так ухи же еще нет, – смеется Надя. – Ладно, намек поняла. Почистишь ваш улов. Будет вам сегодня уха.

– Петька, не борзей, – хмурится Виктор Степанович. – У дивчины своей работы хватает.

– Да ладно, – смеется девушка. – Здесь работы-то всего на полчаса. А у нас сейчас за-тишь.

За час до ночной вылазки, когда взвод автоматчиков, дополненный разведчиками-артиллеристами и саперами, был построен на опушке леса, провожать разведгруппу пришел комбат. Увидев среди них Виктора Степановича, обернулся к ротному: «А он что тут делает?» Ротный пожал плечами: «Да я вроде предупреждал».

– Разрешите, товарищ майор, пойти в ночной рейд со своими ребятами, – попросил Виктор Степанович.

– Выйти из строя, – приказал ему комбат. – А теперь... марш отсюда.

Но вместо того, чтобы выполнить команду комбата, Виктор Степанович сделал два шага в его сторону и проговорил шепотом:

– Ну, Кешка, вернемся после войны в поселок, я тебе там все припомню.

– Дядя Витя, я тебя, конечно, уважаю, – прошипел комбат, подойдя к нему вплотную. – Но ты уже надоел! Ты чего такой упертый до невозможности? Чего тебе на месте не сидится?

– Не могу я иначе, Кеша, за ребят волнуясь, – зашептал Виктор Степанович. – Пустит в рейд. Обузой не буду.

– Ну, смотри, – недовольно покачал головой комбат и крикнул: – Комвзвода ко мне! – А потом показал глазами подбежавшему лейтенанту на Виктора Степановича: – Присматривай за ним, чтобы зазря на рожон не лез.

– Так точно, – козырнул лейтенант и сказал тихо, так чтобы слышал только комбат: – Не беспокойтесь, товарищ майор, приглажу. Мужик-то он опытный. Польза от него будет, несомненно.

– Ладно, – махнул рукой комбат. – Достань карту, лейтенант, глянем еще раз. Как пойдете?

– Это опорные пункты, в этих местах минные поля, а вот здесь ложбина, речушка протекает. – Лейтенант водил пальцем по карте. – Нам надо по ложбинке обойти ближний опорный пункт и выйти к ним в тыл.

– Что ж, логично, – признал комбат. – Ты что мыслишь, Степаныч?

– На месте сориентируемся, – уклонился от прямого ответа Виктор Степанович. Однако, взглянув на карту, добавил: – Да, действительно, в этом месте легче всего пройти. Но ведь и фрицы об этой ложбинке тоже, скорее всего, знают, могут какой-нибудь сюрприз приготовить в виде фугаса или растяжки на тропе. К тому же ложбинка неглубокая и хоть кустарником заросшая, но с высоты опорного пункта все равно хорошо просматривается. Наверняка пристрелянная.

– Так что предлагаешь?

– Ложбинкой пойдем, шагать не ползти, быстрее проскочим. Саперы первыми пойдут, если где мина или фугас установлены, так заметим, небось. А как проскочим этот участок, так сразу свалим к первым заграждениям и вдоль колючки пойдем. Здесь местность болотистая, а мы все в темной одежде. Иди различи, что там – обычная кочка или человек спрятался.

– А минные поля вдоль колючки?

– Фрицы сами же как-то ходят, не подрываются. Значит, проходы есть в минных полях. Будем искать.

– Ну, что, бойцы? – Комбат встал перед строем. – Попрыгали на месте. Ни у кого ничего не бренчит? Тогда слушай мой приказ. Вернуться всем живыми. Нале-е-во. В ночной рейд шаго-ом марш!

Спешным шагом усиленная автоматчиками разведгруппа уходит в ночь, потому что в этих местах ночь в июне особенно короткая и за несколько часов надо не только успеть выйти в запланированный квадрат, но и окопаться там. Бойцы идут груженные. У каждого, помимо автомата, в сидоре за спиной тройной боекомплект патронов, гранат. Их задача – пробраться в тыл противника, завязать бой, посеять панику, чтобы разведчики-артиллеристы засекли расположение огневых точек немцев, сообщили их координаты на батареи и, оставшись в тылу врага, корректировали артиллерийский огонь, до тех пор пока наши части не прорвут фронт. Либо пока их самих не убьют...

Перед саперами тоже поставлена важная задача: помимо подготовки схронов для разведчи-

ков, они должны выяснить, какие инженерно-заградительные сооружения построил противник, в каких местах и каким способом их лучше всего преодолеть нашим частям, когда они пойдут в наступление. А до окопов противника не так уж и далеко. Это удобно, когда вражеские окопы находятся рядом с нашими окопами. В этом случае самолеты не будут бомбить передовой край обороны, боясь попасть в своих. На то, что вражеские окопы совсем рядом, указывает первое заграждение, сделанное из закрученной спиралью колючей проволоки, подвешенной на рогатках в несколько рядов. Значит, отсюда до врага чуть дальше броска ручной гранаты.

Скрываясь за деревом, лейтенант с Виктором Степановичем рассматривали в бинокли опорный пункт противника – стоящее на невысоком холме приземистое сооружение из толстых бревен с узкими бойницами, опоясанное несколькими рядами окопов с пулеметными гнездами и проволочными заграждениями. Такую крепость наскоком не возьмешь. Но разведчикам вовсе не нужно идти в лоб на опорный пункт. Их задача – перейти незамеченными линию фронта и зайти фрицам в тыл.

– Ишь ты, навешали украшений. Видно, есть что скрывать, если спираль натянули вместо обычной колючки, да еще в несколько рядов, – шепчет Виктор Степанович. И, обернувшись, говорит Андрею и Петьке, стоящим позади него: – Мужики, сейчас к первому заграждению пойдем, один слева, другой справа, я по центру. Держите ножницы наготове. Режем проволоку в трех местах, расчищаем проход.

– Слышь, Степаныч, а в полусотне метров справа вроде нет никаких заграждений, – говорит лейтенант. – Чего там-то не идем?

– Потому что там минное поле. Пока будем разминировать, совсем рассветет.

– Понял.

– Сейчас проход освободим и вперед движемся, – говорит Виктор Степанович. – До окопов рукой подать, спящих бы не разбудить.

В это время со стороны опорного пункта противника взлетает осветительная ракета, выпущенная бдительным часовым, освещающая с высоты окрестности. Вроде все спокойно. Ни одного подозрительного движения. На всякий случай расколоть бы ночную тишину очередью из пулемета, причесав близлежащие кусты трассирующими пулями, да унтер-офицер, спящий в дзоте, опять будет гундеть, что разбудили его посреди

ночи. Поэтому ладно, убедился, что все спокойно, можно минут двадцать не суетиться, а прикорнуть одним глазом.

Этого времени до следующей осветительной ракеты нашим разведчикам вполне хватает, чтобы бесшумно преодолеть несколько десятков метров до окопов, перепрыгнуть через них и уйти к следующей линии вражеской обороны, до которой около сотни метров. И эту вторую линию окопов тоже надо преодолеть. Но здесь уже нет ни колючей проволоки, ни минных полей. Здесь всего лишь можно нарваться на часового или некстати вышедшего до ветру фрица. Здесь чувствуешь себя мышонком, пробирающимся между двух спящих котов. И если хоть один из них проснется, мышонку несдобровать.

К рассвету обе линии вражеской обороны и опорный пункт остались позади. Разведчики отметили по пути с десятков дзотов противника и несколько танков. Взвод расположился в редком лесу. Лейтенант выглянул из-за деревьев и внимательно осмотрел лежавшее перед ними неровное поле, изрытое воронками от снарядов и бомб. До рассвета надо успеть окопаться.

– Взвод, рассредоточиться. Приступить к рытью огневых точек. В полный рост копайте, чтобы надежно можно было укрыться. Нам здесь долго стоять. Степаныч, где твои ребята? Пусть мины в сотне метров от нас установят. На всякий случай. Да еще блиндажик надо бы начать строить из подручного материала. Пилить и рубить нельзя, фрицы услышат, а вот если поваленные стволы поискать...

– Так точно, товарищ лейтенант, – поддерживал его Виктор Степанович. – Трех парней отправлю мины ставить, остальные бревна поищут. Углубимся в землю на пару метров, сверху накат из бревен сделаем. Против бомбы – не знаю, а мину или снаряд спокойно выдержит.

– Виктор Степаныч, мы с Петькой разведчиков дальше проводим, заодно посмотрим, что там гансы понастроили, – подошел к нему Андрей. – Ты нас не жди. Если что, сами вернемся через пару дней.

– Я вам дам «через пару дней»! – погрозил ему кулаком Виктор Степанович. – Обустроивайте артиллеристов и мигом назад.

– Не переживай за своих парней, – успокоил его командир разведчиков-артиллеристов. – Если хотят, пусть с нами останутся. Вместе назад вернемся. Так надежнее.

– Ладно, уговорили, – махнул рукой бригадир. – Действуйте по обстановке. Осторожнее только там.

К утру Виктора Степановича сморил сон, но поспать удалось от силы полчаса. Солнце еще не выглянуло из-за верхушек деревьев, как далекий гул канонады известил о начале артиллерийской подготовки – самом верном признаке будущего наступления. Небо позади озарилось ярко-оранжевыми всполохами, огненный смерч пронесся над головой – это запели «катюши». Взрывы сотрясали землю. Виктор Степанович поднес к глазам бинокль и увидел, что снаряды ложатся не куда попало, значит, разведчики успели передать артиллеристам координаты целей противника.

Вскоре артиллерийский обстрел с нашей стороны прекратился. В голове Виктора Степановича вдруг невесть откуда возникла картинка: он будто воочию увидел, как далеко отсюда бойцы из его полка поднялись в едином порыве и побежали в атаку на вражеские окопы, чуть-чуть пригнувшись к земле, будто это может спасти их от смертоносных пуль. Они бежали вперед до тех пор, пока не затараторили вражеские пулеметы, и тогда они попадали на землю, лицом вниз, прячась за едва заметными бугорками, чтобы переждать огненный шквал, а как только он немного стихнет, вскочить и пробежать следующий отрезок пути, пока раскаленные от стрельбы пулеметы снова не заработают в полную силу. И тогда опять упасть на бегу и прижаться к земле, стараясь слиться с нею, и молиться мысленно Богу, и благодарить Его за то, что и на этот раз пронесло, и вражеская пуля не зацепила, и мина, разорвавшаяся рядом, лишь обсыпала комыями глины, а не рассекла живую плоть куском раскаленного металла.

– Началось, Степаныч, – прервал его видение и вернул к действительности комвзвода. – Ты давай иди в укрытие, а мы сейчас в атаку пойдем. Вон наша цель.

Метрах в двухстах от них за невысокими земляными брустверами были скрыты две гаубицы. Возле каждой из них суетился расчет из нескольких солдат. Вот уже снаряд в стволе, наводчик ближайшей гаубицы припал к панораме, наводя на цель. Сейчас гаубица дернется всем своим металлическим телом, изрыгнет из длинного жерла снаряд и...

– Вася, Коля, где ваши хваленые оптические приспособы? Взяли на мушки офицеров. Гото-

вы? Пли! Отлично. – Он смотрел в бинокль. – Бейте их, гадов. Остальные, слушай мою команду: без толкотни, без криков бежим вперед, рассыпались по полю. За мной! В атаку!

Он первым выскочил из окопчика и побежал по направлению к гаубицам, на бегу стреляя из автомата. Бойцы бросились вслед за своим командиром. Неожданность сыграла свою роль, позволила выиграть несколько самых важных, первых мгновений. Под прицельным огнем двух снайперов и автоматными очередями оставшиеся в живых фрицы запоздало открыли встречный огонь по атакующим и не смогли остановить наших бойцов.

А наступление полка захлебнулось. Противник обрушил на наступающих шквал артиллерийско-минометного огня, прошелся огненным смерчем по полю боя, в который раз перебуровав снарядами землю, смешав ее с кровью и кусками разорванных человеческих тел.

Вечером комполка собрал совещание в штабной землянке.

– Вот приказ командира дивизии. – Он потряс в воздухе листком бумаги. – Сегодня связист доставил. Плохо воюем, товарищи. Плохо. Так куда не годится. Нам какая задача была поставлена? Прорвать оборону противника на нашем участке и соединиться с выходящими из окружения частями 2-й ударной армии. Выполнили мы задачу? Нет! Понимаю, что враг оказывает упорное сопротивление, на то он и враг. А мы вместо решительных действий опять топчемся на месте.

– Товарищ подполковник, – подошел к нему дежурный и сказал шепотом: – Разведчики из ночного рейда вернулись.

– Это кстати, – кивнул комполка. – Пусть зайдут. Ну что, лейтенант? – впился он взглядом в разведчика. – Докладывай.

– Товарищ подполковник, вернулись из рейда. Потери – пятеро убитых, семеро раненых. Приняли бой, уничтожили две вражеские пушки. Противник подтянул танки, пришлось отступить. Разведчики-артиллеристы остались в тылу врага, чтобы корректировать огонь нашей артиллерии.

– Подойди покажи на карте: где танки видел?

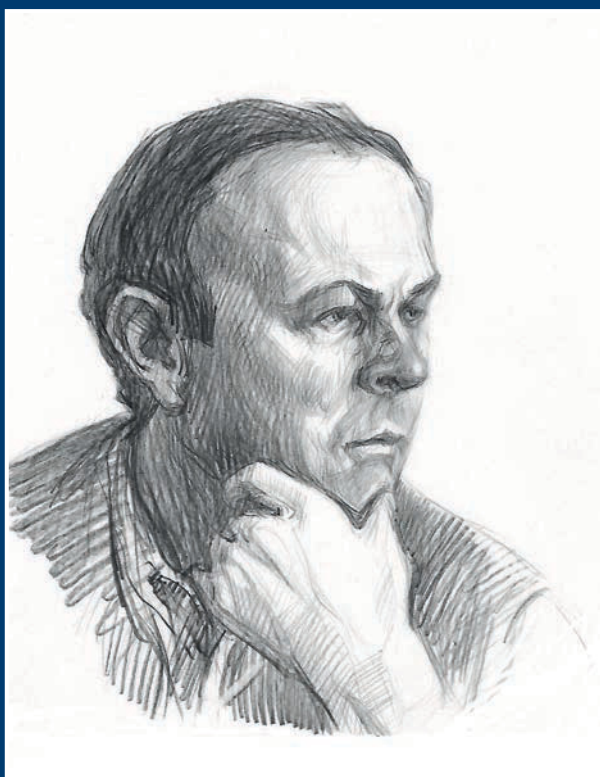
– Вот здесь, товарищ подполковник, два танка. – Комвзвода подошел к столу, на котором была расстелена карта боевых действий, и показал пальцем.

– Какие у них здесь заграждения?

Союзу писателей Кузбасса – 60 лет

Портрет А. Волошина. В. Кострицкий

Портрет В. Мазаева. О. Чибисова

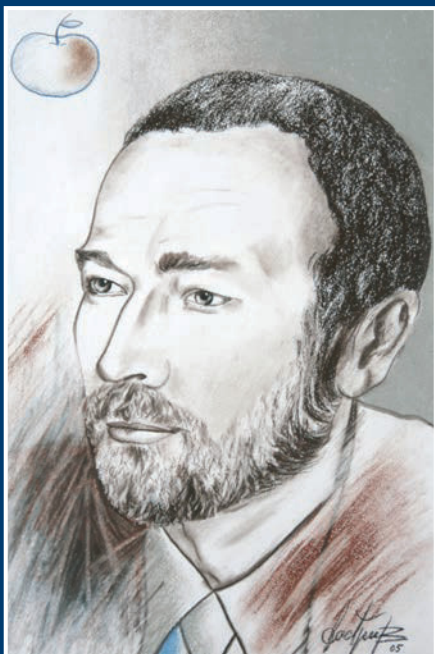

Групповой портрет В. Махалова, В. Баянова, Е. Буравлева.
Н. Бурцев

Портрет М. Небогатова.
В. Громов

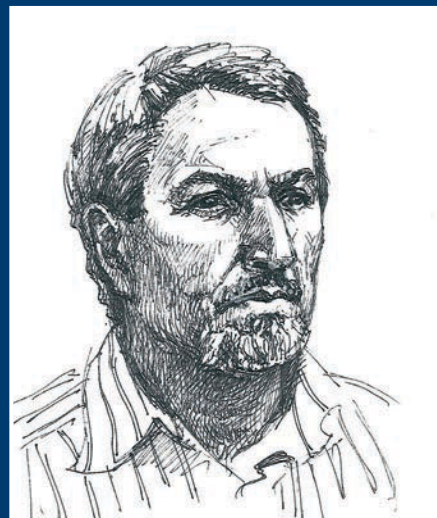
Союзу писателей Кузбасса – 60 лет

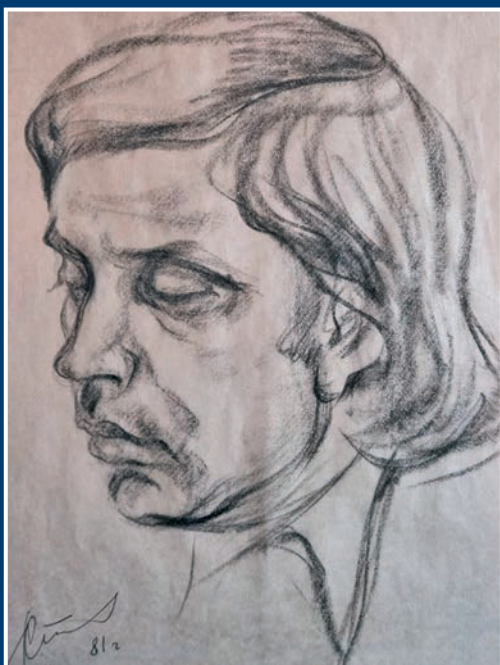
Портрет В. Зубарева.
В. Костицкий

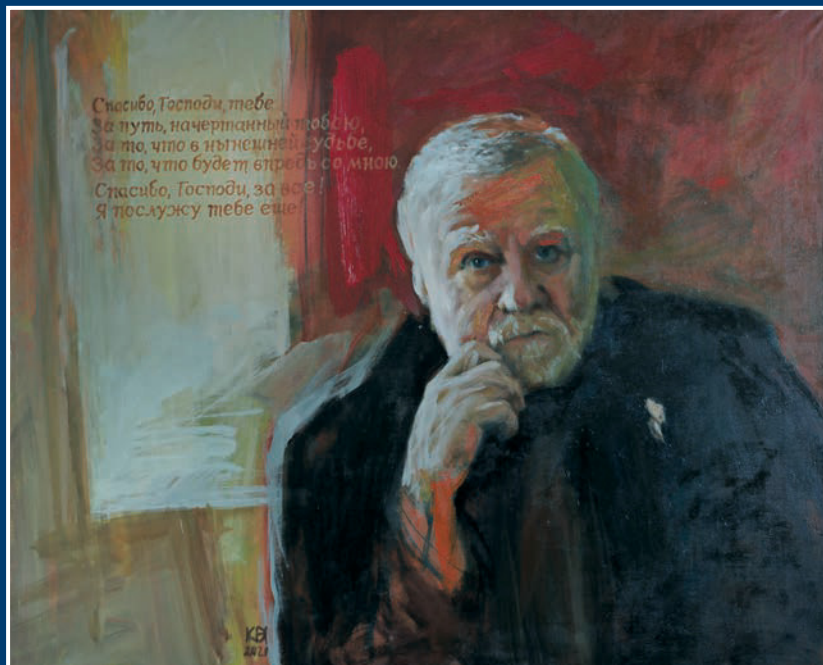
Портрет И. Киселева.
Г. Захаров

Портрет Н. Колмогорова.
О. Чибисова

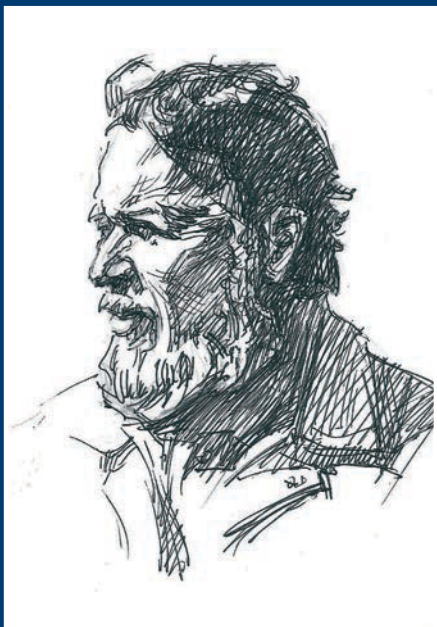

С. Донбай. Рис. Г. Степанова

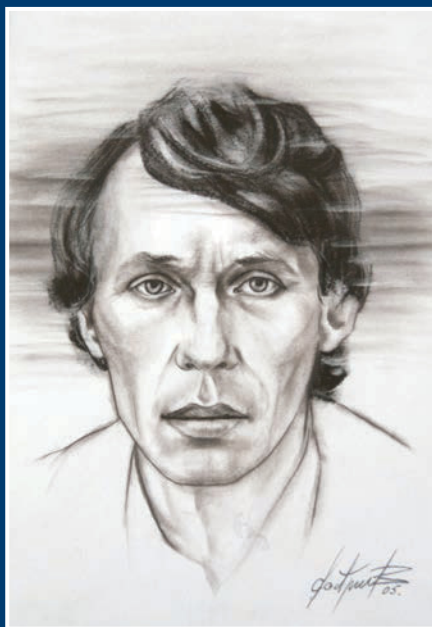

Портрет Б. Бурмистрова. В. Коробейников

Союзу писателей Кузбасса – 60 лет

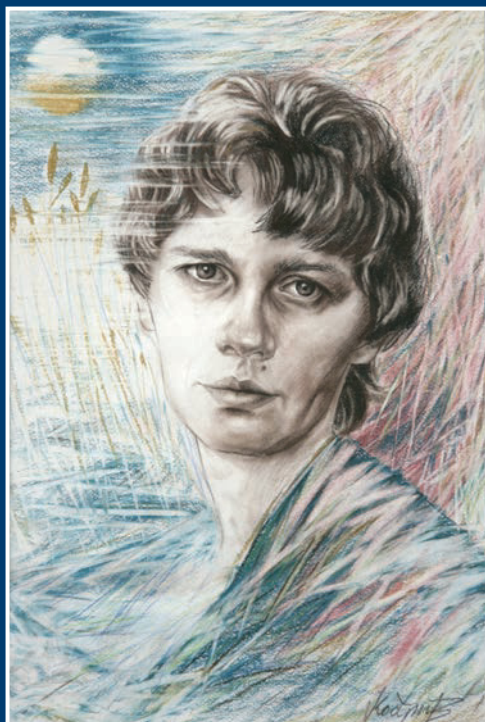
Портрет Г. Юрова.
О. Чибисова

Портрет В. Коврижных.
В. Кострицкий

Портрет И. Куралова.
В. Кострицкий

Портрет Л. Никоновой.
В. Кострицкий

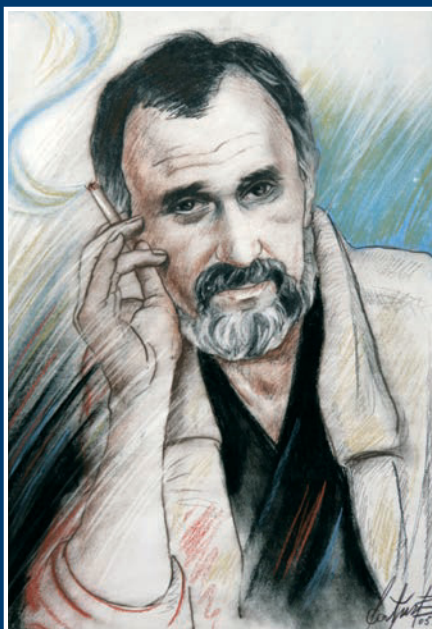

Портрет В. Крёкова.
Г. Писаревская

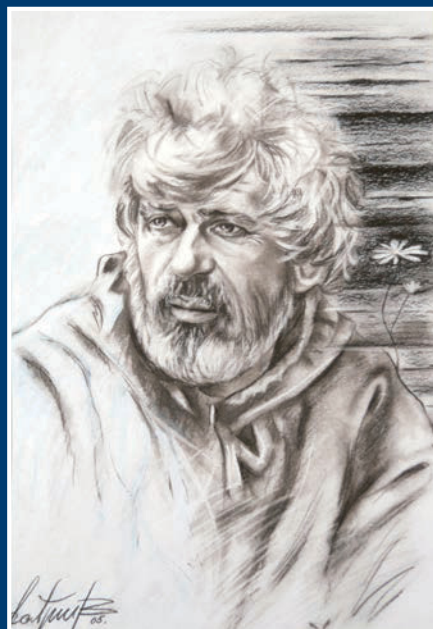
Союзу писателей Кузбасса – 60 лет

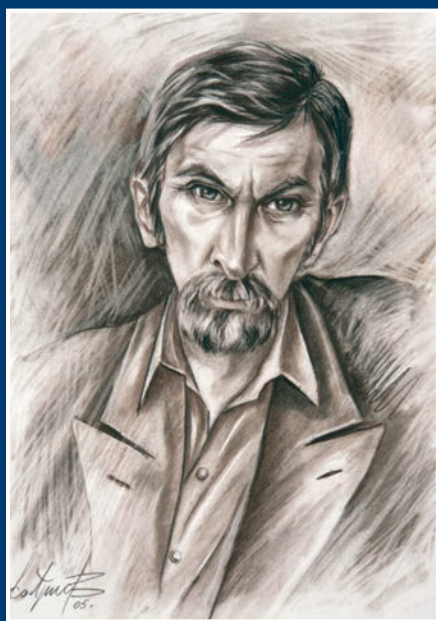
Портрет Л. Арбачаковой.
В. Кострицкий

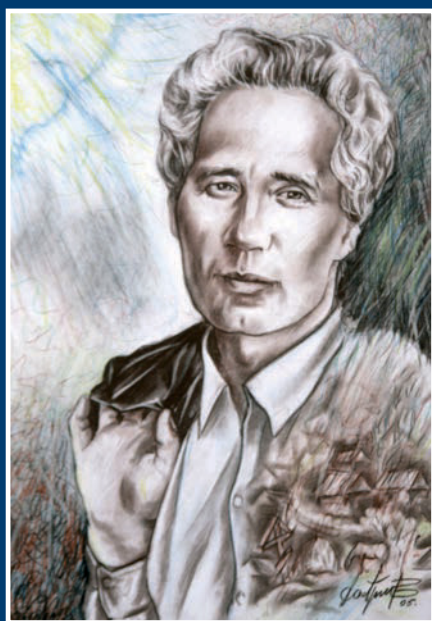
Портрет В. Бокина.
В. Кострицкий

Портрет Л. Гержидовича.
В. Кострицкий

Портрет А. Каткова.
В. Кострицкий

Портрет А. Иленко.
В. Кострицкий

Д. Мурзин.
Рис. С. Ивкина

– Товарищ подполковник, с нами в рейд саперы ходили. Они точнее расскажут.

– Ну так где они? Зови.

– Здесь, рядом. – Лейтенант подошел к двери, приоткрыл ее и крикнул: – Виктор Степанович, где ты? Зайди сюда.

– Сколько групп ходило в ночной рейд? – спросил комполка у начальника штаба.

– Три группы по сорок человек, товарищ подполковник. Эта группа возвратилась, об остальных двух группах пока сведений нет, но в местах их возможных дислокаций отмечалось усиление пулеметного огня. Возможно, они нарвались на противника и приняли бой.

– Понятно, – тяжело вздохнул комполка. – Продолжайте посылать разведчиков в ночные рейды. Усиливайте их автоматчиками. Только тактику поменяйте. Наступать в четыре часа утра в полной тишине, никакой огневой подготовки. Что выяснили по заграждениям? – спросил подполковник у вошедшего Виктора Степановича.

– Опорный пункт противника, расположенный прямо перед нами, окружен пятью линиями заграждений на глубину примерно двести метров. Заграждения в основном из колючей проволоки, но не везде. В некоторых местах спиральная колючка на рогатках натянута. Там, где просто колючка, вроде бы проще пройти, но сразу за нею начинаются минные поля. Можно предположить, что они хотят нас на минные поля заманить. В других местах мы минных полей не заметили. Это настораживает, такое ощущение, что об обороне они особо не думают. Возможно, потому минные заграждения не поставили, что сами планируют наступать.

– В штабе дивизии такого же мнения. – Комполка оглядел присутствующих. – Армейская разведка донесла, что противник подтягивает в наш район свежие части и бронетехнику. Сегодня получен приказ командира дивизии: укрепить оборону, построить новые дзоты, натянуть перед нашими окопами трофейную колючую проволоку. Возможно, противник готовится к масштабному наступлению, к прорыву фронта и соединению своих северной и южной группировок. А мы, получается, между ними находимся, как орех на сковороде, осталось молотком стукнуть...

Он помолчал несколько секунд, а потом добавил:

– Но это еще не все. С завтрашнего дня саперную роту в полном составе направляю на вос-

становление дороги. Работать днем и ночью. Для ее прикрытия, комбат, выдели роту автоматчиков.

Виктор Степанович вышел из штаба полка, когда уже окончательно стемнело. Небо серебрилось звездами.

– Дядь Вить, – донесся до него чей-то всхлип. – Дядь Вить. – Темная фигура отделилась от дерева и шагнула ему навстречу. – Это я, Надя.

– Здравствуй, Надюша. Ты чего здесь?

– Дядь Вить, – снова всхлинула Надя. – А Петя-то из рейда не вернулся. Убили его, да?

– Ты что такое говоришь? Жив он, с Андреем в схроне сидит. Мы там такой схрон соорудили, настоящий, таежный. В двух шагах от него будешь стоять и не заметишь.

– А когда они возвратятся? – не поверила его словам Надя.

– Да скоро уже должны появиться, – обнадежил ее Виктор Степанович. – Через два-три дня точно придут. Ты не переживай сильно.

– Ага, не переживай, – вздохнула Надя. – У меня ведь с Петей все серьезно. Мы пожениться хотим, когда война закончится.

«Вот ведь негодник, – подумал Виктор Степанович, – запудрил дивчине голову».

– Я ведь в положении, – опутив голову, еле слышно сказала Надя.

– Так чего тогда ждать-то? – проговорил Виктор Степанович. – Вот как только вернется он из разведки, так сразу и идите к командиру полка. Он вас и распишет.

– А так можно? – недоверчиво спросила Надя.

– Наверное, можно, а почему нет? – пожал плечами Виктор Степанович. – По крайней мере, попробовать надо.

А сам подумал: «Как там мои ребята?»

Андрей с Петькой, оставив разведчиков-артиллеристов наблюдать за противником, на обратном пути укрылись действительно в надежном схроне. Но выяснилось это не сразу, а под утро, когда они, проснувшись, вдруг услышали недалеко от себя немецкую речь, чьи-то шаги, треск ломаемых сухих веток. В их сторону полетели комки земли.

– Что там такое? – спросил Петька у Андрея, прильнувшего к щелочке в стене схрона.

– Тс-с-с, немцы, рядом с нами. Яму копают.

Петька потянулся к автомату, но Андрей остановил его взглядом и поднес к губам палец, мол, не время.

– Давай выясним все до конца, – шепнул он, наклонившись к Петькиному уху. – Двоих-то мы уложим, а если их там больше?

И впрямь, оказалось больше. В ленивый разговор двух немцев поблизости, заглушаемый шуршанием сыплющейся земли, вплетались и другие звуки: визжание пил, удары топоров, а также смех и возгласы других немцев – подалеже.

С утра и до самой ночи Андрей и Петька просидели в схроне и смогли вылезти только тогда, когда до их слуха перестала доноситься немецкая речь. Рядом со своим убежищем они увидели деревянную будку.

– Что это? – полюбопытствовал Петька.

– Похоже на сортир, – ответил Андрей.

– Зачем в лесу сортир?

– А вот для них. – Андрей кивнул на лесную поляну, уставленную большими брезентовыми палатками. – Гансы здесь лагерь разбили. Штабеля бревен видишь?

– Вижу.

– Так вот, похоже, это не бревна, а шпалы.

– Дорогу строят! – воскликнул Петька. – Может, похерить их сейчас всех из автомата?

– С ума сошел? Их здесь почти целая рота. Ну, положим мы каждый по десятку фрицев, сами погибнем. А нам сейчас никак нельзя погибать. Мы ценной информацией обладаем. Ждать надо, когда они отсюда уйдут. Тогда и будем пробираться к своим. Видишь, они ее в лесу тянут, чтобы с воздуха незаметно было. Да и тянут-то как – перпендикулярно нашей дороге.

Назначение строившейся немцами дороги было очевидным – подвоз материальной части, боеприпасов и фуража своим пехотным дивизиям и танковому корпусу, готовящимся окружить и уничтожить части 2-й ударной армии.

Трое суток сидели Андрей с Петькой в схроне, не высовывались, а на четвертые сутки немцы снялись с места и ушли дальше. Подождав еще пару часов, парни вылезли из своего укрытия, но не успели и ста метров пройти по тропе, ведущей к линии фронта, как столкнулись лицом к лицу с двумя немецкими солдатами. Те были без оружия, а Андрей и Петька – с автоматами в руках в полной боевой готовности. Необычная получилась встреча. Немцы замерли от неожиданности и смотрели на наших бойцов широко раскрытыми глазами.

– Фашисты? – спросил у них Петька на русском языке, качнув дулом автомата.

– Nein, nein! – Оба немца отрицательно покачали головами.

– Что они сказали? – Петька обернулся к Андрею.

– Говорят, что нет, не фашисты, – успокоил его Андрей. – Головами вон мотают. А ну-ка, покажите ладони. – Андрей вытянул вперед свою руку ладонью вверх. – Покажите вот так.

– Ja, ja, – закивали немцы и протянули к нему ладони.

– Видишь, Петька, у них мозоли. – Андрей показал дулом автомата на их руки. – Никакие это не фашисты. Такие же, как мы, трудяги, плотники.

– Вы плотники? Дорогу строите?

Видя, что его не понимают, Петька вытащил из-за спины засунутый под ремень небольшой плотницкий топорик и сделал несколько рубящих движений, давая понять, что они тоже плотники, саперы.

Неизвестно, что подумали немцы и как они истолковали Петькины жесты, но на их лицах появились жалкие подобия улыбок и они снова согласились закивали головами.

– По сути дела, вы наши камрады, так сказать, братья по топору и пиле, – сказал Петька и засунул топорик обратно под ремень за спину.

– Что вам делать у фашистов? – спросил Андрей. – Если вы плотники, такие же как и мы, так пойдемте с нами. Здесь недалеко. Не убивать же нам вас.

Он сделал жест в направлении тропы, и немцы послушно пошли вперед. Так они и двигались дальше – вроде и под дулами автоматов, и в то же время по собственному согласию.

На привале Андрей достал из вещмешка буханку хлеба, разделил ее на четыре равные части – себе, Петьке и немцам. Потом достал фляжку со спиртом.

– За нашу плотницкую судьбу, – провозгласил он, сделал большой глоток и передал фляжку Петьке.

– Правильно поступили, мужики, что на нашу сторону перешли. – Петька тоже сделал большой глоток и передал фляжку немцам. – Хлебните для поддержания сил.

Уже под вечер они перешли через линию фронта по ложине, заросшей кустарником, и вернулись в расположение своей части.

– Вы зачем их сюда приволокли? – Увидев немцев, ротный сделал круглые глаза. – Там, на месте, что ли, не могли в расход пустить?

– Да как же это – в расход? – недоуменно уставились на него Андрей с Петькой. – Они такие же, как мы, плотники, строители. Они же не фашисты. У них руки в мозолях.

– И что мне теперь с ними делать? – Ротный вопросительно поглядел на Виктора Степановича.

– А ты их оформи как перебежчиков, – посоветовал тот. – Отправят в тыл, и дело с концом. А нам знаешь какая будет пропаганда! Представь себе: немцы из своих окопов бегут, к русским переходят.

– И то правда, – согласился Ротный, но с каким-то грустным выражением лица. – Эй, дежурный, отведи их на кухню, пусть накормят, а потом в штаб полка отправь под охраной. Так что там твои молодцы выяснили по поводу заграждений? – спросил он у Виктора Степановича.

– А то и выяснили: свою дорогу фрицы прокладывают поперек нашей дороги. Им ведь тоже надо боеприпасы и технику своим частям подвозить. Скоро наши дороги пересекутся.

– Ну, это мы еще посмотрим, – хмыкнул ротный. – Говори координаты этой дороги. Отправляю их артиллеристам. А после самолеты на них наведем.

Вот уже больше недели саперная рота, выполняя приказ командира полка, продолжала и днем и ночью восстанавливать дорогу, разбитую вражеской артиллерией и бомбежками. Бойцы валились от усталости, спали урывками. Два взвода автоматчиков заняли позиции по обе стороны от дороги в пятидесяти метрах и продвигались вперед вместе с ними, защищая строителей от автоматчиков противника, постоянно атакующих группами от нескольких человек до взвода.

Свистели над их головами пули, ухали взрывы, бог войны собирал кровавую жатву. Трудно было уцелеть в этом аду, а ведь надо было не просто уцелеть, надо было и дорогу строить. Соленый пот заливал глаза. Мышцы болели от чрезмерного напряжения, ноги подкашивались от усталости, но солдаты метр за метром продвигались вперед, распиливали двуручными пилами сучковатые бревна, укладывали их на земляную насыпь, сверху скрепляли между собой поперечными брусками, придавливали бревнами, чтобы дорога не играла, когда по ней пойдут груженные машины и, возможно, танки. На кровоточащие мозоли и многочисленные занозы никто уже не обращал внимания, радуясь тому, что жив еще, что пуля не зацепила, что горячий осколок мимо пролетел.

После целого дня тяжелой работы под непрекращающимся обстрелом противника утомленные бойцы спали вповалку в воронке от авиабомбы. В такие моменты солдатские сны начинают жить сами по себе, так переплетаясь между собой, что уже не понять, кому какой сон принадлежит.

Вот Виктор Степанович стоит на высоком берегу реки и думает, что, как только вернется с войны, сразу начнет строить для дочки большой, просторный дом под железной крышей. И будет стоять тот дом целый век, и вырастут в нем и внуки, и правнуки. Ведь и место уже присмотрел, вот как раз здесь, на разноцветном лугу, недалеко от рощицы, где бьет из-под земли прохладный ключ, где дышится легко, где ширь небесная и простор земной встречаются друг с другом и радуют глаз. А рядом с этим его домом Андрей пасеку заложил, что-то там мастерит, улья на луг выставил. В каждом деревянном домике живет пчелиный рой – дружная семья, и янтарный мед каплет с сотов на краюху свежее испеченного хлеба с подрумяненной корочкой. Рядом с Андреем стоит жена его Полина с маленькой дочкой на руках – радуются утреннему солнышку. Поодаль от них Сашка возле яблоньки молодой, им в прошлом году посаженной. Яблонька-то уже отцвела белым цветом, пчелками опылилась, из завязей, сейчас еще крохотных, к осени вырастут яблоки – на радость ребятишкам. Да и яблонька, глянь-ко, уже не одна, а целый яблоневый сад. Между яблоньками Петька прохаживается вместе с Надеей, а она ведь нездешняя. И ведь не побоялась дивчина, приехала к ним в поселок, что в Алтайских горах посреди тайги находится, значит, это не просто так, значит, это любовь.

Вот уж и длинные столы установлены и накрыты белыми скатертями, и много на них разложено всякой разной еды и питья, на любой вкус. К столам подходят люди в праздничных белых одеждах. Вот Борька с Григорием подошли, а за ними молодой младший лейтенант из второй роты, в прошлом месяце на противопехотную мину наступивший. И Тимофей с соседней улицы с матушкой своей Анной Матвеевной здесь же. Жена Евдокия в последнем письме написала, что постарела Матвеевна, как-то разом осунулась, когда похоронку на Тимофея получила. А рядом с ними дедушка Федот Матвеевич и бабушка Агафья Ивановна, молодые такие. В общем, вся улица на этот праздник собралась. Солнце-то как ярко светит. И мысли, словно раз-

ноцветные бабочки, порхающие с цветка на цветок, перелетают из одного сна в другой. Но рядом с радужными мыслями-бабочками проносятся тревожные мысли-осы: ведь Борьку с Гришкой в прошлом бою убило, да и младший лейтенант, имени которого не запомнил, тоже погиб. А ты не забыл, что в этой березовой роще – кладбище поселковое? И большие черные птицы, парящие в высоком небе над холмом, – это не птицы вовсе, а самолеты вражеские, несущие смерть.

Вдруг исчезли и накрытые столы, и люди, вместо них Виктор Степанович увидел огромное поле, все уставленное пчелиными ульями. Внезапно ветер буйный налетел, перевернул все улья, и вмиг взлетело в воздух множество расстроенных пчел, и все пространство оказалось заполненным этими злыми пчелами, и несмолкаемый гул пошел по округе от их рассерженного жужжания. И сразу же раздались крики ужаленных этими пчелами солдат – кончилось затишье между боями, прорвавшиеся к дороге автоматчики противника стреляли, не жалея патронов, и вновь перекрыли с таким трудом удерживаемый проход, по которому все еще продолжали выходить обескровленные части 2-й ударной армии.

16

В рваных, замызганных фуфайках, в грязных, давно не стиранных гимнастерках, пропитанных потом и кровью, своей и чужой, в стоптанных кирзовых сапогах, а то и босиком шли нескончаемой колонной взятые в плен бойцы окруженной армии. Шли под дулами немецких автоматов. Источенные лица, заросшие грубой щетиной, изодранные, грязные шинели, на головах у кого шапки-ушанки, хотя давно уже лето, а у кого пилотки.

Везде разгром и разруха. Вдоль просеки там и сям видны искореженные взрывами пушки, сгоревшие остовы машин, танки со скинутыми гусеницами, оторванными башнями, обгоревшими трупами танкистов на черной обожженной броне. По железной дороге-узкоколейке, проложенной посреди просеки, уже не ходит ни дрезина, ни маленький паровозик с парой-тройкой вагонов. Рельсы, во многих местах развороченные взрывами бомб, вздыблены вверх и торчат, как гигантские вилы, в разные стороны, обгоревшие шпалы валяются по обе стороны от дороги. Только какой-то раненый солдат передвигается на карачках в сторону русских позиций.

«Пусть себе ползет, – думает немецкий офицер, куря папироску, и смотрит на раненого безразличным взглядом. – Далеко все равно не уползет. Вон их сколько нынче осталось лежать по обе стороны железной дороги – разутых, раздетых, вспухших, гниющих. Даже если и хватит у него сил добраться до переднего края, там какой-нибудь другой солдат вермахта приколет его штыком, если жалко будет тратить на него пулю. Немецкая пуля сейчас ценнее жизни русского солдата».

Офицер докурил папироску и ушел в дзот, где в железной печке горит жаркий огонь, а в стоящем на плите котелке варится кофе. Жаль только, что нерадивые поставщики гонят на фронт вместо настоящего бразильского кофе дешевый суррогат, да и снапс выдают не такого качества, как в Берлине.

А раненый русский солдат все ползет и ползет дальше, падая и снова поднимаясь на локтях и коленках. Мимо него прошли беженцы – старушка в старой фуфайке с торчащими из многочисленных дыр кусками грязно-серой ваты, в коричневато-сером платке и с батожком в морщинистой руке, а за ней серьезный мальчик годков не более двенадцати, в штопаном-перештопаном пальтишке и мятой кепке, и девочка лет пяти, в ситцевом платьишке и плисовой курточке, с одноногой куклой в руках. Волосы девочки аккуратно заплетены в две косички. У мальчика в руках узелок. Мирные жители ушли от войны в леса, болота. Но война нашла их и здесь. И снова стоит перед ними в страшном громе орудий, невыносимом вое пикирующих бомбардировщиков, сотрясающих землю разрывах бомб.

– Куда ползешь, дурень?! – слышится крик. – Оставайся с нами! – Красноармеец в грязной гимнастерке, без ремня, машет ему рукой. – Все равно околеешь как собака.

Раненый не слышит или делает вид, что не слышит, ползет себе и ползет вперед, сбивая коленки и локти о занозистые шпалы, падает, переводит дух, утирает рукавом грязное лицо и снова ползет, ползет. Заглянуть бы в его глаза да увидеть, что в них: вера или отчаяние? безысходность или надежда? безразличие ко всему происходящему и отупение от всего, что пришлось пережить? Да вот только все ли довелось пережить? Пуста ли у Господа Бога корзина испытаний или осталось еще что-то на ее дне? Солдат ползет дальше в надвигающуюся ночь,

оставляя за собой на шпалах кровавый след. Хватит ли ему крови добраться до своих?

Здесь никому ни до кого нет дела. Это не плен. Это просто территория, занятая противником. Противник – он ни плох, ни хорош. Он просто противник. И немецкий солдат, несущий службу у блиндажа на передовой, думает точно так же, как ползущий мимо него раненый русский солдат, голодный, обессиленный. Немецкий солдат, стоящий в охране, понимает, что эта территория хоть и занята немецкими частями, но она не их территория. И поэтому он не может чувствовать себя в безопасности. На этой земле есть не только немецкие солдаты, но и русские. И неважно, ползут они обессиленные или идут в полный рост.

Немецкий солдат не зверь. У него тоже где-то далеко есть старая матушка, есть жена-красавица с дочкой и сыном. И все они ждут своего героя домой с победой. Ночь сгущается. Раненый русский солдат, истекающий кровью, все еще ползет по искореженной железной дороге, для него дороге жизни. Немецкий солдат, несущий караульную службу, оглядывается на шорох, видит раненого русского солдата, вздыхает, как бы даже сожалел о том, что вот сейчас ему придется убить этого глупого русского, ползущего домой через всю войну. Не по злобе, а просто потому, что так надо. Но как надоел этот грохот взрывов и свист пуль! Так не хочется нарушать хрупкую тишину! Он забрасывает автомат за спину, достает нож и направляется к раненому, чтобы сделать то, что положено сделать ему по уставу, что необходимо сделать, чтобы старенькая матушка дождалась сыночка с этой проклятой русской войны, чтобы милая сердцу жена обняла его крепко-крепко. Чтобы все это случилось, он идет не торопясь к раненому русскому солдату и в его руке холодным металлом поблескивает нож. Ему остается сделать всего несколько шагов, как вдруг хрупкая тишина разлетается вдребезги от хлесткого пистолетного выстрела. Немецкий солдат не сразу понимает, откуда этот выстрел, и почему так сильно вдруг заболело сердце, и что это такое теплое и липкое стекает вниз по груди.

Виктор Степанович корит себя. Надо же было повстречаться с этим фрицем! Ведь немного уже оставалось до передовой, дополз бы как-нибудь, зачем стрелять-то? Нож ведь есть. Нож-то есть, да вот только сил не осталось этим ножом воспользоваться. Ну, а теперь уж не зевай,

улепетывай с дороги. Он переваливается через рельсы и где ползком, где на карачках устремляется к ближайшим деревьям, до которых вроде бы и рукой подать, но ему, кажется, надо целую жизнь потратить, чтобы преодолеть эти несколько десятков метров.

А за спиной уже слышится топот сапог, это выбегают из блиндажа немцы и вскидывают автоматы, вспарывают огненными очередями окружающее пространство. Виктор Степанович падает в болотную грязь и некоторое время лежит без движения, переживая огненный смерч, затем ползет по вязкой грязи вглубь болота, чувствуя, как болотная жижа обволакивает его слабеющее тело.

17

В конце июля, когда советские бойцы уже перестали выходить из окружения, член Военного совета Волховского фронта докладывал начальнику Главного политуправления Красной армии, что в целях предоставления краткосрочного отдыха утомившимся за год войны руководящим работникам Волховского фронта постановлением Военного совета фронта организован пятидневный дом отдыха. При доме отдыха имеются: парк, пляж, водная станция с лодками для катания, волейбольная площадка, площадка для городков и крокета, велосипеды, библиотека, звуковое кино, бильярд, музыкальные инструменты, шахматы, шашки, домино. Для отдыхающих будут устраиваться концерты силами самодеятельности и культбригад политуправления фронта, квалифицированные доклады о международном положении. Общее количество отдыхающих – пятьдесят человек в смену. Они размещаются в больших комнатах, оборудованных мягкой мебелью. При доме отдыха имеется своя электростанция, водопровод и канализация. Питание производится по санаторным нормам, по ресторанной системе. Обслуживающий персонал установлен в сорок человек, в том числе: четыре врача, двенадцать старших медсестер, восемнадцать санитарок, два повара, один киномеханик, два шофера.

В дом отдыха направляются члены военных советов армий, командиры и комиссары корпусов, дивизий, бригад, начальники политотделов корпусов, дивизий, бригад, начальники и комиссары управлений и отделов армий и фронта. Персональный отбор производится командованием штаба фронта, военными советами армий

и командованием корпусов. За лето основные кадры руководящих работников смогут побывать в доме отдыха, привести себя в порядок и запастись свежими силами для новых битв.

Примерно в то же время в небольшом поселке далеко от фронта сидел в своем кабинете за рабочим столом, подперев голову руками, районный военком Прохор Егорович. Было видно, что он чем-то чрезвычайно удручен. На столе перед ним лежала похоронка. Он знал, что это уже вторая похоронка, пришедшая одному человеку. Совесть скребла его изнутри, грызла, подобно волку изголодавшемуся: «Зачем ты у одинокой женщины обоих сыновей забрал? Ты ведь прекрасно понимал, что в этой мясорубке выжить им будет непросто. Знал, что на смерть ребятушек гонят».

Мысли продолжают лезть в голову, их не остановить: «Над этой женщиной советская власть и так поиздевалась. Всю семью под корень выкорчевала: и отца, и брата, и мужа. За что? За подрыв авторитета руководящего работника. А то, что этого горе-руководителя самого под расстрел подвели через год, так об этом никто и не вспомнил. И вот теперь он свою ложку дегтя в пустую бочку, где и меда-то уже не осталось, плюхнул от души».

— Эх, весна-красна, всем ты хороша, только мне не в радость. Чувствую себя корешком отмирающим, который уж никогда более побегов зеленых не даст.

Матвеевна прикрыла волосы темным платком, вышла во двор, отвязала от плетня козу.

— Пойдем, Милка, пойдем, — прошептала она, выходя за ворота. — Одна ты у меня осталась.

За калиткой улица широкая, навстречу соседская девчонка бежит — Аленка, еще не школьница, но уже взросленькая, смышленная.

— Здравствуй, бабушка Аня! — И к козе наклоняется: — Здравствуй, Милка. А я про тебя сегодня сказку сама читала. Про семерых твоих козляток, которых волк сначала съел, а потом как стал через костер прыгать, так у него брюхо-то и лопнуло, и все козлятки оттуда живехонькие выскочили.

— М-м-м, — ответила ей Милка и затрясла жидкой бородкой.

— Аленушка, а хочешь, я тебе Милку подаю? — вдруг спросила Матвеевна. — Ты будешь

за ней ухаживать? На луг ее отводить, водицей поить?

— Правда? — Аленка от радости захлопала в ладоши и запрыгала. — Ой, бабушка Аня, спасибочки! Я тебе за это все чашки-ложки перемою и воды из колодца натаскаю.

— Ладно, Аленушка, ладно, натаскаешь, — согласилась Матвеевна и протянула ей конец веревки, к которой была привязана Милка. — А мамке скажи, что баба Аня козу просто так отдала. Мне она уже не нужна. А вы с молоком будете, пока папка ваш на войне воюет. Приглядывайте только за ней.

Поплакала Анна Матвеевна, получив похоронку на второго сына, на младшенького, да и успокоилась. Вот только соседи, удивлявшиеся ее душевной стойкости, все чаще замечали, что странной какой-то она стала, отрешенной, задумчивой. На улице встретишься с ней — так может пройти и не заметить, пока не окликнешь.

Евдокия Афанасьева по-соседски чаще всех навевывалась к ней, приходила вроде по делу — то приправы для щей попросить, то еще чего-нибудь — и в то же время супчику в кастрюльке принести, каши с мясом, видела ведь, что из печной трубы дым не валит, значит, опять печь не топила, значит, опять весь день голодная ходит, морит себя. Единственную козу соседской девочке Аленке отдала. Мамка Аленкина, Татьяна, тут же прибежала разбираться, а Анна объяснила, что силы уже не те, так и не взяла козу. Теперь Татьяна козу доит и каждый день молоко ей носит в крынке, но недавно жаловалась Евдокии, что утром принесет молоко, потом вечером придет с вечерним надоем, а утрешник даже не тронут. Наказывать стала Аленке, мол, ты, дочка, принеси бабе Ане молоко, но не убегай сразу, а сама в кружку налей и не уходи, пока она не выпьет. Она ведь думает, что мы не замечаем, что от нее только кожа да кости остались.

В то воскресное утро Евдокию терзало какое-то непонятное чувство, будто что-то должно случиться. И вдруг поняла причину своего беспокойства: Матвеевна с утра ни во дворе, ни на улице не появлялась.

— Анна, где ты? Куда спряталась? — Евдокия вошла во двор соседки.

«Первый раз такое. Не сотворила бы с собой чего-нибудь», — думала она, прислушиваясь. Все тихо. Однако показалось ей, что чей-то голосок, тоненький такой, писклявый, откуда-то доносится.

– Анна, где ты?

Евдокия толкнула дверь в хату, вошла внутрь. В доме никого не было, но как будто холодом потянуло: понятно, печь давно не топлена, наверное, из подпола несет.

Евдокия вышла во двор, заглянула в хлев. Там лишь несколько пестрых курочек, подкудах-тывая, собирали рассыпанные на земле зернышки да старый петух с поблекшим гребнем, свесившимся набок подобно красной тряпочке, как-то печально ходил между ними.

– Анна, ты где? – еще раз крикнула Евдокия.

– Дуня, я здесь, – донеслось до нее слабое всхлипывание.

– Да где ты есть-то?

Евдокия снова замерла, прислушиваясь. Оглядела двор. Никаких следов. Подошла к забору, отделявшему хлев от огорода.

Огород зарос высокой травой. Получив еще первую похоронку, на старшего сына, Анна совсем огород забросила, даже картошку не посадила. Грядки с зеленью тоже заросли сорняками. Однако в одном месте трава примята: кто-то прошел по ней не так давно. А ведет этот след к старому заброшенному колодцу, из которого давно уже никто не брал воду.

Увидев откинутую крышку, Евдокия почувствовала, как холодные мурашки побежали у нее по спине. Бросилась к колодцу, не обращая внимания на то, что высокая крапива обжигает голые до колен ноги, обутые в старые калоши, склонилась над отверстием и заглянула в колодезную темноту. Анна с распущенными волосами стояла по пояс в воде, обхватив себя за плечи руками, снизу вверх смотрела на Евдокию и всхлипывала.

– Держись, подруга, сейчас вызволю тебя!

Евдокия сбегала во двор, схватила длинную лестницу, прислоненную к дому, притащила ее к колодцу и спустила вниз.

– Вылезай!

Анна вылезла из колодца мокрая, дрожащая, вся в грязи.

– Пойдем ко мне, у меня баня протоплена, – обняла ее Евдокия и повела с собой. В предбаннике она посадила Анну на лавку, достала из шкафчика бутылку с настойкой, налила полстакана и протянула соседке: – Выпей и успокойся. Да хватит дрожать, заходи в баню, и я с тобой. Рассказывай, что случилось.

– А мне ведь так хорошо, – вдруг улыбнулась Анна. – Представляешь, ко мне сын с войны вер-

нулся, младшенький мой. Только ты не говори никому. Нельзя ему на люди показываться, а то его опять от меня уведут.

В первый момент Евдокия буквально оторопела от ее слов:

– Как узнала-то?

– А я еще ночью поняла, что жив он, что он вернулся, – продолжала Анна. – А как утром вышла во двор, курочкам зерна дать, вдруг слышу – зовет меня, тихо так: «Мама, мама, я здесь, я раненый, помоги мне, мама». Ну, я на голос-то и пошла. А он в старом колодце скрывался, чтобы не нашли его. Гнались за ним, он и нырнул туда, спрятался. Он у меня умненький. Я как подошла к колодцу, крышку-то откинула, сразу его и увидела. Голова у него перевязанная, бинты уже старые, красные от крови. Я поняла, что мне надо к нему, чтобы помочь. Да, видать, ушиблась, когда в колодец прыгнула. Пришла в себя, а его уже нет, значит, перепрыгнул. Ты только не говори никому.

– Никому не скажу, – пообещала Евдокия.

В это время скрипнула дверь и в баню заглянула Настя:

– Мама, это ты здесь? О, тетя Аня, здравствуй.

– Здравствуй, Настя.

– Мама, я сегодня к подружкам хотела пойти, песни новые в альбомы будем записывать.

– Иди, иди, дочка, – как-то быстро согласилась Евдокия. – Мы сегодня тоже с тетей Аней к Полине в гости сходим. Если что, не теряй меня... А давай правда сходим к Полине, – предложила Евдокия, выпроводив Настю из бани. – Сейчас помоемся, переоденемся. Ты домой не ходи, я тебе свое платье подарю, помнишь, то платье, на которое ты заглядывалась. Вот его и наденешь.

– Да зачем мне сейчас платье? – вздохнула Анна.

– Как зачем – чтобы красивой быть! – напирала Евдокия. – Видишь, Настька к подружкам ушла, Вовка весь день с ребятишками соседскими бегают, домой за полночь приходит. А мы с тобой чем хуже? Сейчас к Полине пойдем. Я наливочку с собой захвачу, девичник устроим.

Полина была дома вместе с Варварой Авдеевской. Увидев неожиданных гостей, они обрадовались – сразу к столу пригласили. Так уж заведено в русских селах: прежде чем гостя расспрашивать, борщом наваристым его накорми или что там еще в печи томится. Но прежде рюмочку

поднести следует, потому что сухая ложка рот дерет, да и для аппетита, а потом уже на сытый желудок беседы ведем.

— А ко мне сегодня сыночек младшенький вернулся, — выпив, разоткровенничалась Анна.

Полина от ее слов чуть не поперхнулась, а Варвара Авдеевна ничего не сказала, только внимательно на Анну посмотрела.

— Вы только никому не говорите, — попросила Анна.

— Не переживай, голубушка, никому не скажем, — ответила за всех Варвара Авдеевна. А потом обратилась к Евдокии: — Дуняша, помоги мне во дворе...

Они вышли, и Варвара Авдеевна сразу спросила напрямик:

— Что случилось? Рассказывай.

— А что рассказывать? — ответила Евдокия. — Из колодца ее сегодня вытащила, говорит, сын позвал. А завтра она к реке пойдет, в омуте его увидит. Что делать-то, баб Варь?

— Это ее нечистый будоражит. Пропадет девка.

— Баб Варь, а ты поможешь?

— Попробую, — кивнула Варвара Авдеевна. — От испуга надо лечить. Сейчас как раз луна полная, скоро на убыль пойдет.

Они вернулись в дом. Варвара Авдеевна подошла к Анне, положила руку ей на плечо:

— Что-то ты, девонька, неважно выглядишь. Забота на лице. Как сына-то будешь встречать? Восстановиться тебе надо. Ты не против, если я тебе жизненных сил чуток прибавлю? Пройди сюда к печке, присядь на табуреточку. — Варвара Авдеевна показала ей на маленький, почти детский стульчик. — Не смотри, что низенькая, не сломается. Платок сними.

Она поставила на горячую плиту небольшой ковшик, бросив в него несколько кусочков пчелиного воску, а в алюминиевую чашку, стоявшую на столе, налила холодной воды.

Когда воск расплавился, превратившись в коричневую жижу, она взяла ковшик в одну руку, а чашку с водой в другую и, держа их над головой Анны, зашептала какие-то слова. Одновременно с этим она лила тонкой струйкой воск в холодную воду. Закончив шептать, она достала из чашки кусок воска, напоминавший теперь некрасивый неровный горб какого-то фантастического чудовища с запутанными переплетениями длинной шерсти и торчащими шипами. А может, это была пасть хищного зверя — с клыками не то медведя, не то волка.

— Видишь, что у тебя в голове творится? — Варвара Авдеевна показала восковую фигурку Анне. — Это все твои страхи и ненужные переживания. Выкинь все это из головы. — Она взяла тупой нож и, водя им над головой Анны, снова зашептала что-то.

Сидевшие на скамейке Евдокия и Полина молча наблюдали за всеми этими действиями, а Анна и вовсе заснула. Когда же она открыла глаза, Варвара Авдеевна вдруг предложила ей:

— А ты поживи у меня недельку, чего туда-сюда мотаться? Лечить-то надо не менее трех дней, утром и вечером.

— Да как же, а дом, хозяйство? — неуверенно проговорила Анна.

— Так девчонки помогут. — Варвара Авдеевна показала рукой на Евдокию и Полину. — Поможете?

— Да разговоров нет, конечно, поможем, — с готовностью подтвердили те.

— А у меня же еще работа.

— Татьяну, соседку, попросим тебя подменить. А сами на пасеку с тобой съездим.

Вечером на пасеке, вдали от людей, Варвара Авдеевна с Анной сидели у окна за столом при подергивающемся красноватом свете керосиновой лампы. Ходики с двумя гирьками, висевшие на стене, показывали без четверти полночь. В оконном стекле отражались увеличенные в размерах изображения суровых королей, коварных дам, легкомысленных вальсов. Варвара Авдеевна разложила на столе колоду карт.

— У тебя ведь раньше волосики светленькие были? — поинтересовалась хозяйка у Анны, которая сидела рядом с ней с распущенными косами — уже сильно тронутыми сединой.

— Каштановые, — ответила Анна. — Бабушка, когда на меня гадала, всегда трефовую даму брала.

— Я тоже трефовую даму выбрала, — успокоила ее Варвара Авдеевна. — На нее будем гадать.

Анна смотрела на карты и слушала Варвару Авдеевну, тихим голосом говорящую о том, что было, что будет, чем сердце успокоится. Анна знает: карты не врут. Она ждет последней карты, которую сейчас откроет гадалка, и от того, что это будет за карта, зависит очень многое. Выпал король пик, самый главный в колоде.

— Хм, не знаю даже, что и сказать.

Варвара Авдеевна смотрит долгим пристальным взглядом на карты, изучает их взаимное расположение. Ведь в гадании важно не только то, какие карты легли, но и в каком окружении. Бывает, что туз пиковый прямо на сердце упадет, и тут хоть сразу ложись и помирай, но поглядишь внимательнее, какие карты лежат снизу и с боков, и понимаешь, что все не так страшно.

Анна смотрит не на Варвару Авдеевну, а на ее неестественно большие руки, отражающиеся в оконном стекле, и замечает, как чья-то тень за окном промелькнула. Но, может, это и поглазилось, все-таки ночь уже на дворе.

— Карты говорят, что все у тебя наладится, милая, — вещает Варвара Авдеевна. — Было у тебя испытание — вот оно. — Гадалка касается указательным пальцем одной из карт. — Дорога выпала, но странно, не тебе, а к тебе. Ждет тебя радость, приедет к тебе гость, но гость не из казенного дома.

— Это сыночек мой младшенький вернется, — поясняет счастливая Анна, и Варвара Авдеевна уже не рада, что стала гадать ей на судьбу, опять разбередила еще не зажившую рану, опять вселила надежду.

— Спать пора, поздно уже.

Хозяйка собирает карты, а сама думает: «Карты же не врут. Вдруг действительно вернется ее младшенький с войны, вдруг по ошибке прислали похоронку? Случались же случаи, что возвращались бойцы с войны нежданно-негаданно».

— Ложись, милая, и не думай ни о плохом, ни о хорошем, — говорит она гостье. — Просто постарайся уснуть.

Анна ложится в кровать и укрывается одеялом под самый подбородок, как маленький пугливый ребенок, боящийся ночных кошмаров; чтобы их избежать, он и натягивает на себя простое ватное одеяло, как несокрушимую броню.

— Баб Варь, Расскажи о себе, — вдруг попросила Анна. — Ты ведь нездешняя.

— Нездешняя, — согласилась Варвара Авдеевна. — Из-под Воронежа. Нам с мужем простору захотелось, вот и подались в новые края счастье искать. Знающие люди сказывали, что за рекой Иртышом жизнь привольная, землю дают, бери сколь пожелаешь. Вот и двинулись мы с моим Илюшей — это мужа моего так звали — и с сыночком Сашенькой в путь далекий. До Иртыша долго добирались, а как переправились через реку,

еще немало верст отмахали. В деревеньке одной остановились, не помню уж названия, стерлось в памяти. Стали обустраиваться на новом месте, домик за год срубили, небольшой домик, да нам хоромы и ни к чему были. А тут как-то по лету Илюша решил яму копать, погребок делать. Глубоко уже выкопал, да, видать, место неверно выбрал: земля на него осыпалась, сильно его придавило. Знающие люди сказали, что грунт сырой был, оттого и поплыл. В общем, осталась я одна с сыночком Сашенькой на руках, вдали от близких. Да ничего, выдюжила бы, но тут на Сашеньку хворь напала, и я ничем не помогла, молодая была, ничего в ту пору не знала и не умела. Долго горевала, руки хотела на себя наложить, хотя знала, что если ты Божья душа, так не можешь своей жизнью распоряжаться, не тебе она принадлежит. А тут как раз через деревню богомольцы шли в монастырь, я с ними и увязалась. С одной бабушкой долго вместе жила, она меня всему и научила: от какой болезни как лечить, какие травы полезны, а какие не очень, как рану заговорить, как кровь остановить, как боль снять. А как бабушка преставилась, не смогла я и далее оставаться в том монастыре, собрала скромные пожитки, сложила все в котомку и пошла по белу свету куда глаза глядят, навстречу солнышку ясному. Когда по лесу шла, так ягодой питалась, грибами, а в деревни приходила, так люди добрые меня хлебушком угощали. Так и добрела до ваших краев. Гляжу, тетенька сидит на скамеечке возле одного дома у палисада, а у нее на руках ребенок годовалый — девочка. Я как взглянула на нее, сразу поняла: болеет пташечка, сыпь красная по щекам, сама вся такая вялая. Я и говорю: «Матушка, дочка-то у тебя хворобая, лечить надо, само не пройдет». А она мне отвечает: «Измучилась моя доченька, с рук не слезает, все плачет и плачет, а что делать, не знаем». Я и подсказала, какие травы надо собрать, как настоять их правильно да какую молитву прочитать. Тут муж ее вышел, он, оказывается, во дворе поблизости копошился, слышал весь наш разговор. И говорит мне: «А куда ж ты, матушка, путь-то держишь? Если тебе все равно, куда идти, так оставайся у нас, чего тебе по свету скитаться? От бабушки хата осталась, третий год пустует, а хата крепкая, не развалюха. Заходи живи. Едой не обделим». Тут как раз дочка их проснулась, заплакала, я ее на ручки-то взяла, она сразу и замолчала. Полюшка ее имя.

Сейчас уже своя дочка у нее растет. А я так и осталась с ними. Родными они мне стали.

Заметив, что Анна уснула, Варвара Авдеевна перекрестила ее, пригасила лампу и сама легла в постель. Но долго еще не могла уснуть, хотя времени было уже далеко за полночь и вставать надо было утром рано – не потому, что дело есть какое-то срочное, а просто по привычке. Русский человек не лежебока, он трудиться привык.

То ли молитвы, то ли успокоительные настои, которыми Варвара Авдеевна поила Анну, помогли. И хоть не было уже, как раньше, жизнерадостного блеска в глазах Анны, но чувствовать она стала себя гораздо лучше, чужие голоса в голове слышать перестала, не оглядывалась по сторонам на каждый шорох. Но все же не перестала ждать и верить. Ведь сама баба Варя ей нагадала, что явится гость в ее дом.

А через трое суток, когда уже вернулась с паеки домой, слегла Анна с воспалением. Видать, простудилась, пока сидела в колодце с холодной водой. Долго боролся организм с хворью и не сумел выстоять. Лучше бы ей, конечно, было в больничку лечь, да ни в какую не захотела из дома уходить. Потому что знала: должен сын вернуться, должен. «Надо скорее на ноги встать», – шептала она беззвучно, – а то сынок вернется, увидит мамку больную, расстроится». От такого душевного настроения она, действительно, вскоре почувствовала себя лучше. Температура спала, в горле першить перестало, голова уже не раскалывалась на части. Вот только слабость во всем теле еще оставалась.

В тот день к ней зашла Татьяна, принесла молока козьего да супчику куриного.

– Накось, подкрепись, – приказала Татьяна не терпящим возражения тоном, потому что знала: если без строгости скажешь, так и останется все нетронутым.

– Спасибо, да я не хочу сильно-то, аппетита чего-то нет, – начала отнекиваться Анна.

– Ешь, кому говорю! Зря я, что ли, суп варила?

В этот момент во входную дверь кто-то неуверенно постучал.

– Входите, открыто! – сердито крикнула Татьяна, досадуя, что не вовремя гость незванный явился.

Никто дверь не открыл, но робкий стук повторился.

– Да входите же, говорят вам, открыто! – Татьяна подошла к двери и распахнула ее. – Чего там топчетесь в сенцах?

В темноте сеней послышалось боязливое шушуканье, и наконец в комнату вошла молодая женщина со свертком в руках, в котором безошибочно угадывался завернутый в пеленки младенец.

– Здравствуйте, – едва слышно проговорила она. – Я Валя, а это Ванечка.

Следом за ней в комнату вошла еще одна женщина, тоже молодая и тоже с маленьким ребенком на руках.

– Здравствуйте, – так же робко произнесла она. – Я Юля, а это Марьюшка.

– Вот мы приехали, – едва слышно проговорила Валя и потупила глаза.

– Здравствуйте! – По-прежнему не понимая, кто эти люди и зачем они здесь, Татьяна переводила взгляд то на Валу, то на Юлю. – Вы к кому?

– Мы из города, – пояснила Юля.

– Из техникума, – добавила Валя.

– Значит, из города, из техникума, – кивнула Татьяна. – Ну, говорите же, чего замолчали? Каким ветром занесло вас в нашу глухомань?

Молодые мамы, сами еще девчонки, похоже, совсем растерялись. Они стояли в дверях, опустив головы, крепко прижимая к себе свертки, в которых уже принялись попискивать младенцы.

– Понимаете, – начала объяснять Валя, – мы были у вас на практике год назад.

– А потом мы уехали, – добавила Юля.

– А потом война началась, – продолжила Валя.

– А детки-то чьи? – поинтересовалась Татьяна.

– Это Иван Тимофеевич, – сказала Валя.

– А это Марья Егоровна, – добавила Юля.

– Так, понятно, – тряхнула головой Татьяна. – Ну, а чего вы встали, как неродные? Проходите, не стесняйтесь. Я сейчас вашу бабушку приведу, вот она, Анна Матвеевна, личной персоной. Только приболела немножко, но это уже в прошлом.

– Вставай, подруга, вставай, – затормошила она Матвеевну, подходя к кровати. – У тебя двое внучат, оказывается. Это ведь твое продолжение. Теперь тебе есть о ком заботиться и кого любить. Козу, кстати, я накормила, напоила и на лужке привязала. Аленка ее приведет. Мо-

локо будет малюткам. А ну-ка, девоньки, покажите-ка нам Ванюшку и Марьюшку. Ох какие розовощекие! Вот ради них-то и стоит жить.

18

Весна сорок третьего года на Алтае выдалась не самая ранняя и теплая. Но потом вдруг спохватилась и взялась за работу, так что снег растаял очень скоро.

Настька возвращалась с работы домой быстрым шагом. Впереди нее шел невысокого роста мужчина с солдатским вещмешком, закинутым за спину, прихрамывающий на одну ногу, с костылем в руке.

«Нездешний, — подумала Настька, рассматривая его со спины. — Часто останавливается, оглядывается, словно пытается сообразить, куда идти дальше. Наверное, приехал к кому-то, да не может найти».

Настьке стало любопытно, тем более что мужчина, оглянувшись, остановился метрах в десяти от ее калитки и, видимо, ждал, когда она подойдет. На нем была выцветшая гимнастерка, подпоясанная солдатским ремнем с блестящей пряжкой, на груди — медаль.

«Точно, нездешний, — подумала Настька. — Сейчас спросит: «Эй, девушка, а где тут у вас такие-то проживают?»

— Вы, наверное, ищите кого-то? Я могу подсказать, — обратилась она к приезжему, с интересом рассматривая его: короткие стриженные волосы с проседью, лицо вроде молодое, но какого-то неестественно землистого цвета, с множеством черных точек и несколькими зарубцевавшимися шрамами.

— Здравствуй, Настя. — Незнакомец улыбнулся какой-то по-детски застенчивой улыбкой.

— А откуда вы меня... Вася, ты?!

— Что, сильно изменился? — На Настю глядел незнакомец с Васиними глазами, с Васиным голосом, но с чужим лицом. — Страшный стал?

Настя не ответила, она подошла к нему и обняла крепко-крепко. Он почувствовал, что щека его вдруг стала мокрой.

— Ну что ты, все ведь хорошо, — прошептал он. — Я из госпиталя не так давно выписался. Долечиваться домой отправили.

— Милый мой, прости, что я тебя слезами встречаю. Это же такая радость. Ты из нашего поселка первый, кто вернулся. Так все больше похоронки тетя Клава приносит. Что же мы стоим-то тут с тобой посреди улицы? Мама, ма-

ма, смотри, кто к нам в гости пришел! — крикнула она, увидев мать, вышедшую из дома.

— Васенька! — всплеснула руками Евдокия Петровна, и слезы брызнули у нее из глаз. — Дорогой ты мой!

— Вот, Евдокия Петровна, наказ Виктора Степановича выполняю, — проговорил Васька. — Весточка вам от него. Мы с ним в медсанбате встретились. Он туда раненых из своего взвода привозил. Жив-здоров, всех целует, соскучился по вас. Просил передать, чтобы не волновались за него. Он со своим взводом в саперах, дороги строит, мосты через реки наводит. В общем, все нормально.

— Ну, а как там другие? — спросила Евдокия Петровна и улыбнулась, но какой-то жалкой улыбкой, явно боялась услышать что-то плохое.

— Сашку ранило, но не опасно, в госпитале он. Придется ему, конечно, полежать, так это и к лучшему. Меня вот осколками немного похлестало: мина рядом взорвалась. В госпитале почти месяц отвалялся. Повезло еще. Отделался легким испугом. Лицо заживет, нога тоже. Хотел после госпиталя снова в полк вернуться, да сразу не пустили, сказали, что подлечиться надо. Так что я целый месяц в отпуске буду. Вы приходите сегодня к нам.

Когда Вася рассказал матери, как он обрадовал Евдокию Петровну и Настю доброй весточкой о Викторе Степановиче, мать обняла его голову, притянула к своей груди и сказала:

— Лучше бы ты, сыночек, домой сначала пришел да мне бы все рассказал. Запоздала твоя весточка. Им ведь на прошлой неделе письмо с фронта пришло. Пропал без вести Виктор Степанович. Они, конечно, ждут, надеются. На войне всякое бывает. Дай бог, чтобы ошибка вышла.

19

В январе сорок четвертого года командир разведгруппы, стоя по колено в снегу на краю поляны за расщепленным стволом березы, внимательно рассматривал в бинокль рощицу напротив. Расстояние до нее было небольшое, всего-то метров пятьдесят. Вроде бы какое-то движение почудилось ему в той рощице. Приглядевшись, он различил прячущихся за стволами деревьев солдат в серых шинелях и шапках-ушанках. Дал команду залечь, а сам приник к окулярам, да вот только глаза уже не те, заслезились. Крутил окуляры, крутил, но все бесполезно.

Тогда он подозвал бойца:

– Ефимка, не вижу ничего, плывет все перед глазами. Глянь вон туда, видишь, солдаты за деревьями прячутся? Различаешь, что там у них на шапках, звезды или...

– Товарищ старшина, форма вроде наша, и автоматы нашенские, с дисками.

– Ты, это... не верь глазам своим. Фрицы хитрые пошли, запросто могут переодеться в нашу форму и оружие подобрать. Тут надо как-то по-другому. В общем, бойцы, слушай мою команду. К бою готовься, только не стрелять, пока не прикажу. Держите их на мушках. Ну, что там видишь, рассказывай, не молчи.

– Вижу, что их командир руку вверх поднял, сейчас пулять в нас начнут.

– Ложись все! – крикнул старшина и рухнул в сугроб. – А ты чего стоишь, приглашения особого ждешь? – И он дернул за штанину Ефимку, продолжавшего стоять и смотреть в бинокль.

Но парень, вместо того чтобы зарыться в снег, вдруг закричал во все горло:

– Эй, ты, доходяга с Андреевска! Ты зачем моей девчонке письма пишешь? Поймаю – уши оборву!

– Бляха муха, ты чего разорался, ложись! – выругался старшина. – Демаскируешь нас всех!

Но с противоположной стороны донесся ответный крик:

– Сам ты доходяга, крот рудничный! Появился только в нашем поселке, я тебе самому...

Голос внезапно осекся. Тишина повисла в воздухе, но через несколько томительных мгновений тот же голос неуверенно крикнул:

– Ефимка, то есть Ефим, с рудника, это ты, что ли?

– А кто же еще, я, конечно! – крикнул Ефимка. – А ты ведь Сашка, с поселка?

– Ну да, я. Так вы что, свои, что ли?

– Отставить разговоры! – раздался грозный окрик. – Эй, на той стороне, не стреляйте. Какая часть? Кто командир?

– Так я тебе и сказал! – крикнул в ответ старшина разведчиков. – Сами из какой части будете?

– Ленинградский фронт, а вы?

– А мы с Волховского.

– Не может быть. До Волховского фронта еще километров двадцать с гаком будет.

– Мы тоже думали, что до Ленинградского фронта как до Луны пешком. Оказывается, уже нет. Вот мы здесь.

– А не врешь, случайно? Кто командующий фронтом?

– Нашел о чем спросить. Да это любой немецкий солдат знает. Скажи лучше: ты своему крикну какую награду выпишешь?

– Пять нарядов вне очереди впаяю! – послышался ответ.

– Кажись, нашенский. Я своему хотел шесть нарядов вlepить. Да уж ладно, прощу. Ну так как? Поздороваемся фронтами? Я выйду, и ты выходи, только давай без оружия.

Эпилог

На этой счастливой ноте можно было бы закончить повесть о таежном взводе сибиряков, воевавших на Волховском фронте. Но осталось какое-то непонятное послевкусие, совсем не веселящее душу, ведь всегда хочется знать – чем дело кончилось и чем сердце успокоилось?

Настька и Василий в июле того же года поженились, к зиме домик небольшой построили, ребеночка на следующий год ждали. Но в конце года Васю снова забрали в Действующую армию, потому что надо было кому-то фашистскую гидру добивать, командиром назначили, старшим сержантом стал. В марте сорок пятого у них дочка родилась, Алисой назвали.

Евдокия Петровна сохранила адресок, который ей дал в госпитале артиллерист Кирилл, так, на всякий случай дал. Вот случай и наступил. Перебрались Евдокия Петровна с Настей и Алиской туда, где в начале пятидесятых годов жизнь по-особому закипела, где шахты росли как грибы, где металлургические гиганты силу набирали, – в город Сталинск. Поселились они втроем в большом бараке с двумя входами, разделенными тонкой дощатой перегородкой, – по двадцать квартир с каждой стороны. По соседству с ними жила с мужем тетя Даша, у которой были культы вместо рук. Женщиной она была не вздорной, даже приветливой, но когда встречала маленькую Алиску, произносила тихо, почти шепотом: «Осколок войны».

– Мама, почему меня тетя Даша осколком войны зовет? – спросила как-то смышленная Алиска, лежа в постельке. – Я что, осколочная?

– Спи, детка, никакая ты не осколочная, ты у меня нормальная, – прошептала Настя, смахнув набежавшую слезу. – Тетя Даша не по злобе это сказала. Она на войне наших раненых солдатиков с поля боя вытаскивала. И дядю Толю, силь-

но раненного, долго на себе тащила, а на улочке холодно было, вот она себе руки и отморозила. Ты же знаешь дядю Толю?

– Да, знаю, – сонно проговорила Алиска. – Он муж ее, он хороший.

Бабушка Евдокия Петровна ждала Виктора Степановича с войны до самой смерти, но так и не дождалась. И Настя не дождалась своего Василия, которого по документам посчитали без вести пропавшим в январе сорок пятого.

Алиска выросла, вышла замуж, родила двух сыновей и всю жизнь прожила в Новокузнецке. И только внуки ее, после того как в начале двад-

цать первого века Министерство обороны Российской Федерации рассекретило часть военных архивов, нашли сведения о том, что их прадед, старший сержант Василий Афанасьевич, не пропал без вести, а погиб в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Вот теперь можно было бы поставить точку в этой повести о таежном взводе, но все равно слишком рано. Ведь остаются еще ненайденными в волховских болотах тысячи наших земляков. А это значит, что нам, живущим, не будет покоя.

2021

Дорогая Ирина Михайловна, поздравляем тебя, неизменного автора журнала «Огни Кузбасса», с юбилеем! Прими наши самые добрые пожелания счастья, здоровья и творческих удач на литературном поприще!

Ирина ТЮНИНА

ЧАСОВНЯ ТОПОЛЯ

ЯБЛОНИ

Увядает цвет до срока.
Лихо мыкает одна
Горькой брошенкой убогой
Безмужичья страна.

Нас война засиротила
Вот уж скоро век назад.
Не бывать молодке с милым,
Не читать в его глазах

О любви-тростинке хрупкой.
Не кручинушка – беда!
Иссушают годы руки,
Только доли не видать.

Ковылем льняноголовым
Три колена без отцов.
Перевернута подкова.
Вот и выпала любовь!

Вот и выпала монеткой
Да и в подпол, не догнать.
Счастье есть, и счастья нету.
В день – одна, и в ночь – одна.

И несбывшаяся нежность
Словно поезд на ходу:

То ли саван белоснежный,
То ли яблони в цвету.

Так надолго застряли в безвременье,
Скрыты масками, словно щитами, –
Целый год карантинного бремени!
Мы знакомых недосчитались.

У погоды тепла не допросишься.
Ветер гонит листву по аллее...
А те люди, что умерли осенью,
Летом еще не болели.

Как человек к старенью не готов,
Не ждешь зимы. Однажды на рассвете
Окно раскроешь. Самый первый вздох
Уже отравлен осенью навеки.

Она с тобой. И так привычна боль,
А значит, жизнь теченья не ускорит.
Ее не заглушает алкоголь –
У нас в крови хроническая горечь.

Родной язык всю едкость отразил.
Здесь осень прижимает сердце к ногтю
Тоской неясной... Горе на Руси
Имеет вкус березового дегтя.

ТЮНИНА Ирина Михайловна родилась в 1972 году в Кемерове. Окончила Кемеровский госуниверситет, факультет романо-германской филологии. В настоящее время работает синхронным переводчиком в Кемеровском медуниверситете. Поэт. Прозаик. Член Союза писателей России. Автор трех книг. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «День и ночь» (Красноярск), «Наш современник» (Москва), «Waywords» (США), антологиях «72 Hours of Insanity», «Tales from the Toybox» и коллективных сборниках. Живет в Кемерове.

* * *

Нет! Мне не по себе! Я не в себе!
Мне кровным братом стал простой прохожий.
В чужой рубашке, как в чужой судьбе,
Я словно бы у каждого под кожей.

Людскую боль почуяв как свою,
Приму венец как Божескую милость.
В любом из вас себя я узнаю.
По капле вас во мне укоренилось.

Подледный треск весною вскрытых рек,
Родного дома зов неугасимый
В краю далеком – все во мне! Я – имярек.
Я – воздух, пропитавшийся Россией.

ЧАСОВНЯ ТОПОЛЯ

А время никого не убедит –
Тоской разверстой
Часовня тополя хранителем стоит
На прежнем месте.

Сквозь хмурый день неожиданной синевой
Прорвется птица,
Да бабушка на тополь горевой
Перекрестится.

Здесь, словно затаенная гроза,
Стояла «Вишня».
Здесь в воздухе струятся голоса,
Но слов не слышно.

* * *

Спит женщина. Ей снится разнотравье,
Цветущий август в солнечной росе,
Детей белоголовая орава –
Простое право счастья: жить как все.

Гроза грохочет здесь, не за горами.
Свинцовый дождь колотится в окошко –
Идет война на улице центральной,
И звуки затухают понемножку.

Вольется боль не новостью вечерней
Из телевизора, даря коленям слабость,
А стоном умирающих качелей
И мишкой с оторванной лапой.

Забытую молитву шепчут губы.
Тревогою в груди уносит сны.

И женщина от «любит» и «не любит»
Приходит к «лишь бы не было войны»!

* * *

На утренней заре позволь тебе присниться
Июльской грозой, следами на песке!
Везде для нас приют. Влюбленные как птицы.
Для нас поет ручей и жилка на виске.

Взвывается новый день пичугой красногрудой.
Вседневных дней шумы вот-вот заголосят.
Вселенной станет дом, и вечностью – минута.
И сердце не солжет, когда глаза в глаза.

Быть может, в суете покажется нелепым:
«В колоде тусклых дней какая там любовь?»
Я так тебя люблю, что надо мною неба
Распахнутая синь в объятьях облаков!

* * *

Словно воздух вдыхая нездешний
Сквозь разрыв климатических зон,
Вечерять в итальянской кафешке,
Где тоскует живой саксофон.

Неторопкою чайной беседой
Отыскать бытия лоскуток,
Где, исполненный липовым цветом,
Пробежит электрический ток.

Заглядится на лунное блюдо,
Раскрылится по-птичьи душа...
И счастливые летние люди
Никуда не спешат...

* * *

Мгновенье – что? Возьми любое,
Где тьма не зла и свет нечаян.
Они снижают градус боли,
Но насовсем не отключают.

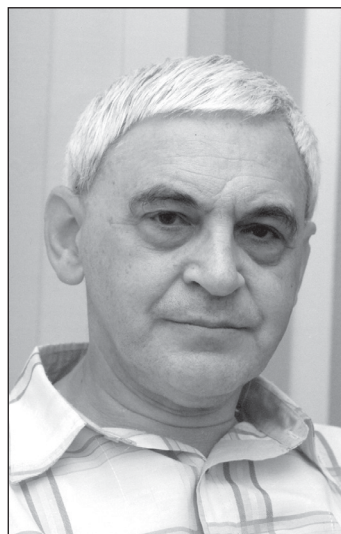
Бытейник мой взмахнет листьями
И полетит по белу свету.
Слова на птичьем нотном стане
Живее памяти поэта.

В них первый снег исповедален,
Как для синиц голодных крошки,
Неловко первое свиданье,
Рябина, алая до дрожи.

Уважаемый Владимир Львович! Поздравляем вас, нашего давнего автора, с юбилеем! Все ваше творчество пронизано философскими поисками и осмыслением проблем бытия! Не оставляйте стараний, маэстро! Не убирайте ладони со лба!

**Владимир
КАГАНОВ**

**РОССИИ
НЕПРЕКЛОННЫЙ ДУХ**

* * *

*Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.*

Н. Гумилев

*Окрась природу в серый цвет,
Лиши ее многообразия –
И тут же получи в ответ
Картину зла и безобразия.
Когда в природе духа нет,
Бессмысленна, мертва природа.
Ей жизнь дает духовный свет,
Сиянье звездного восхода!
Пусть даже этот дух сокрыт
От невнимательного взора,
Он скрытым пламенем горит
И жаждет вольного простора.
И вот таинственным путем
Он проникает в человека,
Чтобы вполне раскрыться в нем
Подобьем дивного побега.
Даст или нет духовный плод
Побег, что в нем живет и дышит,
Покажет жизнь, – но он живет
И тянется все выше, выше.*

19 декабря 2017 г.

* * *

*От ренессанса русской мысли
Прошло немного – двести лет.
Какой же вы хотите выси,
Когда в горах еще рассвет?
С Европой сравнивать нелепо
Страдальческий России путь.
И все же дух России крепок,
Его не смять и не согнуть.
Он смог воскреснуть и окрепнуть,
Все испытанья одолев.
И солнце озарит над степью
Заколосившийся посев.
Три века санкций не сломили
России непреклонный дух.
Мы шведов под Полтавой били
И немцев били в войнах двух.
Так неужели глупым янки
До сей поры не впрок урок,
Что все ракеты их и танки
Сметет, как щепку, русский бог?*

13 января 2018 г.

КАГАНОВ Владимир Львович родился в 1942 году в Кемерове. Учился в Новосибирском университете. Окончил Институт стран Азии и Африки при Московском университете. Работал в научных институтах Сибирского отделения АН СССР, в Доме ученых СО АН, в Кемеровском университете, в Институте культуры и искусств. Стихи публиковались в журналах «Памир», «Звезда Востока», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Начало века», «Университет культуры», «День и ночь», «Девять муз» (Афины), в коллективных сборниках. Автор четырех книг стихов: «Ночной разговор», «День осеннего равноденствия», «Осиянный шатер», «Тень птицы». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

* * *

Памяти великого лингвиста
Вячеслава Всеволодовича Иванова

В славную эпоху гуманистов,
В звонкую эпоху Возрожденья
Говорили на латыни чистой
И по-гречески без затрудненья.
А сегодня? Квакать по-английски
И читать на нем – ума не надо.
А поговори-ка по-индийски
Или по-китайски, друг-камрадо.
А поговори-ка по-арабски
Или по-персидски, друг хороший.
Только не заглядывай по-рабски
В автопереводчик – не поможет.
Если хочешь стать всечеловеком,
Овладей сначала языками.
А иначе, умственный калека,
Изъясняйся жестами, руками.
На смех ребятишкам, попугаям
И другим, кто овладели речью.
Я тебя, приятель, не пугаю –
Тайну раскрываю человеку.
Если хочешь стать ты гуманистом,
Выучи язык деревьев, моря,
Звезд ночных, цветов и трав душистых –
И тогда не будешь знать ты горя.

Ладно, не сердись, прими за шутку.
Ты не гений, я ведь понимаю.
Выучи язык хотя бы русский!
И тебя поймут, я обещаю.

25 декабря 2017 г.

УХОДЯТ ТОВАРИЩИ

Уходят товарищи, братья, друзья.
И ночь все темнее и ближе.
Куда нас ведет роковая стезя?
Кто видит весь путь этот выше?
Неправда, что каждый здесь сам за себя.
Мы связаны тысячью нитей,
Как птицы, что вдаль улетают, трубя,
Как скрытые знаки событий.
Пускай нам постигнуть их смысл не дано,
Но то, что он есть, несомненно,
Как призрачных звезд золотое вино,
Как замысел тайный Вселенной.
Я верю, что смысл этот больше, чем шум
Листвы наших дней быстротечных,
И глубже стихов, разговоров и дум
И наших порывов сердечных.
Ну, знающий мистик, скорей подскажи!
Но он улыбнется лукаво
И молвит спокойно: «Поэт, не спеши!
Узнаешь все – за переправой».

Петр ТКАЧЕНКО

«ВАШИ ХРАБРЫЕ СЕРДЦА В ЖЕСТОКОМ ХАРАЛУГЕ СКОВАНЫ...»

После всего пережитого за последние годы и уже даже десятилетия казалось, что такого тревожного и мучительного состояния души, как теперь, и быть не может. Да и как можно быть спокойным, если война против нас, против России, начавшаяся уже давно, обернувшаяся крушением страны в начале девяностых годов, перешла в открытое военное столкновение. Не между Россией и Украиной, а, как и всегда, между коллективным Западом, сделавшим на этот раз Украину антирусской, и – Россией. Как и было во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Кажется, весь мир перевернулся и наступила какая-то совсем иная, неведомая нам эпоха, где уже не действуют законы человеческого бытия, бессильны самые незыблемые заповеди: «От вечной книги дым валит, / В ней выгорают строки. / Мир покосился, но стоит... / Еще не вышли сроки» (Ю. Кузнецов, 1996).

Внимая ужасам войны, невозможно оторваться от телеэкрана, невозможно заснуть. Душа разрывается при виде ужасающих кадров с места боев. Кажется, все остановилось и ничего невозможно делать. Ведь уже без всякого «гуманистического тумана», без всяких дипломатических уловок объявлена цель очередного похода на Россию – ее уничтожение, а значит, уничтожение и каждого из нас... «Но тот, кто двигал, управляя / Марионетками всех стран, – / Тот знал, что делал, насылая / Гуманистический туман» (А. Блок, «Возмездие», 1910).

Со знакомыми и соседями только и разговоров, что о нашей дальнейшей государственной, народной и личной участи. В душе и сознании торчит только это: как теперь быть и что делать, ибо одних переживаний, сочувствия воюющим солдатам и офицерам явно недостаточно. А тут еще и на улице от шапочно знакомых слышу вопрос: а как вы относитесь к специальной военной операции и вводу наших войск на Украину? И чувствую, как в душе закипает негодование и даже злость, ибо такого вопроса для нормального человека, не пораженного всевозможными мировоззренческими ядами, и быть не может. Ведь такой вопрос предполагает,

что наш запоздалый ответ на бесцеремонную агрессию против России, против каждого из нас можно рассматривать и так и этак. Неможно! Только безоговорочная, во всяком случае на данном этапе нашей судьбы и истории, поддержка президента, правительства, военного руководства, наших Вооруженных сил.

Я с удивлением смотрю на людей, задающих такой вопрос: с какого чердака они свалились?... Неужели дебилизация нашего общества последних лет достигла такого предела, что люди утратили способность к интеллектуальной работе, руководствуясь только случайными верованиями? Когда факты перестают уже говорить сами за себя, а способность к анализу отсутствует. В самом деле, человеку не грозят даже, а уже идут по его душу, но он не только не чувствует опасности, а вполне серьезно полагает, что ему несут подарки, за то что он, растоптав свое родное, драгоценное и спасительное, уверовал в те бесчеловечные заморочки, с которыми идут разрушать его страну, его мир. Заморочки, в которых корчится и сам Запад.

Такие вопросы задают лишь те, для которых все началось 24 февраля. А восемь лет событий на Донбассе они не замечали. Но в таком случае позвольте усомниться в вашем «нет войне» теперь, когда наконец-то предпринимаются ответные меры к ее окончанию. Это до предела наивное и лукавое «мы против войны» разоблачает таких антивоенных исповедников, ибо тем самым утверждается: «мы хорошие» – не в пример «плохим», которые войны якобы хотят. Но война – самое противное человеческой природе действо. Никто ее не хочет, и тем не менее войны происходят. Вся наша народная история есть, по сути, история войн. А всякий пацифизм во время войны, когда уже гремит оружие, оборачивается еще большими жертвами.

Что теперь беспомощно ахать и охать? Надо честно ответить на вопросы о том, что привело нас к такому трагическому положению, что уже только оружием приходится защищать себя? При этом имея в виду не только внешние причины, но прежде всего внутренние – внутри страны и общества. Смею утверждать, что здесь нас подстерегают главные угрозы и опасности. Без честного ответа на эти вопросы наша государственная и народная судьба может оказаться незавидной. Не поможет никакое оружие железное с его многочисленными «махами»... Ведь силой духа народного, а не только оружием всегда достигалась победа.

Мы остаемся беззащитными, что называется, проваливаемся в сфере духовно-мировоззренческой. Это давняя недобрая российская «традиция», непрерывающаяся, длящаяся до сих пор, несмотря на все ее печальные последствия.

П. Я. Чаадаев в письме А. С. Пушкину 7 июля 1831 года со всей категоричностью и самонадеянностью утверждал: «Отныне будут лишь случайные войны, несколько бессмысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам». Теперь, зная, какие не «смешные» войны пережил мир и Россия с тех пор, удивляешься наивности философа и задаешься вопросом: а что это за такая система воззрений, считавшая и считающая себя «прогрессивистской» и непременно «западнической», которая приводила и приводит к столь опрометчивому осмыслению действительности? И соглашаешься с В. Розановым, что «в Чаадаеве хорошо только остроумие... Прочее, я думаю, – невыносимый вздор». Но традиция такого «вздора» продолжилась и в дальнейшем. В. Соловьев в статье «Первый шаг к положительной эстетике» высказал и «обосновал» совершенно схожее убеждение: «При таких огромных вооружениях и при таком чрезвычайном обострении национального соперничества и вражды – такая небывалая нерешительность начать войну! Всякий невольно чувствует и понимает, что при нынешней всесторонней связанности между различными частями человечества невозможно будет локализовать вооруженного столкновения и что небывалая громадность сил по численности войск и смертоносности вооружений представит войну во всем ее, еще никогда прежде не виданном, ужасе и сделает нравственно и материально невозможным ее повторение. Значит, одно из двух: или, несмотря на весь милитаризм, война все-таки не начнется, или же если начнется, то будет последнею... Милитаризм съест войну». Писано это в 1894 году. Пройдет совсем немного лет, и начнется Русско-японская война. А потом разразится и Первая мировая...

Почему эти «прогрессивные» философы оказались столь опрометчивыми, ясно. Они поверили в догматы, далекие от реальной жизни. Но такими философами, пожалуй, исключительно в общественном сознании представлена русская философия. А истинно русских философов, таких, скажем, как П. Астафьев с его работой «Философия нации и единство мировоззрения», мы открывали для себя только в 2000-х годах...

Тот же В. Соловьев полагал, что народность есть «сила дифференцирующая и разделяющая», а потому надо «отречься от этого национального эгоизма». То есть убить в себе народное. Сделать мир единым, как тюрьма или казарма. Но мир един в своем многообразии... Так сеялись семена глобализации, проросшие теперь разрушительными результатами.

Наша история и жизнь, оказывается, «не поддаются осмыслению» – если послушать иных пропагандистов от исторической науки. Не история, а на-

бор «версий», начиная с пресловутой «норманской теории». И вопреки всему – никакого консолидированного, устойчивого мнения. Поди объясни теперь племени младому, школьникам, как она исчисляется и почему на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде нет первого царя. История страны – без первого царя... До таких казусов доходить ведь нельзя. Причем «не поддается осмыслению» всякая русская история – и самодержавная, представленная исключительно с точки зрения классовой борьбы, и советская. А уж нынешний, демократический ее период и вовсе какой-то тупик. Имею в виду не внешний, событийный уровень, а метафизический, смысловой, причинно-следственный ее аспект. Ну в самом деле, и тридцать лет спустя после крушения страны люди явно неглупые и вроде бы образованные на вопрос о том, что же именно у нас произошло в начале девяностых годов, невнятно отвечают: то ли очередная, на этот раз либеральная революция, то ли контрреволюция. И сходятся на том, что это, мол, не столь важно. Но постойте, это самое важное, ибо за каждым из этих понятий следует прямо противоположный порядок наших действий. Да и как без ответа на этот вопрос можно уяснить, что происходит? Это невозможно. Причем у нас были и есть честные историки, подлинные мыслители, но их труды не становятся достоянием не то что общественного сознания, но даже образованного слоя общества. Как-то так складывается, не само собой, конечно, что всякая глупость маргинала выставляется как нечто значимое и большое, а выводы ученого-интеллектуала – как нечто малое, ничего не значащее...

В 2009 году исполнилось сто лет знаменитому сборнику о русской интеллигенции «Вехи», за восемь лет предсказавшему революционное крушение страны. Казалось бы, такой хороший повод поразмышлять о том, что теперь происходит. Но обсуждения «Вех» не получилось. И ясно почему. Чтобы скрыть ту закономерность, что после всякой революции, в том числе и либеральной, происходит неизбежная смена вех. То есть строительство новой, никому пока не ведомой государственности. И вот эта смена вех начинается только теперь, но уже под раскаты орудий и ракет. И без всякой пока надежды на то, что действительное уяснение происходящего в нашем обществе начнется.

Но и до сих пор с «русской интеллигенцией» не разобрались. Словно об этом не написаны горы глубоких книг. Всякий либерал и радикал рядится в мундир «русского интеллигента», причисляя себя к образованной части общества вообще. Но авторы «Вех», говоря о «русской интеллигенции», имели в виду не образованную часть общества вообще, а радикальную, революционную, менее всего русскую, идеологически озабоченную, не допускаящую

в свою сектантскую среду ни Л. Толстого, ни Ф. Достоевского, да и всех действительно образованных людей. «Интеллигенция скорее напоминает монашеский орден или религиозную секту, со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями. Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями... Интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности... Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России» (Н. Бердяев).

К столетию «Вех» я выпустил сборник «Когда же произойдет смена вех? (Новая смена вех)» (М., ООСТ, 2009). Но не встретил заинтересованности хотя бы в каком-то узком кругу. Преобладает мнение, что это так отвлеченно и так далеко от реальности... А то, что в начале было слово, людям, выросшим в атеистической среде, неведомо.

Чувствуя необходимость стройной системы взглядов, периодически возбуждаются кампании по поиску новой идеологии, до неприличия упрощенные. Ведь идеологию не ищут, не привносят извне и не выдумывают. Она выводится из культуры, истории и судьбы народа. И она давно уже постигнута великой русской литературой. Но русская литература стала мешать новому либеральному строительству, несмотря на провалы и печальные результаты этого строительства. А потому произошло немыслимое и, казалось, невозможное: великая русская литература вытеснена из общественного сознания и, по сути, изгнана из образования. И это – в самой литературоцентричной стране. С помощью нехитрого приема – «рынка», к культуре вообще неприложимого и являющегося скрытой формой уничтожения литературы. Писатели стали изгоями в обществе.

Только в одной строчке Н. Гоголя уже содержится наша идеология: «И этот путь есть сама Россия». Неслучайно ее повторял А. Блок в свое революционное время. То есть точная характеристика страны и ее положения в мире и есть наша идеология.

Но все это ведь уже было в нашей истории, и относительно недавно. И известно, чем обернулось – крушением страны: «Русская литература залита мутной волной порнографии и сенсационных изданий. Есть отчего прийти в уныние и впасть в глубокое сомнение относительно дальнейшего будущего России» (С. Н. Булгаков, «Вехи», 1909). И не надо никого обманывать, что все это происходит само собой, по какой-то неизбежности и неотвратимости.

Наши политики в своей аргументации часто указывают на спасительную силу культуры и великой русской литературы, не ведая о том, что за трид-

цать лет там, где должна быть культура, давно уже буйствует чертополох невежества. А в случае с писателями и обращаться к ним не имеют никакого права, так как такой профессии, как писатель, в Госреестре нет. Литература отделена от государства. Именно так. Даже формально не находится в ведении Министерства культуры. Теперь Запад открыто и варварски репрессирует русскую культуру. Но ведь она за годы торжества либерализма во многой мере уже репрессирована в самой России. Кто бы обратил внимание на то, сколь роскошны кафедры иностранной литературы в наших университетах, в том числе и Кубанском, и сколь ничтожны кафедры русской литературы. И что «стажировки» студентов продолжаются...

Американизация нашего общества превзошла все мыслимые пределы, стала, по сути, тотальной. Взамен всего народного и традиционного. Американское стало синонимом идеального. Не само по себе, разумеется. Не по причине нашего якобы природного обезьянничанья. Кто честно работает в культуре и литературе, для кого главное «не шумиха, не успех» (Б. Пастернак), тот знает, о чем я говорю. Разве наши писатели средней руки не толклись в подвалах Парижа и трущобах Нью-Йорка, чтобы, отметившись там, вернуться в Россию с репутацией «великих»? То есть сфера сознания отдана в чужие, враждебные руки. Разве неведомо, что покорению народа предшествует покорение душ? Разве неизвестно, чем это заканчивается? Вот кричащая неестественность, которую надо поправлять немедленно. Одних деклараций о просвещенном консерватизме и традиционных ценностях недостаточно.

Слава богу, кажется, происходит осознание того, что необходимо срочно менять систему образования, восстанавливать ее. Что успех на поле боя решает школьный учитель.

То, что теперь только силой оружия мы можем защитить себя, является результатом того духовно-мировоззренческого блуда, которому предавалось общество все предыдущие тридцать лет. И всякий «миролюбец», выступающий теперь за немедленное прекращение боевых действий, уготовляет стране, народу, всем нам еще большие беды.

Весь ужас нашего трагического положения и падения обнаружился не 24 февраля 2022 года, когда началась спецоперация на Украине. Это, наоборот, конец нашего затянувшегося падения, которое, я уверен, завершится нашим спасением. Это обнажилось уже тогда, когда невнезапный, деградирующий президент России сдал страну тем, кто считает нас своими врагами, доложив в конгрессе США, что кумир повержен... Но к такой неведомой в мире стыдобушке его привела наша либеральная радикальная интеллигенция с революционным типом сознания. Разве писатели не подписывали приго-

вор своей Родине осенью 1990 года, приняв участие вместе с диссидентами в «Римском обращении», что якобы «заканчивается существование одной из величайших империй в истории человечества»? Так расставались с «тоталитарной системой». Ныне гремящее оружие – результат и этого слабоумия... И разве не ездили в Америку наши писатели накануне либеральной революции для «стажировки» и «инструктажа»?

Нам же теперь остается точно определить, что происходит. Это – завершение Великой Отечественной войны или же начало Третьей мировой, которая неядерной быть не может...

Разумеется, теперь каждый из нас должен определиться, за что выступает он: за наше государственное и народное спасение или же в припадке псевдогуманизма и пацифизма – «против войны». Хотя этот псевдогуманизм и пацифизм в своей значительной части – «коммерческий» и «рыночный». Так сказать, в духе времени. А то, что уже пришли по души и этих «миролюбцев», это ведь пока так не очевидно...

Мне могут сказать: все это, о чем ты пишешь, может быть, и верно. Но что делать сейчас, когда гремит оружие и гибнут люди? Подписать петицию в поддержку нашего руководства – этого ведь явно недостаточно. И потом, эти коллективные обращения не самая надежная форма определения позиции...

Что делать?.. Каждому, как никогда добросовестно, – свое дело. Я пример нетипичный и непоказательный. Переживаю, конечно. Печалюсь над тем, что казалось невозможным: темным силам мира сего удалось-таки столкнуть нас в губительном для всех, открытом военном противостоянии. Отрываясь от телевизора с ужасными картинками боевых действий, вычитываю вместе со своей верной помощницей женой Екатериной Васильевной верстку пятого издания словаря кубанского диалекта «Кубанский говор. Балакачка». Издание, имеющее самое прямое отношение к русско-украинскому бытию. Не политическому, не дипломатическому, а духовному.

О, это целая эпопея, длящаяся уже четверть века. Когда я выпустил первый словарь кубанского диалекта за всю его историю, встретил «научное» сопротивление со стороны не «украинских филологов», а кубанских «украинистов» и «украинознатцев». Все сводилось к тому, что я искажаю украинскую «молву золотую». Никакие доводы, никакие аргументы не действовали, что никакой молвы на Кубани нет. Поначалу я не мог понять, почему люди, родившиеся на Кубани, исподволь занимаются ее новой украинизацией, несмотря на печальный и трагический опыт украинизации 20-х, 30-х годов

прошлого века. Но оказалось, что они прошли «стажировку» в германских докторантурах Мюнхена. Вот и вся разгадка. Если наши педагоги будут «стажироваться» на Западе, то как у нас восторжествует разумный и просвещенный консерватизм? А это ведь повсеместная практика. Чтобы общество наше никогда не обратилось к народным традиционным ценностям.

Я понимаю, что все это ничтожно для тех, кто исповедует сакраментальное, идущее еще от В. Белинского: «в то время, когда...». В смысле, до диалекта ли, до литературы ли, до культуры ли, когда гремит оружие... Но, приглядевшись к нашей истории, обнаруживаешь, что мы почти всегда жили в условиях, когда нам было «не до этого», то есть не до главного, не до духовной основы нашей жизни. Смею утверждать, что именно потому и гремит оружие. И никакими декларациями о патриотизме этого не прикрыть...

Пока на Украине идут бои с неонацистами, я продолжаю перечитывать «Слово о полку Игореве», в равной мере принадлежащее русскому, украинскому и белорусскому народам. И с ужасом обнаруживаю, что древнерусская поэма, содержащая код всего нашего бытия, из которой вышла великая русская литература, сведена к «истории», к описанию злосчастного похода, хотя это описание есть в летописях – Ипатьевской и Лаврентьевской. Духовная же основа «Слова» просто отринута. А ведь это поэма о том, как погибает в безверии и как спасается в вере человек. «Слово» рассказывает не только о далеком прошлом, о том, что было когда-то, но и о том, что происходит с человеком в его земной жизни всегда, во все времена.

Для кого это сущая малость, пусть, если подходит по здоровью и возрасту, идет на войну с оружием железным. На войну с заведомым поражением, не слыша завета старшего поколения, поколения победителей: «Сердца! Да это же высоты, которых отдавать нельзя».

В минувшем году выпустил литературно-критическую повесть «Поиски Тмутаракани. По «мысленному древу»: от «Слова о полку Игореве» до наших дней» (М., ИД «Звонница-МГ», 2021). Думал, что теперь уже не скоро вернусь снова к «Слову». Но с началом военной спецоперации вдруг словно помимо своей воли стал мысленно мерить поля по Украине, выясняя, что значит – мечи харалужные. Оружие у русских воинов в поэме было харалужным: мечи, копья, цепи.

Обычно оружие называлось по месту его изготовления. Это подтвердилось и в данном случае. Еще первые издатели «Слова» в 1800 году обращались к «благонамеренным читателям» сообщать свои соображения, так как многие места поэмы казались невразумительными. Одним из таких читате-

лей, коих было у меня по стране немало, стал Владимир Иванович Святяшук из Донецка. Простой рабочий, сварщик, но человек мыслящий и увлеченный, он задался вопросом: где ковались мечи харалужные? И в конце концов выяснил. В свои отпуска он из Донецка ездил за тысячу километров в Ровненскую область, в Корецком районе которой находится село Харалуг. Там он нашел следы крупного центра по добыче руды и изготовлению оружия (см. В. Святяшук, «Рабочая газета», Донецк, 19 апреля 1987 г.). Научные экспертизы это подтвердили. Стало ясно, где ковались мечи харалужные, – в Харалуге. Однако в «Слове» ведь говорится не только об оружии харалужном, но и харалужных сердцах. А такое определение только историческими реалиями не объяснишь.

Великий князь Святослав упрекал молодых князей Игоря и Всеволода за то, что они отправились «поискати града Тмутараканя». То есть поискать «Тмутараканского болвана», как сказано в «Слове». И вероятно, найти кумиров – ветхозаветных богов. Отпав при этом от своей веры. Упрекает их в жестокосердечии: «Ваю храбрая сердца в жестоцем харалуге скована». То есть: ваши храбрые сердца в жестоком харалуге скованы. Жестокосердечие же, согласно Книге пророка Даниила, является признаком отпадения от своей веры. Что вы «створили моей серебряной седине», убивался Святослав, тем самым говоря, что произошла самая страшная беда, какая только может быть.

«Жестокий харалуг» – это иносказание, образ. Если мечи ковались в Харалуге, то сердца ковались в жестоком харалуге, то есть в чуждой, враждебной, иноверной среде. В этом и состояла суть крамолы. «Невеселая година встала» на Руси потому, что князья отпали от своей праведной веры, что, говоря современным языком, нарушилась система ценностей, без чего невозможна и победа военная.

*Сказал брат брату:
«Это мое, а то мое же».
И начали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон
приходили с победами
на землю Русскую.*

Как и всегда, как в двенадцатом веке, так и теперь, в веке двадцать первом. Но как-то даже не верится, что в двенадцатом веке нашим предкам было ясно то, что остается пока не уясненным нами. А без этого – крепости веры и нерушимости ценностей – военной победы не бывает.

Об этом я и думаю теперь, так как по возрасту и немощи, хотя и являюсь человеком военным, взять в руки оружие железное уже не могу. Но со мной оружие словесное и духовное.

В конце февраля не стало настоящего поэта, композитора, исполнителя авторских воинских песен, боевого офицера спецподразделений, участника афганской войны Игоря Морозова, обаятельнейшего человека, моего давнего товарища. Игорь Николаевич был автором популярной «Батальонной разведки». Под его песню «Мы уходим...» («Прощайте, горы, вам видней, в чем наша боль и наша слава») выходили наши войска из Афганистана. Скажу его словами, оставленными нам как завещание:

*Мы продолжали петь, когда никто не слушал
И слышать не хотел, что где-то есть война.
Мы продолжали петь, когда черствели души,
И тронуть их могла лишь пуля и струна.*

г. Москва

Нина ВОРОНИНА

ЗАБЫТЬ?

Канцлер Германии Олаф Шольц в одном из интервью сообщил миру о том, что избавился от чувства исторической вины немцев перед русскими за Вторую мировую войну. Здорово, не правда ли?

А как же то, что его страна, его Третий рейх разрушил половину нашей страны и положил 27 миллионов человек? Ну и что, Шольц ни при чем, не считая того, что он канцлер Германии и по своему рангу должен отвечать за все, что было, есть и будет.

Он, если уж такой принципиальный, может пойти дальше и избавить Германию от американской оккупации. Или слабо?

Позиция Шольца напоминает мне позицию японцев, которые с упорством, достойным лучшего применения, бьются с Россией за четыре скалы в море (Курилы, так называемые «Северные территории»), забыв о многолетней оккупации своей страны Соединенными Штатами Америки, более того, совсем забыв о том, как США, смастерив две атомные бомбы, опробовали их на двух японских городах, когда война практически уже закончилась и необходимости в этом не было никакой. Где суд над США за это преступление, где компенсации погибшим и зараженным? Тоже слабо?

А вот я ничего не забыла, хотя была далеко от театра военных действий – в Кузбассе. И не я одна. Мы, дети войны, уже стары и слабы, но мы еще живы. И «нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Вот и по моей семье машина войны проехала своим безжалостным колесом.

Первым ушел на фронт мой дядя Иннокентий Алексеевич, ушел и не вернулся, и мы даже не знаем, где его могила. Сиротой осталась маленькая дочь Тоня.

Потом ушел на фронт мой отец Иван Алексеевич, храбро воевал, вернулся в мае 1945-го, к счастью, живым, но без правой руки, контуженный, весь в шрамах от ранений.

И еще мы похоронили вернувшегося с войны другого моего дядю – Виктора Игнатьевича, который умер от открывшихся военных ран. Остался сын Гена.

Этого мало, господин Шольц?

Это мы должны забыть?

Я не могу забыть рассказ моей мамы о том, как мы жили в селе Чумай Кемеровской области, пока отец воевал. Тогда я, двухлетний ребенок, не видела и кусочка хлеба в течение трех дней. Не было хлеба даже маленькому ребенку! Ели картошку и кисель на обрате (обрат – это отходы от переработки молока, белая жидкость без жира). В конце третьего дня приехал мой дядя Алексей Игнатьевич, он по молодости лет не подлежал призыву и работал в колхозе трактористом. Этот труд был очень тяжелым, и трактористам давали повышенный паек хлеба, которым дядя всегда делился со мной. А тут случился перебой в подвозке хлеба.

Это мне забыть?

Игрушек никаких не было, я играла в яблоки, которые отец присылал мне с фронта. Они не имели ни вкуса, ни запаха – только яркий цвет. Это папа подобрал где-то книгу об опытах Мичурина, богато иллюстрированную цветными фотографиями разных фруктов. И в свои письма, во фронтовые треугольнички, вкладывал для меня картинки, а мама вырезала их и наклеивала на картонки.

Это забыть?

Забыть, как я пошла в первый класс школы в платье, сшитом из гимнастерки отца, и с сумкой для книг того же цвета, сделанной из другой гимнастерки?

А обувь? У нас с мамой и сестрой было аж три пары обуви: туфли, сшитые неизвестно из чего (мы называли их «брезентушками»), – это на лето; на весну и осень – резиновые сапоги, а на зиму – валенки. Причем мою обувь донашивала сестра. И все так жили, некоторые даже хуже нас. У нашей со-

седки тети Маруси были одни только резиновые сапоги, зимой она наматывала портянки.

Сразу после войны два года мы жили в Иркутске, и там мама как-то раз смогла нас приодеть. Она то ли купила, то ли на что-то выменяла у пленных японцев кусок ткани, из которой пошила папе брюки, себе юбку, а нам с сестрой Валею легкие пальтишки. До сих пор помню эту ткань защитного цвета, на ощупь грубую и несминаемую. В народе ее звали драп-дерюга. Но мы были рады, а подружки нам завидовали.

Вот такую «распрекрасную» жизнь, господин Шольц, нам устроили ваши соотечественники в войну и на годы после ее окончания!

Однажды мы с мужем были в Ленинграде. Ходили в Эрмитаж и по другим музеям. И вот в музее Пискаревского кладбища нам показали дневник Тани Савичевой. Эта девочка отмечала в записной книжке своих умерших в блокаду родных. Сердце замирает от ее последней записи: «Умерли все. Осталась одна Таня».

Как можно забыть это?

В Ленинграде мы посмотрели многое, но не все. Есть такие достопримечательности, увидеть которые невозможно. Я не постесняюсь спросить герра Шольца: а где наша Янтарная комната?

Мы помним все.

Уже закончила, но тут ТВ сообщило о гонениях на русских в Германии. Видимо, все это благодаря вам, господин Шольц. Вы стряхнули с себя историческую вину перед русским народом: «Ну подумаешь, было когда-то, сколько можно, хватит». И тем самым открыли ящик Пандоры. Ведь если вам, канцлеру, можно наплевать на русских, то почему этого не сделать какому-нибудь Гансу или Гретхен?

Вспомните русскую пословицу, наверняка слышали: «Русские долго запрягают, но быстро ездят». И подумайте, что будет, когда мы после долгих переговоров и разговоров наконец поедem быстро, возьмем с места в карьер. Вам, немцам, это может не понравиться. Более того, скажу, что мало никому не покажется.

Так что давайте все помнить, не забывать историю и не повторять ее ошибок.

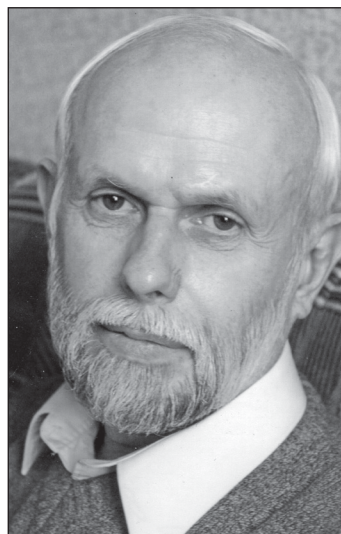
Историческая память священна.

г. Мариинск

**Владимир
ЕРЕМЕНКО**

**НЕ РАЗМЕНЯЮ
ДАЛЬНИХ ГОР**

* * *

Не
разменяю
дальних
гор
на
ближнее
благополучье!

* * *

В душу птицею влетела
Мысль: «Напрасно не тужи!..
Ты не все здесь сделал дело,
Не дожил, не дослужил,

Перед Богом не очистил
Самого себя всерьез
И своей земной Отчизне
Должной пользы не принес».

Так что вольно иль невольно
Унывать да слезы лить
Нам не стоит!.. Хоть и больно –
Рано, рано уходить...

СТРАХ

Как птица вне сети, увязнув когтем,
Крылами бьет, пытаясь отцепиться,
Взлететь, спастись, но – нет!.. Так точно я,
От страха обезумевший, не вижу,
Как можно, успокоившись, свободно
Пленного себя освободить.

* * *

Зарастает русское поле бурьяном
и чернобылом,
пусто в нем, одни волки рыщут,
как в поле половецком.
В. Николаев

Какое семя нанесло –
Все чернобылом поросло...

С плеч покати́лась голова –
Полынь-трава, полынь-трава...

Всплеснулся сабельный изгиб –
К глазам моим твой взгляд прилип...

И я с собой тебя возьму –
Во тьму, во тьму, во тьму, во тьму...

Но петушиный вспыхнул крик!..
Откуда он в степи возник?!

* * *

Тоскуют по лицам кривым зеркала,
Томятся в мозгах сумасшедшие мысли...
Кто нам посылает гиперболы зла,
Метафоры ужаса?.. Не перечислить.
(...)

* * *

Есть Бог,
Да некому верить.
Есть Правда,
Да некому за нее постоять.
Есть Жизнь,
Да некому жить.

* * *

Я неделю кутил,
Я неделю хулил,
Я неделю разгульно, бессовестно жил.

Я неделю гулял,
И себя забывал,
И Тебя убивал, убивал, убивал.

Что мне, Господи, делать?
Спаси! – закричу..
Только ветер шумит: Не хочу!.. Не хочу!..

* * *

Белый снег идет
Да на черный лед,
Подо льдом – вода,
Под водой – беда
Камушком на дне
В самом страшном сне...

* * *

Разменяю я время на Вечность –
Буду иноком жить на миру
И, земную пройдя быстротечность,
Я уже никогда не умру.

Только явь и ночные кошмары
Открывают мне правду на ложь:
– Ты безволен, ты немощен, старый
И уже никуда не уйдешь!
(...)

* * *

Он без имени и без племени.
Потерялся в пространстве и времени.
Ничего не увидел хорошего.
Измолола судьба его в крошево.
И душа-то любви не востребовала...
И как будто его вовсе не было.

* * *

Через века, через гордыни,
Через моря, через пустыни,
Через блистанье льдистых гор
Летит поруганная слава,
Она давно имеет право
На человеческий укор.

Ты ждал ключей и Божьей чести...
Москва стоит на прежнем месте,
А ты бежал, как жалкий вор.
Ты осмелял на мир французов:
На блюде преподнес Кутузов
Тебе на все века позор.
(...)

СОФИЯ

Стоит плененная София
И только в Высь устремлена...
Мятущиеся племена
Читают письма святыя.

Юг, Север, Запад и Восток
Огородили минареты,
Но богоданные Заветы
Не сдвинуть и на волосок!

Премудрость Божья... Тишина...
А по земле – лютует пламя...
Под чье сегодня встанем знамя,
София ведает одна.

ТРАВКА

Мысль нелепая и вздорная:
Не грешить – так не покаешься...
И чего ж ты, травка сорная,
Все к культурным производишься?

Отчего твое стремление
Неизбывно, хоть непрошено?..
Тоже Божие творение...
Позабыто-позаброшено.

*Я страстей исчадьё выболю...
Хоть к спасенью и причастная,
Я тебя из сердца выполю,
Травка сорная, опасная.*

ПЕРЕХОД

*Лежит собака в переходе
Подземном... В ад дорога, в рай?..
На человеческий в переводе
Язык с собачьего: «Поддай*

*На пропитание...» И в кружке,
Стоящей рядом, медяки...
Лишь сердобольные старушки
Да инвалиды-старики*

*Всё в этом мире понимают
И за себя и всех людей
Ей крохи щедрые бросают
С завидной пенсии своей.
(...)*

СНЕГ

*Малышу – необычно,
Старику – тяжело...*

*И с улыбкой привычно
Пробуждаюсь светло.
Тяжело, но прекрасно
Размыкание век...
А на улице – ясно,
А на улице – снег!*

*** * ***

*– Время
кончилось! –
сказала
продавщица,
закрывая
газетный
киоск.*

*** * ***

*За мир просил,
За всех просил,
А за себя – не стало сил,
Себя другими заменяю...
А Бог-то спросит за меня.*

Михаил ЩУКИН

ВСЕ, ЧТО СОЗВУЧНО ЭПОХЕ

27 декабря 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) по предложению Е. М. Ярославского одобрило докладную записку Сибгосиздата о создании литературного журнала. 13 марта 1922-го была утверждена редколлегия в составе Е. М. Ярославского (в то время заведующего агитпропом Сиббюро), Ф. А. Березовского (редактора газеты «Советская Сибирь»), работников Сибгосиздата Д. Г. Тумаркина, В. П. Правдухина, М. М. Басова. И уже 21 марта 1922 года вышел первый номер издания.

В нем в программной статье редакция так определила свои задачи: «Не стесняя себя узкими догмами, журнал будет принимать все, что художественно воспроизводит эпоху социальной революции и ее своеобразное отражение в Сибири, что «созвучно» эпохе». Именно в «Сибирских огнях» были опубликованы главы первого советского романа «Два мира» Владимира Зазубрина и первый советский фантастический роман «Страна Гонгури» Вивиана Итина.

С 1930 года журнал – орган Сибирской ассоциации пролетарских писателей (СибАПП), с 1933-го – орган

Главный редактор журнала М. Н. Щукин.
Фото К. Кармалиты

Западно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей. В это время на его страницах появляется большое количество материалов, рассказывающих о социалистическом переустройстве Сибири, о новой жизни. С журналом сотрудничают как молодые, только что пришедшие в литературу авторы, так и писатели старшего поколения – Исаак Гольдберг, Вячеслав Шишков. Главы знаменитого романа «Угрюм-река» были опубликованы в «Сибирских огнях». Журнал стал стартовой площадкой для будущих классиков советской литературы Лидии Сейфуллиной, Леонида Мартынова и других.

Во время Великой Отечественной войны журнал выходил как альманах, его выпуски отправлялись на фронт. На страницах «Сибирских огней» впервые были опубликованы стихи 19-летнего Бориса Богаткова, который стал автором гимна Сибирской добровольческой дивизии, воевал в ней и героически погиб при штурме Гнездиловских высот. Тема Великой Отечественной войны стала одной из самых заметных в со-

В редакции «Сибирских огней». 1922–1923 гг.
Из коллекции Городского Центра истории новосибирской книги им. Н. П. Литвинова

держании журнала. Писатели-фронтовики Владимир Сапожников, Леонид Решетников, Иван Ветлугин, Николай Перевалов, Николай Яновский и другие оставили яркие произведения о великом народном подвиге.

В 1946 году журнал возобновляет прежний формат и выходит сначала шесть раз в год, а с 1958-го выпускается ежемесячно, являясь органом Союза писателей РСФСР.

Настоящий расцвет журнала пришелся на шестидесятые – семидесятые годы прошлого века. На его страницах впервые опубликован Валентин Распутин (повесть «Деньги для Марии»), Анатолий Иванов (роман «Тени исчезают в полдень»), Виктор Астафьев (повесть «Кража»), произведения Петра Проскурина и Михаила Алексеева. С журналом активно сотрудничают признанные сибирские авторы К. Ф. Седых, А. Н. Волошин, А. Л. Коптелов, Е. К. Стюарт, И. А. Мухачев, А. Т. Черкасов, К. Н. Урманов.

Активно развивается публицистика. Строительство Академгородка, первого метро в Сибири, БАМа, Новосибирской и Братской ГЭС, возведение новых городов, открытие сибирской нефти – все это находилось в поле внимания журнала.

Активно велась работа с молодыми авторами. Журнал «Сибирские огни», его сотрудники принимали самое активное участие во всесоюзных совещаниях молодых литераторов, в том числе и знаменитом Читинском совещании, по итогам которого была запущена уникальная книжная серия «Молодая проза Сибири», удостоенная премии Ленинского комсомола.

В 1972 году Указом Президиума Верховного Совета СССР журнал «Сибирские огни» был награжден орденом «Знак Почета» – «за заслуги в области советской литературы, активное участие в осуществлении задач развития экономики и культуры Сибири».

Одним из ярчайших редакторов журнала во второй половине XX века был А. В. Никульков. В период его редакторства (1975–1987) в журнале были опубликованы романы В. М. Шукшина «Любавины» и «Я пришел дать вам волю. Степан Разин», активно печатаются замечательные сибирские авторы Илья Лавров, Николай Самохин, Геннадий Прашкевич, Александр Плитченко, Геннадий Карпунин, Константин Лагунов, Валерий Мурзаков и другие. Тираж «Сибирских огней» в то время достиг 125 000 экземпляров.

В 1990-х годах журнал едва не прекратил свое существование. Но благодаря усилиям литературной общественности, Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и администрации Новосибирской области в 1998 году «Сибирские огни» были возвращены в нормальный ритм деятельности. В последующие годы журнал активно развивался, расширяя круг авторов. Особенных успехов именно в этот период достиг раздел поэзии. На страницах журнала выступают такие талантливые поэты, как Владимир Башунов, Владимир Макаров, Михаил Вишняков, Бахыт Кенжеев, Александр Радашкевич, Анатолий Кобенков, Александр Денисенко, Анатолий Соколов и другие. Книга «Поэзия «Сибирских огней», составленная из произведений этих авторов, была отмечена литера-

Редакция журнала «Сибирские огни». 1975 г.

Из коллекции Городского Центра истории новосибирской книги им. Н. П. Литвинова

турной премией им. Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству».

На страницах «Сибирских огней» впервые были опубликованы такие широко известные ныне авторы, как Гузель Яхина и Александра Николаенко. С журналом активно работают известные российские литераторы Таисия Пьянкова, Александр Родионов, Михаил Тарковский, Анатолий Байбородин, Анатолий Кирилин, Валерий Хайрюзов и другие.

С конца 2014-го – начала 2015 года в журнале произошёл ряд масштабных изменений. Главным образом они касались работы с авторами и общения с читателями.

Работа с авторами

С 2016 года «Сибирские огни» вручают ежегодную литературную премию лучшим авторам, опубликованным на страницах журнала. В разные годы премию поддерживали различные муниципальные организации Новосибирска, представители бизнеса, депутаты Совета депутатов города Новосибирска, писательские союзы и Министерство культуры Новосибирской области. Лауреатами премии становились: Алексей Леснянский (2015, Абакан), Наталья Ахпашева (2015, Абакан), Геннадий Прашкевич (2016, Новосибирск), Светлана Кекова (2016, Саратов), Дмитрий Мурзин (2016, Кемерово), Павел Пономарев (2016, Барнаул), Владимир Костин (2016, Томск), Александр Денисенко (2017, Новосибирск), Елена

Безрукова (2017, Барнаул), Михаил Хлебников (2017, Новосибирск), Володя Злобин (2017, Новосибирск), Геннадий Башкуев (2018, Улан-Удэ), Алексей Ивантер (2018, Москва), Виктор Коврижных (2018, Кемеровская область), Эльза Гильдина (2018, Уфа – Москва), Анастасия Разумова (2019, Пермский край), Мария Теплякова (2019, Суздаль) и другие.

С 2016 года редакцией журнала «Сибирские огни» ежегодно проводится Совецание сибирских авторов (в разные годы работа совещания осуществлялась по направлениям: «Проза», «Поэзия», «Критика», «Публицистика», «Фантастика»), по итогам которого лучшие участники рекомендуются к принятию в Союз писателей России, к публикации в различных российских литературных изданиях.

С 2017 года в журнале «Сибирские огни» выплачиваются гонорары.

В период с 2015 по 2021 год авторы журнала становились лауреатами престижных литературных конкурсов и премий, таких как Патриаршая литературная премия, Национальная литературная премия им. В. Г. Распутина, премия им. В. М. Шукшина, «Русский Букер», «Золотой Дельвиг», ежегодная премия журнала «Наш современник», Григорьевская поэтическая премия, «Русские рифмы», «Лицей», Международная Волошинская премия, «Книгуру», премия «Справедливой России», а также конкурсов драматургии «Филатов-фест» и «Баденвайлер».

Участники и руководители Регионального совещания сибирских авторов. 2018 г.

Геннадий КУЗНЕЦОВ

«НЕ ГОРЮЮ, МАМА, НЕ ГРУСТИ»

Письма с фронта павшего смертью храбрых

Лев Павлович Жучков родился в 1923 году в Приморье в семье кадрового военного Павла Филипповича Жучкова, участника освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, вынужденного вскоре оставить службу из-за резкого ухудшения здоровья (сказались тяжелые ранения). Это был человек корчагинского племени, страстно отдававший себя утверждению социалистического строя и не жалевший для этого ни времени, ни сил. Он рано сгорел, ему было немногим более сорока лет.

Лев Жучков провел отроческие и юношеские годы в городе Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) Амурской области. Они совпали с расцветом советской эпохи. Страна работала над выполнением пятилетних планов. По всему Союзу гремели имена трактористки Паши Ангелиной, шахтера Алексея Стаханова, машиниста паровоза Петра Кривоноса, ткачих сестер Виноградовых и других передовиков производства, работавших с огоньком, творчески, перевыполнявших задания вдвое, втрое и больше.

Находясь во враждебном капиталистическом окружении, советские люди вынуждены были «держаться порох сухим». В тридцатых годах особым вниманием и почетом пользовались у населения воины Красной армии. О них писались книги, ставились фильмы. В 1940 году, когда учительница спросила, кем бы мы, ученики, хотели стать, все мальчишки нашего четвертого класса заявили, что будут летчиками, танкистами, моряками. Вот и Лев Жучков ступил на военную стезю, пошел по стопам отца.

Со школьных лет он увлекался спортом, но особенно музыкой. Знал ноты, играл на баяне и джазовых инструментах и даже пробовал сочинять. Уже на фронте, по свидетельству его однополчанина А. Г. Кавтарадзе, ставшего впоследствии военным историком, командование давало Льву возможность продолжить обучение в консерватории. Однако он отказался: не мог оставить воюющих товарищей.

Подобное чувство остро проявлялось в нем еще в детстве. Лева стеснялся приходить в класс в новой

рубашке – из-за того, что его друзья ходили в старых. Когда ему купили велосипед, он заявил: «Велосипед будет мой и моего друга Павлика». То же и с доставшимися ему отцовскими часами: месяц их носил Павлик, а другой – он сам.

Жил Лев Жучков с открытым, чистым и честным сердцем. Таким остался и на фронте. «Это была любимая всеми нами душа, – вспоминал воевавший под его командованием рядовой Ф. Н. Сташкевич, ставший после войны Героем Социалистического Труда. – Мы всей батареей оплакивали смерть Льва Павловича».

В письмах с фронта Лев Жучков был краток, ласково журил мать за слишком горячее, по его мнению, беспокойство о нем. Писал регулярно, когда позволяли обстоятельства, и почти ничего не сообщал о войне.

«Были горячие деньки», – всего тремя этими словами он сообщает в марте 1943 года о своем участии в ликвидации Ржевско-Вяземского уступа, где, по воспоминаниям генерала Михайличенко, «немцы проутюжили семь наших дивизий». А при взятии печально известной Зайцевой горы погиб командир 4-й батареи Владимир Шененевич, огневыми взводами которой командовал Лев Жучков. Но домой он не писал о таких боях и вообще о трудностях фронтовой жизни, чтобы лишний раз не волновать мать. Он очень любил ее и свою младшую сестру Викторию и старался писать письма так, чтобы родные меньше переживали за него. Только однажды Лев Павлович несколькими фразами описывает бой – очень серьезный, когда фашисты пытались окружить и взять его батарею, но и то сообщает о нем так, будто это была просто игра с мальчишками во дворе. Кстати, за тот бой он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В. Лисевич, исследователь истории 572-го артиллерийского полка, где служили его двоюродный брат Владимир Шененевич (которому перед войной прочили в Одесском университете карьеру ученого) и Лев Жучков, так написал о погибших: «Потеря талантливых молодых людей, почти юношей, которым жить бы да жить и радовать Отечество добрыми делами, потеря верных сынов Родины Левы и Володи – утрата неизмеримая и боль вечная. В тяжелейшее для страны время они грудью прикрыли ее от врага. Наша Отчизна выстояла благодаря таким ее защитникам, какими были Лев Жучков и Владимир Шененевич».

Письма Л. П. Жучкова хранятся сейчас у дочери его сестры Виктории – Ольги Лихачевой, проживающей в Новокузнецке. Подготовлены к публикации с ее разрешения.

* * *

«...Привет с дороги. Сильно трясет. Устроились неплохо. Самочувствие хорошее, не простыл, на ходу с поезда не соскакиваю, водку не пью, деньги зря не трачу. Надеюсь, мама, это тебя успокоит. Темнеет. Качает. Плохо писать. Целую тебя и Вику. 19 июня 1941 года. Лева».

«...Ехать осталось 1,5–2 суток. Сегодня проедем Красноярск. Там сброшу письмо. В дороге еды не достать, но у нас и своей хватит до конца. Про войну с Германией узнали в Иркутске. Удивляюсь – почему Германия и Англия воюют между собой. 25 июня 1941 года. Лева».

«...Пишу письмо из полевых лагерей. Поселили в палатках. Выдали форму: гимнастерку, галифе, сапоги, пилотку. Место хорошее, кругом зелень. Мы пока обживаемся: вымылись, обмундировались, устраиваемся поудобней в палатках. Живем нескучно, кормят хорошо. Желательно получить от вас целлулоидные воротнички и щетки – бельевую и сапожную. Лагерь находится в 120 км от Томска на реке Томи. С приветом Лева. 30 июня 1941 года».

«...Ты, мама, не должна на меня обижаться, что я редко пишу письма. Я выполнил твою просьбу – сообщил о здоровье, о том, где нахожусь, а больше писать пока не о чем. Сегодня один наш курсант получил письмо – пишут, что в Куйбышевке призваны 1921 и 1922 гг. Интересно узнать, как дела у Павлика (одноклассника и друга Льва. – Г. К.), взят в армию или уехал в училище и какое? Напишите, как дела у Виктории, Юрия (двоюродного брата. – Г. К.) и всех родных. 17 июля 1941 года. Лева».

«...Вчера, 21 июля, часов в 11 вечера я получил два письма. Одно от вас, другое от Дуси (подруги Льва. – Г. К.). Письма, когда находишься вдалеке от дома, как бы сближают, уменьшают это расстояние. Поэтому ваши письма будут приносить мне только хорошее. Вместе с письмами пришел перевод на 50 р. Я благодарен тебе, и очень, мама, что так беспокоишься обо мне, но прошу денег не присылать, пока не попрошу.

Мне приятно было читать твое письмо, мама, я благодарен судьбе, что имею такую мать. Правильно, мама, сейчас стоит вопрос жизни или смерти нашей страны. Я постараюсь учиться так, чтобы не быть лишним человеком на фронте. Я знаю, что тебе тяжело сейчас, но эти мысли надо держать при себе и делать все так, как этого требует фронт, война.

В скором времени я постараюсь выслать вам справку о том, что я являюсь военнослужащим. Из письма узнал, что вы познакомились с Дусей. Наде-

юсь, она вам понравится. Пока. С приветом Лев. 22 июля 1941 года».

«...Вчера получил от вас письмо, сегодня – телеграмму. Сразу же начинаю отвечать на вопросы. 1. Я писал в первых письмах, чтобы оставили сапоги. Они мне не нужны. Можно продать. 2. Насчет справки говорил с командиром. 3. Ваши письма, как видите, доходят, поэтому посылка дойдет. Боюсь, мама, что в нее положишь что-нибудь, чего я не просил.

Дома, наверное, уже огурцы и другие овощи есть, чем нас не балуют, хотя кормят хорошо. Помоему, в армии мне никакая пища не надоест. По приезде в Томск потерял 2 кг, теперь все восстановил. 26 июля 1941 года».

«...Вчера получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Хорошо сделали, что отдали один воротничок Павлику, он ему в училище пригодится. А тетради не надо присылать, ими нас обеспечивают хорошо. Спрашиваете, как поступил в училище? В дороге к экзаменам не готовился, сильно трясло, с непривычки не мог читать. А по прибытии экзамены сдавали в тот же день. Я сдал хорошо и попал в одну группу с Леней Ворониным, Саяпиным и другими, кто хорошо сдал математику. Желаю, мама, быстрее тебе поправиться. 28 июля 1941 года».

131

«...Учусь хорошо, попал на доску отличников. Вчера получил весть от Павлика. В основном у него, так же как у нас, все время до отказа занято учебой, даже на письмо порой нет времени. Это письмо писал в два приема – вчера на привале во время марша и сегодня, находясь в суточном наряде. Точнее, во время подготовки к нему. На днях принимаем присягу. Я стану полноправным воином, тогда и дадут мне справку, о которой вы просили. 11 августа 1941 года».

«...Продолжаем крепко учиться и физически закаляться. В Сибири сейчас почти каждый день дождь. Стало холодно. С утра занимаемся в шинелях, но на ФИЗО продолжаем купаться в Томи. Когда лезешь в воду, то неприятно, а когда вылезешь, то лучшего самочувствия не придумать. 26 августа 1941 года».

«...Второй день как я в Томске. Но города, в сущности, не видел. Мы выгрузились на товарной станции и сразу же направились в училище. Помещение у нас чудное. Кругом чистота, все побелено и покрашено. Спим на койках, составленных по четыре: две внизу и две вверх. По приезде в Томск, когда ходили в баню, удалось попробовать помидоров, истратил на них последние двадцать рублей. Но я

не тужу, у меня в запасе 15 пачек махорки – надолго хватит.

В училище я пока получил только сорок рублей, из них половину отдал в Фонд обороны. Одобряю, что и вы отдали в Фонд обороны облигации займов, а значит оказали помощь мне, поскольку теперь я человек военный. Если возможно, пришлите перчатки, шерстяные носки, если они есть, белого материала для подворотничков и две иголки. 1 сентября 1941 года».

«...Побывал в Доме Красной армии. Здание хорошее, старинное. Улица, где стоит ДКА, тоже понравилась. Учусь хорошо. По предложению командира взвода выдвинут кандидатом в красноармейский суд чести. Значит, кое-что я стою. В предыдущем письме, наверное, тебя, мама, я напугал тем, что сижу без денег. Вполне обхожусь без них. К тому же пятнадцатого у нас получка. 6 сентября 1941 года».

«...Получил 30 рублей. В выходной пойду в ДКА фотографироваться. В Томске я поправился, лицо округлилось. Этому способствует бритая голова. Если можно, пришлите папирос, а то махорка надоела, и пальцы от нее стали желтые. Если Дуся вернулась из колхоза, передайте ей большой привет. 17 сентября 1941 года».

«...Живу и учусь по-прежнему хорошо. Одно плохо: вышло курево. А у нас в училище выдают по пачке махорки на месяц. Сшибаю «сороковки». Уже не до папирос, а хоть бы махорки мамочка прислала. Здесь уже прохладно. Говорят, скоро нужно ждать снега. Так что перчатки нужны без промедления. Если достану здесь, напишу, чтобы не беспокоились. Получил вторую благодарность за отличную службу во время ночных занятий. 26 сентября 1941 года».

«...Сегодня выходной. Утром был кросс. В нем принимали участие 4 училища. Сейчас сижу в казарме и жду увольнения в город. Спасибо за посылку, за папиросы. А шубейку прислали зря. Ведь в армии одежда уставная, и никто мне не разрешит ее надевать. Неудобно писать, но мне нужно рублей тридцать: сломались часы и мне не хватает денег на ремонт. И еще просьба: если можно, присылайте по четыре пачки махорки раз в полмесяца. Они будут легкие и небольшие. Мыло, пасту и так далее не посылайте, все это есть. Шубейку попробую отослать назад. 28 сентября 1941 года».

«...Живу по-прежнему хорошо. Все времяправляюсь. Мне об этом ребята чуть ли не каждый день говорят. У меня сейчас еле воротник сходится.

Деньги, которые я просил в предыдущем письме, мне уже не нужны. Леня Воронин на 100 рублей получил перевод. В выходной получили деньги и отдали часы в ремонт. Грустно, что я опять сижу без махорки, не говоря уже о папиросах. Поэтому, мама, выручай сынка, а то он совсем разучится курить. Я об этом пишу, наверное, в каждом письме, но ничего не поделаешь, я стал неисправимым и заядлым курильщиком. Мне сегодня пришла в голову мысль, что если бы мне пришлось позаниматься в школе так, как мы здесь занимаемся, то я считал бы себя просто молодцом. Сейчас я не могу понять, как это человек мог иметь столько незанятого, пропадавшего зря времени! 2 октября 1941 года».

«...Сегодня, вернее вчера, т. е. сейчас уже 2 часа ночи, получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Посылку, о которой вы сообщаете в письмах, еще не получил. Сладкого можно немного послать. Сахар нам дают, но если представится такая возможность, то я не прочь и полакомиться, хотя прекрасно обойтись могу и без засылания мне такого рода вещей. О перчатках не надо беспокоиться, нам их выдадут, только неизвестно когда. Музыкальных инструментов здесь хватает, но ни на одном не играю – нет времени, так что баян высылать не надо, все равно будет стоять без дела. Сфотографироваться до сих пор еще не сумел. В прошлый выходной в город не ходил, участвовал в воскреснике, после которого сразу же заступил в наряд. Вы пишете, что хотели бы посмотреть на меня. Мне тоже хочется повидать вас, но не такое сейчас время, чтобы этим заниматься. Я, мама, сильно изменился. Это я замечаю даже сам за собой. Изменений много: стал аккуратным, опрятным, дисциплинированным и т. д. Так что папины слова на этот счет не оправдались. Он обо мне не мог бы сказать ничего плохого сейчас (отец Льва умер незадолго до его отъезда в училище. – Г. К.). 10 октября 1941 года».

«...Вчера получил посылку. Это уже третья. Она произвела на меня самое хорошее впечатление. Все, что прислали, нужно мне. Главное – папиросы, да еще перед праздником! Сегодня 7 ноября. Были на площади, после этого все время отдыхаем. После обеда я проспал три часа, проснулся и подумал, что уже утро. Отдыхаем мы только сегодня. Завтра снова обычные занятия. Вот уже два дня идет снег, наверное, не растает. Надвигаются морозы. Я одет хорошо, тепло. Мне нужны теперь только валенки. Их высылайте без промедления. Я, как и предполагал, пришел к празднику только с хорошими и отличными результатами. Это мой вам праздничный подарок. Больше я вас ничем обрадовать не могу. Хотел послать поздравительную телеграмму, но на

почту не пускали, а сейчас уже поздно. Да и из расположения батареи уходить нельзя: наше подразделение дежурное. Сейчас пойдем на ужин, а потом состоится встреча с бывшими курсантами, участниками Отечественной войны. Я и мои товарищи по взводу уже «старички». Основное прошли. Я думаю отпускать волосы. Чувствую себя полноценным командиром. К военной жизни давно привык, то, что мы изучили, знаю хорошо. На фронте товарищам обузой являться не буду. 7 ноября 1941 года».

«...В этом письме хочу сообщить о вещах, которые мне нужны будут перед отправкой на фронт. В первую очередь валенки, затем шапка, варежки шубные или ватные, пошире, так как рука у меня широкая, а я хочу надеть варежки вместе с перчатками. Теплые носки. Свитер, только если хороший, такой, как прислали, не надо. С десяток тетрадей, не мешало бы парочку блокнотов. Ножи для безопасной бритвы, маленькое зеркало, перочинный ножик. Я искал эту мелочь в Томске, но не нашел. Остальное все есть. Нам перед праздником выдали шлемы, хорошие перчатки, теплые портянки. Пишите, как прошел праздник в Куйбышевке. Как ты, Виктория, учишься? Что сейчас делают дядя Володя, дядя Дионисий? С приветом Лев. 19 ноября 1941 года».

«...Живу по-старому – хорошо. Если раньше занятия на улице из-за холода не любили, то сейчас 133 заниматься в поле даже стало интереснее: нам выдают валенки, ватники и хитгрелки для рук. Это очень ценная вещь, когда приходится писать или чертить на морозе. Насчет посылок не беспокойтесь, получил все сполна. Курево еще есть. Когда выйдет, то перейду на «иждивение» ребят, с которыми живу дружно. 30 ноября 1941 года».

«...Здравствуй, мама и сестренка! Посылки получил. Высылаю фотографию и справку. Фотографировался в самом обычном виде. Больше писать нет времени. С приветом Лев. 5 декабря 1941 года».

«...Сегодня я выпустился из училища младшим лейтенантом (всех так выпустили). Получу обмундирование и более 500 рублей. Завтра еду в часть, на дорогу денег хватит. Будьте живы и здоровы. За меня не волнуйтесь. Привет родным и знакомым. Лев. 2 февраля 1942 года».

«...Третьего февраля получил документы и выехал из Томска. Еду в Москву, на Западный фронт (в Москве пересадка). Денег дали 650 рублей, да 150 у меня было. Еду без продуктов, но на станциях в буфетах кормиться можно, и довольно дешево.

Кроме того, в поезде есть ресторан. Так что голодовать не придется. Настроение нормальное. Привет всем. Письмо послал из Тюмени. 4 февраля 1942 года».

«...5 марта 1942 года. Здравствуйте, мама и сестренка! Пишу письмо с фронта. Жизнь пошла другим руслом, пришлось приспосабливаться. Взвод у меня хороший. Народ пожилой, воюет с начала войны. Приняли меня хорошо, я сразу как-то обжился и не отличаюсь от старых фронтовиков. Деньги на фронте девают некуда. Я послал вам из Можайска 300 рублей – остатки томских денег. Здесь мне нужно получить еще рублей 800, но получать их некогда. С Ворониным в одно место не попали. Живу прекрасно: сыт, тепло одет, здоров. У меня даже насморк пропал, который часто мучил меня в Сибири (ходил-то в сапогах!). А тут получил ватную тужурку, штаны меховые, варежки, валенки и др. Так что обо мне не беспокойтесь. С приветом Лев!»

«...10 марта 1942 года. Направлялся в баню, а машина пока не пришла, поэтому имею время написать письмо. Из училища я вам писал короткие письма, сообщать-то было нечего. Думал, с фронта буду писать метровые, а получается старое. Да и что писать-то? Воюем, да и все. Прошу выслать мне адрес Василия (родственника семьи Жучковых. – Г. К.) и Павлика».

«...21 марта 1942 года. Дела идут хорошо. Одно плохо: не получил пока ни одного письма. Сегодня выдали деньги. Как будет возможность, вышлю. Перешлю в райвоенкомат денежный аттестат, и вы с мая по сентябрь будете получать за меня по 500 рублей. Пришлите мне адрес дяди Павла».

«...24 марта 1942 года. Добрый день! Мама, хочу только известить тебя, что я послал тебе 1100 рублей – 300 из Можайска и 800 с фронта. С приветом Лев».

«...28 марта 1942 года. У меня возникло желание узнать, что из себя представляет новый управляющий совхозснаба. Что за человек, какая у него семья? Как у него идут дела? Скажи ему: пусть работает так, как на его месте работал мой отец. Лучшего я ему пожелать не могу. Напиши, мама, что с квартирой, дровами, продуктами. Вообще напиши подробнее, как живешь, работаешь. Ну а наши дела вы знаете из газет. Одно могу добавить: донимает сырость и грязь. Но пусть приходят почаще письма, и сырость мы переживем. Передайте привет, если он хороший человек, управляющему. Привет родным и знакомым».

«...31 марта 1942 года. Я вам, наверное, надоел письмами, чуть свободное время – принимаюсь писать. Уже, кажется, обо всем переписал, а ответа еще ни на одно письмо нет. Я желал бы узнать, как поживают мои дядя, где и как работают, думают ли идти к нам с Василием на помощь. Насчет помощи я так, для шутки, им и там, если захотят, работы будет по горло. А мы и без них управимся. Кстати, о Василии. Я, как уехал из дому, ничего о нем не знаю. Может, вы что-то о нем знаете, напишите. Раздумался я о вас и вспомнил, что дом наш стал оседать на одну сторону. Ремонтировали его или нет? Как чувствует себя Джек (собака. – Г. К.)? Ведете ли какое хозяйство? Видите, сколько у меня к вам вопросов, и ни на один ответа нет».

«...22 апреля 1942 года. Очень рад вашему письму, наконец-то наладилась связь. Пишу письмо из санчасти. Я немного простыл, четыре дня продрожал в землянке, стало лучше – пошел в санчасть, где признали бронхит в легкой форме и оставили там подлечиться. Сейчас чувствую себя совершенно здоровым, читаю книги да слушаю патефон. Насчет травмы ноги я даже писать вам не стал. Это в письме домой из училища Воронин раззвонил. Правда, мне еще и мизинец переломило. Я пролежал в Томске 13 дней в госпитале, обманым путем ушел, притянул бинтом палец к остальным, уже в Москве он сросся. Деньги оставлять у себя не буду, они мне, повторяю, не нужны. Вот разве на покупку часов придется истратить. Без часов трудно.

Вика, насчет соцдоговора я не против, только ведь необязательно комиссару проверять его. Он проверяется комиссией или всеми вместе подводятся итог. Вот и мы после войны с тобой его подведем. Я знал, что мама будет работать хорошо, и поздравляю ее с благодарностью, а вот что ты работаешь так, что маме не нравится, это плохо. Может, ты и с отличниц уже скатилась? Почему мало пишете о себе? Как живется, как дела с питанием, с деньгами? Меня эти вопросы очень интересуют!»

«...3 мая 1942 года. Сегодня получил три письма: два от вас, одно от Дуси. Положил их перед собой, закурил, перебрал по одному, просмотрел все печати, штампы, посмотрел письма на свет и только после этого приступил к чтке. Поздравления ваши немного запоздали, но это неважно. Хоть и не роскошно, но и на фронте я сумел справиться и день рождения, и Первое мая. День рождения отмечал еще в санчасти. Достал молока, сестра-хозяйка сварила картошки, у меня было масло, колбаса. На празднование 1 Мая получили по полторы сотни папирос, по 200 граммов колбасы, 100 граммов рыбы копченой, 100 граммов селедки, печенья и др. На

оба случая было припасено немного водки. Совсем неплохо получилось.

Адрес Павлика мне прислала его мать. Получил письмо от Василия. Он, оказывается, в училище и в апреле должен был выпускиться. Ты, мама, за меня не беспокойся. Правда, я нахожусь все время в опасности, но таких, как я, много, и это должно придавать тебе бодрости. У меня не всегда есть возможность не только письмо написать, но и поспать. Это ты должна понимать. Поэтому задержка с письмами не должна приводить тебя в уныние. Ты должна всегда работать хорошо и радостно. Своей работой ты помогаешь мне».

«...25 мая 1942 года. Порядочное время не писал вам писем. Были горячие дни. Сейчас врываемся в землю, вернее в глину. Целую пятидневку ходил грязный как черт. Но основное сделано, и жить стало веселее. Время стоит теплое, прилетели птицы, травка растет. Вот только пейзаж портят воронки от разрывов бомб и снарядов. Я бы в это время мчался куда-нибудь на велосипеде. Да, если будет туго, то продавайте велосипед и баян. Приеду – новое наживем. Только часы отцовские берегите».

«...11 июня 1942 года. Пришел с НП (наблюдательного пункта), и мне ребята вручили письмо. Решил сразу же написать ответ. Получил письмо от Павлика. Он сейчас в Москве. Обижается: 5 месяцев едет на фронт и никак доехать не может. Живу хорошо. Родина обеспечивает абсолютно всем. Я, как и вы, подписался на заем – 1000 рублей. Ты, мама, наверное, хорошо научилась шить мужское. Вот приеду, ты мне сошьешь хорошую форму, подобающую артиллеристу. Ведь артиллерист считается самым культурным командиром. Передайте от меня привет красноармейцу Русяеву Д. Г. (дяде Льва. – Г. К.). Надеюсь, что его дисциплиной здорово не жмут. Отвыкли ли они с дядей Володи от старой привычки (выпивки. – Г. К.)? Передайте, что после войны им придется держать отчет по всей форме. Посматривайте за Германом (двоюродным братом. – Г. К.). В его возрасте ребята начинают баловаться табачком. Просмотрите – поймет вкус, трудно будет отучить. Извините, что стал реже писать».

«...12 июля 1942 года. Западный фронт. Мама, я был немало удивлен, что ты написала письмо командиру полка. Сообщаю тебе, что я по-прежнему жив и здоров и продолжаю бить фрицев. Прошу тебя, мама, обо мне так сильно не беспокоиться, это ни к чему хорошему не приведет, только последние нервы истреплешь, которые тебе нужны совсем для другого. Жизнь моя течет нормально, настроение хорошее, условия неплохие, конечно в разрезе фронтовых понятий. Думаю, что твое серд-

це, мама, успокоилось. Простите, что плохо написал. Дело в том, что сейчас 2 часа ночи и голова немного утомлена».

«...23 июля 1942 года. Западный фронт. Здравствуй, мама! Получил от тебя письмо, очень благодарен, большое спасибо, но прошу тебя, чтобы ты меньше беспокоилась обо мне. Меня приняли кандидатом в члены ВКП(б)».

«...4 августа 1942 года. Западный фронт. Спешу сообщить, что я здоров, бодр, весел и т. д. Именно спешу, потому как, мама, ты уже считаешь, сколько дней от меня нет писем и строишь разные догадки. Недавно получил письмо от Вики. Цены на продукты сносные, значит, моя помощь вам кой-что дает. Сегодня прочитал в газете, что Хабаровский край собирает урожай. Когда придет мое письмо, у вас помидоры будут в разгаре. Хотелось бы мне их отвезти. Ладно, после войны поедем».

«...7 сентября 1942 года. Опасаясь, как бы вы не написали опять письмо командиру полка, спешу уведомить, что мне присвоено очередное звание, что наша батарея первая в дивизионе и, пожалуй, в полку. Вот коротенько все».

«...22 сентября 1942 года. Западный фронт. Большое спасибо за заботу, которую вы проявляете обо мне. Я всем обеспечен, деньги мне не нужны, на них на передовой ничего не купишь. Если сможете, то пришлите в письмах с десятков носовых платков и пробу с вашего урожая табака, тоже в письме. В куреве я не нуждаюсь, но просто хочется покурить домашнего, родного, дальневосточного».

«...1 ноября 1942 года. Благодарю вас за письмо. Табачок и носовой платок я получил. Советую и дальше продолжать в таком же духе (в отношении платков). Как и всякий военный, жду от вас посылку. Конечно, ни в чем я не нуждаюсь, но получить из дома посылку – большое удовольствие».

«...21 ноября 1942 года. Здравствуй, Вика! Спасибо за письмо и за вышитый тобой носовой платок. Ты пишешь, что мама с дядей собирались послать мне посылку, но ничего приличного не доставили. Конечно, я бы не отказался от шерстяных носков и бутылки водки. Но не волнуйтесь, я без этого обойдусь. Здесь стоят сравнительно теплые дни, хотя снег уже выпал. Теплую одежду нам выдали. Вообще жаловаться не на что. Ходим сыты и одеты. Вам на этот счет куда трудней. Передай дяде Володе, пусть лучше портрет моего отца рисует с фотографии, а меня пока можно отставить. Вот войну закончу, тогда пусть рисует».

«...6 декабря 1942 года. Мама! Зачем посылаете мне съестное? У меня этого хватает. От одеколона, водочки, платков носовых, свитера я не откажусь, но продукты не посылайте. Они вам во много раз самим нужнее. Для меня это – раз чай с ребятами попить, а вам это стоит многого. Я бы сам вам послал посылку с продуктами, но от нас посылки не принимают. Что знаете о Павлике? От него что-то давно нет писем».

«...15 декабря 1942 года. Здравствуйте, мои дорогие! Несказанно рад, что вы не забываете меня, дармоеда. Обрадовался, мама, что ты теперь работаешь в дневную смену. Я очень беспокоюсь за тебя. Ночная работа может оставить тебя без зрения. Хорошо сделали, что не приняли от вас мед. Подумаешь, достали полкило меду и спешат отправить его мне. Мама, ты лучше за Викторией смотри, у нее здоровье не ахти, а я с успехом проживу, даже если придется сидеть на одном хлебе. Я писал Дусе, что собирался с okazji побывать в Москве, но в связи с действиями на нашем фронте эту затею пришлось отложить. Если бы вы знали, как я по вам соскучился. Остаюсь любящим вас сыном и братом. Лев».

«...20 декабря 1942 года. Высылаю фото. Но думаю, вас пока мой портрет устроит, отдельные мои части на нем разобрать можно. Если не трудно, пришлите мне, пожалуйста, пятизначную таблицу логарифмов, если нет, то четырехзначную (учебник средней школы) и шахматы как можно меньших размеров и без доски. Простите, что я так часто напеваю вам всякого рода просьбами».

«...15 января 1943 года. В последние дни не имел свободного времени, чтобы ответить на ваши письма. Были все время в движении. Переехали на новое место, заново оборудуемся. Думали, нас пошлют на юг, оказалось, что там без нас хватает людей. Дней пятнадцать побыл в тылу, где передвигались. Повидал многих томских товарищей. Встретил и одного земляка из Куйбышевки – Алексея Шевченко. Вместе встретили Новый год. Получил посылку, дошло все, особенно рад свитеру».

«...17 января 1943 года. Последнее твое письмо, мама, принесло мне большую радость. Хоть ты и не писала мне, что Павлик убит, я знал, что официально об этом сообщение было. Я никак не мог примириться с этим. И оказался прав: таких, как Павлик, не убьешь. Так, значит, я на фотокарточке во многом изменился? Признаюсь, что я и сам замечаю в себе изменения как положительные, так и отрицательные, не только внешне, но и внутренне. Правда, в основном я остался прежним, да и измениться за

1,5 года сильно нельзя. Школьные увлечения: спорт, музыку – люблю по-прежнему.

Передайте маме Павлика, что я рад за него. Я даже завидую его положению. Хоть попал он на фронт позже меня, но испытать ему довелось больше и сделать пользы (в этом я не сомневаюсь) много».

«...20 февраля 1943 года. За прошедшие дни получил несколько ваших писем, но ответить на них не имел возможности: все время передвигались. Временно остановились в одной деревушке – спешу дать ответ, так как, по всей вероятности, следующее письмо придет не скоро. Нахожусь в самом прекрасном состоянии духа, здоровье хорошее, все в порядке. Мама, напиши, устроилась ли ты на новое место? (Из-за большой потери зрения маме Льва пришлось оставить швейное производство. – Г. К.) Все ли у вас в порядке, как денежные дела? Продлить аттестат не удалось, в штабе не оказалось нужного бланка. Буду высылать деньги почтой. Не нужна ли новая справка?»

«...4 марта 1943 года. Посылаю пару писем исключительно с почтовой бумагой, по 15 листов в каждом. То, что у вас нет бумаги, доказывает лист, вырванный из «Истории гражданской войны», использованный на письмо. Признаться, мне это не понравилось, потому что я сам «человек войны», мне будет больно, если к книге «Великая Отечественная война» (а она выйдет обязательно) будут относиться так же, как вы отнеслись к «Истории гражданской войны». Подходит конец обороне и на нашем участке. Ждите писем с описанием боевых действий, а не сообщений о том, что жив и здоров, которые, мне думается, и читать уже надоело. Мама, не вздумай обижаться. Я просто изложил свое мнение в отношении ценных, поучительных книг. Думаю, ты со мной согласишься».

«...23 марта 1943 года. Простите, что долго не писал. Были горячие деньки. Несколько дней назад поставлен работать командиром батареи (заменил комбата, которого убило). На нашем участке оборона сменилась активными действиями, и радостно становится, когда, читая газеты, найдешь хоть строчку про дела, в которых принимал личное участие».

«...2 апреля 1943 года. Погода стоит замечательная, снега уже почти нет, вода заливаает блиндажи и траншеи, кругом грязь. С водой приходится вести настоящую войну. Не имею никакой связи с Василием. Адрес дяди Павла (отца его) не знаю тоже. У вас просил – почему-то не прислали. Пишет ли дядя Дионисий?

Последние дни сижу в благоустроенном блиндаже, развлекаюсь радио, читаю, пишу письма, ну и воюю понемногу».

«...28 апреля 1943 года. Если не ошибаюсь (подсчет проводил довоенным способом), мое письмо должно прийти как раз к окончанию Викторией 7-го класса, поэтому поздравляю Victoriю с успешным окончанием неполной средней школы. Насчет успехов, думаю, не ошибся. Спасибо, что хоть вы вовремя отпраздновали мои именины. А то я в то время в такую заваруху попал, что вспомнил о них только на третий день. От Павлика ничего нет. Не знаю, что и предполагать. Если не ошибаюсь, то вы с его мамой частенько слезу пускаете сообща. Не думайте ничего плохого. После войны оба приедем. Я назло некоторым, вроде Галины Павловны (завуч школы, где учился Лев. – Г. К.), которые не считали меня человеком, приеду и докажу, что и мы не лыком шиты. Живу пока спокойной зажиточной жизнью. Даже зайца было заимел, да только он недолго у меня был: на третий день утром забыли дверь закрыть».

«...6 мая 1943 года. Я писал вам уже, что стал командиром батареи. За последнее время пришлось крепко поработать, испытание на комбата выдержал с честью. 1 мая был награжден медалью «За отвагу». Надеюсь, что в последующих боях принесу еще больше пользы Родине в борьбе против немецких захватчиков. Несколько раз видел Воронина Леонида. Он тоже старший лейтенант, адъютант генерала. Получали ли справку, переводы? Аттестат я выслал. С начала мая будете получать по нему».

«...5 августа 1943 года. Здравствуй, родная! Ты пишешь, что боишься за свои письма, что они получают все на один лад, поэтому доверяешь писать Виктории. А я, наоборот, люблю твои письма за их простоту, мне кажется, что ты со мной сидишь рядом и говоришь. Виктория хочет казаться взрослой и пытается писать «умные» письма, составляет надуманные предложения, а мне бы хотелось, чтобы попроще, натуральнее писала, а эрзац-мысли оставила бы для обсуждения, когда вернусь домой. Только ты, мама, не говори ей об этом, а то будет ходить надутая и совсем перестанет писать. Живу хорошо, порой даже кажется, что не на фронте, а у бабушки в тайге. Все так же, только сопок острых нет, да и лес помельче».

«...15 августа 1943 года. Здравствуй, Виктория! Ты письмом меня сильно напугала. Неужели мама написала командиру полка снова? Да он меня съест. Мы в июне – июле наступали, и было не до писем. Сообщаю, что скоро получу «Красную Звезду». Видишь, я от тебя не отстаю, воюю, кажется, неплохо».

Обо мне не беспокойтесь. Я уже столько разных испытаний и опасностей прошел, что, думаю, других и выдумать невозможно – и цел. Надеюсь, и в дальнейшем будет так же. Сегодня видел Л. Воронина, он на той же должности, но хочет попасть куда-нибудь в часть».

«...1 сентября 1943 года. Здравствуй, Вика! Спасибо маме, что она запросила обо мне у меня же, а то бы мне крепко досталось. Хороши ли места, в которых я нахожусь? Все леса избиты бомбами да снарядами, все в траншеях да окопах, деревни вокруг все немец пожег. Красоты осталось мало, но жить можно, терпимо. После войны сюда жить ехать не советую: у нас гораздо лучше. Можно съездить лишь на экскурсию, посмотреть на места, где происходили бои. Можешь меня поздравить: недавно приняли из кандидатов в члены ВКП(б) и награжден орденом «Красная Звезда». В остальном все по-старому. Маме скажи, чтобы так зря больше не волновалась».

«...20 сентября 1943 года. Здравствуй, мама! Заметь, как добросовестно я тебе пишу. Хотя мы и наступаем, я использую свободную [минутку] для письма. А ты это не ценишь. Мама, я верил в наши силы, в нашу победу всегда, но такого, чтобы наступать от Таганрога до Рославля, представить себе не мог. Несколько дней уже еле поспеваем за пехотой. Правда, этому мешают переправы. За эти дни я превратился в какого-то дорожного мастера. Война научила меня всему помаленьку: пищу готовить, жилье строить, дороги ремонтировать и многой разной мелочи. Настроение прекрасное. Вступили на территорию Белоруссии».

«...16 октября 1943 года. Повинуясь твоему, мамаша, приказанию, сообщаю, где нахожусь. Я был участником освобождения г. Кричева, наш полк получил наименование Кричевский. От Павлика давно нет известий. Сделал попытку найти его через Москву. Мама, меня интересует, можно ли достать хромовые сапоги и сколько они будут стоить?»

«...4 ноября 1943 года. Здравствуй, сестренка! Большое спасибо за подворотнички. Неплохо [бы] и в дальнейшем продолжать в этом же духе. От носовых платков и воротничков я никогда не откажусь. Жизнь у меня однообразная – воюй да воюй. Разленился я в армии здорово, разъелся и вообще испортился. Приеду домой – не рады будете иметь такого родственника. Профессия у меня такая – только бить да ломать. Ее я, кажется, освоил неплохо: чем больше разрушу, тем больше радости. Боюсь, что привычка разрушать останется у меня на-

всегда. Адрес Павлика получил, написал ему, но ответа пока нет».

«...8 ноября 1943 года. Спешу сообщить, особенно мамаше, что всем обеспечен и прекрасно настроен. Два дня справляем 26-ю годовщину Октябрьской революции. Изысканных блюд нет, но для фронтовой обстановки все как полагается. Находясь в Белоруссии, никак не могу привыкнуть, что нет снега и стоит сухая теплая погода. Вы счастливей: снег у вас уже всюю лето, а мне придется ждать его еще целый месяц. Пишите, как прошел праздник, подготовились ли к зиме?»

«...21 ноября 1943 года. Мама, не понимаю тебя, неужели по каждому пустяку плакать нужно? Помоему, я никаких поводов для этого не даю. Да если бы они и были, слезами не поможешь. Живу хорошо, построил себе «дом», отдыхаю в нем после бурного лета, набираюсь сил. Значит, фотокарточку получили? Мама, ты зря критикуешь портных, шивших мне обмундирование. Они ведь шили не по мерке, а у меня фигура незавидная – все лежит мешком. Вот уже после войны думаю довериться тебе, хотя опасуюсь, ведь раньше ты мужское шить не умела».

«...11 декабря 1943 года. Мама, я очень прошу передать дяде Володе, что написал ему несколько писем, но ни на одно ответа не получил. Спроси, есть ли у него совесть. В жизни и службе все благополучно. Пока большего не желаю, кроме скорейшего окончания войны, а там будет видно. Будем надеяться на счастливый исход в моей жизни. Какая у вас зима? Здесь всюду грязь».

«...20 декабря 1943 года. Вика, прошу тебя, если только это можно повернуть, чтобы ты снабжала меня художественной литературой. По-моему, бандеролью можно будет присылать. Не откажусь и от художественных журналов. Шли Пушкина, Чехова, Гоголя, Горького, Зощенко, Шолохова, Островского и др. Какие будут книги, те и шли, хоть каждый день. Если нужны на это деньги, вышлю».

«...6 января 1944 года. Не терпится узнать, чем порадовал вас Новый год. Для меня все началось благополучно. Наступаем. Присвоили очередное звание – капитан. Для двадцати лет вполне достаточно, даже, пожалуй, сверхдостаточно. Все мои желания исполнились так быстро, что на 44-й год ничего не осталось, кроме сильного желания окончить войну. Постараюсь приложить все силы для этого. Уже 15 дней ни от кого нет писем. Тут какая-то загадка: чем больше пишу, тем меньше получаю. Наверное, чтобы больше получать, не надо отвечать на письма. Только нет охоты подвергать себя опас-

ности получить внеплановую нахлобучку от командира части. В остальном все хорошо. Виктории советую писать побольше о жизни школы и передавать учителям от меня каждый день привет, а то посчитают, что воспитанник их забыл».

«...20 января 1944 года. Меня удивляет, мама, что считаешь меня скрытным. Обманывать не собираюсь. В самом деле живу хорошо. На войне тоже можно комфортабельно устроиться, конечно относительно: на фронте привыкаешь довольствоваться малым. Ну, а о мокрых валенках, бессонной ночи и других мелочах, повсеместно сопровождающих нас, по-моему, нечего и писать, неинтересно тебе и мне. Пожелания твои Лене Воронину могу передать лишь письмом. Вот уже месяца четыре с ним не встречался. Он сейчас командует противотанковой батареей. На этот счет я, кажется, всех друзей перещеголял: у меня потяжелей орудия. Живу, мама, хорошо, правда, не как на даче, но все же в тепле, свете, даже сплю без сапог, что не всегда себе разрешаю. Батарея на Новый год стала передовой в части, что, правда, не мешает мне получать нахлобучки и даже «сутки» от ком. части, но без этого, как ни стараюсь, никак обойтись не могу. Вот и все, что я мог тебе написать, ничего не скрыл, вернее, ничего не наврал, хотя не обо всем написал. Я имею большую обиду на цензуру, никак не дают написать что-либо серьезное. Получишь другой раз письмо от друга, а там и читать нечего. Вместо писем какие-то мозаичные листки получаешь. Как успехи у Виктории? Признаться, она мне нос утерла, несколько лет учится отлично. Я, пожалуй, восторжествовал бы, если бы она получила хоть один «пос» (оценку «посредственно», тройку. – *Прим. ред.*), все же на меня будет похожа».

«...7 февраля 1944 года. Здравствуй, Виктория! Спасибо за песню, за труды, но... у меня уже нет интереса к плаксивым словам. Сейчас увлекаюсь книгами (по возможности) и милосердно треплю баян, даже сам сочиняю. Правда, написал всего один фокстрот, послал его на оценку Б. Авдееву, известному музыканту. Боюсь, что на этом моя композиторская деятельность и закончится. Завожу дружбу с хозяйственной частью, чтобы с ее помощью перешить гимнастерку на китель и вшить в шаровары неположенный красный кант. Видишь, какими серьезными делами я занимаюсь, а ты ко мне с лирическими, да еще плаксивыми, песенками лезешь. Так что в другой раз присылай пободрее, а в основном упор бери на художественную литературу – посылай книги бандеролью».

«...15 февраля 1944 года. Вика, маме я побоялся сегодня писать, боюсь, как бы она опять не сделала

из моего письма какого-либо вывода, не соответствующего действительности, и обязательно не в мою и не в свою пользу. В прошлый раз написал ей: «...заболело внутри – тянет слишком домой». Получаю в ответ вопрос: опасно ли я болен, скоро ли поправлюсь? Передай маме, что «проболеет» всего два дня, теперь, слава богу, вылечился – домой так не тянет. Но все же при воспоминании о вас иногда опять проступают признаки «болезни». И пожалуй, совсем вылечиться мне не удастся. Дуся пишет, что мама у нас замечательная, а я бы этого не сказал. Не знаю, как ты, но я с ней жил довольно-таки плохо: колотить тебя не разрешала, запрещала курить, поздно приходить домой (правда, здесь я отвоевал себе некоторую самостоятельность, когда попал в духовой оркестр железнодорожного клуба), заставляла мыть пол и посуду и делать другую «бабью» работу, а какой скандал поднимала, если я приносил к концу четверти два-три «поса», выливала сколько слез! Нет, для меня мамаша ничего хорошего не представляет, и я рад, что не принято мамаш на фронт пускать, а то бы тут, на меня глядя, она с ума каждый день сходила. Пусть мамы сидят в тылу и представляют нас, их защитников, вечно стреляющими, потными, грязными, кричащими нечеловеческим голосом «ура!», героями всех фронтов и боев, серьезными и значительными во всех делах и поступках, пусть представляют нас такими, какими хотят видеть. Этого им запретить нельзя. Одного бы я хотел, чтобы не выказывали своих женских слабостей и не писали бы таких душераздирающих писем, от которых можно лишиться сна и аппетита.

Интересно, как ты с мамашей живешь? В моей жизни пока все без перемен. От нечего делать сижу и выдумываю разную чепуху, чтобы не остаться у тебя в долгу».

«...21 февраля 1944 года. Отвечаю на ваши вопросы. Отпуска получаем. Я в 43-м ездил в Москву. Надеюсь и в 44-м там побывать. Но отпуска короткие, а чтобы у вас побывать, надо суток 40–45. А на такое время меня никто не отпустит. Свободные часы стали скучноваты: опять забрали у меня баян. Книг непрочитанных тоже нет, а Вика новых присылать не собирается. К баяну пристрастился здорово, решил заводить свой, уже отложил на книжку 300 рублей. Я очень плохой эконом. Как будто деньги и девать-то некуда, а скопить не получается. А ведь мог уже не на один баян собрать. Вырасту – научусь и этой премудрости. Любящий вас Лев».

«...5 апреля 1944 года. Начало апреля, а у нас настоящая зима разыгралась: снег, мороз и ветер, дороги все перемело, еле ноги таскаю. Вот только когда оправдало себя зимнее обмундирование. Настроение хорошее, жизнь пока улыбается. Оста-

лись ли ноты для баяна? Если есть, то вышлите в конвертах по листу, по два вальс «Прекрасный розмарин», «Радость любви» Крейслера, «Чардаш» Монти и что-либо из танцевальной музыки. Выслал 1000 рублей. При первой возможности вышлю еще».

«...9 апреля 1944 года. Мама, Виктории уже шестнадцать с половиной лет, она уже девушка, и надо меньше мешать ей жить. Кино и танцплощадка в определенном возрасте составляют важную часть жизни не только для девушек. Была бы она мальчишкой, я посоветовал бы ей ходить вечно с синяками, целыми днями сидеть в речке, крутиться на турнике, ходить на охоту и т. д. Это, конечно, в «личное время», как у нас говорят. Трудно в такое время удовлетворить все ее желания, а хотелось бы, чтобы хоть она пожила у нас без забот, чтобы от юности у нее осталось самое светлое, самое радостное воспоминание. Может, мы успеем что-либо для нее сделать, ведь конец войне не за горами».

«...29 апреля 1944 года. Сiju в блиндаже на высotке, пришиваю пуговицу. Твоя, мама, наука пригодилась. Вспоминаю твои уроки и то, как отец тоже что-нибудь пришивал или зашивал. Интересно, какие доводы ты ему приводила? Мне же говорила, что не век с мамой жить будешь. А ему? В данной местности, где нахожусь, болот много, а грязи даже на возвышенных местах полно. Обитаю на горке, а в блиндаже вода. Сразу поправляюсь – немного воды, [а то] будешь, мама, опять беспокоиться, как бы я насморк не схватил».

«...9 июня 1944 года. Боюсь, что у вас полупаника, так как я почти месяц ничего не пишу. Был в доме отдыха под Москвой. Домой меня не пустили – поезжай в Подмосkовье, в случае надобности чтоб мог вернуться. Отдохнул замечательно, всю Москву избегал, даже заблудился один раз. Но большую часть времени находился в доме отдыха, загорал, купался, играл в бильярд, а вечером ходил на танцы. К танцам у меня большой охоты нет, но неудобно просто было: все танцуют, а я сiju. Набрался нахальства и стал учиться танцевать. У меня страдали лишь сапоги, а некоторые партнеры и партнерши чуть было не лишились ног (вес-то во мне порядочный). Азы танцев усвоил, надеюсь, что через полгода все забуду. Настроение, здоровье, дела по службе – все прекрасно. Ни на что не жалуясь, ни на что не претендую. Кто как, а я даже в таких условиях рад жизни. Хорошо быть молодым, здоровым, иметь уйму радужных надежд на будущее. Открылся Второй фронт. Дела пойдут, пожалуй, вдвое быстрее».

«...4 июля 1944 года. Мамаше и сестренке привет от неблагодарного, неаккуратного родственника! Вины моей в молчании нет, опять начались жаркие делишки. Я как-то писал вам, что у нас день на день похож, но это в обороне. А в наступлении отличаются они порой сильно. Прошлом лето я участвовал в порядочных боях, но в этот год они еще более сильные. Во взятии Могилева есть частица моего труда и пота. Пленных ведут сотнями, их еще и после нас вылавливают в лесах. Хорошее настало время. Пленные фрицы с перепугу говорят, что война окончится через десять дней. Посмотрели бы вы, как я с дружкой осваивал трофейную легковую машину. В Могилеве под огнем достали ее, закатали за дом, а завести не можем: шофера-то из нас липовые. Пришлось пользоваться услугами пленных. Усвоив все правила и приемы, поехали на командный пункт. За два дня тренировки мы до того напрактиковались, что у машины не стало работать сцепление, действовала только одна скорость, а для того чтобы завелся мотор, мы с помощью товарищей толкали ее и на ходу заскакивали в кабину. Много мы напoлучали насмешек, но продолжали ездить, подобрав хорошую команду толкачей».

«...9 июля 1944 года. Не имею времени много писать. Идут великие дела, если выразиться громко. Наступаем. Письмо пишу в Минске. У меня все в порядке. Раздолбал фрицам батарею и пехоту их погонял малость. Вчера пришлось взяться за винтовки: фрицы подошли вплотную, хотели окружить. Нашлепали им, а 22 взяли в плен».

«...11 июля 1944 года. Не помню, отсылал ли я вам на этих днях письмо. Столько дел сейчас, что трудно все запомнить. Три недели как наступаем, и успешно. Убитых и пленных немцев очень много, я еще не видел их такое количество. За этот период я успел немного отличиться и представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени. Вчера проводил дружка в госпиталь. Крепкий парнишка: ранен в грудь навывлет, не ложился, ходил все время, даже шутить пробовал. Влетел на той самой машине к немцам, сумел отбиться, даже пленных захватил. У меня пока все в порядке, тоже разок попал в трудное положение, отделался благополучно, сдав экзамен на пехотного командира. Мне кажется, войне скоро конец, в 45-м ждите на побывку».

«...20 июля 1944 года. Продолжаем наступать. Нахожусь в Западной Белоруссии. Поселки здесь очень хороши, в красивых местах, чистенькие, в садах красивые постройки. Деревни от наших почти не отличаются, только садов больше. Получил письмо от Павлика из г. Александрии. Пишет, что живет хорошо, работает командиром роты».

«...2 августа 1944 года. Добрый день, дорогая мамаша! Последнее письмо твое меня очень удивило: кажется, ты и сейчас не прочь спустить мне штаны и выпороть. Да будет вам известно, что период таких воздействий давно прошел (к вашему, несомненно, огорчению). Впредь творить что-либо подобное над собой никогда не позволю. Словами можно меня поносить как угодно, словом меня не проймешь. Кроме того, рукоприкладство в армии запрещено. Если бы не война, давно бы отказался от таких родственников, потому что пользы мне от вас никакой, только лишние хлопоты. Вот только некогда повернуть это дело... Дальше писать в таком же тоне не хватает ни умения, ни неискренности. У меня, мама, все по-старому, если не считать то, что стал тебе чаще писать. Нахожусь на Втором Белорусском. Дело доходит до Германии (от Восточной Пруссии в 15 км). Сейчас временное затишье. Через несколько часов будем форсировать речку, неминуемо придется покупать. Это физически неприятно, но мало меня беспокоит, привык давно к подобного рода купаниям и другим вещам, что намного похуже. Пора заканчивать письмо. Темнеет. Погода здесь исключительная, не слишком жаркая и в достаточной степени сухая. Засушливые дни вам, связанным с огородами, может, и не по нутру, но я дождливую погоду отвергаю (правда, тучки в жаркий полдень, но без дождя – дело неплохое). С приветом Лев».

* * *

Это было последнее письмо Льва Жучкова. Спустя несколько дней наблюдательный пункт его был расстрелян прямой наводкой из нескольких «пантер».

В марте 1945 года матери Льва прислал письмо его друг Павел Номоконов:

«Добрый день, многоуважаемая и дорогая Ефросинья Григорьевна и Вика! Сегодня я в пятый раз вернулся из госпиталя в свою часть. Мои товарищи по фронту накопили и сберегли целую кучу писем, и вот сегодня я целый день пишу ответы. Из письма мамы узнал страшную весть, и слезы навернулись мне на глаза в единственный раз за все время войны... Что я могу сказать? Единственное и самое сильное, чем я располагаю, – это жгучая ненависть и жажда мести за моего любимого друга Леву. Заклятые сволочи уже пять раз пытались убить меня, но это были только раны, от которых я выживал. И сейчас у меня еще крепкое здоровье, для того чтобы отправить на тот свет не один десяток всеми проклятых немцев. А бью я их неплохо, судя по тому, что получил новую правительственную награду – орден Красного Знамени. Сейчас с еще большей ненавистью буду уничтожать проклятых гадов везде, где только будет возможность. Возможно, Лева еще жив, ведь на войне всякое бывает. Моя мама тоже получала извещение о моей гибели в 42-м году, а я все еще жив. Так что сильно не расстраивайтесь, подождем до конца войны и тогда узнаем точно. Прошу извинить меня, если я вас расстроил. Жду от вас писем. Если нужна будет какая-то помощь, пишите мне. С приветом. Целую, ваш Павел».

170

Павел погиб, не дождавшись победы над врагом. Такая же участь постигла и Леонида Воронина. Из юношей, окончивших вместе со Львом Жучковым десятый класс, после войны осталось в живых два человека...

Зинаида ЩЕЛОКОВА

СИРОТСКОЕ ДЕТСТВО

Я, Щелокова Зинаида Ивановна, родилась в 1940 году в Белостокской области (деревня Забалонье Жерчицы). По национальности белоруска. Девичья фамилия – Наливайко. Живу в городе Топки.

В детстве я была очень больным ребенком. Отец мой, военный, приходя домой со службы, часто приносил мне ягоды в сплетенной из лозы корзинке. Помню еще, что в доме стояло фортепиано коричневого цвета. На большом, покрытом красивой скатертью столе много разного мяса в изящных тарелках. Оно порезано с приправой из хрена и очень вкусно пахнет... К нам постоянно приходили гости. Жили мы на бывшей польской территории в своем доме, считались богатыми, имели много родственников: двоюродных братьев, сестер, теток, дядей и т. д.

В 1946 году нередко шли бои с бандеровцами и, чтобы не попасть под пули, приходилось прятаться. В начале мая меня и мою старшую сестру Аню мачеха повела попрощаться с отцом. Добравшись до дома, увидели его убитого, лежащего в луже крови, в польской военной форме. Мне стало плохо, я упала в обморок.

Родственники хотели забрать нас, сирот, к себе, но мачеха, имевшая собственного ребенка, решила уехать вместе с нами в Западную Белоруссию. Все наше домашнее хозяйство – коров и свиней, все наше богатство (дорогие ткани, украшения, шкатулку с золотом и серебром) – все забрала себе мачеха.

Помню, когда проезжали поездом через Брест, на таможене у нас проверяли вещи, документы. Еду мы готовили прямо на улице, разводили костер. Бегающая возле вокзала, мы с сестрой видели гильзы от патронов, гранаты, немецкие губные гармошки, но их никто не брал, зная, что это опасно: можно нарваться на мины.

Мы поселились в Гродненской области, в деревне Тулово Волковысского района. Жили с бабушкой и мачехой вместе в одном доме. 1946 год был голодный, однако я помню, как под потолком над печкой у нас висели разные колбасы, свиные и говяжьи окорока. Но нам с Аней ничего такого не давали. Жадная мачеха била нас и обзывала «байстрюками», хотя получала хорошие пенсии за наших родителей и за счет нас жила.

Мачеха любила одного мужчину, а мы им мешали. Ночами она стала выгонять нас на улицу в одних

рубашках и, только когда мужик уходил, забирала нас домой. Бывало, мы прятались от дождя и холода в копнах сена, укрываясь мешками. «Ты что это делаешь с детьми? – стали выговаривать мачехе соседи. – Ведь самую большую пенсию получаешь за них, а выгоняешь из дома!»

В сентябре мы с Аней пошли в школу и там от истощения стали падать в обмороки. Только тогда председатель колхоза узнал о нашей жизни и заставил мачеху сдать нас в детский дом.

Осенью 1949 года нас привезли в волковысский спецприемник, где было много детей, уход хороший. Но мы с сестрой пробыли там недолго. Нас перевезли в деревню под городом Мосты Гродненской области и оформили в специализированный детский дом, где содержались дети офицеров.

Аня пошла во второй класс, а меня признали еще маленькой, и год я не ходила в школу. Только позже выяснилось, почему так вышло. Мачеха сделала нам документы на два года моложе. У меня в свидетельстве о рождении стояла дата «15 октября 1942 года», а у Ани – «26 декабря 1938 года».

В нашем детдоме содержались воспитанники разного возраста: были и 18–23-летние, и такие как я, от 6 до 11 лет. Меня прозвали Кошечкой Бессмертной. Когда вечером заходило солнце, я ничего не видела и могла упасть в обморок. Меня освобождали от работ.

А работали мы постоянно. Рубили-пилили дрова, мыли полы, смотрели за скотом и птицей (свиньями, индюками), пасли их. Убирали территорию. Летом косили жито, пшеницу, дергали лен. Сами стирали, даже постельное белье, а в Немане его полоскали. За каждым воспитанником закреплялась грядка с овощами. И вместо зарядки мы ходили с ведром на реку, поливали свои овощи. Носить приходилось по 6–7 ведер в день.

После медицинского осмотра меня положили в больницу города Мосты с диагнозом «дистрофия плюс трахома». Я пролежала там почти полгода. А когда вышла из больницы, меня еще наблюдал детдомовский врач: нашли малокровие. Директор детдома водил меня на склад и спрашивал: «Зина, что ты хочешь покушать, покажи». Меня насильно заставляли есть, а я не могла, меня рвало. Заставляли пить рыбий жир, потреблять сливочное масло, и оно вытекало через нос. Из носа часто шла кровь, особенно летом, тело покрывалось нарывами, даже на голове, и все это продолжалось до 13 лет.

Директор нашего детдома оказался шпионом, заброшенным со специальным заданием. Об этом мы узнали позднее от пограничников, застава которых стояла неподалеку. Говорили, что директор получал на детей пособия, промтовары и продукты, большую часть забирал себе, а остальное сжигал. Его взрослая дочь частенько приходила к нашим

старшим ребятам и заводила с ними шашни. Еды парням не хватало, поэтому они с ней «играли», если она приносила что-нибудь поесть. Скоро директора вместе с семьей посадили в черный воронок и увезли в Гродно, в тюрьму.

Дело в том, что через большой мост, деливший деревню на две части, во время маневров проезжали войска с техникой. Поэтому здесь всегда кого-то подозревали, выявляли агентов-разведчиков. Воспитатели объясняли нам, на какие хитрости могут пойти агенты, чтобы узнать о количестве танков, машин, пулеметов, пехоты. Одна женщина приходила и расспрашивала нас о танках. Бдительный Димка доложил обо всем новому директору Богословскому (он отслужил в Военно-морском флоте). Женщину задержали.

Взрослых ребят из детдома постепенно распределили (одних – на учебу, других – на работу), и осталось нас примерно человек сто. Нравы у нас бытовали жестокие. Били, например, за разговоры с воспитателями: считалось, что это ябедничество. Ни на какое снисхождение не могли надеяться предатели, выдававшие провинившихся воспитанников. Их били беспощадно, могли бросить в Неман хоть летом, хоть зимой. Пришлось пройти через детские судилища и моей сестре. Ей сильно досталось.

Воспитатели нас тоже били, за уши таскали; особенно попадало тем, кто плохо учился. Одного пятиклассника невзлюбила воспитательница Лидия Ивановна. Она ругала его за то, что он писал левой рукой. Однажды Лидия Ивановна так разозлилась, что, выхватив из печки горящее полено, стукнула парнишку по голове, отчего у него загорелись волосы. Он выскочил на улицу. Отвезли его в больницу, но спасти несчастного не удалось.

После этого случая нам выдали пальто и хорошую обувь. Для нас это была большая радость, потому что ходили мы полураздетые, а обувь нам меняли только тогда, когда порвется. Даже если обувь оказывалась мала, ходили в ней. Вот и я из-за своей аккуратности долго носила тесную обувь. Может, поэтому у меня сейчас и болят ноги?

Нас посадили в машины-полуторки и повезли хоронить мальчика. А мы все веселились, довольные обновками. На кладбище я бегала, смеялась и угодила в могильную яму. Меня вытащили, хорошо отшлепали, и как же горько я плакала тогда!

Однажды в праздник старшие дети на втором этаже танцевали под гармонь, а нас, младших, загоняли спать. Но как уснуть, когда звучит такая музыка?! Впервые в жизни я слышала гармонь, и эти звуки казались мне чудом.

Мы с подружкой тоже начали танцевать. Но гармонист вдруг рассердился: «Уберите малышей, тогда буду играть!» Мы отошли подальше и продолжа-

ли танцевать. Гармонист, а был он в военной форме и в высоких сапогах, подошел ко мне, схватил за шкурку, подтащил к лестничной площадке и, пнув сапогом прямо по спине, сбил с лестницы. Я успела только крикнуть ему: «Фашист!»

Полтора месяца я пролежала в больнице. На спине так и остались рубцы... А гармониста того арестовали. И действительно, как рассказывали, он оказался фашистом-шпионом!

Мы могли лишь мечтать о том, чтобы кто-то нас пожалел. Воспитатели обзывали нас дармоедами. Подрастая, мальчишки могли дать сдачи воспитателям, если их били ни за что. Весной и летом мы частенько уходили в лес, взяв с собой хлеб и кастрюли с кухни. В лесу стреляли птиц из рогаток и варили их на костре, но это продолжалось недолго.

С 1949 по 1957 год я жила в детском доме, где не существовало ни радио, ни телефона. Если кто решал написать жалобу, за это били и сажали в комнату, где бегали мыши и крысы, снимали всю одежду, а комнату закрывали на ключ.

Детдомовцы чувствовали праздник, если приезжала с проверкой комиссия. В этот день нас одевали в хорошие вещи, давали обувь и могли даже некоторых погладить по голове. Комиссия выслушивала жалобы, и воспитатели давали обещание разобраться. Как только комиссия уезжала, правдивых избивали.

Везде мы ходили строем – на линейку утром и вечером, в столовую, на работу. Нас, как баранов, постоянно считали, и это было унижительно.

Приезжала к нам на практику одна интересная воспитательница – генеральская дочь. Она говорила с нами на разные темы, рассказывала много любопытного, показывала свои наряды, но быстро уехала.

Скоро приехала из Гродно новая заведующая детским домом, привезла своего сына. Толстый мальчик-пятиклассник постоянно носил в карманах что-нибудь вкусное и втихаря жевал. Ему выдавали еду, когда он хотел. У нас же, вечно голодных, никто так себя не вел, полагалось делиться со всеми.

Пацаны решили его проучить. Когда все легли спать, на него набросили одеяло и помутузили. Утром толстячка нашли избитым, сообщили матери (женщине килограммов на двести, а то и больше). Всех детдомовских построили во дворе на линейку и при ней били, потом заставили встать на колени.

Мы стояли на коленях в осенней грязи, но главный закон детского дома – один за всех и все за одного – не нарушили. В радости и в горе мы были братья и сестры. Вскоре мамаша эта забрала своего сына и уехала, а инцидент замаяли.

В 1955 году детдому отдали большое здание – двухэтажный бывший графский дом. Говорили, что граф этот уехал в Америку. Нас дом интриговал.

Убирая вместе со взрослыми комнаты, мы облазили все, и пацаны нашли радио. Услышав речь из приемника, мы не понимали: как это возможно? А взрослые нас запугивали, говорили, что это колдуны и ведьмы разговаривают.

Здание стояло на берегу Немана, вниз к реке вела лестница. Рядом из земли бил ключ с вкусной водой. Мы часто ходили туда пить.

Фасад графского дома походил на Большой театр в Москве (о котором мы узнали, конечно, позже). Вокруг росли дубы, липы. Отдельным великаном высился дуб такой толщины, что обхватить его могли только 13 человек. Нам рассказали, что посажен он был в 1842 году. За ним непроходимой чащей сплелись кусты сирени четырнадцати разновидностей.

В это время в детдом пришел очередной новый директор, поселившийся в этом же здании. Наши бытовые условия улучшились. Воспитатели организовали художественную самодеятельность, создали хор. Появились кружки – танцевальный, шитья и вышивки, где занимались девочки, мальчишки же столлярничали. На День морского флота шефы из города Мосты приехали с духовым оркестром и подарками, конфетами и пряниками. Мы так радовались!

Я танцевала с женой директора завода-шефа, и она хвалила меня за умение вальсировать. У нее появилось желание приезжать в детдом и учить нас бальным танцам, балету. Уроки проводились по выходным, при условии нашего хорошего поведения. С мальчиками нам танцевать не разрешали, только девочка с девочкой. Мне нравилась музыка, и я всегда первой шла в танцевальный зал, но...

За неверное выполнение па или жеста балетмейстер очень больно стегал девочек длинной тонкой тросточкой. Она хотела удочерить меня, но я отказалась... Позже я узнала, что всех начинающих балерин учат при помощи таких хлыстиков, но тогда, в моей сиротской доле, боль казалась слишком незаслуженной и обидной.

Вскоре у нас появился новый воспитатель – Богданов (имени-отчества, к сожалению, не помню). Он воевал, дошел до Берлина в звании майора. Все наши дети его очень уважали и старались с ним общаться.

Богданов водил нас на речку, учил плавать, ловить рыбу и раков, показывал, как их надо готовить. Он повел нас в поход в деревню Хатынь: там жил его друг по военной службе. В семье этого друга (председателя колхоза или сельсовета) подрастали две девочки, с которыми я в итоге подружилась. Мама их тоже мне понравилась.

В этот поход меня взяли с большим трудом, при этом доверили нести конфеты. Я считалась девочкой честной, аккуратной, но слабой по здоровью и,

действительно, еле успевала за другими, плетясь в хвосте колонны. В пути Богданов рассказывал интересные истории, подбадривал всех и меня тоже хвалил: «Наливайко сама не ест конфеты, да и другим не дает».

В Хатыни нас встретили хорошо. Поместили на ночевку в большой сарай с наваленной в него соломой. Девчонки расположились в одной стороне, мальчишки в другой.

Разожгли костер, приготовили еду. К чаю друг воспитателя принес нам мед. Я впервые в жизни его ела. А днем мы ходили по деревне и поражались ее истории.

Во время войны здешние партизаны наносили большой урон врагам, убивали их, взрывали технику. И тогда фашисты согнали всех женщин, детей и стариков в один сарай и подожгли. Тех, кто пытался убежать, добивали очередью из автомата. И стояли смотрели, пока от сгоревших заживо не остался один пепел...

Люди, которые до сих пор жили в землянках (все дома в Хатыни сожгли фашисты), были хорошие, они выходили и обнимали нас, узнав, что мы из детского дома. У них не переставая текли слезы, и мы тоже плакали.

Вечерами жители (в основном женщины и дети) собирались у костра и много нам рассказывали о прошлой и настоящей жизни в деревне. Они восстанавливали жилье всем по очереди. Работали и на колхозном поле, и для своей семьи тоже надо было что-то сажать. Вся работа лежала на плечах женщин, они и пахали сами, запрягаясь в плуг, ведь лошадей почти не осталось. Помогало огромное стремление выжить и детей вырастить, страну вытащить после такой страшной войны.

Этот поход в Хатынь нам запомнился навсегда. Богданов заронил в наши души что-то очень важное, что мы пронесли через всю жизнь.

В разгар лета нас повезли на фестиваль в Гродно. Со всей области съехались дети, чтобы показать свои таланты на большой сцене. Конечно, все были красиво одеты. А у нас, детдомовских, костюмы были из марли и из бумаги. Нашим «воспеткам» (так мы называли воспитателей) сделали выговор за костюмы, а за танцы похвалили.

Кормили нас в городской столовой по талонам – из расчета по три на день. Мы же договорились с кассиром, обменяли талоны на деньги и купили конфет. Первый раз в жизни наелись их досыта! Потом, гуляя по городу, видели, как хорошо живут люди, и радовались за городских. А мы в детдоме только работали да ходили везде строем, как солдаты.

Когда к нам приезжали взрослые, чтобы взять ребенка на воспитание, всех нас выстраивали в шеренгу; женщины и мужчины ходили и смотрели. Очень часто это было... Один раз приехала краси-

вая, хорошо одетая женщина. Взяла себе дочь, по-была с ней сутки и увезла домой, но через неделю привезла назад, посадила на крыльцо и сказала: «Ты посиди здесь, я скоро приду». И исчезла. Мы все плакали вместе с той девочкой.

Меня тоже хотела удочерить портниха Марья Ивановна. Она была хорошая, ласковая, но к нежностям детей надо приучать раньше, а не в 14 лет, в переходном возрасте. Как «ежики колючие», мы жили под страхом постоянным, в себе всё держали и молчали. Я не согласилась жить у Марьи Ивановны, хотя потом, уже во время учебы в Бресте, чувствовала, как мне не хватает ее внимания, доброты и заботы.

Марья Ивановна шила девчонкам платья, подол которого должна была прострочить та воспитанница, которой придется носить это платье. Мне это очень не нравилось. Я была готова делать любую другую работу, только не шить. И вот летом 1957 года нас отправили учиться в Брест, в училище № 26, получать именно эту профессию – мастера по пошиву верхней одежды. Училище располагалось в центре города, рядом находилось и общежитие. О директоре училища, женщине высокой и сильно располневшей, было известно, что она воевала летчиком. Однако человеком себя проявила корыстным и жестоким. Ее муж работал вторым секретарем Брестского обкома партии. Они имели домработницу и няню, которая занималась сыном.

Учащиеся делились на двенадцать групп по 24 человека в каждой. Всем нам выдали черные хлопчатобумажные платья, полуботинки, черные шинели и шапки. Еда как в спецдетдоме. Везде ходили строем, за плохое поведение были предусмотрены очень строгие наказания. С нами учились девчонки из Сухуми, из Астрахани. Разные по национальности, мы все дружили друг с другом.

Мастером у нас был Николай Иванович – простой человек, который хорошо к нам относился. Подробно рассказывал, как держать иглу, наперсток, как правильно сидеть за машинкой. Так доходчиво все объяснял, что даже я стала среди первых по шитью.

Шили мы в основном мужские костюмы, брюки и пальто. Когда обрели твердые навыки, получили по двадцать – тридцать рублей и уже могли что-то купить. Накопив немного денег, покупали ситец и шили себе летние платья.

Брест – прекрасный, чистый город. Туристы из разных стран приезжали посмотреть крепость. Нас тоже водили на экскурсию, и мы видели развалины с надписями на стенах, вокруг воронки от снарядов и бомб, на земле валялись гильзы от патронов.

К нам в училище приглашали оставшихся в живых защитников Брестской крепости – бойцов, командиров, их в 1957 году оставалось еще немало.

Приезжал даже один командир из Молдавии, очень больной мужчина. Помню и женщину-врача, красивую, в военной форме. Она работала в госпитале, мы нередко ее видели, когда выходили на учебу из общежития. Она шла на работу и всегда нам улыбалась.

В городе проводились разные соревнования – по легкой атлетике, футболу. К праздникам нас водили выборочно на тренировки по «живому лозунгу», а впоследствии мы тоже принимали участие в состязаниях. В выходные дни на стадионе, в парке и возле гостиницы играли музыканты.

Возле Бреста базировалось много воинских частей. По выходным военнослужащие в увольнении шли на танцы, катались на лодках в парке. Здесь хорошо отдыхалось, было многолюдно и очень весело. Рядом протекала река Буг. Гремела духовая музыка, бывало, и симфонические оркестры выступали, и артисты эстрадных жанров. Музыка в те годы как-то всех объединяла, и люди забывали свои обиды, горе.

Мы, детдомовские девушки – Алина Балабан, Раиса Турлюк и я, – ходили в парк по выходным и однажды встретили там нашего однокашника – Виктора Минкина. Он рассказал о себе. Из детдома он поехал на учебу в Ригу, в морское училище, а перед получением диплома попался пьяным на глаза начальнику, и его выгнали из училища, направили служить в танковые войска в Брест.

Мы очень рады были видеть его и договорились опять встретиться. Но «монашеское» воспитание не позволяло мне даже думать про какую-то там любовь... Виктор в последний раз проводил нас до общежития и сказал мне: «Зина, я скоро демобилизуюсь из армии и поеду на восток. Давай поедем вместе». Это предложение застало меня врасплох, ведь с нами никто никогда не говорил о семейных отношениях. Другие девчонки, смелые и решительные, ходили на танцплощадку, знакомились с парнями, даже целовались с ними, а потом хвастались, смеялись над нами, скромными. А я и не знала, как быть.

Прошло много лет, и только в преклонном возрасте я узнала про Виктора от сестры. «Зина, я однажды встретила Минкина в Мурманске, он просил твой адрес, а я не дала, – призналась Аня. – Он ведь известный писатель на Севере, а ты с двумя детьми, бедная, зачем он тебе?» Так сестра решила за меня!

В Бресте находится имение-музей полководца Суворова. Мы с девчонками бывали там на экскурсии. Дом двухэтажный, чистый, но никаких богатств мы не увидели, кроме медвежьей шубы. Еще нас водили в театр на спектакль «Кремлевские куранты». Уже перед тем, как направить на работу, к нам прикрепили воспитателя Розу Ивановну. Она учила

нас хорошим манерам: как сервировать стол, как правильно сидеть, как держать в руке вилку, ложку, нож.

Роза Ивановна и другие старшие внушали нам, что они говорят только правду. Мы, девчонки, верили им. И в результате по окончании учебы все оказались загнанными в Казахстан – отрабатывать по комсомольским путевкам...

В 1959 году нас посадили в поезд и без всяких сопровождающих отправили на целину. Мы очутились в Большой Михайловке близ Караганды. Поселили нас по 20–25 человек в один длинный дом. Ранее там держали животных, и запах скотины долго не выветривался... Через некоторое время нам выдали подъемные – по 500 рублей. В те годы таких денег многие никогда не видели. Девчонки на радостях пошли в магазин и купили сладостей, закатили пир горой, но деньги скоро кончились...

На следующий день до работы пришлось идти пешком, оказалось – долго. Нас распределили по цехам, но большая часть попала во второй цех, весь забитый бракованными детскими пальто. Начальник цеха сказал: «Пока не избавимся от этих бракованных, новые не будем шить». И мы брали пальто и перешивали. Почти месяц работали без зарплаты, потому что деньги уже заплатили тем, кто сделал брак.

Питаться было не на что, и скоро многие девчонки стали падать в голодные обмороки, другие воровали хлеб в магазинах. Об этом стало известно властям. Только после этого нам выплатили кое-какие деньги.

Занялись мы пошивом детских пальто (размеров с 32-го по 38-й). Работа бригадная, каждый исполнял

свой узел, а их было много. Пришлось изучать новые типы швейных машин – оверлоки двух-трехниточные, петельную машинку, осваивали такие операции, как обработка плечевого сустава (подшивка плечиков), пришивка пуговиц. Мне нравилось работать. Я быстро освоила разные типы машин и вскоре из простой мотористки доросла до того, что меня перевели в резервный цех.

Из нашей первой зарплаты высчитали подъемные. И опять нас надули. Что делать? Сытый голодного не разумеет. Поплакали и полуголодными пошли работать дальше...

Я-то из тех 500 рублей тратила понемногу, только на самое необходимое, экономила. И по работе все делала по совести, честно.

Когда мы шили зимние пальто с меховым воротником, излишки меха обрезали. Мне сказали, что это неликвиды. И вот эти обрезки я дома сшивала по ворсу и цвету. И сшила себе к зиме меховую шапку. А пальто зимнего не имела (у нас, кроме платьев, белья и тряпочных тапочек, вообще ничего не было). Тогда я и предложила: «Дайте нам пальто в счет зарплаты и постепенно высчитывайте, а на еду выдайте талоны – так мы хоть один раз в день покушаем горячего». Ведь в общежитии условий для готовки не имелось.

Испытывая все эти трудности, мы поняли, как нас обманули, отправив в Казахстан с обещанием бесплатных овощей, фруктов и райской жизни. Так мы и вступили во взрослую жизнь, которая принесла свои радости и свое горе...

г. Топки

Борис БУРМИСТРОВ

ПОИСКИ ДУХОВНОГО РОДСТВА

Озаглавил статью и задумался: верно ли? По большому счету, я думаю, да! Поиски духовного родства, поиски опоры в родном русском языке – это и есть сохранение и сбережение народа. Но любая крепь, любая опора требует постоянной профилактики, требует бережного отношения. Русский язык! Мы живем им, мы болеем им, мы радуемся и скорбим с ним – душа наша и плоть в нем.

А вот вам, господа (это я обращаюсь к околотературным мусорщикам), язык нужен только для пользования, для достижения своих целей, для исполнения корыстных замыслов. И ради этого вы готовы к нападению на самую суть языка, на его корневые основы. И вы позволяете себе засорять язык, искажать его – мол, все вынесет великий и могучий. Но только вот вопрос: а зачем испытывать его? Разве вы не знаете, что более двухсот тысяч слов нашего родного языка достаточно, чтобы говорить высоко о любви, говорить и с другом, и с врагом – он понятен всем. Зачем делать ему больно, ведь он живой! И он все чувствует и защищается от вас как может.

Но вам мало этого, вы и молодежь, и детей наших научаете издеваться над тем, что всех нас делает людьми, и не просто людьми, а народом. Вы издеваетесь над тем, что нас объединяет во времени и в пространстве, над важнейшей нашей крепью – словом русским.

Сегодня нелегкие, грозные времена на Руси. Снова западничество, оголтелая русофобия. Крепь России и в нашей идентичности, нашей вере, в нашей русской традиционной культуре.

И на этом фоне происходят не совсем понятные события. В феврале 2022 года на общественное обсуждение был вынесен проект Указа Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Кстати, об этом многие годы поднимал вопрос Союз писателей России в центре и на местах. И об этом же говорится в обращении Российского политологического и экспертного общества к президенту России, стратегический национальный приоритет определен в этом документе! А это, прежде всего, сбережение народов России, защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памя-

ти. Но сегодня Минкультуры приостановило обсуждение указа. Почему? Не для того ли, чтобы дать внутренним русофобам подготовиться к замораживанию этого указа, чтобы как можно больше нанести ущерба русской культуре и литературе?

Хватит закрывать глаза на целенаправленное, неприкрытое уничтожение русской литературы, поголовное оболванивание народа, особенно молодого поколения. Сколько можно пичкать детей наших словесной жвачкой?! Они и так не вылезают из интернетного пространства в живой мир, и только-только появляется кусочек реальной жизни, мы их и тут «по мозгам», не говоря уже о душе, которая скукоживается и прячется в уголки сознания от пустого гомоязыка пошлых, хамских слов, от дикой, сумасшедшей музыки, от предметов «живописи», от которых глаза «вылазят из орбит», чтобы понять что-то (но не понимают ничего).

Бездарность выдают за шедевры, бессмысленность – за образы, тем самым убивая вкус у детей (да и у взрослых!) к нормальному, красивому, доброму слову и искусству. И это на всех уровнях, начиная от Москвы и до самых до окраин. И в этом преуспевают новые, альтернативные союзы. К примеру, Союз российских писателей. По крайней мере, мы видим это у себя в Кузбассе. Сотни бездарных виршей можно привести из того набора книжек, публикаций СРП, что уже изданы – причем за бюджетные средства президентских грантов. Оторопь берет – во что завтра превратится литература, искусство с приходом малообразованных, но искушенных в пошлости, цинизме «литераторов», не знающих ни истории, ни классиков, ни русского языка. Ведь «творения» свои они маскируют под многозначительность, таинственность (коих отродясь не было в этих сочинениях – это бред словесный).

Союз писателей России защищает нравственные принципы в литературе, искусстве – что «является раздражителем для тех, кто видит творчество лишь как «игру», как «эксперимент», эстетический «умственный процесс» без каких-либо этических обременений. И это, зачастую лишь прикрываемая экспериментированием, прямая пропаганда извращений, открытое развращение молодого поколения, надругательство над святынями поколений старших. До каких пор это будет ненаказуемо?» (Из обращения секретариата СП России.)

А теперь посмотрим конкретнее на то, что происходит в литературе у нас в Кузбассе. Вот лишь несколько примеров такого творчества. Но прежде следует объяснить, из каких они взяты печатных изданий.

Предыстория такова. Начиная с 90-х годов идет целенаправленное уничтожение традиций русской литературы: созданы альтернативные союзы русско-

язычных писателей с сомнительными способностями, несущих «гениальный» словесный бред. У нас в регионе тоже объявили такой союз, возглавила его мало кому известная (так как сама не является ни поэтом, ни прозаиком, не написала ни одной книги, но принята в члены Союза российских писателей) Н. Ибрагимова. Она себя позиционирует как знающую толк в литературе и обвиняющую нас в незнании, непонимании современной поэзии. Ощущение такое, что она специально приставлена рушить традиционную русскую литературу. Чего только стоит фотография голого супруга в молодежном журнале «После 12». Что это? Тоже часть современной поэзии. Только с какой стороны смотреть на это фото?

И ей поручено в Кузбасском центре искусств заниматься молодежными проектами. Бюджетные средства в виде президентских грантов тратятся на бездарные книги, портящие вкус к литературе у молодого поколения.

Вот некоторые примеры таких «гениальных» произведений.

Станислав Михайлов (г. Новосибирск), стих «Парикмахер»:

*Парикмахер пахнет лесом // пахнет армия
прикладом
Гений пахнет мелким бесом // ямб воняет
трупным ядом...*
.....
*Подаяньем пахнет нищий // ножичком
из голенища
Пахнет нищая Россия и Иуда и Мессия*

И так далее – куча строк в этом же духе. И концовка:

*И поди скажи старухам // по которым
ночью плачем
Что нужны мы с этим нюхом // хрен кому
к чертям собачьим.*

Почти из всех строк этого грязноватого сочинения торчит оскорбление России, страны, в которой автор живет. Ну, а следующий автор просто «классик» современной поэзии (по крайней мере, так нам представляет его автор проекта) – Дмитрий Воденников, но это уже из Москвы, там его даже по телевидению показывают. Вот его вирши:

*Я буду никнуть, горевать,
искать пути,
та-та-та, та-та, та-та-та,
а ты лети.*

Вы ждете продолжения? Но это весь стишок. Зато есть еще один:

51 – 16 = 35

*35 лет что-то происходило в моей личной жизни.
Не пора ли прекратить?*

У автора, без сомнений, с арифметикой порядок. А в остальном?

Книжка заполнена бредом, который просто невозможно цитировать. Настолько он расплывчатый, бесформенный, унылый.

А ведь чиновники от культуры настойчиво пихали нам Воденникова то в руководители молодежных семинаров, то в председатели жюри...

О таких хорошо в свое время сказал поэт Иосиф Куралов:

*Так пусть хоть здесь наговорится,
Коль там не слушают его!*

А почему мы сейчас принижаем достойных наших кузбасских талантливых поэтов?

Далее – читаем Александра Самойлова, он с Урала. Оговорюсь: не география здесь виновата, мы знаем многих прекрасных поэтов из Москвы, с Урала, из Сибири, которые талантливее, но намного скромнее оных.

Так вот, А. Самойлов:

*Наврали вам, что я помер,
Что с головой не дружу. (И это, похоже, правда. – Б. Б.)*

*Мой новый смертельный номер
Хотите сейчас покажу?
Я выступаю первым!
Здрасте! Физкульт-привет!
Надеюсь, здесь нет слабонервных?
Надеюсь, беременных нет?*

И это весь стишок, где обещанный смертельный номер – демонстрация собственной бездарности.

Ну, а последний стих в сборнике этого автора – апофеоз, так сказать, вершина творчества:

Русская уборка // кислота и хлорка //
Русская уборка // кислота и хлорка...

Как же надо ненавидеть Русский мир, Россию...

«Исчезла интеллектуальная ценность знаний, а потому художественные произведения утрачивают познавательный компонент» (Н. Ягодинцева).

Это пресловутое: «Я так вижу».

И такого – до фиго в собраниях сочинений, издаваемых Н. Ибрагимовой при поддержке бюджета.

Сегодня при всей провозглашенной свободе слова порушена грань традиций русской литературы. Да, с одной стороны, ушли, слава богу, от риторики, излишнего пафоса, от идеологических воспе-

ваний. Но в то же время исчезает трогательное, волнительное восприятие и описание мира, чувств трогательных и чистых. Исчезло понимание: а для кого пишутся стихи? В поисках чего-то нового – много пустопорожного, бессмысленного бормотания рифмованных и нерифмованных фраз, что явно отличается от шепота, от тихого философского размышления, осмысления сути нашего бытия. Я всегда задаю вопрос молодым авторам: для чего пишут они стихи? Если потешить свое самолюбие – это одно (читайте друзьям). А если для того, чтобы быть понятным многим, нужен другой – профессиональный духовный – подход к творчеству...

Массовая профанация литературного труда, обилие пустых текстов, вхолостую прокручивающих огромную массу привычной словесной жвачки, налицо. В общем, место литературы активно стремится занять антилитература. Как заметил наш выдающийся земляк Виктор Лихоносков: «Литература стала изощренно-бездушной».

Сегодня не хватает профессиональной критики и профессиональной учебы литераторов.

Я понимаю, что этой статьей вызываю снова огонь на себя, но молчать, видя эту вакханалию в литературе, стыдно.

Найдутся такие, кто выплеснет в мой адрес желчь и злобу, потому что суть их такова. Они не принимают никакой критики, они абсолютно лишены способности делать анализ происходящего, самоуверенны в своей лжи. Они претендуют на единичность, а на деле являются толпой, исполнителями чужой воли...

Как сказал классик, «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». А у нас сегодня профессионализм в сторону, а чиновники и подчиновники исполняют всё, что понимают, и всё, чего не понимают.

Выдающийся российский педагог Константин Ушинский в своей работе «Как сделать русского человека русским» писал, что наших детей надо воспитывать на основе русской духовной традиции. Прежде других историй ребенок должен изучить историю своего Отечества, тысячелетние традиции. Прежде других языков – свой, изучить свою географию. («Загляделся в прозрачный ручей // И над жизнью задумался снова. // Отдохнуть бы от мутных речей // В ожидании светлого слова».)

Продолжая эти утверждения, скажу, что все три названных образовательных предмета, включая еще и веру, доступны для такого понимания в русской классической литературе.

Почему мы сегодня должны обращаться к русской литературе? Чтобы познавать Правду народа, история которого исчисляется тысячелетиями.

Классическая литература всегда несла эту правду, и она доступна нам сегодня благодаря сбереже-

нию художественных книг, в которых суть, характер, менталитет, душа русского народа.

И еще. В русской традиции писатель прежде всего Учитель, во-вторых – друг и только в третью очередь – развлекающий нас затейник. А что касается Запада, то там с точностью до наоборот. Вот и у нас пытаются выстроить такую иерархию писательского труда и ценностей художественных произведений.

Для кого вообще пишутся книги, для чего собираются мудрые мысли многих поколений? Часто ли мы видим на столах людей ответственных умные книги, великое наследие предков наших и современных литераторов? Ведь они на ошибках своих, в муках творческих разбивали и разбивают лбы в поисках противоядия всем духовным страданиям и болям! Этот опыт жизненный необходим, чтобы не повторять многих ошибок прошедших десятилетий и столетий. Сколько можно? Об этом должны задуматься деятели культуры, педагоги и политики. Защита наша только в традиционно сильных многовековых духовных скрепах. Вот на чем строится патриотизм и нравственная идея общества – чтобы не посрамить предков наших...

Другая политика ведет к духовной деградации, к разброду умов молодых, что мы сегодня и наблюдаем в связи с событиями на Украине. Ведь столько грязи вылито на наше прошлое, и в этом постарались уже и современные литераторы. И все это от нашего образования и культуры. ЕГЭ повышибал, порушил русскую литературу, а ведь культура и литература всегда были столпами воспитания молодого поколения. Сегодня же двойные стандарты в искусстве и литературе. Призываем к традиционной русской культуре, к совестливой, честной литературе – а на деле потакаем пошлости, цинизму. Сегодня либеральные ценности вдальбивают в головы студентов. Один из российских профессоров высказался в центральной прессе, что не надо молодежи ничего запрещать (вот и не запрещаем. – Б. Б.). Вновь западничество, русофобия процветают, многие деятели культуры не могут или не хотят понять, что Западу мы интересны своей уникальной, неповторимой культурой, а не суррогатом на западный манер. Даже господин Черчилль говорил, что всю западную культуру он отдал бы за одну русскую грустную песню. А Ромен Роллан высказался еще определенной: «Если бы Россия, кроме литературы, ничего не сотворила больше, она все равно была бы великой из великих в мире».

В 2018 году, выступая в Кремле на вечере, посвященном Дню космонавтики, президент В. В. Путин сказал: «Конечно, наши конкурентные преимущества – в преемственности поколений». Он правильно понимает, но почему же на деле происходит другое? Во всех сферах, во всем и всегда именно

эту преемственность пытаются (и не без успеха!) разрушить в культуре и духовности нашего народа. И не надо на это закрывать глаза. Создаем внешний лоск, эффект одномоментный – не замечаем главного, что творится, что происходит в глубине души молодого человека. Внешний лоск быстро размывается реальной жизнью. Надо на равных, в форме постоянного диалога разговаривать с молодым поколением. Нести правду, а не украшать, не подменять истину. Но и не пугать... В этом я вижу задачу нашей литературы. Без традиции, без почтения к вере, к отечественной истории не решить поставленной перед Россией задачи.

Слово должно работать, литература – врачевать, чтобы оградить молодых людей от пошлости и разврата. В стихах о любви должна звучать нежность, доброта, таинственные строки должны волновать, тревожить и направлять мысли только в хорошую сторону.

И еще наше дело писательское – это творчество и просвещение, а продвижение этого все-таки забота госструктур культуры и образования, так должно быть, так было. В Союз писателей принимать молодых не только потому, что они молодые, но и за другие качества... Плохо, что сегодня это понимают немногие. Вместо серьезной работы по обучению в России больше устраивают литературные игры, шоу, ничего общего не имеющие с литературой.

Философия – это мудрость, а мы, унижая старшее поколение, отодвигаем его от участия в духовно-воспитательной жизни общества. Это я вижу на примере творческих людей, в частности писателей (но это происходит и в других, даже в производственных сферах). Приходят новые, зачастую поддерживаемые властью «новаторы» (авангардисты, альтернативщики, о коих я уже говорил здесь), и опыт предыдущего подвергается сомнению. А если бы этот опыт накапливался и использовался в обществе, каким прекрасным был бы этот мир!

Произведения литературы все равно остаются как документы, по которым потомки будут узнавать историю, быт людей уходящих столетий, жизнь своих

предков. В базе мировой культуры, истории нужно накапливать и сохранять дела, мысли, имена. База добра, база зла. И то и то нужно знать и помнить – для того чтобы множить добро и не делать тех же ошибок, приводящих к страшным проявлениям зла на земле.

Что есть литература? Это такая связующая нить времен и народов рода человеческого. Это философия жизни на земле и за ее пределами. Что может быть важнее и нужнее, чем зримые события прошедшего и взгляд в будущее – а все это и есть настоящая литература. Неужели мы не понимаем, как с 90-х годов создается в России чужая культурная среда? Слава богу, президент выправил внешнюю политику России, вернув ее в ряд мировых держав. А вот внутри беснуются так называемые «звезды» от культуры. Выдаваемое сегодня за культуру, за произведения искусств, русскую литературу зачастую ни к культуре, ни к искусству, ни тем более к русской литературе в их традиционном понимании никакого отношения не имеет. Однако имеет конкретное предназначение – это подмена смыслов бытия и растление нашего народа. И еще, называясь русским писателем, надо помнить, что мы живем в православном мире, где добродетели наши тысячелетние превыше всего. Стыд, совесть, правда, милосердие – все это закладывается в нас с рождения, не растеряйте! Давайте вместе будем помнить об этом. И Русь наша будет скрепляться русским словом, русской традиционной литературой.

179

*Во времена тотального вранья –
Где ты, «мой друг», и сегодня я?
С какого краю и в каком ряду?
Ты за спиной у всех. Я на виду.
Я попадаю снова под прицел.
А ты опять тихонечко присел
И выжидаешь: снова пронесет...
И так всю жизнь – «везет тебе, везет».
Во времена тотального вранья –
Все стрелы зла направлены в меня.
Всё потому, что за моей спиной
Мой древний род: небесный и земной.*

г. Кемерово

Екатерина ТЮШИНА

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАМАРЫ ЯН

Настоящие писатели всегда стремились ответить на самые сложные вопросы, которые ставит перед человеком жизнь. В полной мере это относится и к поэту, драматургу Тамаре Германовне Ян.

Родилась она 2 февраля 1922 года в селе Поповка Саратовской области. В 1944-м окончила исторический факультет Казанского госуниверситета. Трудовую деятельность начала в Казани. Работала научным сотрудником в государственном музее ТАССР, преподавала в пединституте, сотрудничала с газетой «Красная Татария».

Стихи начала писать с детства. В студенческие годы посещала литературное объединение при музее А. М. Горького. Именно Горькому Тамара Ян посвятила свою поэму «Рождение буреви́стника». А печататься начала еще с 1936 года. В 1949-м вышел ее первый поэтический сборник «Волжские стихи». Автор обращается к приволжской природе, родным местам. Природа для Тамары Ян – это мир ярких эмоций, детских воспоминаний, воплощение образа Родины.

*Ночью – слушайте –
крылья шумят.
Гуси-лебеди –
дикие птицы летят.
А внизу, по развилкам
набухших дорог,
Звонко шлепанье легких девичьих ног.
Это ходит она,
это бродит она –
По полям и ночным перелескам
– Весна.*

На стихотворение «Рябина» композитор А. П. Мистюков написал песню «Говорят, рябина девушкой была».

Цикл стихов посвящен ленинской теме: «Стихи о студенте Ульянове», «В Кокушкино» и др.

В 1951 году Тамара Ян приняла участие во втором всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. В 1954-м вышел ее сборник «Лирические стихи».

Пробует она себя и в драматургии. В 1956 году написала пьесу-сказку в стихах «Анютины глазки»,

которая была поставлена на сцене Казанского ТЮЗа и в Кремлевском театре.

В 1956 году Тамара Германовна Ян была принята в Союз писателей СССР.

Отдельным изданием в 1959-м вышла ее драматическая сказка для школьников «Лунная девушка». Как раз в то же время Тамара Ян занимается переводом произведений татарского поэта Мусы Джалиля, совместно с Г. Миларом переводит татарскую сказку «Алтынчег».

В начале 1960-х Тамара Германовна переехала жить в Кузбасс. Работала в многотиражной газете строителей Запсиба в Новокузнецке. Написала цикл стихов о новом флагмане советской металлургии, где трудились совсем еще юные ребята.

*Здесь такие девочки-девчоночки,
что господь мальчишкам помощи.
Рыжие, каштановые челочки,
ватные штаны и сапоги...*

Красота и величие сибирской природы в стихах Тамары Ян тех лет словно подчеркивают масштабность происходящих вокруг перемен:

*На Томи сейчас лохматый ветер,
Снег на тополях летуч и светел.
И почти не виден в снегопад
Бог огня – Кузнецкий комбинат.*

В 1962 году Тамара Германовна приняла активное участие в создании Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР, вошла в число первых пяти членов нашей областной писательской организации. В Кемерове в 1963 году был издан сборник ее стихов «Морозное солнце».

*Морозное солнце светит.
Еловые машут лапы.
От синих и белых веток
Хочется петь и плакать.*

На сибирском материале написаны пьесы «Мой человек», «Гордячка» (в 1963 году была напечатана в журнале «Театр»). Пьесы Тамары Ян ставились на сцене Новокузнецкого драматического театра. А когда в июне 1964 года этот коллектив гастролировал в столице, показывая свои спектакли на сценах Кремлевского театра и Театра им. Пушкина, москвичам были представлены три ее пьесы под общим названием «Сибирская трилогия»: «Кузнецкая легенда», «Гордячка» и «Мой человек».

В 1964 году вместе с мужем-режиссером Тамара Германовна переезжает в Калининград, а в 1966-м – в Смоленск. Там она пишет пьесы «Баллада о веселых жаворонках», «Джинсовый бал», «Три дня в го-

стях» и др. К 50-летию ВЛКСМ Смоленский областной драматический театр, в котором и служил главным режиссером ее муж Лев Григорьевич Щеглов, поставил пьесу Тамары Ян «Возлюбленные». На этой же сцене шли спектакли по ее пьесам «Где ты, Светлана?», «Гордячка» и др.

Драматические произведения Тамары Германовны нашли воплощение на сценах многих театров страны, причем ставились спектакли не только на русском языке, но и в переводах на языки народов СССР. Герои пьес Ян – люди своего времени, которых волнуют и актуальные проблемы действительности, и вечные вопросы бытия: любовь, нравственность, долг. Действующие лица в спектакле «Твои шестнадцать» – это юноши и девушки в пору первых «взрослых» уроков жизни. «Гордячка» рассказывает о сложном процессе нравственного роста молодого рабочего. В «Доме под солнцем» в центре внимания женщина, взявшая на себя ответственность за судьбы людей, которых разметала война.

Но самым известным произведением драматурга, выдержавшим испытание временем, стала пьеса «Девочка и апрель». Это – лирическая история о непростой любви, впервые пробуждающейся в юных сердцах. Главные герои – Игорь и Варя – учатся в одном классе, но не замечают друг друга, живут каждый своей жизнью. Он отличник, чемпион по фехтованию, родители возлагают большие надежды на его будущее. Она мечтает стать биологом, поглощена науками, хотя учится неважно, воспитывается бабушкой. И вот на школьном вечере происходит нечто неслыханное: желая «поставить на место» своих одноклассниц, Варя при всех целует Игоря, по которому вздыхают многие девочки школы. Юноша поражен. Между ним и Варей возникает сначала искренняя симпатия, а потом и новое, незнакомое им прежде, более сильное чувство. Это замечают все: друзья и просто одноклассники, учителя и родители. Не всем нравится такая «вольность». Злобные анонимки получают и Варя, и Игорь, и мать Игоря. Защищая свою девушку и чистоту их отношений, юноша идет на конфликт со всем миром, вообще бросает школу (а вместе с ним и Варя). И это – накануне выпускных экзаменов! Варя и сама понимает, что уже не может управлять собой, и, чтобы освободиться от постоянных дум об Игоре, идет на прием к психиатру. Но врач оказывается мудрым и, выслушав, напутствует ее словами А. Блока: «Только влюбленный имеет право на звание человека».

Эта история о первой любви, написанная в далекие 60-е годы, и сегодня продолжает волновать старшеклассников, учителей, родителей. В апреле 2021 года в Центре культурного развития «Лебеди-нец» города Губкина Белгородской области состоялась премьера спектакля «Девочка и апрель, или Твой поцелуй». Это была постановка любительского

Тамара Ян. Рис. В. Кострицкого

157

театра «Маска» под руководством режиссера Т. И. Григорьевой. Не так давно ставилась эта пьеса и в Санкт-Петербурге, и в других городах страны. Она затрагивает самые сокровенные струны душ молодых людей, помогает им определить свое нравственное начало, сделать правильный выбор в трудных ситуациях и достойно выйти из них.

По сценариям Т. Г. Ян были сняты фильмы-спектакли: «Девочка и апрель» (1970), «Твоя юность» (1973, по пьесе «Твои шестнадцать»), «Молодожены» (1978), «Метелица» (1983; одну из главных ролей сыграла народная артистка СССР Татьяна Пельтцер).

В 1983 году на сцене Московского ТЮЗа был поставлен спектакль по пьесе Тамары Ян «Три дня в гостях».

В годы перестройки Тамара Германовна написала хронику «Глубинка» (1987) и «историю в четырех встречах» «Анкета любимой женщины» (1990).

Т. Г. Ян удостоена многих высоких наград, в числе которых и орден «Знак Почета» (1982).

Последние годы она жила в Москве. Скончалась в 2011 году. В литературном музее СмолГУ есть фонд Т. Г. Ян, в котором хранятся фотографии, рукописи, афиши, программы и другие документы.

г. Кемерово

Евгений ЧИРИКОВ

ОТ ПАВКИ – К ПАВЛУ

Очерк

Около 20 лет назад кемеровчанин Юрий Николаевич Малышев нашел себя в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Но сам он называет это не работой, а служением, видя свою миссию в том, чтобы в окружающем пространстве многопроблемного бытия и глубоко засасывающей пошлости создать оазис истинной духовности. Шоу-королеву Аллу Пугачеву и иже с ней Малышев не жалуется. Ее выходы на эстраду к подлинной культуре, по его убеждению, никакого отношения не имеют. Он организует коллективные походы юных питомцев – воспитанников воскресного клуба «Соотечественники» – на благотворительные филармонические концерты, приобщая их к шедеврам классической музыки, монастырского хорового пения.

Очень избирательно ими посещаются и выставки в музеях, и театральные постановки. А, к примеру, Святыни наставник с детьми встречают у благоухающих растений с пяти континентов в оранжереях городского ботанического сада, справившего новоселье в стеклянных хоромашах на Лесной Поляне.

Уже много лет проводятся тематические уроки и встречи клуба «Соотечественники» в храме преподобного Сергия Радонежского и средней школе № 50, носящей имя знатного шахтера Алексея Бабенко. Эмблема клуба составлена из двух символов: лика Георгия Победоносца и Георгиевского креста с ленточкой.

Человек дотошный и педантичный, Ю. Малышев тщательно готовится к мероприятиям с приглашением священников, ветеранов войн, поэтов и писателей, земляков, прославивших Кузбасс и Россию выдающимися достижениями. Заранее формулируются цели подобных встреч. Так, организованный им несколько лет назад День православной поэзии должен был послужить развитию благоговейного отношения к Отечеству, воспитанию любви к культурному наследию православия, формированию навыков осмысленного прочтения произведений православной культуры, знакомству с творчеством кузбасских поэтов.

Участники поэтического урока собрались в выставочном зале Музея истории православия на земле Кузнецкой (при Знаменском соборе) и заняли места в

окружении икон XVI – начала XX веков. Среди примерно шестидесяти слушателей можно было увидеть пенсионеров и малышей, учащихся и преподавателей, воспитанников и педагогов городских клубов по месту жительства, студентов сельхозинститута из православного клуба «София»...

С благословения священноначалия открыли День православной поэзии заведующая означенным музеем Лариса Алексеева и сам Юрий Малышев.

Первое слово было предоставлено детям в возрасте от четырех до двенадцати лет. С большим удовольствием и смущенными улыбками на лицах они читали стихи о природе, Родине, любви к Богу. И конечно, награждались аплодисментами.

Зал замер, когда наступил черед мэтров. Один из них сказал о связи художественного слова и православия. Мысль живо подхватил протоиерей Евгений Сидорин, преподающий русскую словесность в Кемеровском госуниверситете. Это особенный, физически очень бодрый батюшка, которому нравится постигать мир Божий в храме природы. С рюкзаком за плечами водит он православных следопытов туристскими маршрутами по долам, лесам и горным тропам.

Откликаясь на упоминание в аудитории Оптиной пустыни, отец Евгений описал виденные им святые места, реку Жиздру, корабельные сосны, стены монастыря. И вспомнил эпизод посещения Федором Достоевским старца Амвросия в 1878 году.

Поэт Борис Бурмистров свое слово посвятил необходимости духовно противостоять заполняющему нашу действительность безверию в высшие человеческие ценности. Вско высказывались и другие гости.

Завершилась встреча энергичным выступлением Александра Каткова. Последним из прочитанных им стихов был самый его заветный – о человечности. О том, что каждый из нас всегда должен оставаться человеком, в плохих и хороших обстоятельствах. Слушатели дружно выразили согласие с утверждением поэта.

Приглашение поэтов на урок в музей не случайно: Малышев – старинный друг и неравнодушный читатель журнала «Огни Кузбасса». Как и его бывшая учительница литературы Н. А. Баранова, с которой он состоит в трепетно-благодарной переписке. Сейчас Нина Александровна живет в Москве, ей за 90.

В душе Малышева глубокие корни пустили евангельские притчи, жития святых, понятия о православной традиции, таинствах церкви.

Когда он путешествует, то благоговееет перед каждым уголком тех мест, где совершали духовные подвиги святой благоверный князь Московский Даниил, преподобные Сергий Радонежский, Савва Сторожевский, Серафим Саровский, ополченцы Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский, митрополит Филарет (Дроздов), Святейший патриарх Тихон (Белавин), блаженная Матрона Московская, новомученики и исповедники Церкви русской...

С особым теплом Юрий Николаевич вспоминает общение с иеромонахом Василием Саяпиным, кандидатом богословия. Тот стоял у истоков Богословско-катехизаторских курсов им. св. ап. Иоанна Богослова в Кемеровской епархии. Через него были ниспосланы важнейшие для прозрения Ю. Малышева встречи со студентами и выпускниками Московской духовной академии, насельниками Свято-Троицкой Сергиевой лавры, приснопамятным Святейшим патриархом Алексием II, уникальными сокровищами церковно-археологического кабинета – музея МДА.

Неизреченная, непередаваемая радость остается у Юрия Николаевича от соборной молитвы с предстоятелем и сонмом иерархов церкви, священнослужителей и монашествующих, преподавателей и студентов московских духовных школ, многочисленными гостями и паломниками в лавру к престольному празднику преподобного Сергия.

Поездка к намоленной малой родине упокоившейся мамы – в деревушку Щетинино в пензенской глубинке, неповторимые встречи со сродниками – хранителями родословной – укрепили его в вере.

Принимая веру, ортодоксальный христианин раскрывает Библию с ее повествованием о шести днях творения мира и первопредке Адаме, с евангельскими свидетельствами о Спасителе и апостольскими посланиями. Эволюционная гипотеза меркнет перед таинством и красотой Божественного мироздания, перспективой жертвенной любви.

Здесь следует оговориться. До определенного времени церковь не признавала достижений науки и трактовала библийский Шестоднев в стопроцентной буквальности. Впервые в 1951 году Папа Римский Пий XII шокировал кардиналов энцикликой об отношении к теории Большого взрыва и к взглядам Дарвина. Как можно было понять Папу, в научных гипотезах ничего страшного нет: пусть будет Большой взрыв, ведь произвел его Господь; пусть человек и ведет происхождение от обезьяньего предка, но душу-то вдохнул в него Всевышний.

Православие в этой сфере гораздо консервативнее и тверже держится за первенство Адама. Лишь в последнее время в публикациях священников можно встретить высказывания о том, что космогонию Библии не стоит понимать буквально, она, мол, изложена в образном ключе.

Но и здесь необходимо внести некую научную ясность. В наше время идея Дарвина лопнула, как это ни ужасно для тех, кто считал ее однозначно истинной. И в древней флоре, и в фауне не находится промежуточных образцов, которые доказывали бы происхождение одного вида от другого. А генетики установили, что биологический вид просто не может «выпрыгнуть» из своих границ на клеточном уровне. Самозарождение жизни в первичном океане Земли тоже признано событием невероятным. Наш мир создан дивным чудом творческого деяния Бога.

Есть еще и космические версии, которые тоже имеют право на существование.

Что же до Ю. Малышева, то он-то как раз и не склонялся перед давлением псевдонаучных эволюционных домыслов. А научно он подкован основательно – химик и биолог по образованию.

Будучи искренним, упоенным коммунистической идеей комсомольцем, Юрий не подозревал, что ему суждено преобразиться из Савла в Павла. Как мы знаем, молодой и знатный фарисей Савл, участвуя в заседаниях иудейского синедриона, голосовал за казни христиан. И даже был причастен к убийству первомученика Стефана, хотя и не бросал в него камни, а только сторожил одежды бросающих. Когда же его послали в Дамаск за очередной партией жертв, неведомый глас («Савл! Савл! Что ты гонишь Меня?») и ослепляющий свет мистически образумили его, и в итоге Савл окрестился с именем Павла, сыграв историческую роль первоверховного апостола – организатора христианского мира.

Конечно, в жизни Малышева все происходило не так жестоко и не так масштабно. Он никогда и никого не преследовал за веру. Мама-бетонщица (многолетний изнуряющий и совсем не женский труд) воспитывала его вместе с младшей сестрой одна. Целомудренно, со смирением, терпением, любовью. Как и миллионы других одиноких мам после войны с фашистами. Здесь уместно упомянуть о почтительном отношении Ю. Малышева к поэтическому творчеству С. Донбая. Особенный отклик в сердце вдумчивого и благодарного читателя нашло стихотворение Сергея Лаврентьевича «Военное детство» о своих сверстниках-«сиротственниках».

С детства Юрий впитал в себя идейность и с радостью поднимался по ступенькам юного ленинца: из октябрат в пионеры, из пионерии в комсомол. Пафос книги Николая Островского про героя 1920-х годов Павку Корчагина заворочил его, зовя к свершениям. Комсомольский романтизм окрылял, как и многих в то время.

Неожиданную укоризну Малышев услышал от любимой учительницы литературы.

– Юра, одумайся! Остановись. Зачем тебе это нужно? – тихо, но внятно спросила Нина Александровна, и это спокойное предостережение вышло пророческим.

Учился он в кемеровской школе № 4, носящей имя выпускника, заслуженного летчика-испытателя СССР, Героя Советского Союза А. В. Сарыгина. Там, вспоминает Малышев, преподавали замечательные учителя. Учеба давалась ему неплохо, особенно по химии и биологии.

В начале 1970-х годов случился эпизод, особенно ярко раскрывающий личность Н. А. Барановой. Когда в СССР стали травить А. Солженицына за его «Архипелаг ГУЛАГ», почти все, кого «просили», подписывали гневные письма. Нина Александровна была в числе немногих, кто отказался это сделать. Реакция советской си-

стемы не заставила себя ждать: ее мужа изгнали из преподавателей КузПИ, у двух дочерей возникли проблемы в школе. Но осмыслил Малышев подвиг сильной духом учительницы лишь многие годы спустя.

Юноша отслужил срочную на Дальнем Востоке (и до сих пор сохраняет военную выправку, а также чтит память погибшего армейского друга, дорожит общением с его семьей). Потом работал освобожденным комсомольским секретарем в архитектурно-строительном техникуме. Учащиеся техникума с молодым задором записывались в стройотряды, мечтали о воплощении задуманных ими архитектурных проектов.

Кемеровский пединститут к тому времени получил статус университета, химико-биологический факультет разветвился на два отдельных. Юрий стал учиться на биофаке. В своей дипломной работе он исследовал движение микроэлементов из почвы в растения в ложе предполагаемого Крапивинского водохранилища. Его работа вместе с данными других студентов, преподавателей, сотрудников НИС «Чайка» доказывала губительность строительства гидроузла для земельных угодий и окружающей природной среды. Юрий Николаевич до сих пор относит себя к противникам этого печально известного «грандиозного» проекта, вопрос о котором и сейчас не снят с повестки дня.

Диплом получен, молодой учитель начинает сеять разумное, доброе... нет, он не любит этой сакральной фразы... Он начинает осваивать педагогическое поприще в роли заместителя директора 31-й школы, преподает в ней любимую химию. Но далее последовал неожиданный партийный взлет. Восемь лет длилась его райкомовская карьера.

Коммунисту Малышеву сказали, что он нужен на партийной работе. В то время ему уже не хотелось переключаться на идеологический фронт. Но суровая партийная дисциплина, перешедшая в нешуточный прессинг, не оставляла выбора.

И Малышев начал трудиться инструктором отдела пропаганды и агитации Центрального райкома КПСС города Кемерово, где первым секретарем тогда был А. А. Лопатин. Позднее мужественный и волевой полковник МВД Лопатин в составе ограниченного контингента наших войск в Афганистане на дальних подступах отстаивал интересы Советского Союза. К слову, по прошествии многих лет при встречах с неопитом Малышевым Анатолий Андреевич, будучи в отставке, непременно добром вспоминал своего деда-христианина.

Через три года Юрий Николаевич пересел в кресло заведующего орготделом Ленинского райкома партии. А еще через два года, после окончания Высшей партийной школы, он дорос до секретаря Ленинского райкома КПСС. Большая должность.

Однако партия в то время быстро теряла былую непререкаемую власть и катилась в тартарары. В заботе о семье, которую надо кормить, Малышев, помня давнее наставление директора школы № 4 Г. П. Меновщи-

кова, вызвался возглавить новую школу, строившуюся в тогдашнем окраинном микрорайоне – Шалготарьяне.

Партийное руководство отпустило свою номенклатурную единицу не сразу, а лишь после волевого нажима Малышева.

Десятилетие 1990-х многим памятно как время страшное, бедственное, когда люди выживали без зарплат. Тем не менее даже в такие кризисные годы при мощной (но взыскательной!) поддержке градоправителя В. В. Михайлова, в условиях тотального дефицита был построен крупный общеобразовательный комплекс с музыкальной школой и детским медицинским центром «Здоровье».

Малышев старался не ударить в грязь лицом перед своим бывшим наставником Г. П. Меновщиковым, которого очень уважал. В Великую Отечественную Галик Павлович как сын «врага народа» (впоследствии полностью реабилитированного) оказался в штрафбате, а после ранения стал артиллеристом. Потом еще долго лежал в госпитале с перебитыми осколками ногами. Для учителей и учеников он был и остается примером мужества и справедливости.

Самолюбия директора школы № 33 Малышева льстило, что в роскошно оснащенные кабинеты-лаборатории, к питомцам уютного живого уголка, в теплицу, музей природы Кузбасса и на опытный пришкольный участок приводили студентов из его альма-матер – биофака КемГУ, чтобы учились на лучших образцах. Сам он рассказывал школьникам о строении живой клетки, об эволюции жизни на Земле и происхождении видов по доминирующей до сего времени в школьной программе гипотезе Дарвина.

Ему было радостно, что школа под его началом лидировала в ряду учебных заведений города и области. В ней с привлечением вузовских преподавателей углубленно изучалась литература, математика, биология, в профильных классах – экономика, информатика, хореография. В начальной школе букварь и фундаментальные основы наук изучали по системе развивающего обучения академика Л. В. Занкова. Неподдельный интерес и широкий резонанс вызвал организованный в школе обучающий семинар для учителей, завучей, методистов, директоров с уникальными лекциями приехавшей из Москвы профессора З. И. Романовской. Дети во внеучебное время имели возможность заниматься во многих школьных спортивных секциях, кружках, объединениях по интересам.

На предметные олимпиады, спортивные состязания и концертные выступления детской хореографической студии филармонического театра танца «Сибирский калейдоскоп» ребяташки могли поехать на школьном автобусе. Административно-хозяйственные и бытовые проблемы быстрее решались с помощью подаренного школе по просьбе Юрия Николаевича грузового уазика.

В обогащающие знаниями командировки по стране при содействии директора и меценатов школы отправ-

лялись многие учителя. По крупицам собирали в профессиональную копилку лучшие наработки коллег.

В общем, 33-я школа пользовалась заслуженным уважением. И была весьма востребована детворой Шалготарьяна. За опытом в нее приезжали городские и сельские учителя-энтузиасты, директора школ, заведующие рай- и гороно. Родители охотно привозили своих чад не только из окрестных микрорайонов, но также из центра города, Южного поселка, Суховского, с Радуги и даже из Кедровки. В те годы в школе обучалось от 1400 до 1700 мальчиков и девочек.

Передовую школу поддерживали во время своих визитов губернатор Михаил Кислюк и председатель облисполкома Аман Тулеев, министр образования России Евгений Ткаченко.

В это же время достигла кульминации переломная эпоха – смутное безвременье М. Горбачева, предавшего, по мнению Ю. Малышева, нашу страну, после чего распад самой большой в мире державы стал неотвратим.

Газеты пестрят ошеломляющими публикациями. Коммунистическая партия вместе с ее младшим братом комсомолом оказываются носителями ложных ценностей. Великая Октябрьская социалистическая революция объявляется всего лишь «переворотом», сломавшим историческое развитие государства. Во всей неприглядности открылась правда о ленинских, сталинских и хрущевских репрессиях.

Малышев прочитал солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Повесть потрясла его. Помнил Юрий Николаевич и трагедию, пережитую его мамой. Первого ее жениха, человека благочестивого, предложившего венчаться, совершенно ни в чем не повинного, тоже увезли в неизвестность на энкавэдэшных дрожжах...

И вот марксистский «призрак, бродивший по Европе», исчез, как хмарь после дождя. Теперь людям в нашей стране не препятствовали открыто верить в Бога. А ведь давно ли мама молилась тайком от сына, активного пионера, и просила заставшую ее за этим дочь ничего не говорить брату?

После перипетий 90-х и последующих лет Ю. Малышев ушел из 33-й школы и начал служить в Губернаторском кадетском корпусе МЧС, где и родился клуб «Соотечественники». И там же, в поселке Плотниково Промышленновского района, вскоре был освящен (тогда еще епископом Аристархом) домовый храм для кадет, офицеров, преподавателей и местных жителей. Важность этого события особо отметил Синодальный отдел по связям с Вооруженными силами и правоохранительными органами.

Как прорастало зерно веры в душе Ю. Малышева на его пути к Богу, – это тайна. Повлияла, наверное, и давняя, еще до армейской службы, поездка по городам «Золотого кольца». Он увидел Ростов, Суздаль,

Переславль-Залесский, Загорск (нынешний Сергиев Посад), Москву с храмом Василия Блаженного...

Как-то по совету знакомых Юрий Николаевич посетил храм преподобного Сергия Радонежского, возведенный у трассы из столицы Кузбасса на Ягуновку. Ягуновка... Кемеровская Голгофа... Теперь на месте массовых казней 1937–1938 годов стараниями священника Александра Москалева стоит мемориальная часовня. Ранее это место богоборческая власть хотела предать забвению, пустырь зарос ивами и сорняком. А сегодня здесь внуки и правнуки жертв страшных лет возносят молитвы по невинно убиенным, высаживают деревья. Часовня объявлена памятником архитектуры.

Храм Сергия Радонежского строился в 1990-х годах. Сначала рядом с будущим фундаментом стоял списанный железнодорожный вагон. Но – освященный, с алтарем. И вот пришел туда Юрий Николаевич один раз, другой, третий... И почувствовал себя прихожанином! Тогда же довелось ему услышать от протоиерея, кандидата богословия Николая Сергиевского, возглавлявшего епархиальный отдел религиозного образования и катехизации, слова поддержки и историю апостола Павла. И растаяли последние сомнения бывшего атеиста-романтика, родившегося в рубашке 12 июля – в День святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Жизнь новообращенного христианина обрела совершенно иной смысл. Вместо суетных будней он живет духом, мыслью о спасении души в ожидающей ее Вечности, любовью к Богу и ближним.

* * *

Сорок лет назад Юрий Николаевич Малышев женился на девушке, работавшей тогда секретарем комитета комсомола. Сейчас у него с супругой Людмилой Михайловной сын-офицер (выпускник КВВКУС) и внучко-школьник.

Школа № 33 ныне носит имя А. В. Бобкова – в честь заведующего гороно, фронтовика, руководившего довоенной школой с тем же номером. Сейчас в стенах громадного здания создается музей, рассказывающий о богатой новейшей (после новоселья) 30-летней истории учебного заведения. С фотографии Ю. Малышева начинается портретный стенд директоров. А один из залов музея (православный храм) посвящен первому архиерею Кузбасса – высокопреосвященнейшему архиепископу Софронию.

Приснопамятный владыко писал о выпавшем на наше время возрождении православной традиции в Кузбассе: «Какая удивительная жизнь была нам дана!» Очевидно, эти слова можно отнести и к совестливому, нравственно-возвышенному служению Юрия Малышева, доброго семьянина, чтущего друзей и коллег-педагогов, руководителя общественного воскресного клуба «Соотечественники».

г. Кемерово

155

**Вера
ТЮМЕРОВА**

ЖУРАВЛИНСКИЙ РИФМОВНИК ПОЭТА АЛЕКСАНДРА ИБРАГИМОВА

К 75-летию со дня рождения

У каждого поэта – свое внутреннее пространство. Там лучше всего творится, дышится, живет в стихе и стихом. Для поэта Александра Гумеровича Ибрагимова, родившегося 75 лет назад в городе Прокопьевске Кемеровской области, этим заповедным местом стал Журавлинский бор под Кемеровом и дачный поселок, приютившийся под его боком.

Удивительная атмосфера дружества царит там в окружении сосен, где веяло нагретой солнцем хвоей и удивительным чувством свободы.

Оказавшись в государстве цветов и трав, Александр Ибрагимов стал певцом дачной жизни, воссоздав в поэзии образ Журавлей, деревенского, дачного пригорода Кемерово. Мы видим эти места глазами лирического героя поэта – от рождения до возмужания.

Глазами мальчика, для которого весь Божий мир огромен и сосредоточен на маленьком клочке земли, вмещающем все и называющемся Журавлями. Родиной. Ведь «Родина... – это где я родился и долго-долго жил». Там, «как сновиденья, облака, и летние стоят века», во владениях «смородинового царя», трехлетнего сына поэта. Сжимая «осоковый клинок», идет он, «веселый государь», по землям своим.

*«Я выше земляники...» –
Идет-поет сынок,
И солнечные блики
Колышет голосок.*

Сказочное, былинное, мифопоэтическое пространство возникает из глубины веков, Киевской Руси, славянского прамира на берегах сибирской реки. И вот уже на небольшом уголке земли притаилось логово Змея Горыныча и обитель Жар-птицы, «гнездящейся на закатной сосне», а современный город кажется таким далеким и похожим на Мерцающее царство.

Мы видим журавлинские тропы и небеса глазами счастливого мужа и отца. Здесь вкусы и запахи

так ярки в мареве летнего полудня, рядом с лазурноглазой любимой.

*Чуть-чуть горчит твоя ладонь,
От пижмы в пламени теплыни, –
И медлю я бросать в огонь
Охапки голубой полыни.*

Здесь бесконечное лето перетекает в осень, живописную настолько, что у рябин – золоченые локти, словно это не деревья вовсе, а облитые летним загаром юные девушки.

Александр Ибрагимов. Рис. О. Чибисовой

Все драгоценно в этом заповедном месте, даже тишина. «Настоян бор на Божьем свете» – настоян и воздух в нем, сосновый и густой, словно в соборе кадило зажгли. Несется в зыбком ковчеге – снегопаде Журавлинский бор, «восторженно-соборный, как Слово Божие, просторный».

«Блаженный бор нерукотворный». Эпитет «блаженный» уже указывает на присутствие высшей силы. Она растворена в природе, в словах стихов, в душе человека. И человек, и природное бытие оказываются постоянно вписанными в круг Божественного существования.

«В соборе бора нет дверей». Он открыт всякому. В любое время года, зафиксированное чутким взглядом и словом поэта.

*И одинокий пешеход
Сырые созерцает фрески,
Соборный озирая свод.*

С благоговением лирический герой и сам поэт входит под своды его, чтобы прикоснуться Даров Святых, щедро в природе растворенных Господом: «В траве – пресолнечные лики / И кровь Христовой земляники».

Меняется время, меняется мир вокруг. И вот уже, наблюдая за жизнью Журавлинского бора, поэт с горечью замечает:

*Никто о боре не радуется –
И бор таинственно редет.
В прозрачных кронах бродит свет,
Летит хвоя, а тени – нет.*

Что-то случилось с Отчизной, раз такая красота погибает в геенне огненной:

*Словно сорвана крона в соборе,
И разохся иконостас,
И сквозит необъятное горе,
Неожиданное для нас.*

Природные катаклизмы связывает он с разладом внутреннего мира современного человека. Ощущая беззащитность бора, веря в незыблемость

«вечнозеленой крепости», поэт, как брата, просит его: не умирай...

В уголке сибирской земли – в Журавлинском бору проявляются, словно макрокосм в микрокосме, универсальные категории и мотивы существования человека вовне и внутри.

*Зелень бора и снег облаков,
Синевы раскаленная влага...
Вот и все, что пришло из веков,
Что, струясь, отражает бумага.*

Постигая тайны природы, сосредоточенные здесь, поэт постигает Божий мир, промыслы Создателя во всех проявлениях бытия.

Сколько людей ходило в свои времена по тропам Журавлинского бора, ступая на упругий ковер из хвои, опрокидывало взгляд свой в небесную чашу! Они творили здесь: писали стихи, фотографировали, рисовали. Любили. Жили.

Нет уже многих из тех людей. Журавлинский бор другой ныне. Но все же, «восторженно-соборный, как Слово Божие, просторный», остался он навсегда в журавлинском рифмовнике поэта. И каждый, любящий поэзию и малую родину свою, может к нему причаститься, открыв томик Александра Ибрагимова.

г. Кемерово

**Любовь
АРБАЧАКОВА**

НЕБЕСНЫЙ ПОЛЕТ

**О поэте Тайане Тудегешевой
(1957–2022)**

В конце XX века, по словам известного поэта и ученого Г. В. Косточакова, «появилась группа талантливых поэтов и прозаиков, которые вернули читателю неувядаемый, как выяснилось, аромат шорского поэтического слова, освежили своим светом и энергией красоту древнейшей шорской культуры». Тайана (Татьяна) Васильевна Тудегешева была одной из самых ярких звезд этой плеяды авторов. Уже сейчас очевидно, что эта поэтесса внесла огромный вклад в развитие шорской литературы. По мнению А. С. Сазыкина, в стихотворениях Т. Тудегешевой отчетливо звучит «голос истории, но не в конкретных – узнаваемых или называемых – событиях, а в ее вечном дыхании, которое так чутко и индивидуально воспринимает душа поэта».

Ее биографию вы найдете в других источниках, здесь мне бы хотелось рассказать о Тайане не только как о большом поэте, но и как о человеке.

Родилась она в семье учителя и поэта В. В. Каныштарова. В конце 1930-х годов его шорские стихи публиковались в газете «Кызыл Шор» («Красная Шория»), то есть Тайана – потомственный поэт. Детство свое она провела в красивейшем уголке Горной Шории – в поселке Усть-Анзас Таштагольского района. Сам древний поселок с песнями и сказками старинными под кай-комус и с шаманскими бубнами, ее семья большая, прекрасная природа, отдаленная в то время от цивилизации, с раннего детства волновали ее воображение. Она выросла и, как все одноклассники, отправилась в город, получила образование, работу, вышла замуж, родила деток. В общем, все было как у всех: днем работа, вечерами дети, муж. Она жила полноценной жизнью обычных людей. Пока однажды...

Пока однажды шорцы не открыли свои глаза, пока не поняли, что они такие же, как любой другой народ, – со своим языком, культурой, традициями. И стали появляться писатели! Первым всех вдохновлял Н. Е. Бельчегешев, позже – Г. В. Косточаков, в 1990-х годах стала писать свои стихи и я.

В то время я жила в студенческом общежитии. Мы с Татьяной (Тайаной) сблизились и часто общались у нее дома, и уже тогда она мне говорила: «Не пойму, но со мной что-то происходит, душа плачет!» Признавалась, что тоже пробует писать стихи, но никому не показывает.

В 1997 году меня приняли в Союз писателей, а Татьяна все еще писала для себя, не для публики. Мы с Л. И. Чульжановой предложили ей отправлять свои стихи в газету «Туган чер». И уже через два года, в 1999-м, она вместе со сказителями В. Е. Таннагашевым и В. Борискиным вступила в Союз писателей России. Это была и наша маленькая победа. Но мы понимали, что все впереди!

Тайана Тудегешева. Рис. В. Кострицкого

Все шорские поэты публиковались в этой газете, которая рассылалась лично Любовью Чульжановой по разным уголкам Шории, она же была и редактором этой газеты. Для начинающих писателей было большим счастьем публиковаться в этом издании. И получить от Л. Чульжановой положительный отзыв тоже было большим счастьем. А она

всегда всех хвалила, ободряла... Любовь Ильинична и сегодня остается такой же внимательной, чуткой. Низкий поклон ей!

Вы не представляете себе, наверное, какое счастье писать на родном языке, говорить о наболевшем, делиться с коллегами своими новыми стихами! Это было время творчества, радости, эйфории... Но время, увы, быстротечно. Сегодня мы потеряли одного из самых известных и интересных поэтов Горной Шории.

Тайана имеет неповторимый стиль, особую силу выражения чувств. Прежде чем что-то написать, она образно путешествует, как шаманы и сказители, по огромному пространству великих тюрок. Она умеет проникать в Пространство и Время. О своем мысленном полете по древним местам, о впечатлениях от встреч с воинами она пишет в цикле стихов «Сквозь столетий туман» (сборник «Небесный полет девятиглазых стрел»).

Путешествуя по родным краям, она слышит свист волшебных стрел, песни чудесной птицы кыйгылык... А еще натывается на озеро, спрятанное от всех в лесу. Его она называет темной водой: «И луны не знает темная вода. Темная пучина, темные года...» Тайана пытается разгадать: что же таит в себе эта сокровенная вода, которой не касаются ни лучи солнца, ни свет ночной луны? На что она способна? Закодированные слова: «темная вода», «молва», «ветка сломанная», «приюти» – направляют нас к личным чувствам и переживаниям поэта.

Она здесь говорит, возможно, о себе, о своем месте в поэтическом мире. А возможно, и о своем народе, который теряет язык, корни... Темное озеро застоялось; окруженное деревьями-великанами, оно забыто, покинуто, никому не нужно. Оттого оно стало отпугивающим, отталкивающим. Оно способно принять в себя лишь ветку сломанную, чью-то надломленную судьбу. Чтобы перенести в мир мертвых?

Смерть близкого человека Тайана также отражает в описании природы: «Ты ушел. Все так же пели птицы...» Человек умирает, а вокруг ничего не меняется: поют птицы, веселый свет струится. Но ее личная жизнь «травинкой надломилась». Вот и сейчас: она сама ушла, ушла навсегда, а в небе солнце, чуя весну, все ярче светит, птицы уже веселее поют. А мы, оставшиеся, травинкой надломились...

В первом сборнике Тайана Тудегешева посвятила мне стихотворение, в котором есть прекрасные слова:

*...В дни радостей так много лиц вокруг тебя,
А я крылам твоим дам силу – в час паденья.*

Прости, что в твой час паденья не успела представить тебе свои крылья, но они и не нужны были, ведь твоя душа устремилась ввысь, в небеса... Мы улетаем непонятно куда, но душа всегда где-то рядом!

г. Таштагол

**Ольга
ЦВЕТКОВА**

ПОРТРЕТЫ БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ

Слово об отце

Мой отец, Цветков Константин Алексеевич, воевал и вернулся с фронта. И никогда не забывал погибших однополчан, которые так и остались в его памяти молодыми...

Сам он ушел из жизни в 1996 году, незадолго до своего 75-летия. На долю отца, как и многих людей того поколения, выпало немало испытаний. Судьба забрасывала его в разные уголки страны, но большая часть жизни оказалась связана с Сибирью, где он стал художником-оформителем, графиком и живописцем.

Родился он 27 мая 1921 года в селе Визинга Коми АССР. Многодетная семья занималась сельским тру-

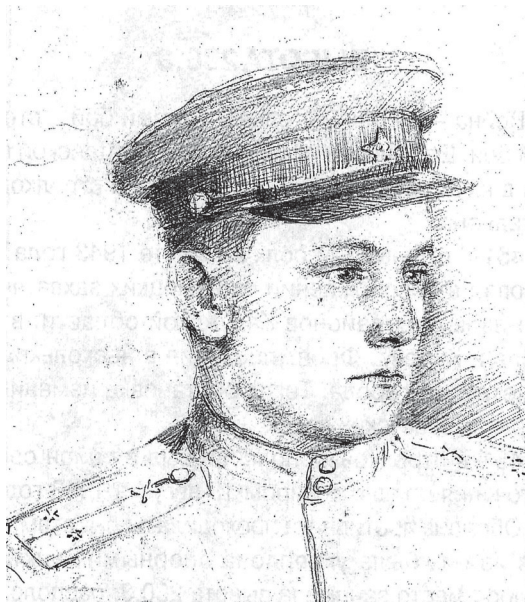
дом, папа с детства ловил рыбу. Жили неплохо, пока не развернулась коллективизация... Папе было 12 лет, когда вместе со своим отцом и дедом они переехали в Сибирь, в Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий), а через два года вся большая семья переехала в Кемерово, где была объявлена комсомольская стройка химкомбината. Окончив семь классов школы, папа поступил в Омское художественное училище, но в 1940 году был призван в армию на Дальний Восток, где и встретил войну. В 20-летнем возрасте стал курсантом пехотного училища и окончил его в июне 1942-го.

В пулеметном батальоне 109-го укрепрайона лейтенант Цветков был назначен командиром взвода. Рядом была граница, а за ней – территория Маньчжурии, занятая японцами. Обстановка на этом участке постоянно была напряженной. Хорошо запомнился отцу день 9 мая 1945 года. Они обустроивали огневые точки и окопы. А в полдень увидели, как бежит пограничник с криком: «Победа!» Собрали митинг, все были переполнены радостью.

8 августа начался обстрел японских позиций. Стоял невероятный гул, огневые трассы снарядов «капюш» перечеркивали небо. На небольшой высоте летели советские бомбардировщики, и было видно, как сыплются бомбы на объекты противника. Наши бойцы переправились на маньчжурский берег. До японцев оставалось метров 200–250. Разгорелся бой.

Витя Попов, курсант ВВПУ. 1942

Володя Могучев. 1944

Е. А. Мамонтов. 1942

«Ночь мы провели в японских окопах, – вспоминал отец. – Утром 10 августа похоронили троих наших товарищей. С этими ребятами мы служили три года, они были мне как родные. Пошел дождь, в окопах стояла вода по колено. На этой высоте мы провели двое суток. Затем прибыли на переправу. В городке Хутоу увидели настоящие следы войны: разрушены дома, повсюду валяются трупы людей и животных. Бои продолжались в течение десяти дней. За это время погибло много наших командиров и солдат, еще больше было раненых. Японцы дрались отчаянно, в плен не сдавались».

За боевые заслуги Константин Алексеевич Цветков был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Японией».

В декабре 1945 года он был назначен в звании капитана главным топографом дивизии и пробыл на этой должности до сентября 1946-го. Семь лет на Дальнем Востоке оставили в его душе глубокий след. Вместе с ним службу несли вятичи, пензяки, тамбовцы, рязанцы. После демобилизации расставались они как братья. Многих сослуживцев отец рисовал. Вполне возможно, что эти портреты до сих пор хранятся в их семьях.

Командир взвода саперов М. Балясников. 1945

Лейтенант Семен Пикалов
(погиб 12 августа). 1945

Санинструктор Зина

410-мм японская пушка. 1945

Владимир СОЛОВЬЕВ

Избранное. М.: «Советская Россия», 1990.
Три разговора.

Из «Разговора первого»

ГЕНЕРАЛ. Ну, если дело в личной совести, так позвольте вам доложить вот что. Я человек в нравственном смысле – как и в других, конечно, – совсем средних: не черный, не белый, а серый. Ни особенной добродетели, ни особенного злодейства не проявлял. И в добрых-то делах всегда есть загвоздка: никак не скажешь наверно, по совести, что тут в тебе действует, настоящее ли добро или только слабость душевная, привычка житейская, а иной раз и тщеславие. Да и мелко все это. Во всей моей жизни был только один случай, который и мелким назвать нельзя, а главное, я наверно знаю, что тут уже никаких сомнительных побуждений у меня не было, а владела мною только одна добрая сила. Единственный раз в жизни испытал я полное нравственное удовлетворение и даже в некотором роде экстаз, так что и действовал я тут без всяких размышлений и колебаний. И осталось это доброе дело до сих пор, да, конечно, и навеки останется, самым лучшим, самым чистым моим воспоминанием. Ну-с, и было это мое единственное доброе дело – убийством, и убийством немалым, ибо убил я тогда в какие-нибудь четверть часа гораздо более тысячи человек...

ДАМА. *Quelles blagues!*¹ А я думала, что вы – серьезно.

ГЕНЕРАЛ. Да, совершенно серьезно: могу свидетелей представить. Ведь не руками я убивал, не моими грешными руками, а из шести чистых, непорочных стальных орудий, самую добродетельную, благотворную картечью.

ДАМА. Так в чем же тут добро?

ГЕНЕРАЛ. Ну конечно, хоть я не только военный, а по-нынешнему и «милитарист», но не стану же я называть добрым делом простое истребление тысячи обыкновенных людей, будь они немцы или венгерцы, англичане или турки. А тут было дело совсем особенное. Я и теперь не могу равнодушно рассказывать, так оно мне всю душу выворотило.

ДАМА. Ну, рассказывайте скорей!

ГЕНЕРАЛ. Так как я об орудиях упомянул, то вы, конечно, догадались, что было это в последнюю турецкую войну. Я был при кавказской армии. После 3 октября...

ДАМА. Что такое 3 октября?

ГЕНЕРАЛ. А это было сражение на Аладжинских высотах, когда мы в первый раз «непобедимому» Гази-Мухтар-паше все бока обломали... Так после 3 октября мы сразу продвинулись в эту азиатчину. Я был на левом фланге и командовал передовым разведочным отрядом. Были у меня нижегородские драгуны, три сотни кубанцев и батарея конной артиллерии. Страна невеселая – еще в горах ничего, красиво, а внизу только и видишь, что пустые, выжженные села да потоптанные поля. Вот раз – 28 октября это было – спускаемся мы в долину, и на карте значит, что большое армянское село. Ну конечно, села никакого, а было действительно порядочное, и еще недавно: дым виден за много верст. А я свой отряд стянул, потому что, по слухам, можно было наткнуться на сильную кавалерийскую часть. Я ехал с драгунами, казаки впереди. Только вблизи села дорога поворот делает. Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные – не двигаются. Я поскакал вперед; прежде чем увидел, по смраду жареного мяса догадался: башибузуки свою кухню оставили. Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. <...> Уже всех подробностей рассказывать не стану. Только одно вот и теперь у меня в глазах стоит. Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, – лежит не обожженная и не ободранная, а только с искривленным лицом – явно от ужаса померла, – а перед нею высокий шест в землю вбит, и на нем младенец голый привязан – ее сын, наверно. <...> Тут на меня сначала какая-то тоска смертельная нашла, на мир Божий смотреть противно, и действую как будто машинально. Скомандовал рысью вперед, въехали мы в сожженное село – чисто, ни кола ни двора. Вдруг, видим, из сухого колодца чучело какое-то карабкается... Вылез, замазанный, ободранный, упал на землю ничком, причитает что-то по-армянски. Подняли его, расспросили: оказался армянин из другого села; малый толковый. Был по торговым делам в этом селе, когда жители собрались бежать. Только что они тронулись, как нагрянули башибузуки, – множество, говорит, сорок тысяч. Ну, ему, конечно, не до счета было. Притаился в колодце. Слышал вопли, да и так знал, чем кончилось. Потом, слышит, башибузуки вернулись и на другую дорогу переехали. Это они, говорит, наверно, в наше село идут и с нашими то же делать будут. Ревет, руки ломает.

Тут со мною вдруг какое-то просветление сделалось. Сердце будто растаяло, и мир Божий точно мне опять улыбнулся. Спрашиваю армянина, давно ли черти отсюда ушли? По его соображению – часа три.

– А много ли до вашего села конного пути?

– Пять часов с лишком.

– Ну, в два часа никак не догонишь. Ах ты, господи! А другая-то дорога к вам есть, короче?

– Есть, есть. – А сам весь встрепенулся. – Есть дорога через ущелья. Совсем короткая. Немногие и знают ее.

¹ Какие шутки! (фр.)

- Конному пройти можно?
- Можно.
- А орудиям?
- Трудно будет. А можно.

Велел я дать армянину лошадь, и со всем отрядом – за ним в ущелье. Как уж мы там в горах карабкались – я и не заметил хорошенько. Опять машинальность нашла; но только в душе легкость какая-то, точно на крыльях лечу, и уверенность полная: знаю, что нужно делать, и чувствую, что будет сделано.

Стали мы выходить из последнего ущелья, после которого наша дорога на большую переходила, – вижу, армянин скачет назад, машет руками: тут, мол, они! Подъехал я к передовому разъезду, навел трубку: точно – конницы видимо-невидимо; ну, не сорок тысяч, конечно, а тысячи три-четыре будет, если не все пять. Увидали чертовы дети казаков – поворотили нам навстречу – мы-то им в левый фланг из ущелья выходили. Стали из ружей палить в казаков. Ведь так и жарят, азиатские чудища, из европейских ружей, точно люди! То там, то тут казак с лошади свалится. Старший из сотенных командиров подъезжает ко мне:

– Прикажите атаковать, ваше превосходительство! Что ж они, анафемы, нас, как перепелок, подстреливать будут, пока орудия-то устанавливают. Мы их и сами разнесем.

– Потерпите, голубчики, еще чуточку, говорю. Разогнать-то, говорю, вы их разгоните, а какая ж в том сладость? Мне Бог велит прикончить их, а не разгонять.

Ну, двум сотенным командирам приказал, наступая врассыпную, начать с чертями перестрелку, а потом, ввязавшись в дело, отходить на орудия. Одну сотню оставил маскировать орудия, а нижегородцев поставил уступами влево от батареи. Сам весь дрожу от нетерпения. <...>

ДАМА. Как же кончилось?

ГЕНЕРАЛ. А кончилось по самому хорошему, без промаха! Ввязались казаки в перестрелку и сейчас же стали отходить назад с гиком. Чертово племя за ними – раззадорились, уж и стрелять перестали, скачут всей оравой прямо на нас. Подскакали казаки к своим сажень на двести и рассыпались горохом кто куда. Ну, вижу, пришел час воли Божией. Сотня, раздайся! Раздвинулось мое прикрытие пополам – направо-налево – все готово. Господи благослови! Приказал пальбу батарею.

И благословил же Господь все мои шесть зарядов. Такого дьявольского визга я отродясь не слыхивал. Не успели они опомниться – второй залп картечи. Смотрю, вся орда назад шарахнулась. Третий – вдогонку. Такая тут кутерьма поднялась, точно как в муравейник несколько зажженных спичек бросить. Заметались во все стороны, давят друг друга. Тут мы с казаками и драгунами с левого фланга ударили и пошли крошить как капусту. Немного их усакало – которые от картечи увернулись, на шашки попали. Смотрю, иные уж и ружья бро-

сают, с лошадей соскакивают, амана запросили. Ну, тут я уж и не распоряжался – люди и сами понимали, что не до амана теперь, – всех казаки и нижегородцы поубили.

А ведь если бы эти безмозглые дьяволы после двух первых-то залпов, что были им, можно сказать, в упор пущены – сажень в двадцати-тридцати, – если бы они вместо того, чтобы назад кинуться, на пушки поскакали, так уж нам была бы верная крышка – третьего-то залпа уж не дали бы!

Ну, с нами Бог! Кончилось дело. А у меня на душе – Светлое Христово Воскресение. Собрали мы своих убитых – тридцать семь человек Богу душу отдали. Положили их на ровном месте в несколько рядов, глаза закрыли. Был у меня в третьей сотне старый урядник, Одарченко, великий начетчик и способностей удивительных. В Англии был бы первым министром. Теперь он в Сибирь попал за сопротивление властям при закрытии какого-то раскольников монастыря и истреблении гроба какого-то их почитаемого старца. Кликнул я его. «Ну, – говорю, – Одарченко, дело походное, где нам тут в аллилуйях разбираться, будь у нас за попа – отведай наших покойников». А для него, само собой, первое удовольствие. «Рад стараться, ваше превосходительство!» А сам, бестия, даже просиял весь. Певчие свои тоже нашлись. Отпели чин чином. Только священнического разрешения нельзя было дать, да тут его и не нужно было: разрешило их заранее слово Христово про тех, что душу свою за други своя полагают. Вот как сейчас мне это отпевание представляется. День-то весь был облачный, осенний, а тут разошлись тучи перед закатом, внизу ущелье чернеет, а на небе облака разноцветные, точно Божьи полки собрались. У меня в душе все тот же светлый праздник. Тишина какая-то и легкость непостижимая, точно с меня вся нечистота житейская смыта и все тяжести земные сняты, ну, прямо райское состояние – чувствую Бога, да и только. А как стал Одарченко по именам поминать новопреставленных воинов, за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших, тут-то я почувствовал, что не многоглаголание это официальное и не титул какой-то, как вот вы изволили говорить, а что взаправду есть христоролюбивое воинство и что война, как была, так есть и будет до конца мира великим, честным и святым делом.

<...>

ГЕНЕРАЛ. <...> Так чиста моя совесть в этом деле, что я и теперь иногда от всей души жалею, что не умер я после того, как скомандовал последний залп. И ни малейшего у меня нет сомнения, что умри я тогда – прямо предстал бы перед Всевышним со своими тридцатью семью убитыми казаками, и заняли бы мы свое место в ряду рядом с добрым евангельским разбойником. Ведь недаром он там в Евангелии стоит.

Подготовил **Дмитрий Мурзин**

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЗНАКОМСТВА С ПРОЗОЙ «ОГНЕЙ КУЗБАССА» В 2021 ГОДУ

С большим интересом читал исповедальную автобиографическую повесть землячки Людмилы Ракузо «Когда мы жили на 43-м пикете», опубликованную во втором и третьем номерах журнала. Привлекает внимание она прежде всего конкретностью времени описываемых событий, места жительства, работы, портретами людей, с которыми автора сводила жизнь. И конечно, откровенностью души, закономерностью поступков, гордостью своей нестигаемостью и успехами, которым дивились бывшие сослуживцы, не верившие поначалу, что такое возможно. Показателен на примере семьи Ракузо драматизм выживания юргинцев (да и не только их), брошенных правительством Ельцина на произвол судьбы. Пожелал бы журналу давать таким материалам «про жизнь» постоянно зеленый свет, учитывая их читабельность.

В шестом номере внимание привлекла повесть-сказка совсем юного автора (едва за двадцать) Агаты Черепановой «Пасынки Агасфера». Это – слепок современного быта современной России.

...Рядом с недавно сданной под жилье десятиэтажкой кучи еще не вывезенного строительного мусора. И среди этого хлама ютятся у железной бочки, заменяющей печку (уже осень и холодно), трое плохо одетых людей. И каждому из них другими людьми, которым повезло поселиться в этой высотке, мысленно, а то и открыто присвоено презрительное клеймо «бомж».

Когда это слово вошло в повседневное употребление? Не ищите его ни у Даля, ни у Ожегова. Там, правда, есть родственное определению «бомж» старинное слово «бродяга», но это не одно и то же. Говорят, еще в 70-х годах прошлого века милиционеры вносили эту аббревиатуру («без определенного места жительства») в свои протоколы. Но в разговорной речи тех лет я этого слова не слышал. «Расцвело» оно в годы перестройки-катастрофы, когда с разрушением-приватизацией промышленных предприятий стали разрушать и систему государственной собственности жилья. С присвоением (ах, простите, приватизацией!) городских квартир, колхозно-совхозных коттеджей – без разбора, кому что досталось. И когда в людях начала открыто проявляться корысть, стали рваться родственные связи.

Агата Черепанова попыталась показать смену этих отношений «в декорациях жизни», рассказывая о судьбе своих персонажей. Тему бездомных

автор повести «Пасынки Агасфера», конечно, не открыл. Еще в начале двадцатого века людей, оказавшихся на обочине жизни, живописал в пьесе «На дне» Максим Горький. Агата Черепанова осовременила эту тему.

Кто же они, эти сегодняшние «пасынки Агасфера»? Это Максим Олегович Шереметьев по прозвищу Мятлик, бывший слесарь завода, человек предпенсионного возраста, несостоявшийся специалист-ботаник, обманутый, а затем отвергнутый родными, не нашедший сил бороться за свое человеческое достоинство. Это Артем Валерьев, бывший детдомовец, превратившийся в мелкого ворешку и наркомана. В их компании оказалась и пожилая узбечка, педагог-филолог Зилмат Алиевна Азимова (Кикимора), ушедшая от сына с невесткой, поняв, что стала для них лишней в доме... И вот эти люди, оказавшиеся «на дне», пытаются не только выжить сами, но и помочь другому человеку, разочарованному во всем талантливому литератору, решившему свести счеты с жизнью.

По ходу повествования равнодушные бомжи натываются и на черствых, равнодушных к судьбам других людей представителей власти (полицейский лейтенант Дробов Е. Г.), и на таких, кто им сочувствует (Даша Симонова, студентка-волонтер). В повести «Пасынки Агасфера», как и в пьесе «На дне», товарищи по несчастью, «члены невольного бездомного сообщества», мыслят, рассуждают, спорят...

Агата Черепанова не случайно снабдила свой текст подзаголовком «повесть-сказка». Значит, заканчиваться все должно счастливо. В эпилоге Даша обретает в спасенном писателе друга. Она же хлопот о лечении Артема. К Зилмат Алиевне приходил сын с женой и внуком, винулся. Нашлось дело и для деда Мятлика. Жаль, что подобное всеобщее счастье только в сказке и возможно!

Заинтересовали меня в том же шестом номере и рассказы Анатолия Кулемзина. Неприхотливые по форме, они интересны прежде всего фактами из жизни – а прожил автор немало, восемь десятков лет. И обладает завидной памятью и наблюдательностью.

Интересна история о бездомной собаке, помогавшей пастуху пасти стадо коров и даже после его смерти продолжавшей бескорыстную (никто ее не кормил) службу людям (рассказ «Просто собака»). Пропустим бывальщины «В иных мирах время течет по-иному», «Сокровенное сказание», «С империалистами лучше не связываться», эссе «Нирвана, что ли?». А вот о зарисовке «Об истоках сибирского буколического фольклора» немного скажем. Наслушавшись на фоне идиллической картины природы «пастушьих сочных ругательств, в которых печатными были только соединительные союзы», автор делает любопытный вывод: «Если бы не была Греция от Сибири так далеко, то, может, там не воз-

никло бы никакой буколической литературы. Но, слава богу, все есть так, как есть». Конечно, это юмористическая зарисовка. И материться, и щелкать бичом наверняка умели не только сибирские пастухи. Думаю, и греческие недалеко от них отстали. А если всерьез, говор сибиряков, прежде всего сельских жителей, богат и без мата. Шукшин не случайно мечтал создать словарь сибирского языка.

Ультрасовременным показался мне маленький рассказ Кулемзина «Современная бабуля» – о том, как торгующая на автотрассе дарами природы (ягоды, шишки, травы) шустрая баба Маня с годами превращается в «бизнес-леди» Марьяну Вольдемаровну. И товар ее разложен уже не на пеньке, а в солидной палатке, рядом с которой красуется розовая иномарка.

Рассказ «Я смотрел в эти глаза» – напоминание нам, «царям природы», о том, что природу надо беречь, если мы все-таки хотим остаться людьми.

И наконец, рассказ о таинственном горном озере, которое автор еще в детстве случайно увидел издали в турпоходе по Кузнецкому Алатау. Причем увидел только он. Ни школьные товарищи (тогда), ни взрослые геологи, топографы, охотники (потом) не могли подтвердить существование этой сибирской «Земли Санникова».

Вызывает уважение упорство, с которым герой рассказа ищет «свое» озеро. Даже спустя многие годы он не оставляет попыток достичь заветной цели. Наконец уже вдвоем с сыном он находит этот малюсенький водоем, спрятанный за скалой, которая и мешала увидеть «мертвое озеро», по всем признакам – кратер потухшего вулкана. Но о месте нахождения этого «затерянного мира» отец и сын решают не рассказывать никому...

Виктор ЧУРИЛОВ,
г. Юрга

ПО ПОЭТИЧЕСКИМ СТРАНИЦАМ «ОГНЕЙ КУЗБАССА»

Густо, плотно – в тугое гнездо скрученные – стихи А. Денисенко заиграют силами природы, тонко прочувствованной, остро ощущаемой:

*Черный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень,
Нарыдавшись, вплетет в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.*

*Там на небе цвета побежалости,
Разливаясь в причудливый свет,
Просияют печалью и жалостью,
Для которых названия нет.*

Черное смешается с белым, загорятся новые краски, и поэзия словно раскроет свои крылья – волшебные крылья Жар-птицы над реальностью.

М. Федорова предложит стих шаловливо-детский, наивный, оттеночно-богатый:

*я нашла себе манишку
в объявлениях на авито
у меня такая в школе
только с пуговкой была*

*я нашла себе манишку
и поехала купила
вот хожу и удивляюсь
разве детство продают*

Не продают, но возвращаться может богатыми картинками – простыми и грустными, ведь не вернуть...

Поэзия А. Тихонова переполнена своеобразием ассоциаций, вспыхивающих тугими волокнами строчек-образов:

*Вывав из горла города лязг и скрип,
Поезд сорвался с места, беря разгон.
В городе N ипотека у всех и грипп.
В городе N прицепили пустой вагон.*

Все срывается с мест, в хаотическом движении так просто себя потерять, однако поэзия дисциплинирует сознание, и мысли поэта, выраженные через тугие наливов строчек, вполне подтверждают сие.

Поэзия Хабарова возникает сгустками своегообразного восприятия, где страна становится рубашечкой, и рубашечка эта обносится:

*Привет, страна моя льняная,
Моя рубашечка-страна,
В тебе родился я, родная,
И обносил тебя сполна.
Давно бы мне сменить одежду,
Совлечь особенную статью –
Да не найду никак застежку...*

Элемент неожиданности велик в поэзии Хабарова, и элемент этот пронизан подлинностью заглядывания в бездны – столь опасные, сколь и сулят разнообразие поэтическое.

...Разные поэтические имена сходятся на страницах «Огней Кузбасса», разные световые вспышки определяют бытование поэтов, но есть и роднящее: чувство поэзии как высоты и своеобразие дара – который есть своеобразное поручение – дали, значит, надо донести.

Александр БАЛТИН,
г. Москва

ОДИННАДЦАТЬ МУЖСКИХ ЛИЦ

(отрывок из «Литературной газеты», 2022, № 3)

Александр Денисенко («Огни Кузбасса», 2021, № 1) – самобытный поэт, с одной стороны, стихийный, а не рассудочный авангардист, оригинально использующий разнообразные стихотворные приемы: от элементов визуальной поэзии до семантических «смещений» и так далее, с другой – поэт подлинных чувств, лирик, русская глубинная традиция и фольклорность для него органичны. Даже в его стихах с оттенком наива чувствуешь глубину. Впрочем, новатором был и Есенин, но из-за эмоциональной силы его стихов мы обычно этого не замечаем.

*Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
Осень кидается в речку Сартык...*

Сельский лирик? И да, и нет. Нельзя не заметить в стихах Денисенко легкого ретроаромата первой волны русской эмиграции и одновременного влияния городского романа:

*Облака, что столпились у церкви,
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой цветущей во рту.*

«Взгляд офицерский» уводит в бунинские темные аллеи... Однако в любовной лирике Денисенко узор отношений определяет не чувственность, а чувство, не случайность, а рок:

*Эти брови платком не сотрешь
И не смоешь водой голубую,
А полюбишь – без них пропадешь,
А разлюбишь – так станут судьбою.*

Стихи Денисенко бродят по Сети, их копируют, запоминают, строки отделяются от автора и живут.

Мария БУШУЕВА,
г. Москва

РЕЧНАЯ КИНОХРОНИКА В «КИЙСКОМ ДНЕВНИКЕ» МАКСИМА ДОЛГОВА

Огромное впечатление на меня, на моих дочерей и сына произвел «Кийский дневник» Максима Долгова («Огни Кузбасса», 2021, № 4), опубликованный в рубрике «Заповедная Сибирь». Волнительные, искренние записки в такой же замечательной рубрике.

В данном случае – рассказ о четырехдневном 70-километровом сплаве на лодках братьев Максима и Андрея и их сыновей по реке Кии.

Имя этой реки обязано своим происхождением тюркскому слову «ки» – скала. Наши красивейшие кузбасские места: шоколадно-розовые скалы, темно-зеленые стены леса на крутых склонах. «Разноцветные камни плавно проплывают под нами. Огромный текущий аквариум. Всеобщий восторг. Вода несет нас как в кино. Мы чувствуем себя зрителями, которым неведомый оператор прокручивает ленту уникальных береговых панорам. Мы загипнотизированы этим равномерным, неостановимым ходом речной кинохроники».

И мы, читатели, загипнотизированы вместе с автором и другими участниками «экспедиции». И тоже очарованы незабываемыми ночевками в лесу, свистом бурундука, стрекотом кузнечиков. И тоже восхищаемся летним дождем, и приключениями на реке, и «золотом» Кундата. И наши собственные сплавы сразу вспомнились.

Много лет назад мы сплавились по речке Яе на двух лодках – двое взрослых с тремя детьми. Тоже авантюрная затея. Я и не представляла тогда, что река так петляет... А дочка Галя в юности совершила сплав с друзьями по Золотому Китату, где они и под дождь тоже попадали. А я еще вспомнила сплав по горной Катунь на Алтае лет пять назад. С опытным проводником и самой простой категории сложности. Но сколько адреналина я тогда получила!

И вновь, читая записки Максима Долгова, представляла, фантазировала. И книгу Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», и фильм по ней прокручивала в голове с их сплавом. И повесть Владимира Чивилихина «Серебряные рельсы» с трудными осенними сплавами изыскателей. Спасибо, Максим Николаевич!

Татьяна АРЫШЕВА,
заведующая библиотекой
МБОУ «Яйская СОШ № 2»

ТЕПЛЫЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Читая журнал за прошедший 2021 год, я остановилась на рассказе Михаила Тарковского «Черный бык» («Огни Кузбасса», 2021, № 4). Он меня сразу заинтересовал. Автор описывает дни у бабушки в деревне. Он рассказывает, как бабушка спасла его от быка, заслонила собой. А я вспомнила себя восьмью – десяти лет, когда я и моя сестра приходили в деревне к нашей бабушке. И она тоже рассказывала нам сказки. По вечерам мы выходили на улицу и смотрели на стадо коров.

Бабушка Михаила Тарковского напомнила мне мою родную бабушку. Я считаю, что этот рассказ понравится всем, кто жил в деревне, кто проводил там летние каникулы. Взрослым людям будет приятно

вспомнить теплые и забавные истории своего детства. Да и младшее поколение будет с интересом читать эти деревенские истории.

Вика ТКАЧЕВА,

10-й класс МБОУ «Яйская СОШ № 2»

ПОДОЛЬШЕ ПОБЫТЬ С ЛЮБИМЫМИ

В четвертом номере «Огней Кузбасса» за 2021 год я бы отметила несколько публикаций.

Маленькие рассказы Владимира Крупина подкупили своей непосредственностью. Понравилась. Рассказ «Зеркало» рассмешил меня. Рассказ «Катина буква» напомнил мне себя в детстве. Да и сейчас еще бывают моменты, когда нужно что-то ответить и объяснить, а не знаешь как. И никто тебя не понимает...

Услышав о шести неизвестных письмах Евгения Буравлева, которые напечатаны в «Огнях Кузбасса», я с интересом прочитала их. Мне понравилось, как автор выражает свою любовь к девушке Валентине, Занозке.

Стихотворения Анатолия Иленко больше о деревне. Поэт дает понять, что нужно жить сегодняшним днем. И неважно, какой сегодня день, главное, чтобы ты радовался даже мелочам. Многие его стихотворения, особенно «Вчера отсеяли овсы...», перенесли меня на десять лет назад, когда мы с братьями выходили к полю смотреть, как комбайнеры убирают урожай. А иногда я могла наблюдать за уборкой и из самой кабины. Это было весело, эмоции переполняли меня. И сейчас, читая это стихотворение, я будто пишу его от своего лица, смотрю со стороны и записываю. Автор напоминает мне моего дядю, из чьей кабины мы и наблюдали за всем. Дядя любил природу, учил нас видеть красивое в окружающем. Часто мы с ним наблюдали за всем, что вокруг. Мне это оставило теплые воспоминания из детства. И это стихотворение я буду перечитывать не раз и не два, но-стальгируя по ушедшим дням.

Еще одно понравившееся стихотворение Анатолия Иленко – «В обратность лет нам не дано вернуться». Да, не дано, а жаль. Я согласна с автором, но хотела бы хоть ненадолго вернуться в прошлое. И побыть с теми, с кем не получалось побыть дольше...

Тамара ЧЕРНИКОВА,

10-й класс МБОУ «Яйская СОШ № 2»

КУЗБАССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Электронный журнал «Литература» в 170-м номере за октябрь 2020 года в разделе «Драматургия» напечатал произведения кузбасских авторов. В этой рубрике издательского проекта читатель может познакомиться с сочинениями «Демиглас» Ана-

стасии Кондриной из Кемерово, «В гостях у сказки» Игоря Назарова из Киселевска и «ВКЛ ВЫКЛ» Кристины Гортман из Ленинска-Кузнецкого.

Несмотря на разность тем и объектов внимания, централизирующим элементом служит злободневная картина мира. Каждый из драматургов внимательно изучил методики построения театрального «здания». А это значит, что драма в Кузбассе жива! И разные жанры: комедия (И. Назаров), трагедия (А. Кондрина) и собственно драма (К. Гортман) – в текущий момент продолжают свое формирование. Каждая из этих классических манер изложения претерпевает определенные видоизменения.

* * *

Комедия Игоря Назарова «В гостях у сказки» насыщена многими элементами иронии. Название обыгрывает советское восприятие чиновничьих кабинетов в народе. Интересно, что происходит централизация сказочной реальности и нынешнего дня: советские чиновники помещаются в волшебную действительность и объясняют актуальную реальность. Как следует из краткой биографической справки, автор застал советские условия, поэтому и сравнивает две эпохи.

«В гостях у сказки» – вариант толкования современной оптимизации, когда Настенька вдруг превращается в Аленушку. Так обозначен и юридический прецедент в том числе, автор ведь юрист по образованию. В образе Фея показано, как в советское время многие дела решал не сам руководитель какого-либо учреждения, а его секретарь.

Тяжесть произведения заключается в том, что в одной фабуле драматург в кучу нагружает части разных сказок: здесь оказываются и русские народные, и авторские сюжеты. Сумбурное нагромождение всевозможных фрагментов представляется как злободневный театр абсурда. Централизация разного по стилистике времени говорит о его отсутствии внутри Управления сказок и фэнтези. Взгляд на проблему сквозь чародейство есть аналог сарказма. И вся комедия Игоря Назарова имеет форму сатиры.

В драме Кристины Гортман на фоне ускоренного разложения семьи в наши дни обрисована картина формирования патриархального насилия и манияльно-депрессивной безысходности. Леонид Семинихин – глубоко одинокий человек. Таким его сделала перенесенная в детстве онкология, которая дала ему право на инвалидность. Персонаж уединен в себе через социальный статус. И он представлен в момент душевного и семейного кризиса.

«ВКЛ ВЫКЛ» – детская игра, позволяющая герою, несмотря на свои 36 лет, отключаться от реальности. Несостоятельность этого образа заключается в том, что закрыть-то глаза можно на любую проблему, однако никакая проблема сама себя не

решит – параграф не выучится, учебник куда не исчезнет.

Существует масса вариантов указанного действия: например, с младенцем – закрыть перед ним лицо руками и с улыбкой открыть. Автор играет с читателем, как с ребенком, сравнивая с ним взрослую часть населения (с инвалидностью). И это большая проблема – что инвалидов не научили взрослеть. Таких семинихиных по стране куча. Они выросли с инвалидностью, но не повзрослели. Это и есть «потерянное поколение», которое появилось после Первой мировой войны. О таких людях впервые заявили Эрих Мария Ремарк, Эрнест Хемингуэй, Джон Дос Пассос и другие писатели начала XX века, юнцами окунувшиеся в пучину боевых действий. Их было очень много и после Великой Отечественной, о них просто не принято было говорить. Такие же люди до сих пор собираются в обществах ветеранов Афганистана.

В пьесе используются современные телевизионные технологии. Не случайно, как указано в краткой биографической справке в конце пьесы, драматург учился во ВГИКе. Так, настоящее, то есть Тимоха

(сын Леонида и Ларисы), встречается с прошлым (Леонидом 14 лет), как сегодня часто делают сценаристы в фильмах.

Постмодернистская вариативность проглядывает также в элементах расставания. Запрограммировав отца в этой встрече на благое восприятие матери, Тимоха не мог предугадать, что разлад произойдет по ее инициативе. Так, семья – работа по сохранению любви не только одного человека.

Трагедия Анастасии Кондриной «Демиглас» выводит процедуру формирования маниакальной наклонности в «тихой» личности, а это есть отражение живого человека. Герой бунтует против цифровизации творчества «кухонной мелодии». Драматург иллюстрирует известную русскую пословицу: «В тихом омуте черти водятся». Фонетическое оформление передает греческую коннотацию названия, объясняя психиатрический термин. И к финалу у главного героя Антона происходит нервный срыв.

Михаил КАЛИНИН,

г. Югра

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

С 20 декабря по 10 января на волнах радио «Кузбасс FM» в рамках праздничной акции «Мандариновое настроение» свои стихи читали лучшие кузбасские поэты. В рамках эфирного проекта «Поэзия зимы», инициатором которого выступил радиоведущий А. Ахметшин, волшебную атмосферу зимы, Нового года и Рождества создавали трогательными и искренними произведениями С. Адодин, Б. Бурмистров, С. Донбай, Е. Краснова, А. Пятак, Е. Солодянкина, К. Стафиевский, Ю. Сычева, Л. Чидилян и Е. Вольф. «Для нас было особенно важно, что все авторы представляли свои стихи сами, ведь каждая авторская подача уникальна и неповторима. Ну а мы, в свою очередь, постарались украсить эти удивительные строчки соответствующей музыкой, которая дополняла поэтические образы и дарила слушателям поистине праздничное настроение» (Макс Климов, главный редактор радио «Кузбасс FM»).

Подведены итоги II Всероссийского открытого детского литературного конкурса «Алый парус вдохновения» (Челябинск). Отличились участники клуба молодых поэтов и прозаиков «Алые паруса» Центральной библиотеки пос. Трудармейского Прокопьевского МО (руководитель С. Верман) Я. Пахомов (второе место) и В. Усольцева (дипломант).

20 января в Ленинске-Кузнецком прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России Дмитрием Клёстовым (Гурьевск).

21 января в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса». Прозу представили победительница конкурса «Оперение» А. Черепанова, А. Кулемзин, С. Чиняев, В. Лаврина. М. Брюзгина читала стихи из своей подборки. Поэт А. Новиков из Липецка прислал видеообращение к читателям журнала. О своем материале рассказал Е. Чириков. Вел встречу главный редактор журнала С. Донбай.

23 января исполнилось 10 лет со дня основания православного культурно-исторического общества «Духовные традиции земли Кузнецкой». За эти годы имело место участие в строительстве храмов, крестных ходах, написании икон, православных конференциях. По инициативе Союза писателей России, культурно-исторического общества и Кузбасской митрополии создана икона Покров Пресвятой Богородицы над землей Кузнецкой, учреждена православная литературная премия им. св. Павла Тобольского. Деятельность общества получала благословение и высокую оценку патриархов Алексия II и Кирилла.

24 января в библиотеке им. Г. Юрова в рамках программы «Краеведческая мозаика» поэт Д. Мурзин провел мастер-класс «Зачем мы пишем» с учениками 16, 34 и 46-й школ.

26 января в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло первое заседание Совета молодых литераторов Кузбасса при Союзе писателей России под руководством председателя совета Д. Филиппенко. Состоялось знакомство членов СМЛ, обсудили изменения, произошедшие в городах Кузбасса после проекта «На честном слове», назначили ответственных за ведение страниц СМЛ в соцсетях. Присутствовали представители Ленинска-Кузнецкого, Белова, Киселевска, Прокопьевска, Юрги, Калтана, Тайги, Березовского. Следующее заседание наметили в Киселевске.

27 января в Кузбасском центре искусств на Дзержинского, 6 в рамках Всероссийской акции «Блокадный хлеб» совместно со сторонниками и активом Центра поддержки гражданских инициатив состоялась встреча под названием «900 дней подвига». Перед воспитанниками детского дома № 105 выступили кузбасские поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, С. Чернопятков. Они прочли свои произведения о Великой Отечественной войне, после чего ребята посмотрели документальный фильм о блокадном Ленинграде.

28–29 января поэт Д. Мурзин принял участие в работе IV Международного арт-фестиваля памяти В. С. Высоцкого «Я только малость объясню в стихе...». Он был членом жюри фестивального конкурса и поэтического слэма, выступил на поэтических чтениях.

30 января в помещении Новосибирского отделения Союза писателей России в рамках проекта «Люди в лифте» поэт Д. Мурзин выступил перед участниками творческой мастерской «Лифт», представил журнал «Огни Кузбасса».

31 января поэт Д. Филиппенко стал дипломантом премии «Литературной газеты» «За верность Слову и Отечеству» им. А. Дельвига.

14 февраля в библиотеке им. И. Киселева прошел вечер, посвященный журналу «Огни Кузбасса». Ответственный секретарь журнала Д. Мурзин рассказал читателям историю становления журнала и сделал обзор последних номеров.

18–20 февраля в Омске прошел Всероссийский семинар-совещание «Мы выросли в России», в котором участвовал член СМЛ Кузбасса А. Лавицкая (Салаир).

3 марта в библиотеке им. И. Киселева состоялась встреча читателей и студентов Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства с поэтами Б. Бурмистровым, С. Донбаем и Д. Мурзиным. Поэты прочитали стихи, ответили на вопросы, подавали журнал «Огни Кузбасса».

3 марта поэты Б. Бурмистров и С. Донбай выступили перед учениками 71-й гимназии. Читали стихи, подавали книги и журналы.

14 марта в библиотеке им. Г. Юрова отмечали 85-годовщину со дня рождения Геннадия Юрова. Литературный клуб «Твое тепло – мое тепло», библиотекари и поэты С. Донбай, Б. Бурмистров и Д. Мурзин вспоминали юбиляра, читали стихи.

15 марта поэты С. Донбай и Д. Мурзин выступили на вечере памяти Г. Юрова на Красной Горке.

16 марта во Всероссийском обществе слепых прошел мемориальный вечер, посвященный 85-летию поэта Геннадия Юрова. На вечере выступили С. Донбай и Д. Мурзин.

17 марта в библиотеке им. Г. Юрова в рамках программы «Краеведческая мозаика» поэт Д. Мурзин провел мастер-класс «Как подготовить рукопись» с учениками 16, 34 и 46-й школ.

18 марта в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло три поэтических встречи в рамках акции «Крымская весна». Перед школьниками и студентами Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства выступили поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, И. Фролова, Д. Филиппенко и Д. Мурзин.

19 марта в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей Донецкой Народной Республики, членом Союза писателей России А. Ревякиной (Донецк). Вечер был организован СМЛ Кузбасса при поддержке управления культуры Ленинск-Кузнецкого городского округа. На встрече присутствовали зрители из пяти городов: Ленинска-Кузнецкого, Белова, Березовского, Кемерово и Полысаево.

20 марта в Новокузнецке в ЦГБ им. Н. В. Гоголя в рамках проекта «Публичные лекции о литературе» состоялась лекция кандидата педагогических наук А. Сазыкина «Потому что поэзия не публицистика», посвященная творчеству поэта, члена Союза писателей России Александра Раевского и его новой книге «Золотой жук».

21 марта в ДК «Родина» г. Полысаево на музыкально-поэтическом вечере во Всемирный день поэзии прошла творческая встреча поэта С. Улановой с учащимися школ города.

24 марта в областной библиотеке им. В. Федорова прошла встреча поэта С. Донбая с учащимися Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства.

26 марта в Ленинске-Кузнецком в ЦГБ им. Н. К. Крупской состоялась творческая встреча с поэтом Ю. Татаренко (Новосибирск).

29 марта в библиотеке Всероссийского общества слепых прошла встреча поэтов С. Донбая и Д. Мурзина с библиотекарями в рамках работы по созданию аудиокниги, посвященной 80-летию С. Донбая.

29 марта в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 в рамках встреч в студии «Притомье» прошел юбилейный творческий вечер поэта Е. Красновой. Поэт и гости читали стихи Екатерины, бардовский дуэт А. и Т. Болотовых «Де'СанТ» исполнил песни на стихи юбиляры. Открыл вечер руководитель студии «Притомье» Д. Мурзин.

31 марта в детской библиотеке им. А. Гайдара состоялась встреча с учащимися Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства, посвященная стихам о городе. Поэт С. Донбай представил свою книгу «Мы нарисуем город словом». Ответил на вопросы, подарил ребятам журнал.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Альманах «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский) за 2021 год опубликовал подборки **Б. Бурмистрова** («Родительский день»), **С. Донбая** («Воля»), **Д. Мурзина** («Вот не надо!»).

Журнал «Начало века» (Томск) № 1 за 2022 год напечатал подборку **А. Раевского** «Осенний свет к земле прильнет...».

Журнал «Отчий край» (Волгоград) № 1 опубликовал подборку **Д. Филиппенко** «Подростки дремлют поперек эпохи».

Журнал «Подъем» (Воронеж) № 2 напечатал подборку **А. Раевского** «Свет вечерний».

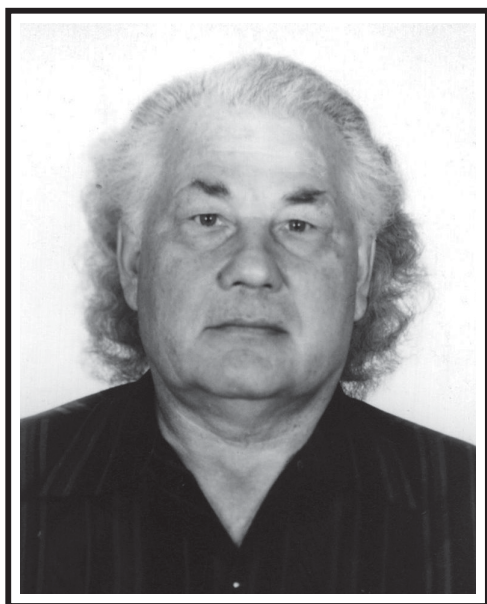
В сборнике «Будем жить» (Новосибирск, 2022) вышли стихи **С. Донбая**, **В. Коврижных**, **Д. Мурзина**.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Поташов В. Нулевое биение. – Кемерово: Вектор-Принт, 2022. – 388 с.

Литературный альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). – 2022. – № 1. – 100 с.

Дубровская Н. Здравия желаю! – Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2022. – 107 с.

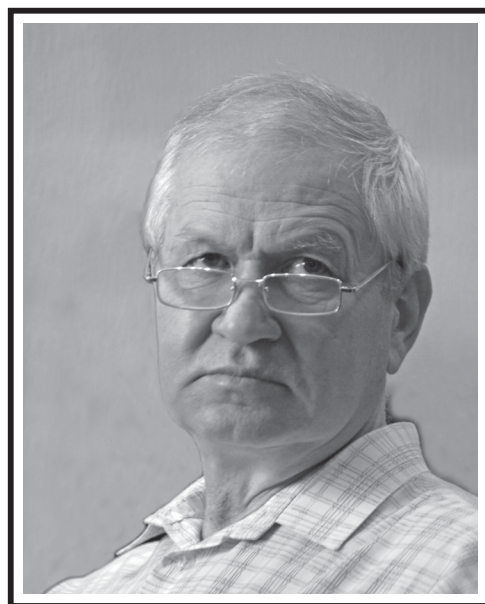

31 марта в Прокопьевске на 78-м году ушел из жизни член Союза писателей России, прозаик, поэт, публицист

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ АНОХИН.

Уроженец села Калары Таштагольского района, выпускник литературной студии при Союзе писателей Алтайского края, командир отделения пожарного расчета, Михаил Петрович Анохин был одним из организаторов и руководителей забастовочного движения шахтеров Кузбасса (1989). Из-под его пера вышло много социально значимых произведений: повесть «Записки забастовщика», книги «Иудеи и власть», «Эстетика зла», «Лбом о стену», «Из пропасти духа», «Мерцающая аритмия» и др. Написанная в 2005 году повесть «Только память» стала лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» как лучшая проза года. В 2013 году Михаил Анохин стал лауреатом премии журнала «Огни над Бией», победителем литературного конкурса «Энергия творчества». В 2014 году – дипломант Берлинского фонда «Литературное наследие» в номинации «За художественное мастерство и высокую гражданскую позицию» и Берлинского международного литературного конкурса «Лучшая книга». В 2015–2016 годах Михаил Анохин – автор мультимедийных изданий «Трещина», «Возьми и неси», исторического романа «Осколки разбитого зеркала», детектива «Проклятая повесть».

Коллектив Кузбасского центра искусств и Кемеровское областное отделение Союза писателей России выражают искренние соболезнования родным и близким Михаила Петровича.

12 апреля из Санкт-Петербурга пришла прискорбная весть о том, что умер поэт, прозаик, детский писатель, кандидат психологических наук, член Союза писателей России

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ХОХЛОВ.

Коренной кемеровчанин, сибиряк, последние годы по семейным обстоятельствам и болезни жил в Санкт-Петербурге. Александр Андреевич – автор поэтических сборников «Это я несу букет», «Именины сердца», сборников рассказов «Свадьба на излете», «Оверлок», книжек для детей «Лесной народец», «Знакомые босикомые», «Про девочку Лизу, собачку Батяню и елку Наташу».

Друзья и читатели ценили его за талантливые строчки, легкий слог и доброжелательный юмор.

*Прокатилась молва:
В поле выросла халва.
Что за глупые слова?
В поле не растет халва.
Там пшеница и овес.
Нет халвы. А жаль до слез.*

Мир праху твоему, дорогой сибиряк!

Кемеровское областное отделение Союза писателей России выражает искренние соболезнования родным, близким и друзьям Александра Андреевича.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, АО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 2. Дата выхода в свет: 08.06.2022
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 436. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**
Верстка: **Е. К. Метякова**

Представление журнала «Огни Кузбасса» № 1 за 2022 год

Андрей Королев

Андрей Правда

Андрей Назаров

Аня Пронкевич

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40